8 107
6 147
XXV.

801-05
1678

АРХИВЪ
КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

XXV

КНИГА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

МОСКВА.
—
1882.

АРХИВЪ КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

ГЛАВНѢЙШІЯ СТАТЬИ.

КНИГА ПЕРВАЯ. Личныя бумаги императрицы Елисаветы.—Дневная записка Коллегіи Иностр. дѣлъ 1742 г.—Письма кн. Кантемира къ гр. М. Л. Воронцову.—Письма принцессы Цербской Іоанны Елисаветы къ гр. М. Л. Воронцову.—Дѣло о Шетарди (Перлюстрація депешъ). *Со снимками.*

КНИГА ВТОРАЯ. Переписка графа А. П. Бестужева-Рюмина съ графомъ М. Л. Воронцовымъ.—Перлюстрація писемъ о заговорѣ маркиза Ботты.—Письма Миниха.—Письма гр. М. Л. Воронцова къ императрицѣ Елисаветѣ.—Бумага о побѣгѣ въ чужіе края Д. В. Волкова.

КНИГА ТРЕТЬЯ. Служебный журналъ гр. М. Л. Воронцова.—Письма Ѳ. Д. Бехтѣева къ гр. М. Л. Воронцову. — Коржавины. — Объ арестѣ Лестока.—Переписка гр. М. Л. Воронцова съ гр. А. Г. Головкинымъ.—Бумаги о покушеніи на жизнь императрицы Елисаветы.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ. Дѣло о студентѣ Маріамскомъ.—Секретная посылка Веймарна и Шпрингера 1752.—Записка гр. М. Л. Воронцова о Семилѣтней войнѣ 1759.—Дневникъ докладовъ Коллегіи Иностр. Дѣлъ съ отзывами имп. Елисаветы.—Письма гр. М. Л. Воронцова и его супруги къ ихъ дочери.—Письма Ломоносова къ гр. М. Л. и Р. Л. Воронцовымъ.—Письмо герцога Голштинскаго къ Елисаветѣ Петровнѣ.

КНИГА ПЯТАЯ. Автобіографическая записка графа А. Р. Воронцова.—Письма гр. М. Л. Воронцова къ гр. А. Р. Воронцову.—Письма княгини Дашковой, Радищева и Вольтера къ гр. А. Р. Воронцову.

КНИГА ШЕСТАЯ. Доклады Коллегіи Иностр. Дѣлъ.—Переписка гр. М. Л. Воронцова съ Ѳ. Д. Бехтѣевымъ, И. И. Шуваловымъ и пр. — О взятіи Берлина Русскими войсками, *съ планомъ.*

КНИГА СЕДЬМАЯ. Доклады Елисаветинской конференціи.—Бумаги объ измѣнѣ гр. Тотлебена.—Переписка гр. Воронцова съ Н. И. Панинымъ.—Бумаги о тайной перепискѣ имп. Елисаветы съ Людовикомъ XV-мъ.—Конференціи при Петрѣ III-мъ и въ перв. полугодіе при Екатеринѣ.—Переписка гр. М. Л. Воронцова съ Екатериною II-ю.—Замѣчанія кн. Дашковой на книгу Рюльера. *Съ портретомъ графа М. Л. Воронцова.*

АРХИВЪ
КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

XXV.

АРХИВЪ

КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

БУМАГИ РАЗНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1882.

2007089563

СОДЕРЖАНІЕ

ДВАДЦАТЬ ПЯТОЙ КНИГИ АРХИВА

КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

Стр.

...вательно изслѣдованныя и изысканныя причи-
...нъ правленія въ домѣ Романова..... 1
...овное завѣщаніе князя Аникиты Ивановича
..., 1726 года..... 51
...исьмо князя Никиты Волконскаго, мужа Аграфе-
...етровны Бестужевой, шута при Аннѣ Іоанновнѣ,
Митавы, Сентября 4 дня 1727 года..... 59
...V. Реестръ отобраннымъ письмамъ, которыя между
...рочими взяты были въ Слѣдственную Коммиссію изъ до-
ма бывшаго кабинетнаго министра Остермана и принад-
лежатъ до Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. 60
V. Sur les événemens du règne de Jean III, et des régences du duc de Courlande et de la princesse Anne de Meklembourg; sur la révolution qui a placé l'impératrice Élizabeth sur le trône de Russie etc. De annis 1740—1748. .....
a) Extraits. .....
1. 18 Октября 1740 81
2. 22 Октября 1740 82

Стр.
3. 29 Октября 1740 82
4. безъ числа 84
5. 1 Ноября 1740 84
6. 5 Ноября 1740 84
7. 8 Ноября 1740 85
8. 12 Ноября 1740 87
9. 21 Ноября 1740 87
10. 22 Ноября 1740 90
11. 26 Ноября 1740 90
12. 3 Декабря 1740 94
13. 13 Декабря 1740 94
14. 7 Января 1741 95
15. 14 Февраля 1741 96
16. 15 Марта 1741 96
17. 1 Апрѣля 1741 96
18. 4 Апрѣля 1741 97
19. 8 Апрѣля 1741 97
20. 11 Апрѣля 1741 97
21. 13 Мая 1741 97
22. 3 Іюня 1741 98
23. 27 Іюня 1741 98
24. 1 Іюля 1741 98
25. безъ числа 99
26. 29 Іюля 1741 99
27. безъ числа 99
28. 19 Августа 1741 99
29. 26 Августа 1741 99
30. 7 Октября 1741 100
31. 7 Декабря 1741 100
32. 9 Декабря 1741 100
33. 9 Декабря 1741 103
34. безъ числа 104
35. безъ числа 105
36. 12 Декабря 1741 105
37. 30 Декабря 1741 106
38. Безъ числа 106
39. 27 Января 1742 107

Стр.

40. 30 Января 1742. 107
41. 3 Февраля 1742 109
42. 15 Февраля 1742 110
43. 3 Марта 1742 110
44. Москва, 12 Апрѣля 1742 110
45. Москва, 14 Мая 1742 111
46. 14 Іюня 1742 111
47. 7 Ноября 1742. 112
48. Петербургъ 5 Февраля 1744 112
49. Москва, 9 Іюля 1744 112
50. Москва, 12 Іюля 1744 113
51. Москва, 27 Іюля 1744 114
52. 11 Декабря 1742 114

VI. Portrait du comte de Woronzow 1748. 115
VII. État de la famille du duc de Brunswic 1748. . . . 115
VIII. La cour de Russie vis-à-vis des puissances étrangères . . . . . .

а) Дѣла Вѣнскаго двора. 1748 117
б) Дѣла Англіи. 1748 117
в) Дѣла Голландіи. 1748. 118
г) Дѣла Даніи. 1748. 118
д) Дѣла Саксоніи и Польши. 1748 118
е) Дѣла Пруссіи. 1748. 119
ж) Дѣла Франціи. 1748 119
з) Дѣла Швеціи. 1748. 119
и) Восточныя дѣла. 1748 120

IX. L'arrêt et disgrâce du comte de L'Estoq, de ans 1748—1749. 121

1. 23 Ноября 1748 124
2. 26 Ноября 1748 126
3. Безъ числа 128
4. 30 Ноября 1748 129
5. 3 Декабря 1748. 129
6. 7 Декабря 1748. 130
7. 10 Декабря 1748. 130
8. 17 Декабря 1748. 132

Стр.

9. 28 Декабря 1748. 131
10. 31 Декабря 1748. 132
11. 30 Января 1749 132
12. Москва, 20 Февраля 1749 133
13. *Письмо Фридриха Великаго* г-ну Аммону въ Гагу. Берлинъ, 11 Января 1749 134
14. Статья, напечатанная во Французскихъ и Фламандскихъ газетахъ. Берлинъ, 11 Января 1749. 136

X. Предложеніе профессора Вилленборна Елисаветѣ Петровнѣ. Стокгольмъ, 24 Мая 1741. 137

XI. Переводъ съ Татарскаго письма Кель-Махомеда Уракова, содержащагося въ тайной канцеляріи. 1746. . . 139

XII. Доношеніе статскаго совѣтника Михаила Аврамова императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. 21 Ноября 1749. 149

XIII. Прошеніе графа М. П. Бестужева-Рюмина. Ноября 1743. 160

XIV. Всенижайшее доношеніе оберъ-гофмаршала дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Бестужева Рюмина. Изъ Дрездена, отъ (1) 12 Апрѣля 1749. 163

XV. Письмо графа М. П. Бестужева-Рюмина къ графу М. Л. Воронцову. Изъ Вѣны, Ноября (3) 14-го 1750. . . . 166

XVI. Изъ писемъ графа П. Г. Чернышова къ графу М. Л. Воронцову

1. Октября 8 дня 1743 года. Берлинъ 170
2. Ноября 5 дня 1743 года. Берлинъ. 173

XVII. Извѣстіе, какимъ образомъ принятъ былъ въ Синодѣ нововыѣхавшій архіерей изъ Грузіи. 175

XVIII. О Грузинскомъ митрополитѣ Аѳанасіѣ. 178

XIX. Переводъ съ Грузинскаго письма къ Елисаветѣ Петровнѣ. 179

XX. Письмо Грузинскаго митрополита Аѳанасія къ графу М. Л. Воронцову. Іюня 9 дня 1754 года. 181

XXI. Реляція надворнаго совѣтника и резидента Обрѣзкова изъ Перы Константинопольской, отъ 26 Іюня 1754

Стр.

года съ примѣчаніемъ канцлера графа Бестужева, объ опасности войны съ Турками 183

XXII. Донесеніе графа А. П. Бестужева императрицѣ Елисаветѣ о поимкѣ секретаря Д. В. Волкова, 5 Декабря 1754 200

XXIII. Копія съ инструкціи, данной отъ канцлера Астраханскаго пѣхотнаго полка сержанту Григорію Головину, о поимкѣ Д. В. Волкова. Декабря 4 дня 1754 года.. 201

XXIV. О строеніи Зимняго дворца. Указъ Сенату. (1755). 203

XXV. Докладъ объ иностранцахъ 206

XXVI. Проектъ манифеста о вызовѣ иностранцевъ въ Россію 207

XXVII. Карточный счетъ П. И. Шувалову 213

XXVIII. Изъ писемъ Неплюева къ графу М. Л. Воронцову.

1. Оренбургъ, Генваря 27 дня 1754 214
2. Оренбургъ, отъ 13 Октября 1755. 215

Примѣчаніе графа М. Л. Воронцова о Неплюевѣ. 216

Записка въ публичную экспедицію Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ для высочайшаго извѣстія 216

XXIX. Гетманъ графъ Разумовскій и А. В. Олсуфьевъ, о Малороссійскихъ дѣлахъ. 1754—1755. 217

XXX. Переводъ съ представленія Ея Императорскому Величеству отъ его императорскаго высочества великаго князя, поданнаго канцлеру въ 1-й день Февраля 1760 года оберъ-камергеромъ Брокдорфомъ о Голштиніи. Въ С.-Петербургѣ, 27 Генваря 1760 года 226

XXXI. Мать Екатерины Великой:

1. Переводъ съ письма къ Ея Императорскому Величеству отъ ея свѣтлости вдовствующей принцессы Ангальтъ-Цербской изъ Парижа отъ 29 Апрѣля новаго стиля, полученнаго въ 16 день Мая 1760 года. 229
2. Переводъ съ письма къ канцлеру отъ ея свѣтлости вдовствующей принцессы Ангальтъ-Цербской изъ Парижа отъ 30 Апрѣля, полученнаго въ 16 день Мая 1760 года ... 231

Стр

3. Копія съ письма къ канцлеру отъ дѣйствительнаго камергера князя Голицына, изъ Парижа, отъ 13 Апрѣля, полученнаго въ 16-й день Мая 1760 года. 233
4. Описаніе болѣзни принцессы Ангальтъ-Цербской. 235
5. Переводъ съ письма къ ея императорскому высочеству отъ ея свѣтлости вдовствующей княгини Ангальтъ-Цербской, изъ Парижа отъ 30 Апрѣля новаго стиля, полученнаго въ 16-й день Мая 1760 года 236

XXXII. Ébauche du portrait de l'imp. Élizabeth . . . 239

XXXIII. Присяга Петру Третьему въ Москвѣ. (1761) . 248

XXXIV. Представленіе графа М. Л. Воронцова императору Петру Третьему о необходимости конференціи . . 251

XXXV. Relation de la révolution arrivée en Russie le 6 Juillet 1762 255

XXXVI. Lettre de m-r Boudenaër à m-r Bergsma sur la révolution de 1762. С.-Петербургъ, 13 (2) Іюля 1762. . . 264

XXXVII. Описаніе состоянія дѣлъ во время государыни императрицы Елисаветы Петровны (соч. графомъ М. Л. Воронцовымъ, въ Іюлѣ 1762) 272

XXXVIII. Записка о политическихъ отношеніяхъ Россіи въ первый годъ царствованія Екатерины Великой. (Неизвѣстнаго сочинителя). 313

XXXIX. Вопросы Екатерины II-й и отвѣты канцлера графа М. Л. Воронцова о политическихъ дѣлахъ. 334

XL. Мнѣніе графа А. И. Бестужева-Рюмина о классахъ Малороссійскимъ чинамъ, съ изъясненіями на каждый пунктъ того мнѣнія отъ гетмана графа Разумовскаго. 340

XLI. Записка о Малой Россіи:. 350

О происхожденіи народа Малороссійскаго 350
Начало казаковъ Запорожскихъ 351
Откуда имя Малой Россіи?. 354
Причины отступленія отъ Польши Малой Россіи 354
О непорядкахъ, которые происходятъ отъ чиновниковъ Малой Россіи. 357
О умаленіи казаковъ и посполитыхъ войсковыхъ. 358

Стр.
О ревизіяхъ. 359
О расхищеніи посполитыхъ дворовъ 361
О умаленіи казаковъ 362
О правахъ Малороссійскихъ 365
О различіи правъ Малороссійскихъ 365
О неудобствѣ, что казаки съ посполитами перемѣшаны въ деревняхъ. 375
О вольномъ переходѣ 379

XLII. Своеволіе гвардейцевъ (1767):

Письмо Екатерины II-й къ фельдмаршалу графу Бутурлину отъ 9 Марта 1767. Москва 382
Рапортъ А. В. Олсуфьева отъ. 383
Въ 8 день Марта 1767 года 390

XLIII. Отвѣты графа А. П. Бестужева-Рюмина на вопросные пункты Екатерины Великой. о политическихъ дѣлахъ.

С.-Петербургъ, Іюля 27 дня 1762 г. 392

XLIV. Копія съ письма къ канцлеру графу М. Л. Воронцову отъ секретаря Бакунина, отъ 26-го Ноября 1760 года, о Мангеймскомъ дворѣ и его владеніяхъ 400

XLV. Deux lettres de impératrice Caterine II à Stanislas Poniavowski, 2 et 9 août 1762 414

XLVI. Изъ записокъ короля Станислава Понятовскаго:

1. Proposition importante de Kayserling à moi. 426
2. Anecdote relative à mon élection 428
3. Mission de Nostitz 430

XLVII. Стихи Вольтера съ намёкомъ на возможность брака Екатерины съ Станиславомъ Понятовскимъ 431

XLVIII. Два частныя письма изъ времени Пугачовщины, 13 Августа и 1 Сентября 1774 432

XLIX. Два письма о Россеіи и объ Екатеринѣ Великой, изъ бумагъ Рюльера 437

L. Письмо Сенака де Мелана объ Екатеринѣ Великой. 443

LI. Историческія черты и извѣстія, касающіяся Екатерины II-й 452

Стр.

LII. Письма Екатерины II-й къ графинѣ Александрѣ Васильевнѣ Браницкой:

Царское Село, 20 Іюня 1782 461
С.-Петербургъ, 6 Августа 1782 462
С.-Петербургъ, 10 Февраля 1783 463
С.-Петербургъ, 16 Февраля 1783 463
Безъ числа 464
С.-Петербургъ, 14 Февраля 1785 464
Царское Село, 1 Мая 1788 465
С.-Петербургъ, 22 Апрѣля 1790 46
Царское Село, 29 Іюля 1790 46
С.-Петербургъ, 16 Сентября 1791 467
С.-Петербургъ, 3 Октября 1791 467
С.-Петербургъ, 19 Октября 1791 467
С.-Петербургъ 11 Ноября 1791 468

LIII. Донесеніе графа Ю. Ю. Броуна Екатеринѣ II й о крестьянскихъ волненіяхъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ 469

Смилтенъ, 15 Іюня 1784 469

LIV. Письма о конч. Шведскаго короля Густава III-го. 472

LV. Оправдательная записка барона Игельштрома (1794) 495

LVI. Свободныя мысли гражданина пожилаго и отечество свое любящаго 502

ОСНОВАТЕЛЬНО ИЗСЛѢДОВАННЫЯ

и

ИЗЫСКАННЫЯ ПРИЧИНЫ ПЕРЕМѢНЪ ПРАВЛЕНІЯ

ВЪ ДОМѢ РОМАНОВА.

ПРЕДЪУВѢДОМЛЕНІЕ.

Я не намѣренъ теперь описывать здѣсь полную исторію Россійскихъ царей, императоровъ и императрицъ изъ все пресвѣтлѣйшаго дома Романова, но только покажу истинныя, и въ исторіяхъ недостаточно или неисправно изъясненныя, причины восшествія ихъ на престолъ. Въ послѣднюю мою бытность въ Санктпетербургѣ отъ 1761-го по 1765-й годъ старался я изслѣдовать ихъ съ неусыпнымъ стараніемъ и къ открытію безъизвѣстныхъ нашелъ случаи, которые рѣдко охотникамъ историческихъ наукъ встрѣчаются. Знатоки Россійской исторіи легко усмотрѣть могутъ, въ чемъ мои донесенія отъ прежнихъ разнятся; ибо я не желалъ ни себя, ниже читателей моихъ обременять опроверженіемъ ложныхъ повѣствованій. Я безъ сомнѣнія по сей части могъ и долженъ былъ употреблять книги, но отнюдь не выправлялся и не приводилъ иныхъ, кромѣ которыхъ можно было истинными почесть источниками. Времена, по обыкновенію Россіянъ, назначалъ я по старому календарю, и имена старался выписывать такъ, какъ они пороссійски выговариваются.

Бишингъ.

---

§ 1.

Въ 20-й день Мая 1606 года единодушно царемъ и великимъ княземъ Всероссійскимъ избранный князь Василій Ивановичъ Шуйскій, который изъ великокняжескаго произошелъ дома и ревностными коего стараніями первый Ложный Димитрій свергнутъ, равно какъ и Россія отъ опасности папескаго и Польскаго ига освобождена, принужденъ былъ, не взирая на оное, въ 17-й день Іюля 1610 года оставить престолъ и постричься въ монахи, а наконецъ выданъ онъ Полякамъ и умеръ въ Гостинѣ въ заточеніи.

Послѣ того царскій престолъ находился два мѣсяца празднымъ, и бояре управляли всѣми государственными дѣлами. Хотя они 17-го числа Августа избрали царемъ Владислава, сына короля Польскаго Сигизмунда; но какъ по пріѣздѣ его въ Москву, Поляки частію нарушали, частію же не исполняли постановленныхъ при избраніи его условій, то Россіяне уже въ началѣ 1611 года стали помышлять свергнуть съ себя иго Поляковъ и избрать себѣ царя изъ собственной націи.

§ 2.

Сего выбора нельзя было прежде учинить, пока Поляки не были изгнаны изъ Россійской Имперіи, и особливо изъ столичнаго града оныя, причемъ прошло почти два года. Наконецъ, сіе желанное освобожденіе отъ Поляковъ воспослѣдовало, и собравшіеся въ Москвѣ чины Россійской Имперіи приступили къ 21-й день Февраля 1613 года къ выбору новаго царя: однакожъ они возвели на Россійскій пре-

столъ не Шведскаго принца Карла Филиппа, который ласкался было къ тому надеждою, по Михаила Ѳедоровича Романова.

§ 3.

Сей былъ правнукъ Романа Юрьевича Захарина, котораго древній и славный дворянскій родъ оказалъ государству въ мирныя и военныя времена заслуги въ знатнѣйшихъ степеняхъ достоинствъ. Клинъ, родовое его помѣстье, лежалъ въ Юрьевской области, и въ Новоспасскомъ монастырѣ въ Москвѣ погребены всѣ его предки. Въ то время фамильныя имена рѣдко употреблялись, но обыкновенно называли по именамъ отца и прадѣда, при крещеніи данными. Романъ Юрьевичъ Захаринъ имѣлъ двухъ примѣчательныхъ дѣтей, а именно боярина Никиту Романовича Юрьева и Анастасію Романовну. Сія была первая супруга царя Іоанна Васильевича и мать царя Ѳеодора Ивановича; а боярин Никита Романовичъ Юрьевъ, скончавшійся 23-го Апрѣля 1586 года и имѣвшій въ супружествѣ Суздальскую княжну Евдокію Александровну, оставилъ послѣ себя пять сыновей и четыре дочери. Боярин Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ достопамятнѣе всѣхъ изъ его сыновей. Какъ Россійскіе, такъ и иностранные писатели исторіи повѣствуютъ, что умирающій царь Ѳедоръ Ивановичъ назначалъ его своимъ наслѣдникомъ престола, поелику онъ былъ старшій сынъ брата его матери. Хотя онъ и не получилъ Россійскаго престола, однако за отличныя его качества, тѣлесныя и душевныя, любимъ и почитаемъ былъ всею Россійскою націею, по какой причинѣ новоизбранный царь Борисъ Годуновъ его весьма опасался. Вскорѣ потомъ сей нашелъ желанный случай его, купно съ

братьями, сестрами и зятьями, сослать въ ссылку, на вѣчное осудить заточеніе, и нѣкоторыхъ изъ его родственниковъ казнить смертію. Ѳедоръ Никитичъ Романовъ сосланъ въ монастырь св. Антонія Свирскаго въ Архангелогородской губерніи, гдѣ противъ воли своей постриженъ монахомъ и проименованъ Филаретомъ. Супруга его Аксинія Ивановна, дочь князя Ивана Петровича Сицкаго, пострижена монахинею подъ именемъ Маѳы и отправлена въ лежащую на той сторонѣ Онежскаго озера деревню, получивъ при томъ дозволеніе оставить при себѣ шестилѣтняго сына своего Михаила Ѳеодоровича.

Все сіе происходило въ 1600 году. Первый Ложный Димитрій оказалъ еще сію заслугу дому Романову, что онъ въ 1605 году, по коронованіи своемъ, избралъ Филарета митрополитомъ Ростовскимъ, а супругѣ его и сыну приказалъ пристойное давать содержаніе въ Ипатскомъ монастырѣ въ Костромѣ. Въ 1610 году Филаретъ, купно съ князьями Голицынымъ и Мезецкимъ, отъ собранныхъ въ Москвѣ бояръ и дворянъ отправлены депутатами къ Польскому королю Сигизмунду, который однакожъ всѣхъ трехъ плѣнниками отослалъ въ Польшу. Великія несчастія претерпѣнныя Филаретомъ замѣнены ему чрезъ то, что, во время пребыванія его въ плѣну въ Польшѣ, сынъ его Михайло Ѳедоровичъ Романовъ избранъ царемъ и великимъ княземъ, который, вымѣня его у Поляковъ, пожаловалъ потомъ патріархомъ Россійскимъ, въ какомъ достоинствѣ онъ и умеръ въ 1633 году.

§ 4.

Сей новый царь и благополучный насадитель племени Россійскихъ монарховъ изъ дому Романова взялъ себѣ въ супружество въ первый бракъ, 19-го Сентября 1624 года.

княжну Марію Владимировну Долгорукую, которая въ 16-й день Генваря 1625 года скончалась, а во второй бракъ Евдокію Лукьяновну Стрѣшневу; онъ скончался въ 12-й день Іюля 1645 года.

Наслѣдникомъ престола по немъ былъ сынъ его Алексѣй Михайловичъ, который отъ двухъ супругъ многихъ достопамятныхъ дѣтей имѣлъ. Отъ первой, по имени Маріи Ильиничны Милославской, было у него пять сыновей и семь дочерей, и отъ другой, по имени Натальи Кириловны Нарышкиной, только одинъ сынъ и одна дочь. Къ дѣтямъ отъ перваго брака принадлежатъ царевичи Ѳедоръ Алексѣевичъ и Иванъ Алексѣевичъ, и царевны Софія Алексѣевна и Марія Алексѣевна; дѣти же отъ втораго брака суть: Петръ Алексѣевичъ и Наталія Алексѣевна.

§ 5.

По немъ вступилъ въ правленіе четырнадцатилѣтній сынъ его Ѳеодоръ Алексѣевичъ, который, при восшествіи своемъ на престолъ, обнародовалъ манифестомъ, что умирающій отецъ его назначилъ своимъ наслѣдникомъ престола. Сей мудрый монархъ, который наилучшія оказалъ намѣренія къ благоустроенію имперіи, и особенно одолжено ему государство за то, что онъ, по совѣщанію великаго министра своего князя Василья Васильевича Голицына, такъ названныя по одному изъ верховныхъ въ Россіи судовъ разрядныя книги отмѣнилъ и уничтожилъ, и крайне вредные для государства споры о преимуществахъ фамилій прекратилъ совершенно, сочетался бракомъ въ 18-й день Іюля 1680 года съ Агаѳьею Семеновною Грушецкою, урожденною Полячкою: когда же она спустя годъ, умерла въ родахъ, то онъ въ

15-й день Февраля 1682 года вступилъ въ другой бракъ съ Маѳою Матвѣевною Апраксиною (которая умерла 14-го Генвара 1716 года и которои братъ графъ Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ былъ великимъ адмираломъ), но при всемъ томъ скончался онъ 27-го числа Апрѣля 1682 года бездѣтенъ

§ 6.

Видя, что братъ его Иванъ Алексѣевичъ къ правительствованію неспособенъ, назначилъ онъ, прежде своей кончины, брата своего Петра Алексѣевича, рожденнаго въ 20-й день Мая 1672 года, и слѣдовательно которому еще десяти лѣтъ возраста не было, наслѣдникомъ престола. Но властолюбивая царевна Софія Алексѣевна, желая вступить въ регенство, старалась чрезъ посредниковъ своихъ бояръ Ивана Михайловича Милославскаго, Александра Милославскаго, Ивана Толстова и полковниковъ Циклера и Озерова, подучить стрѣльцовъ (благоустроенное воинство, учрежденное царемъ Иваномъ Васильевичемъ) къ возмущенію, на которомъ они, по ея наставленію, многихъ знатныхъ особъ, воли ея сопротивлявшихся, побили. Сіе возмущеніе началось 15-го числа Мая и продолжалось три дня. Слѣдствіе отъ онаго было то, что царевичи Иванъ Алексѣевичъ и Петръ Алексѣевичъ объявлены вмѣстѣ царями, съ тѣмъ, чтобы и царевна Софія Алексѣевна равномѣрное въ правленіи принимала участіе Цари коронованы 25-го числа Іюня, и хотя царевна Софія Алексѣевна была тоже правительница, однакожъ по 1687 годъ допустила она всѣ указы выпускать и издавать токмо отъ имени двухъ царей. Но въ означенномъ году начала и она подписываться подъ ихъ именами, и чаятельно около сего времени вышли впервыя золотыя и серебряныя мо-

цеты, на которыхъ съ передней стороны изображены грудные портреты царей Ивана Алексѣевича и Петра Алексѣевича, а наоборотъ грудной портретъ царевны Софіи Алексѣевны съ короною на главѣ и со скипетромъ въ правой рукѣ, а притомъ и съ надписью вокругъ: самодержица Большія и Малыя Россіи.

Сей образъ правленія продолжался до Сентября мѣсяца 1689 года, въ которомъ царевна Софія Алексѣевна лишилась своего регентства и принуждена была пойти въ монастырь. Поводомъ къ сему важному происшествію были слѣдующія обстоятельства. Когда царь Петръ Алексѣевичъ въ началѣ сего года, а именно 27-го числа Генваря, сочетался бракомъ, то онъ вскорѣ послѣ сего положилъ намѣреніе присутствовать въ государственномъ совѣтѣ, гдѣ царевна Софія Алексѣевна обыкновенно предсѣдательствовала. Сія съ великимъ неудовольствіемъ взирала, что царь Петръ Алексѣевичъ началъ ѣздить въ совѣтъ, и какъ они оба отъ природы горячаго сложенія были, то нерѣдко весьма жестокія между ими происходили словопренія. Съ того времени царевна Софія Алексѣевна, возненавидѣвъ царя Петра Алексѣевича, положила намѣреніе его погубить. Новое происшествіе понудило ее къ скорѣйшему исполненію своихъ убійственныхъ замысловъ противъ его жизни. Въ 8-й день Іюля оба царя поѣхали въ соборную церковь, желая посмотрѣть церковный ходъ съ иконою Казанскія Богоматери. Царевна Софія Алексѣевна тоже туда пріѣхала; но какъ царь Петръ Алексѣевичъ не хотѣлъ, чтобъ она тутъ находилась, то и родилась между ими сильная ссора. Когда же царевна Софія Алексѣевна осталась при своемъ намѣреніи, то царь Петръ Алексѣевичъ, вышедъ изъ церкви, уѣхалъ обще со своею супругою и матерью въ село Коломенское, лежащее въ семи верстахъ отъ

Москвы. Послѣ чего царевна твердо положила, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше погубить царя Петра Алексѣевича, и ея повѣренный, по прозванію Щегловитой, котораго она въ 1683 году сдѣлала главнымъ надъ стрѣльцами начальникомъ, взялся произвесть сіе убійство въ дѣйство. Заговоръ былъ совершенъ въ началѣ Августа мѣсяца, и около сего времени царь Петръ Алексѣевичъ переѣхалъ изъ Коломенскаго въ Преображенское подъ Москву. Туда, ночью отъ 7-го на 8-е число, пришли четверо стрѣльцовъ, которые къ числу заговорщиковъ принадлежали, и открыли царю, что въ сію же ночь хотятъ его, обще съ матерью, супругою и сестрою Наталіею Алексѣевною, погубить. По полученіи сего извѣстія царь неукоснительно со всею фамиліею и находившимися при немъ придворными особами уѣхалъ изъ Преображенскаго въ монастырь Св. Троицы, отстоящій въ 60 верстахъ отъ Москвы и огражденный крѣпкою стѣною, валомъ и рвомъ. Заговорщики, приступя къ Преображенскому, услышали, что царь уѣхалъ, и потому возвратились въ Москву обратно. Напротивъ того, къ царю Петру Алексѣевичу пріѣхали многіе знатные бояра, дворяне и солдаты, такъ что онъ никакого больше не могъ имѣть опасенія. Царевна Софія Алексѣевна, видя свой замыселъ неопроверженъ, хотѣла принесть оправданіе, и на тотъ конецъ просила у царя Петра Алексѣевича дозволенія изустно съ нимъ изъясниться. Но царь Петръ Алексѣевичъ не желалъ совсѣмъ съ нею видѣться, а требовалъ, чтобы она приказала выдать ему Щегловитаго. Царь Иванъ Алексѣевичъ равномѣрно преклонялъ ее на то, послѣ чего Щегловитый выданъ царю Петру Алексѣевичу, признался въ своемъ преступленіи и казненъ. Подобнымъ образомъ наказаны также нѣкоторые стрѣльцы; но къ царевнѣ Софіѣ Алексѣевнѣ послано повелѣніе, дабы она без-

замедлительно изъ царскаго дворца выѣхала и на всю жизнь свою переселилась въ Новодѣвичій монастырь, гдѣ, будучи противъ воли своей пострижена монахинею, названа Сусанною. Послѣ сего, 11-го числа Сентября, всенародно объявлено, чтобы впредь, во всѣхъ публичныхъ указахъ и другихъ запискахъ, писать однихъ токмо царей Ивана и Петра Алексѣевичей, и симъ образомъ регенство царевны Софіи Алексѣевны окончилось совершенно.

§ 7.

Царь Иванъ Алексѣевичъ скончался 29-го Генваря 1696 года, и отъ супруги своей Прасковьи Ѳедоровны Салтыковой, съ которою сочетался бракомъ 9-го Генваря 1684 года, оставилъ трехъ дочерей, а именно Екатерину Ивановну, рожденную 19-го Октября 1691 года, Анну Ивановну, рожденную 28-го Генваря 1693 года, и Прасковію Ивановну, рожденную 24-го Сентября 1694 года. Царь Петръ Алексѣевичъ сочетался бракомъ 27-го Генваря 1689 года съ первою супругою своею Евдокіею Ѳедоровною Лопухиною, отъ которой 18-го Февраля 1690 года родился царевичь Алексѣй Петровичъ, которой, будучи законной наслѣдникъ престола, съ самого младенчества своего великую обѣщевалъ надежду. Но какъ его родительница, за нескромную ревнивость на обхожденіе супруга ея съ дѣвицею Монсъ, пришла въ немилость, которыя слѣдствіемъ было заточеніе ея въ монастырь въ 1699 году, то и царевичь, будучи отъ родителя своего возненавиденъ, имѣлъ 26-го числа Іюня 1718 года весьма плачевной конецъ своей жизни, чему виною главнѣйше былъ князь Меншиковъ, какъ о томъ императоръ Петръ II-й, много лѣтъ спустя, въ сообщенномъ отъ него къ нѣкоторымъ

дворамъ извѣстіи объяснялся. Царевичь Алексѣй Петровичъ имѣлъ отъ супруги своей Шарлоты Христины Софіи, урожденной принцессы Брауншвейгъ-Волфенбительской, скончавшейся 20-го Октября 1715 года, двухъ дѣтей, а именно рожденную 23-го Іюля 1714 года царевну Наталію Алексѣевну, и рожденнаго 10-го Октября 1715 года царевича Петра Алексѣевича. Царь Петръ Алексѣевичъ взялъ къ себѣ послѣ бывшую вторую супругу свою Екатерину, уже въ 1705 году, и не токмо тогда, но и два года спустя потомъ привержена она еще была къ Евангелическо-Лютеранскому закону, и нарочно для нея построена была церковь въ Санктпетербургской крѣпости. Послѣ того приняла она Россійской Греческой законъ, родила царю 1708 года царевну Анну и 1709 года царевну Елисавету, въ 1712 году торжественно сочеталась съ нимъ бракомъ и 28-го или 29-го числа Октября 1715 года разрѣшилась отъ бремени цесаревичемъ Петромъ Петровичемъ, котораго царь Петръ Алексѣевичъ въ 26-й день Февраля 1718 года публичнымъ манифестомъ объявилъ будущимъ наслѣдникомъ престола; но какъ онъ былъ весьма слабаго здоровья, то къ величайшему прискорбію царскаго дома умеръ 25-го Апрѣля 1719 года.

§ 8.

Кончиною царевича Петра Петровича желанія и намѣренія царя Петра Алексѣевича непровергнулись. Хотя онъ, по причинѣ частыхъ болѣзненныхъ припадковъ своихъ, считалъ полезнымъ и нужнымъ наслѣдіе престола въ своемъ домѣ утвердить, однако по всѣмъ обстоятельствамъ и признакамъ видно, что онъ желалъ также до кончины своей сохранить свободу и не быть связану въ разсужденіи произвольной пе-

ремѣны. Почему онъ собственноручно сочинилъ учрежденіе о наслѣдствѣ, обнародованное 22-го Февраля 1722 года, въ которомъ постановилъ: «Что владѣющему Государю во всякое время предоставляется свобода кого онъ пожелаетъ назначить наслѣдникомъ престола, равно какъ, по усмотрѣнію «неспособностей въ назначенномъ наслѣдникѣ, его исключать и другаго избирать. Всѣ подданные его обязаны были учинить присягу въ той силѣ, что они означенное учрежденіе «о наслѣдствѣ, въ сходствіе котораго его императорскому «величеству предоставляется свобода, равно какъ и его наслѣдникамъ Россійскаго престола, избирать по произволенію «своему наслѣдника, или также, по усмотрѣніи въ избранномъ наслѣдникѣ какихъ либо неспособностей, намѣреніе «свое перемѣнять и другаго кого пожелаютъ назначать, признаютъ за истинное и праведное, и имѣютъ таковому назначенному наслѣдницу престола во всемъ быть послушны, «и станутъ по кончинѣ его величества признавать его законнымъ наслѣдникомъ и своимъ государемъ и проч.» Во объясненіе сего закона о наслѣдствѣ архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, по высочайшему повелѣнію, сочинилъ особую книгу, которая въ томъ же году издана въ печати подъ заглавіемъ: *Право монарѳовъ въ самовольномъ назначеніи наслѣдниковъ престола.*

§ 9.

Хотя царь или новопризнанный отъ всѣхъ державъ императоръ Петръ 1-й супругу свою Екатерину Алексѣевну и короновалъ 7-го числа Мая 1724 года въ Москвѣ съ великимъ торжествомъ, однако чрезъ сіе не постановилъ онъ еще ее наслѣдницею престола, но токмо оказалъ ей почесть, какъ

то значится въ изданномъ о сей коронаціи манифестѣ отъ 15-го Ноября 1723 года, за вѣрностное ея вспоможеніе на его походахъ и особливо на сраженіи при Прутѣ. Такожъ, предъ кончиною своею, воспослѣдовавшею въ ночи съ 27-го на 28-е Генваря 1725 года, не назначилъ онъ ни супруги своей, ниже другаго кого изъ своего дома къ наслѣдію престола. Хотя иные писатели и утверждаютъ, что императоръ не задолго до кончины своей избралъ супругу свою наслѣдницею престола, однако, еслибъ сіе точно истинно было, то бы безъ сумнѣнія объ ономъ было объявлено въ обнародованномъ въ 28-й день Генваря манифестѣ, въ которомъ престольное наслѣдіе императрицы Екатерины не на изустномъ, ниже письменномъ постановленіи покойнаго ея супруга, но единственно на томъ основывается, что онъ въ 1724 году, въ награду за предпріятые ею ко благу Россійской имперіи геройственные подвиги, приказалъ короновать и миропомазать. Во истинну, надлежитъ дивиться, что императоръ Петръ I й не сохранилъ собственно изданнаго отъ него учрежденія о наслѣдіи престола, и причина чаятельно была та, что кончина его постигла въ нерѣшимости, прежде нежели онъ думалъ.

§ 10.

Супруга его Екатерина Алексѣевна хотя человѣколюбивымъ и милосердымъ сердцемъ своимъ снискала любовь отъ Россійской націи, однако сенаторы и другіе знатнѣйшіе вельможи имперіи предвидѣли напередъ, что по вошествіи ея на престолъ не будетъ она въ имперіи правительствовать, но правленіе предоставитъ наперснику своему князю Меншикову, котораго надменность и скупость была имъ нетерпима, и котораго они всѣ ненавидѣли, а особливо послѣ бывшій гене-

ралъ-прокуроръ Ягужинской, коему императоръ Петръ I-й въ 1722 году, предъ отъѣздомъ своимъ изъ Санктпетербурга въ Москву, для устроенія похода противъ Персіи, вмѣсто князя Меншикова, препоручилъ правленіе государственными дѣлами. Посему сенаторы и другіе вельможи согласились между собою возвести на престолъ внука императора Петра 1-го, малолѣтнаго великаго князя Петра Алексѣевича. На сей конецъ съѣхались они 28-го числа Генваря рано поутру въ императорской дворецъ и къ сему собранію князя Меншикова не пригласили. Сей, находясь не задолго до кончины императора Петра 1-го въ немилости, но по представительству императрицы 26-го числа Генваря паки процентъ, работалъ съ крайнимъ усиліемъ, чтобы императрица Екатерина на престолъ была возведена. Онъ пошелъ въ тотъ залъ, гдѣ сенаторы и другіе вельможи собрались, но отъ стоящихъ предъ онымъ гвардіи солдатъ, по даннаго имъ повелѣнію, не впущенъ. И такъ возвратился онъ въ скрытности въ свой домъ, послалъ къ себѣ пригласить тогдашняго подполковника Преображенскаго полку Ивана Ивановича Бутурлина, и просилъ его, чтобъ онъ въ самой скорости привелъ къ нему роту гвардіи солдатъ. Сіе было исполнено, и князь Меншиковъ пошелъ съ означенною ротою въ императорской дворецъ, выломалъ силою двери въ залъ, гдѣ сенаторы, министры и генералы въ собраніи находились, и объявилъ императрицу Екатерину законною монархинею Россійской имперіи. Никто не ожидалъ таковаго отважнаго поступка, и никто не сопротивлялся; но всякъ учинилъ императрицѣ въ тотъ же самый день присягу въ вѣрности. Сіе извѣстіе слышно мною изустно отъ господина генерала фельдмаршала графа Миниха.

§ 11.

Императрица, вѣдая довольно, сколько нація любила молодаго великаго князя Петра Алексѣевича, изъявляла со своей стороны равномѣрно весьма нѣжную къ нему склонность. Старшая дочь ея, великая княжна Анна, сочетана бракомъ 25-го числа Апрѣля 1725 года со владѣющимъ герцогомъ Голштинскимъ Карломъ Фридрихомъ. 1726 года императрица повелѣла учрежденіе о наслѣдіи престола императора Петра I-го и изданную въ объясненіе онаго книгу вновь напечатать и, подтвердивъ то и другое манифестомъ отъ 21-го числа Апрѣля, указала, чтобы оное въ воскресные и праздничные дни публично въ церквахъ читали.

§ 12.

Всякъ почиталъ малолѣтнаго великаго князя Петра Алексѣевича будущимъ наслѣдникомъ престола, и онъ былъ утѣхою и надеждою Россійской націи. Но положенное сочетаніе его бракомъ съ одною изъ дочерей князя Меншикова показалось для многихъ весьма подозрительнымъ: ибо хотя Цѣнскій дворъ извѣстилъ князя Меншикова, что онъ означенное бракосочетаніе апробуетъ и подкрѣплять станетъ (поелику малолѣтной велікой князь былъ сынъ сестры Римской императрицы), чрезъ что и понудилъ князя Меншикова постановить 6-го числа Августа 1726 года между Австрійскимъ и Россійскимъ дворомъ союзъ (которой въ послѣдующее время неоднократно былъ подтверждаемъ и возобновляемъ, и стоилъ Россіи нѣсколько сотъ тысячъ людей и множество миліоновъ рублей), однако въ Россіи многіе опасались слѣдствій таковаго брака, поелику довольно ихъ предвидѣть было можно.

что князь Меншиковъ обратить тогда въ свои руки все правленіе имперіи, которое онъ уже имѣлъ подъ именемъ императрицы Екатерины съ самодержавною властію. По сей единственно причинѣ многія знатнѣйшія особы охладѣли любовію къ младому великому князю и объявили несправедливымъ, что дщери императрицы, великія княжны Анна Петровна и Елисаветъ Петровна, въ разсужденіи наслѣдія престола, обойдены. Графъ Девьеръ, оберъ-гофмейстеръ при упомянутыхъ великихъ княжнахъ, сильно злобствовавшій на князя Меншикова (несмотря на то или паче за то, что онъ его зятемъ сдѣлался); равно какъ и тайный совѣтникъ Толстой и нѣкоторые другіе генералы при семъ случаѣ учинились несчастными. Князь Меншиковъ истребилъ всѣ затрудненія посредствомъ духовной, отъ императрицы Екатерины подписанной прежде кончины ея, воспослѣдовавшей 6-го числа Мая 1727 года. Сія духовная сочинена трудами Голштинскаго министра графа Бассевича. Въ силу оной положено великому князю Петру Алексѣевичу вступить на Россійской престолъ и съ неограниченною правительствовать властію, но до достиженія 16-ти лѣтъ возраста своего состоять подъ опекою великихъ княженъ Анны Петровны и Елисаветъ Петровны, герцога Голштинскаго и членовъ учрежденнаго въ 11-й день Февраля 1726 года Высокаго Совѣта. Буде императоръ скончается безъ наслѣдниковъ, то въ правленіе вступить имѣетъ великая княжна Анна Петровна съ своими потомками; по исходѣ сихъ великая княжна Елисаветъ Петровна со своими потомками, и послѣ сихъ великая княжна Наталія Алексѣевна. Обѣ великія княжны, Анна Петровна и Елисаветъ Петровна, по силѣ упомянутой духовной, долженствовали сверхъ опредѣленнаго имъ приданова получить каждая по одному милліону рублей. Великой княжнѣ

Елисаветъ Петровнѣ надлежало сочетаться бракомъ съ герцогомъ Голштинскимъ, епископомъ Либекскимъ. Никоторая изъ коронованныхъ особъ, равно какъ и не исповѣдующая Греческаго закона не могла причастна быть Россійской коронѣ. Опредѣленнымъ опекунамъ-правителямъ препоручено всемѣрное прилагать стараніе совершить бракъ между малолѣтнымъ великимъ княземъ и одною изъ дочерей князя Меншикова. Сверхъ всего того просить Римскаго императора о гарантіи сей духовной.

§ 13.

Петръ II-й объявленъ императоромъ въ 7-й день Мая 1727 года, и князь Меншиковъ переселилъ его изъ императорскаго дворца въ свой домъ, дабы въ полной содержать его собственной власти; но императоръ вскорѣ показалъ, что ни малѣйшей не имѣетъ къ бракосоченію склонности, и даже страшился онаго до того, что однажды сестру свою, великую княжну Наталію Алексѣевну у ногъ ея просилъ, чтобы она постаралась обрученіе его съ княжною Меншиковою разрушить, за каковую услугу обѣщалъ ей подарить свои золотые карманные часы. О семъ обстоятельствѣ разсказывалъ мнѣ графъ Лестокъ, который въ ту пору находился у своей невѣсты, камеръ-фрейлины при великой княжнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, и стоялъ за ширмами, какъ молодой императоръ къ своей сестрѣ, въ томъ же покоѣ находившейся, пришелъ и объ упомянутомъ съ нею разговаривалъ, не вѣдая оба, что графъ Лестокъ при томъ былъ.

Въ 6-й день Іюня 1727 года Петръ Вторый торжественно обрученъ на младшей дочери князя Меншикова, княжнѣ Марьѣ; но примѣчено, что императоръ во время сего обряда ни

однимъ взглядомъ не удостоилъ свою невѣсту. Несносное властолюбіе князя Меншикова понудило герцога Голштинскаго и его супругу уже въ Іюлѣ мѣсяцѣ сего года возвратиться въ Голштинію, да и вообще всѣхъ почти знатныхъ особъ привело въ уныніе. Сіи старались всѣми мѣрами чрезъ молодаго князя Долгорукаго, который сдѣлался любимцемъ у монарха и съ нимъ каждой день на охоту ѣздилъ, возбудить гнѣвъ императора противъ князя Меншикова и его свергнуть. Почему сей въ Сентябрѣ мѣсецъ и упалъ внезапно съ высоты величія своего, а чрезъ то рушился бракъ императора съ его дочерью. За симъ молодой монархъ попалъ въ руки князей Долгорукихъ, которые, отвлекая его отъ полезныхъ упражненій, возили ежедневно на охоту. Оберъ-гофмейстеръ его, тогдашній вице-канцлеръ баронъ Остерманъ, сказалъ однажды со слезами послѣ бывшему генералъ-фельдмаршалу графу Миниху: «Долгорукіе съ молодымъ монархомъ «поступаютъ такъ, какъ будто хотятъ его жизни лишить».— Онъ занемогъ опасно горячкою въ Августѣ мѣсяцѣ 1728 года въ Москвѣ, гдѣ 24-го Февраля коронованъ. Хотя онъ и оправился, однако не надолго, ибо скончался 29-го Генваря 1730 года, будучи 30-го Ноября минувшаго года торжественно обрученъ на Катеринѣ Алексѣевнѣ Долгорукой. Прежде кончины его въ пользу сей невѣсты поднесли ему духовную, въ которой именно обозначены и опредѣлены были всѣ права и преимущества ея, приличествующія какъ императорской вдовѣ, включая купно и наслѣдіе въ правленіи. Онъ безпрекословно подписалъ, но какъ послѣ его кончины члены Тайнаго Совѣта съѣхались для совѣтованія о наслѣдіи престола, и отецъ императорской невѣсты увидѣлъ, что дочь его не будетъ допущена въ правленіе, то, возвратясь въ свой

домъ, бросилъ упомянутую духовную въ огонь. *Кончиною императора Петра II-го пресѣклась мужеская линія Россійскихъ царей и императоровъ изъ дому Романова.*

§ 14.

Во время пребыванія императора въ Москвѣ воспріялъ тамо свое начало Высокой Тайной Совѣтъ, состоящій изъ восьми особъ изъ знатнѣйшихъ фамилій и которому Сенатъ и всѣ коллегіи и другіе присутственныя мѣста подчинены были. Россійская нація роптала на означенной совѣтъ и громко вопіяла, что Россіяне пріобыкли быть управляемы самодержавнымъ государемъ, отъ котораго ихъ жизнь и имѣніе «зависятъ, а не восьми особами, которыя не другое что̀ какъ ихъ собратія; что непзвѣстно, къ кому должно обратиться: «если держаться одного изъ нихъ, то другіе семь сдѣлаются «врагами. И потому желаютъ они подвластны быть неограниченному монарху». Невзирая на таковое со стороны нации возраженіе, Высокой Тайной Совѣтъ сдѣлалъ проектъ къ уничтоженію самодержавной власти и, согласяся между собою, пригласить на Россійской престолъ вдовствующую герцогиню Курляндскую Анну Іоанновну, дщерь царя Іоанна. Сложили они обязательство, которое надлежало ей подписать и въ силу онаго обѣщать, что она намѣрена не иначе какъ по благоусмотрѣнію Высокаго Тайнаго Совѣта правительствовать, и безъ его согласія ни войны предпринимать, ниже миру заключать, ни податей налагать, ни важными достоинствами жаловать, ни къ смертной казни дворянина осуждать безъ совершеннаго его изобличенія, ни вотчинъ его описывать, ни казенныхъ земель дарить, ниже вообще ни малѣйшаго чего изъ оныхъ не отдавать въ чужое владѣніе, и безъ

апробаціи Высокаго Совѣта ни въ бракъ вступать, ниже наслѣдника назначать не станетъ. Трое изъ знатнѣйшихъ особъ отправлены депутатами въ Митаву, для поднесенія герцогинѣ Курляндской Россійскаго скипетра на вышеизображенныхъ условіяхъ, а именно со стороны Высокаго Тайнаго Совѣта тайный совѣтникъ князь Василій Лукичъ Долгорукой, со стороны Сената тайный совѣтникъ Михаила Михайловичъ Голицынъ и со стороны генералитета генералъ-маіоръ Левонтьевъ. Анна Іоанновна приняла сіе предложеніе, а равно и сопряженныя съ онымъ условія, и въ 15-й день Февраля имѣла торжественный въѣздъ въ Москву. Но тутъ увидѣла она, что была чрезмѣрно ограничена и почитай ни въ чемъ повелѣвать не могла. Императрицѣ сіе не показалось, и вскорѣ потомъ нашлась партія подъ главнымъ начальствомъ князей Алексѣя Михайловича Черкаскаго и Ивана Юрьевича Трубецкаго, которые старались доставить ей власть самодержавную. Они отважились подать императрицѣ прошеніе слѣдующаго содержанія. Что хотя депутаты Высокаго Тайнаго Совѣта, при предложеніи ея величеству письменнаго обязательства объ отреченіи отъ самодержавія, всеподданѣйшее сдѣлали донесеніе, будтобы они приступили къ тому съ единодушнымъ согласіемъ дворянства и всея націи, то однакожъ нынѣ, повергаясь къ стопамъ ея величества, осмѣливаются увѣрить, что они никакого съ членами Высокаго Тайнаго Совѣта не имѣли сношенія и соглашенія, и напротивъ того вообще все дворянство, духовенство и народъ желаютъ и просятъ, дабы ея величество соблаговолила принять правленіе съ тою же неограниченною властію, какъ ея предки. Императрица приняла сіе прошеніе всемилостивѣйше и, сдѣлавъ всѣ нужныя для своей безопасности распоряженія, приказала 25-го числа Февраля членамъ Высокаго Тайнаго Совѣта

собраться во дворецъ и съ собою принесть подписанное ею обязательство. Потомъ объявила она имъ съ благосклоннымъ видомъ, что при поднесеніи ей въ Митавѣ письменнаго для подписанія обязательства касательно отреченія отъ самодержавной власти подано увѣреніе, будто сіе совмѣстно со всеобщимъ желаніемъ и волею дворянства и націи; но какъ она нынѣ извѣстилась о противномъ тому, то и поставляетъ себѣ долгомъ означенное обязательство назадъ истребовать; что она пріемлетъ всѣмъ принимавшимъ въ томъ участіе и отъ нынѣ намѣрена подданными своими по примѣру своихъ предковъ, какъ самодержавная государыня, управлять съ правосудіемъ. Послѣ сего, принявши упомянутое обязательство, изорвала оное въ присутствіи членовъ Высокаго Тайнаго Совѣта и многихъ другихъ знатныхъ особъ, кои всѣ потомъ спокойно по домамъ своимъ разъѣхались.

Симъ образомъ Высокой Тайной Совѣтъ рушился; но императрица вскорѣ послѣ коронаціи, происходившей 28-го числа Апрѣля, вмѣсто онаго учредила Кабинетъ, о чемъ представленіе ей сдѣлано чрезъ генерала графа Миниха по проекту вице-канцлера графа Остермана. Сей Кабинетъ, въ слѣдствіе поданнаго отъ графа Остермана предложенія, состоялъ сперва изъ него самаго и князя Алексѣя Михайловича Черкаскаго; вскорѣ потомъ императрица назначила также графа Миниха членомъ онаго, которой однакожъ, за многими другими препорученными ему дѣлами, старался сколько возможно удалиться отъ Кабинета, куда и приглашали его въ важнѣйшихъ токмо случаяхъ. Въ семъ Кабинетѣ производились напважнѣйшія дѣла государственныя, и отъ него посылались указы Сенату и другимъ коллегіямъ. Чрезъ сіе пришелъ Сенатъ почти въ совершенной упадокъ, ибо большая часть сенаторовъ отстали отъ онаго, негодуя на Кабинетъ;

напротивъ того, Кабинетъ во все правленіе императрицы Анны Іоанновны, зависѣлъ совершенно отъ воли и произволенія герцога Курляндскаго, потому что императрица неохотно сама занималась дѣлами государственными.

§ 15.

Уже въ первый годъ правленія императрицы Анны Іоанновны, или въ 1730 году, когда Португальскій инфантъ донъ Еммануилъ понапрасну терялъ время въ Москвѣ, питаясь надеждою вступить въ бракъ или съ самою Императрицею или съ принцессою Анною, принимали не рѣдко какъ графъ Остерманъ, такъ и генералъ-адъютантъ (послѣ бывшій оберъ-штальмейстеръ графъ Левенвольде), вольность въ многоразличныхъ случаяхъ разсуждать съ императрицею о наслѣдіи престола, желая побудить ее принять нужныя къ тому мѣры заблаговременно. Императрица повелѣла имъ о томъ между собою посовѣтовать и мнѣніе свое представить. Спустя нѣсколько дней, объяснились они такъ: когда ея величество не соизволитъ рѣшиться приступить къ браку, то не безполезно было бы, если бы она благоволила сестры своей Екатерины родную дочь принцессу Мекленбургскую Анну сочетать бракомъ съ чужестраннымъ принцемъ; изъ рожденныхъ отъ сего брака принцевъ имѣетъ ея величество по соизволенію своему назначить одного наслѣдникомъ престола, хотя бы при семъ право первороженія и не было принято во уваженіе. Далѣе, полезно было бы, еслибъ императрица благоволила предписать, дабы вся имперія подъ присягою обязалась признавать того наслѣдникомъ престола, кто отъ ея величества назначенъ будетъ; изъ сего произойдетъ польза такая, что когда предстоять будетъ по ожиданію собственное

высочайшее ея на будущее время распоряженіе, то многія тщетныя помышленія внѣ и внутри государства уничтожатся и испровергнутся. Если при назначеніи къ наслѣдію престола не будетъ дано матери никакого надъ дѣтями преимущества, то всякъ считать будетъ, что оное учинено для слѣдующихъ причинъ: 1-е, что уповаютъ паки видѣть на Россійскомъ престолѣ мужескаго пола наслѣдниковъ; 2-е что не хотятъ допустить, чтобы принцесса, буде въ правленіи послѣдовать будетъ, воображала себѣ, что она, какъ старшая изъ племянницъ ея величества, ближайшее къ тому имѣетъ право; 3-е, дабы не настояло опасенія, что охотнѣе и ревностнѣе желаютъ присягнуть въ вѣрности восходящему, нежели заходящему солнцу; и 4-е, дабы быть обезпечену отъ предпріятій и покушеній ея родителя, который, будучи, какъ всякому извѣстно, человѣкъ безпокойный, не преминетъ дочь свою къ зловреднымъ подущать дѣяніямъ, могущимъ нарушить спокойствіе ея величества. Сверхъ-де того, извѣстно, что Римскій императоръ подобное для своихъ земель сдѣлалъ о наслѣдіи учрежденіе. Буде ея императорское величество соблаговолитъ таковыя начертанныя мѣры принять ко благоугодности своей, то надлежало бы довѣренную и надежную особу послать къ нѣкоторымъ иностраннымъ дворамъ, для избранія принца въ супруги для принцессы. Императрица хотя и выслушала сіи представленія, однако въ дальнѣйшее по оным не входила разсужденіе, и когда графы Остерманъ и Левенвольде о томъ напоминали, то она отвѣтствовала, что дѣло сіе не уйдетъ, что принцесса еще молода и что не нужно торопиться сочетать ее бракомъ.

§ 16.

Императрица не имѣла о семъ дѣлѣ никакого сношенія съ сестрицею своею герцогинею Мекленбургскою; но вѣроятно, что сія какое нибудь свѣдѣніе объ ономъ получила: ибо видали, что она нерѣдко со слезами просила императрицу, дабы она принцессу ея дочь взяла къ своему двору, приложила о ея воспитаніи попеченіе и повелѣла наставить ее въ Греческомъ законѣ. Она имѣла наилучшаго ходатая въ особѣ духовника императрицы, который равномѣрно старался ее на то преклонить. Наконецъ, графъ Остерманъ уговорилъ архіепископа Новгородскаго Феофана Прокоповича, котораго императрица особенно почитала, что и онъ представилъ монархинѣ дѣло о наслѣдіи престола необходимо-нужнымъ и важнымъ; послѣ чего императрица рѣшилась приступить къ оному. Графъ Остерманъ въ самой скрытности сочинилъ манифестъ и формуляръ присяги касательно повиновенія къ предпріемлемому императрицею назначенію наслѣдника престола, въ сходствіе изданнаго императоромъ Петромъ Великимъ въ 1722 году учрежденія о наслѣдствѣ, и по подписаніи императрицею, напечатанъ оный въ архіепископскомъ домѣ, куда придворная типографія была перенесена. По напечатаніи императрица повелѣла, въ 17-й день Декабря 1731 года, созвать всѣхъ знатныхъ свѣтскихъ и духовныхъ особъ ко двору, и тутъ, при многочисленномъ собраніи, изъяснилась, что она заблагоразсудила съ нихъ и со всѣхъ подданныхъ своихъ взять присягу, на каковой конецъ имѣютъ они съѣхаться въ соборную церковь и учинить оную по надлежащему обряду, что̀ и исполнено того же дня и въ слѣдующіе.

§ 17.

Архіепископъ Новгородскій представилъ также императрицѣ о необходимости избрать супруга для принцессы Анны, почему и повелѣла она вышеупомянутому графу Левенвольду отправиться въ Германію къ разнымъ дворамъ и изъ-подъ руки извѣдывать принцовъ для предложенія монархинѣ избрать изъ нихъ супруга для принцессы. Едва лишь онъ изъ Москвы выѣхалъ, какъ гласнымъ учинилось, что чужестранные министры о сей тайнѣ сповѣдали Левенвольде, по возвращеніи своемъ, выхваляли особенно маркграфа Карла Бранденбургскаго и принца Антона Ульриха Брауншвейгъ-Вольфенбительскаго Беверискаго. Императрица избрала послѣдняго, пригласила его въ Россію и пожаловала полковникомъ кирасирскаго полку съ пенсіею по нѣсколько тысячъ рублей. При всемъ томъ онъ не имѣлъ счастія понравиться императрицѣ, которая паче вкусомъ графа Левенвольде была недовольна. Между тѣмъ принцъ Антонъ Ульрихъ, будучи уже однажды въ Россіи, старался прилежно ѣздить съ поклонами ко двору, не взирая, что его принимали нѣсколько лѣтъ съ холодностію и что онъ даже долгое время не имѣлъ никакой надежды быть любиму и бракомъ сочетанну; поелику не токмо императрица колебалась въ перѣшимости, но и принцесса не ощущала къ нему никакой склонности, хотя онъ и больше ей нравился, нежели принцъ Курляндскій Петръ, потому что происходилъ изъ древняго княжескаго дома. Напротивъ того, принцессѣ пріятнѣе было имѣть супруга изъ курфюршескаго Бранденбургскаго дома. Когда же оберъ-штальмейстеръ графъ Левенвольде умеръ, и графъ Остерманъ, за суровой учиненной ему отъ герцога Курляндскаго выговоръ при дворѣ, нѣсколько лѣтъ изъ дому не выѣзжалъ и по

двору не являлся, отзываясь, что онъ болѣнъ ногами и ходить не можетъ: то и не осталось ни единаго человѣка, чтобы могъ подкрѣплять принца, такъ что о бракосочетаніи его почти совсѣмъ забыли, или по крайней мѣрѣ императрица неохотно объ оном говорила. Но Вѣнскій дворъ вступилъ въ ходатайство по сему дѣлу, и Римская императрица указала министру своему графу Остейну и резиденту Гохгольцеру просить герцога Курляндскаго, дабы онъ всевозможное со своей стороны употребилъ стараніе привесть помянутое бракосочетаніе къ исполненію, обѣщая, во взаимство того, старшему принцу его доставить Брауншвейгскую принцессу въ супружество, и сверхъ того 100000 рейхсталеровъ за нею въ приданое. Но какъ герцогъ таковое милостивое предложеніе отринулъ съ извиненіемъ, что его сынъ еще очень молодъ, то и утвердились во мнѣніи, что онъ намѣренъ былъ сына своего сочетать бракомъ съ принцессою Анною, которая и сама тожъ думала и крайне на то негодовала.

§ 18.

Наконецъ, слабое состояніе здоровья императрицы побудило ее къ тому, что она однажды къ герцогу Курляндскому вѣщала: Ни единой человѣкъ ни малѣйшаго виду не показываетъ и не помышляетъ о томъ, что мнѣ надобно принцессу сочетать бракомъ, хотя уже и время. Правда, что принцъ мнѣ не нравится столько же, какъ и самой принцессѣ, но особы высокаго знанія не всегда по склонности сочетаваются. Какое бы слѣдствіе отъ того ни было, принцъ не будетъ никакого въ правленіи принимать участія; посему мало до того нужды, съ кѣмъ бы она въ бракъ ни вступила: довольно, когда я отъ нея получу наслѣдниковъ и Рим-

скаго императора избавлю отъ огорченія, которое онъ имѣть можетъ, еслибы я отпустила принца отъ двора моего. Подлинно, сей молодой принцъ кажется мнѣ весьма скромнымъ и покорливымъ человѣкомъ; посмотримъ, что̀ графъ Остерманъ на то скажетъ». Призвавъ графа Остермана ко двору, объявилъ и разсудилъ онъ, что сіе намѣреніе весьма благоразумно и полезно, паипаче что послужитъ къ успокоенію Римскаго императора при нынѣшнемъ его неудовольствіи.

И такъ, приготовленія къ сему торжеству бывъ неукоснительно сдѣланы, совершенъ бракъ принцессы Анны съ принцомъ, тогдашнимъ кавалеромъ ордена Св. Андрея, генералъ-маіоромъ и маіоромъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку, въ 3-и день Іюля 1739-го года. Но, сказываютъ, принцесса проводила всю слѣдующую ночь одна въ прогулкѣ въ императорскомъ саду, и принцъ не имѣлъ случая въ сію ночь въ собственномъ разумѣніи довершить бракъ.

Слѣдующаго 1740-го года Августа 12-го числа разрѣшилась она отъ бремени принцомъ. Тутъ вопрошалось, какимъ порядкомъ новорожденнаго принца въ церквахъ провозглашать на моленіяхъ и имѣть ли ему титулъ великаго князя? Императрица повелѣла истребовать на то мнѣніе отъ графа Остермана, которой, вычернивъ первое, присудилъ другое. Молодой принцъ при крещеніи нареченъ Іоанномъ, и послѣ императрица взяла его къ себѣ во дворецъ.

§ 19.

Императрица, во время пребыванія своего въ Петергофѣ, поправилась нарочито въ своемъ здоровьѣ, но, возвратясь въ Санктпетербургъ, впала паки въ изнеможеніе. Она изъяснилась герцогу Курляндскому, сколько была озабочена въ раз-

сужденіи наслѣдія престола и потому препоручила оберъ-гофмейстеру графу Левенвольде съѣздить къ графу Остерману и вопросить его, что̀ въ семъ случаѣ начать слѣдуетъ? Онъ отвѣчалъ, что паче всего необходимо нужно, дабы ея императорское величество соблаговолила наслѣдіе престола на твердомъ основать положеніи; что онъ не сумнѣвается въ добрыхъ расположеніяхъ мыслей императрицы къ принцу Іоанну, и въ таковомъ случаѣ нужно поступить такимъ же образомъ какъ Петръ Великій сдѣлалъ, который назначилъ малолѣтнаго сына своего наслѣдникомъ престола. Императрица, принявъ оное ко благоугодности своей, подписала 5-го Октября 1740-го года на другой день напечатанной и обнародованной, графомъ Остерманомъ сочиненной, манифестъ, которымъ (въ силу изданнаго отъ 5-го Февраля 1722 года и какъ въ то время, такъ и послѣ въ 1731 году отъ всѣхъ чиновъ имперіи подъ присягою утвержденнаго учрежденія о наслѣдствѣ) объявила она сына родной племянницы своей, принца Іоанна, законнымъ наслѣдникомъ престола, съ тѣмъ что если онъ скончается безъ дѣтей, то другіе принцы, которые отъ ея племянницы принцессы Анны съ принцомъ Антономъ Ульрихомъ рождены будутъ, имѣютъ одинъ за другимъ поступить въ наслѣдіе Россійскаго престола. За симъ предлежалъ еще важный вопросъ къ разрѣшенію, а именно, кому ввѣрить правленіе во время малолѣтства принца Іоанна. Герцогъ Курляндской, полагая на то, что генералъ-фельдмаршалъ графъ Минихъ, кабинетскіе министры и другіе знатнѣйшіе чины имперіи просили его усильнѣйше принять регенство, и что всѣ именованныя особы не токмо изустно утруждали больную императрицу своею просьбою, но также письменнымъ, отъ тринадцати особъ подписаннымъ, прошеніемъ просили, дабы она благоволила герцога, во время малолѣт-

ства принца Іоанна, назначить регентомъ, отзывался многократно какъ къ вышеозначеннымъ особамъ, такъ и къ самой императрицѣ съ просьбою, дабы сіе предпріятіе оставить. Но, не взирая на то, императрица рѣшилась на послѣдокъ, по усильнѣйшему прошенію министровъ, поданное ей отъ графа Остермана прошительное письмо подписать. (При каковомъ письмѣ приложенъ былъ сочиненный отъ 6-го Октября, но не прежде какъ 18-го числа того же мѣсяца обнародованный манифестъ о назначеніи герцога регентомъ, и сей манифестъ иначе называется также духовною императрицы Анны Іоанновны). По подписаніи императрицею, графъ Остерманъ запечаталъ все оное въ одномъ конвертѣ, а императрица отдала его подполковнику Юшкову, дабы онъ положилъ въ императрицынъ шкафъ съ бриліантами и ключи отъ онаго назадъ ей возвратилъ.

§ 20.

Сіе важное происшествіе требуетъ еще нѣкоторыхъ объясненій, которыя однакожъ почерпнулъ я изъ исторіи и не намѣренъ присоединять къ тому собственныхъ моихъ разсужденій. Въ манифестахъ императрицы Елисаветы Петровны отъ 28-го Ноября 1741 года и 22-го Генваря 1742 года, возлагается вина преимущественно на графа Остермана и графа Миниха, что императрица Анна Іоанновна назначила принца Іоанна и будущихъ его братьевъ къ наслѣдію престола, причемъ о генералъ-фельдмаршалѣ графѣ Минихѣ особенно сказано, что онъ предъ всѣми старался правленіе Россійскою имперіею въ чужестранныя обратить руки, и паче всѣхъ способствовалъ, что герцогъ Курляндской получилъ регенство: поелику онъ, прежде и ревностнѣе другихъ, съ

нимъ переговоры объ ономъ имѣлъ, а равно и просилъ его и побуждалъ напуснльнѣйше. Равномѣрно въ послѣднемъ манифестѣ о президентѣ коммерцъ-коллегіи баронѣ Менденѣ упоминается, что онъ крайнее прилагалъ старанїе, чтобы герцогъ Курляндской учинился регентомъ: что онъ въ семъ намѣреніи многимъ ложное подавалъ увѣреніе, что, въ случаѣ, когда герцогъ Курляндской не получитъ регенства, то всѣ иностранцы должны будутъ погибнуть, а что самому герцогу просить и искать того нельзя; что онъ первой сдѣлалъ предложеніе—просить императрицу Анну Іоанновну, дабы она назначила герцога регентомъ, и что онъ, по разсужденіи съ фельдмаршаломъ графомъ Минихомъ, отъ имени всѣхъ чиновъ имперіи вышеизображенное прошеніе къ императрицѣ сочинилъ и принцессу Анну преклонилъ, дабы она помянутому регентству не противилась и способствовала. Генералъ-фельдмаршалъ графъ Минихъ разсказываетъ въ нѣкоторомъ сочиненіи, которое я самъ читалъ, что послѣднее предписаніе воли императрицы Анны Іоанновны составлено трудами графа Остермана и князя Черкаскаго, которые думали чрезъ то большее составить счастіе свое: что они совершенно порабощены были волѣ герцога Курляндскаго и все по его желанію дѣлали. Но я за подлинно вѣдаю, что генералъ-фельдмаршалъ графъ Минихъ, въ послѣднюю смертельную болѣзнь императрицы, изъ дворца совсѣмъ не выѣзжалъ, и почти въ одномъ покоѣ съ герцогомъ Курляндскимъ проводилъ, и что обществено считали, что между сихъ двухъ особъ тѣснѣйшій состоялъ союзъ дружбы.

§ 21.

Императрица Анна Іоанновна скончалась 17-го Октября 1740 года. Герцогъ Курляндской въ тоже мгновеніе запечаталъ шкафъ съ бриліантами. Собравшіеся знатнѣйшіе чины имперіи освѣдомлялись о послѣдней волѣ императрицы. Тутъ, распечатавъ шкафъ съ бриліантами, вынули изъ него такъ названную духовную покойной императрицы и, по прочтеніи оныя генералъ-прокуроромъ княземъ Трубецкимъ, всѣ находившіеся при томъ министры и генералы подписали на мѣстѣ манифестъ, которымъ слѣдующаго дня отъ имени малолѣтняго императора Іоанна III-го о кончинѣ императрицы Анны Іоанновны и о распоряженіи ея касательно регентства (что изъ особаго приложенія состояло) въ публикѣ извѣщено. По силѣ сего распоряженія препоручено герцогу Курляндскому полное во всѣхъ частяхъ правленіе государствомъ, до того времени какъ малолѣтный императоръ достигнетъ 17-ти лѣтъ возраста своего. Буде же малолѣтный императоръ скончается прежде означенныхъ лѣтъ, то за герцогомъ имѣетъ состоять регентство и во время малолѣтства его братьевъ, одного за другимъ послѣдующихъ; но когда герцогъ самъ пожелаетъ низложить регентство, то члены Кабинета и Сената, генералъ-фельдмаршалы и прочій генералитетъ обязаны общественное составить правленіе, которому и продолжаться до достиженія совершеннолѣтства узаконеннымъ наслѣдникомъ престола. Если императоръ Іоаннъ со своими будущими братьями заблаговременно и безъ законныхъ наслѣдниковъ скончается, или если иначе государство въ разсужденіи наслѣдія престола не будетъ достаточно обезпечено, то регентъ, кабинетскіе министры, Сенатъ, генералъ-фельдмаршалы и прочій генералитетъ имѣютъ, съ общаго согласія и въ надлежащее

время, приступить къ совѣщанію о наслѣдіи престола, избрать и утвердить императора, котораго потомъ и признавать точно такъ, какъ бы онъ отъ самой императрицы Анны Іоанновны назначенъ былъ наслѣдникомъ престола. Симъ образомъ вовсе не помышляли больше о потомкахъ императора Петра I-го женскаго пола, отъ супруги его Екатерины Алексѣевны, и о духовной оставшейся послѣ сей императрицы.

§ 22.

Герцогъ Курляндской, учинивъ присягу за свидѣтельствомъ генералъ-фельдмаршала графа Миниха, вступилъ въ регентство. Онъ имѣлъ предсѣданіе въ Кабинетѣ, въ которомъ тогда, кромѣ графа Остермана и князя Черкаскаго, присутствовалъ также послѣ бывшій графъ и великой канцлеръ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ, пожалованный отъ императрицы Анны Іоанновны, по предстательству герцога, членомъ Кабинета, дабы онъ графу Остерману дѣлалъ перевѣсъ. Герцогъ-регентъ назначилъ родителямъ малолѣтнаго императора по 200.000 рублей годовой пенсіи на ихъ содержаніе. Но онъ въ самой первой день своего регенства извѣстился, что противъ него сдѣланъ заговоръ. По учиненномъ изслѣдованіи открылось, что одинъ отставной капитанъ имѣлъ съ графомъ Головкинымъ переговоръ о правѣ принадлежащемъ родителямъ малолѣтнаго императора на регентство, и что онъ отъ графа Головкина посланъ былъ къ принцу Антону Ульриху Брауншвейгскому, для разсужденія съ нимъ объ ономъ дѣлѣ. Къ сему заговору приступили уже многіе офицеры, солдаты и другіе люди, между коихъ находился также секретарь (изъ Россіянъ) супруги принца Антона Ульриха, котораго сама принцесса Анна, какъ подозрительнаго чело-

вѣка, отослала къ регенту. Регентъ учредилъ собраніе изъ первыхъ двухъ классовъ особъ, въ которое явились также принцесса Анна съ своимъ супругомъ, и сей просилъ у регента прощенія, обязавшись клятвенно ни въ какіе впредь не вступать противъ него заговоры.

§ 23.

Но герцогъ-регентъ не избѣжалъ чрезъ то своего паденія. Генералъ-фельдмаршалъ графъ Минихъ обязался принцессѣ Аннѣ, супругѣ герцога Брауншвейгскаго, его арестовать, что̀ и исполнилъ въ ночи съ 8-го на 9-е число Ноября 1740 года чрезъ своего генералъ-адъютанта Манштейна и чрезъ команду гренодеровъ; причемъ примѣчательно, что онъ наканунѣ того дня у герцога-регента обѣдалъ и, нашедъ его задумчивымъ, старался развеселить своими разговорами. Манифестъ императрицы Елисаветы Петровны 22-го Генваря 1742 года гласитъ, что генералъ-фельдмаршалъ графъ Минихъ герцога-регента свергнулъ для собственныхъ и частныхъ своихъ видовъ, объявя употребленнымъ на то гвардейскимъ гренодерамъ, что онъ приступилъ къ сему предпріятію для того, что великая княжна Елисавета, обще съ племянникомъ своимъ герцогомъ Голштинскимъ, притѣснены; и что кого потомъ похотятъ они имѣть императоромъ, того и могутъ избрать, либо принца Іоанна, либо и герцога Голштинскаго. Какъ бы то ни было, я съ моей стороны скажу токмо, что регенство герцога Курляндскаго непріятно было Россійской націи и продолжалось токмо 22 дни 9-го числа Ноября отъ имени императора Іоанна сочинетъ манифестъ, 10-го напечатанъ и публично обнародованъ, въ которомъ изображены причины, для коихъ съ герцога Кур-

ляндскаго регентство снято и препоручено матери императора, принцессѣ Аннѣ, объявленной нынѣ великою княгинею Россійскою. Сія правительница имѣла потомъ желаніе фельдмаршала графа Миниха пожаловать генералиссимусомъ; но когда онъ въ публичномъ двора собраніи отъ того отказался, утверждая, что упомянутое достоинство приличествуетъ герцогу Антону Ульриху, то регентша и объявила сего супруга своего генералиссимусомъ Россійскихъ армій, генералъ-фельдмаршала графа Миниха первымъ министромъ и шефомъ Кабинета, графа Остермана великимъ адмираломъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ и членомъ Кабинета, князя Черкаскаго великимъ канцлеромъ и графа Головкина вице-канцлеромъ, и обѣихъ сихъ членами Кабинета. Графъ Остерманъ, въ послѣдніе годы правленія императрицы Анны Іоанновны, сказывался больнымъ и сидѣлъ дома; но графъ Минихъ его опять на ноги поднялъ, и какъ онъ пріѣхалъ паки ко двору, то сказалъ публично: *Теперь я въ состояніи опять работать.* Первый министръ раздѣлялъ государственныя дѣла такимъ порядкомъ, что онъ самъ имѣлъ военныя дѣла, графъ Остерманъ адмиралтейскія и иностранныя дѣла, а князь Черкаской и графъ Головкинъ внутреннія государственныя дѣла. Что́ каждой по своей части выработаетъ, объ ономъ предлагали въ Кабинетѣ, и по общемъ разсужденіи выпускали къ исполненію. Регентша никогда въ Кабинетѣ не присутствовала; даже всякія дѣла государственныя были ей столь непріятны и тягостны, что она нерѣдко говаривала, что желаетъ видѣть уже сына своего въ надлежащемъ возрастѣ, чтобы онъ самъ государствомъ править могъ. Первой министръ отвѣчалъ на сіе всякой разъ, что какъ она величайшая въ Европѣ правительница, то имѣетъ токмо объявить свою волю.

которая неукоснительно исполнена будетъ, безъ всякаго ей обремененія.

Таковое высокое довѣріе и привязанность великой княгини Анны къ первому министру было непродолжительно. Лишь токмо она, по его совѣщанію, постановила оборонительной союзъ съ королемъ Прусскимъ, какъ вскорѣ потомъ супругъ ея и всѣ кабинетскіе министры чрезъ Римско-императорскаго посланника маркиза де-Ботта и королевскаго Польскаго и курфиршескаго министра графа Линара, обратили ее къ противоположеннымъ намѣреніямъ. Словомъ, великая княгиня Анна приступила, не взирая на возраженіе со стороны графа Миниха, къ постановленному между Вѣнскимъ и Дрезденскимъ дворами союзу для ополченія противъ короля Прусскаго, и по сей причинѣ графъ Минихъ низложилъ съ себя всѣ должности.

§ 24.

Изъ вышеприведеннаго манифеста императрицы Елисаветы Петровны отъ 22-го Генваря 1742 года оказывается, что графъ Остерманъ, Головкинъ и Левенвольде, обще съ нѣкоторыми другими тамо именованными особами, имѣли между собою совѣщаніе, како великую княгиню Анну возвысить въ императорское достоинство и наслѣдіе престола обратить также на ея дочь. Чрезъ сіе самое великая княжна Елисаветъ Петровна, равно какъ и ея племянникъ герцогъ Голштинской, были бы больше отдалены отъ наслѣдія престола. Намѣреніе и было точно такое; ибо графъ Остерманъ и многіе другіе знатнѣйшіе чины имперіи боялись великую княжну Елисаветъ Петровну. Но сія была любима почти всею Россійскою націею и особливо лейбъ-гвардіи полками, какъ отъ

офицеровъ, такъ и отъ рядовыхъ. Она обратила къ себѣ всѣхъ сердца снисхожденіемъ своимъ и привѣтливостію. Ни одного почти не проходило дня, чтобъ она не была воспріемницею младенца у кого-либо изъ гвардіи, причемъ родителей богато награждала, или иначе гвардейцамъ милости оказывала. При дворѣ правительницы Анны судили о томъ столь легкомысленно, что, услыша, когда она съ гвардейскими офицерами и рядовыми разговаривала, всегда публично насмѣхались и говорили, что Елисавета имѣетъ сходбища съ Преображенскими грандерами Между тѣмъ правительница Анна имѣла нѣкое сокровенное предчувствіе, что великая княжна Елисавета надъ нею владычествовать будетъ; поелику однажды во время регентства своего, посѣтивъ ее, оступилась она и упала у ногъ Елисаветы, и сіе обстоятельство толикое сдѣлало впечатлѣніе въ ея сердцѣ, что она къ своимъ придворнымъ дамамъ (изъ которыхъ одна мнѣ о семъ пересказывала) вѣщала: *мнѣ конечно должно будетъ унижаться предъ великою княжною Елисавето.* Словомъ, прежде ея паденія, предостерегали ее многократно отъ великой княжны Елисаветы Петровны; но она, отчасти съ намѣреніемъ, не хотѣла принимать надлежащихъ мѣръ для своея безопасности; отчасти же не имѣла дару и духу на то рѣшиться. Хотя она всѣ учиненныя ей въ предосторожность представленія отвергала, однакожъ сіи заслуживаютъ здѣсь занимать мѣсто. Я не стану обстоятельно описывать того, что Великобританской министръ Финкъ, за нѣсколько дней прежде воспослѣдовавшаго съ нею несчастія, объявилъ ей, что она будетъ сверженна, если не предупредитъ того; но упомяну о другихъ случаяхъ. Прежде ея паденія за нѣсколько дней, пріѣхалъ оберъ-гофмаршалъ графъ Левенвольде во дворецъ ночью, когда правительница уже въ постели лежала, и отдалъ ея камеръ-юн-

ферѣ (которая въ мою бытность въ Санктпетербургѣ была еще жива и изустно мнѣ о томъ разсказывала) письмо, дабы вручить регентшѣ, которая, приказавъ принесть свѣчу, прочитала оное и послѣ велѣла въ отвѣтъ сказать графу Левенвольду: не съ ума ли онъ сошелъ? 20-го числа Ноября получила она другое письмо, написанное изъ Брюсселя, въ которомъ не токмо предостерегали ее отъ великой княжны Елисаветы Петровны, но и напоминали, дабы она приказала арестовать господина Лестока, который находился въ службѣ при великой княжнѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Два дни спустя послѣ того, было при ея дворѣ многочисленное собраніе, изъ котораго она въ вечеру, вышедъ въ свою комнату, приказала чрезъ баронессу Ашу Аврору фонъ-Менгденъ (послѣ бывшую супругу графа Лестока) позвать къ себѣ отъ игры великую княжну Елисаветъ Петровну, что̀ великое произвело во всѣхъ удивленіе. Когда великая княжна Елисаветъ Петровна пришла въ комнату, то правительница, вынувъ послѣдніе упомянутое письмо изъ ящика, подала ей оное и навѣдывалась подробно обо всѣхъ обстоятельствахъ. Великая княжна въ немалое пришла изумленіе, но опять ободрилась, когда правительница къ ней вѣщала, что Лестокъ часто ѣздитъ въ домъ Французскаго министра маркиза де-Шетардія, въ чемъ она по истинѣ отпиралась и дѣйствительно оспорила. При семъ ничего болѣе не произошло. Правительницѣ (какъ-то одна изъ ея камеръ-юнферовъ мнѣ разсказывала) неоднократно послѣ въ Ригѣ и Динаминдекомъ пашцѣ супругъ ея выговаривалъ, что она о сообщенныхъ ей извѣстіяхъ о намѣреніи великой княжны Елисаветы Петровны ему не открывала, и что она вообще не пеклась о своей и всея ихъ фамиліи безопасности: но она никогда въ томъ не рас-

казавалась и всегда утверждала, что лутчей перемѣны нельзя быть какъ съ нею воспослѣдовала, ибо-де чрезъ то отвращено всякое кровопролитіе.

§ 25.

Какъ послѣ бывшій тайный дѣйствительный совѣтникъ графъ Германъ Лестокъ, отъ сего времени, о которомъ я теперь пишу, важною учинился особою, то и считаю нужнымъ вратцѣ о немъ сообщить моимъ читателямъ. Сей мужъ родился въ Целлѣ 29-го Апрѣля 1692-го года; въ Латинскомъ патентѣ отъ 27-го Апрѣля 1744-го года, по силѣ котораго отъ Римскаго императора Карла VII возвышенъ онъ въ графское достоинство св. Римской имперіи и ея наслѣдныхъ земель, напелъ я слѣдующую статью: «Какъ мы извѣстились, «что предки Германа Лестока, Россійскаго императорскаго «дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, перваго лейбъ-медика и директора Медицинской Канцеляріи и факультета, прежъ сего обрѣтались жительствомъ во Франціи и именно въ Шампаньи «гдѣ по наслѣдными владѣніямъ своимъ припяли названіе Ле«стока Гельвека, и знатныя королю Французскому оказали «заслуги, но по причинѣ вѣры оттуда изгнаны, и частію въ «Англію и Голландію, частію въ Линебургъ обратились, и «сперва Цельской, но послѣ Ганноверской и Англинской службѣ «себи посвятили; самъ же Германъ Лестокъ, пріѣхавъ къ Рос«сійскому двору, состоялъ при немъ отъ 1713-го по нынѣш«нее время, и во многоразличныхъ случаяхъ, особливо-же при «нынѣшнемъ благополучномъ правленіи, отличными своими «дарованіями, качествами и заслугами, не токмо при упомянутомъ дворѣ и въ своемъ отечествѣ, но также при ино«странныхъ дворахъ громкую снискалъ славу: то, во уваженіе

«сего жалуемъ мы и проч.» Пособіемъ сего благоразумнаго и вѣрнаго мужа великая княжна Елисаветъ Петровна возведена на родительской престолъ, на которой она вѣроятно могла-бы вступить еще въ 1730-мъ году, еслибы, по совѣту господина Лестока, тотчасъ послѣ кончины императора Петра II-го, явилась въ Лефортовомъ дворцѣ, гдѣ упомянутой императовъ скончался и множество знатнѣйшихъ особъ въ собраніи находились, и представила себя законною наслѣдницею престола. Но въ ту пору не могла она на толь важный шагъ рѣшиться.

Теперь, въ регентство принцессы Анны, имѣла она двоякой планъ къ достиженію своей цѣли. Первый тотъ, чтобы чрезъ пособіе Швеціи снискать престолъ, за что Шведскому двору чрезъ господина Лестока великая, но неопредѣленная обѣщана надежда, которую толковали въ ту сторону, что великая княжна Елисаветъ Петровна, по восшествіи своемъ на престолъ, возвратитъ Шведамъ всѣ завоеванныя отъ нихъ родителемъ ея земли, о чемъ однакожъ она совѣмъ не помышляла. Изъ доставшагося мнѣ въ руки по случаю письменнаго мнѣнія барона Іоганна Пехлина усмотрѣлъ я, что въ тогдашнее время Шведской дворъ чрезъ министра Нолькена склонялъ Голштинскаго двора для услуги коронѣ Шведской и великой княжнѣ Елисаветѣ Петровнѣ подать помощь, не изъясняясь явственно о томъ, какое званіе молодой и еще малолѣтной герцогъ Голской Карлъ Петръ Ульрихъ имѣть будетъ, въ случаѣ когда в. княжна Елисаветъ Петровна на Россійской вступитъ престолъ; и какія приняты надежныя мѣры привести въ безопасность особу и благодеятеліе принца, буде предпріятіе великой княжны Елисаветы Петровны неудачливой получитъ успѣхъ? Посему господинъ Пехлинъ и совѣтовалъ герцогу-правителю, постороннимъ образомъ, не токмо истребовать на то нужнаго объ-

ясненія, но и намекнуть, что ихъ питомецъ не можетъ принять Греческаго закона, на чемъ безъ сумнѣнія настоять будутъ, когда онъ въ Россію пріѣдетъ: ибо съ одной стороны принцъ не находится еще въ такихъ лѣтахъ, чтобъ по желанію своему выборъ дѣлать могъ, а съ другой стороны имѣетъ онъ надежду, по благосклонному расположенію имперскихъ чиновъ, отозвану быть на Шведской престолъ. Другой планъ великой княжны Елисаветы Петровны состоялъ въ томъ, чтобы 6-го числа Января 1742-го года, въ день трехъ святителей, при публичномъ освященіи воды, когда всѣ полки изъ Санктпетербурга по обыкновенію въ одномъ мѣстѣ собраны будутъ, привлечь ихъ на свою сторону посредствомъ роздачи нѣкоторой суммы денегъ. О сихъ намѣреніяхъ вѣдалъ также Французской министръ маркизъ де-Шетарди, которыи мало-по-малу ссудилъ великой княжнѣ Елисаветѣ Петровнѣ слишкомъ 40000 червонныхъ, кои принималъ отъ него господинъ Лестокъ, и самъ изрѣдка къ нему въ домъ ѣздилъ, но при другихъ случаяхъ имѣлъ съ нимъ свиданіе. Прежде описанное открытіе намѣреніи великой княжны Елисаветы Петровны понудило ее приступить къ скорѣйшему выполненію оныхъ.

§ 26.

23-го числа Ноября, по возвращеніи ея изъ дворца въ свой домъ и когда господинъ Лестокъ о семъ важномъ происшествіи извѣстился, то началъ онъ помышлять о надежнѣйшихъ мѣрахъ спасти какъ вольность великой княжны, такъ и собственную свою жизнь. Онъ совѣтовалъ ей на другое утро переговорить съ регентшною и между прочаго ей сообщить, что онъ неоднократно просилъ объ отставкѣ своей, желая показать, что никогда и въ мысляхъ не держалъ таковыхъ

покушеній, въ которыхъ его обвиняютъ. Между тѣмъ вышедшій въ то время указъ о выступленіи въ походъ въ Финляндію противъ Шведовъ нѣкоторымъ въ Санктпетербургѣ стоящимъ лейбъ-гвардіи полкамъ представилъ ему удобный случай предпріятіе великой княжны Елисаветы Петровны въ дѣйство произвесть. Онъ не могъ ни одного офицера склонить, но токмо посредствомъ денегъ и представленіи согласилъ небольшое число Преображенскихъ гранодеровъ, для вспомоществованія великой княжнѣ. Между тѣмъ имѣлъ онъ въ своей власти нѣкоторыхъ лазутчиковъ, которые подробно извѣщали его обо всемъ, что̀ при дворѣ регентины ни происходило, и особенно, гдѣ она каждую ночь спала (ибо столько была она обезпокоена, что то въ одной, то въ другой комнатѣ спала), и одна ли или въ бесѣдѣ ночь проводить намѣрена, равно какъ и о другихъ подобныхъ тому обстоятельствахъ. Между сихъ лазутчиковъ находился одинъ музыкантъ, по прозванію Шварцъ, котораго потомъ императрица Елисаветъ Петровна пожаловала подполковникомъ купно съ пенсіею, и еще другой по прозванію Гришштейнъ. Господинъ Лестокъ предназначилъ къ сему предпріятію ночь съ 24-го на 25-е число Ноября.

Въ вечеру, въ одиннадцать часовъ, пошелъ онъ къ маркизу де-Шетарди за деньгами, но не открывался ему, что сія ночь была назначена къ исполненію намѣренія великой княжны. Около полуночи спровѣдалъ онъ чрезъ своихъ лазутчиковъ, что при дворѣ регентины всѣ спокойно и безопасно пребывали, и что караулъ стоялъ обыкновенный. И такъ, пріѣхавъ къ великой княжнѣ Елисаветѣ Петровнѣ, уговаривалъ онъ ее приступить теперь къ положенному опыту, и немало труда ему стоило преклонить ее, потому что она не имѣла довольно бодрости духа. Наконецъ, ободрившись и совершивъ предъ

иконою Пресвятыя Богоматери теплую молитву и обѣтъ, причемъ и возложа на Лестока орденъ св. Екатерины, сѣла въ сани, у которыхъ на запятки стали тогдашній ея камеръюнкеръ и послѣ бывшій великой канцлеръ графъ Воронцовъ и господинъ Лестокъ. Подкупленные радовые отправлены впередъ на гауптвахту Преображенскаго полка, дабы стоящихъ тамъ на карауль гранодеровъ склонить на сторону великой княжны и извѣстить ихъ о ея прибытіи. Великая княжна Елисаветъ Петровна не имѣла при семъ случаѣ ни лать, ниже копья, какъ то въ разныхъ извѣстіяхъ увѣряли; но то подлинно, что господинъ Лестокъ старался промыслить для нея легкой грудной щитокъ, однако въ разсужденіи краткости времени не досталъ.

§ 27.

Пріѣхавъ на полковой дворъ, великая княжна Елисаветъ Петровна предстала находившимся тамъ гранодерамъ, какъ дщерь Петра Великаго и законная наслѣдница престола, причемъ гранодеры, признавъ ее, на мѣстѣ учинили присягу въ вѣрности. Потомъ она была сопровождаема отъ гранодеровъ, коихъ числомъ было отъ двухъ до трехъ сотъ человѣкъ, въ императорской дворецъ. Пришедъ въ извѣстное отъ онаго разстояніе, высланы 75 человѣкъ впередъ для арестованія графовъ Остермана, Миниха и Головкина. Остальная команда пошла съ великою княжною въ императорской дворецъ. Тутъ господинъ Лестокъ (который вездѣ, гдѣ ни находилъ барабаны у солдатъ, разрѣзывалъ ихъ, чтобы никакой тревоги не было сдѣлано) разставилъ карауды, чтобы запереть всѣ проходы, а равно и удостовѣриться о находившихся уже тамъ караульныхъ, которые никакого не чинили сопротивленія и даже

не вѣдали, съ какимъ намѣреніемъ все оное происходило. Онъ не приказалъ прежнихъ караульныхъ смѣнять, но приставилъ къ каждому солдату по одному гранодеру, дабы всякъ на своемъ мѣстѣ остался. Сіе совершено весьма удачливо, и потомъ великая княжна Елисаветъ Петровна пошла въ караульню во дворцѣ, гдѣ солдаты учинили ей на колѣняхъ присягу въ вѣрности. Воронцовъ и Лестокъ остались тутъ при ней, а тридцать человѣкъ гранодеровъ отряжены пойти въ верхъ и вломиться въ комнату, гдѣ регентша со своимъ супругомъ опочивала. Ворвавшись въ оную, опрокинули они по неосторожности печникъ, отъ чего въ комнатѣ глубокая тьма сдѣлалась. Внесши свѣчу изъ передняго покоя, гдѣ одна служанка спала, понуждали они съ удивленіемъ пробужденную регентину встать съ постели. Она, накинувъ на себя одну токмо юбку, встала, и призванная изъ передняго покоя служанка надѣла на нее чулки и башмаки. Сверхъ того повѣсила она на себя бархатную на собольемъ мѣху епанечку, и когда гранодеры ее уже повели, то попросила за стужею капоръ на голову, который и надѣла сама. Все сіе происходило въ великой тишинѣ, ибо гранодеры весьма тихо говорили, и регентша ничего болѣе не сказала, какъ токмо вопросила, можно-ли ей еще однажды повидаться со свою тетушкою, великою княжною Елисаветъ Петровною? Какъ ее увели, то герцогъ супругъ ея сидѣлъ еще на постели. Двое гранодеровъ, взявши его подъ руки, окутали одѣяломъ и понесли внизъ съ высунувшими наружу босыми ногами въ сани, гдѣ покрыли его еще шубою. А послѣ вынесли его верхнее и исподнее платье. Потомъ обратились гранодеры въ ту комнату, гдѣ молодой принцъ Іоаннъ въ колыбели, и подлѣ него кормилица его, спали. Имъ дано было повелѣніе не пробужать его, но дожидать, какъ онъ самъ проснется. Сіе по-

слѣдовало не прежде какъ чрезъ часъ, и дотолѣ стояли они всѣ вокругъ колыбели. По пробужденіи его, спорили между собою гранодеры, желая каждый изъ нихъ его несть. Принцъ плакалъ, и трепещущая кормилица поспѣшала сперва сама себя, и послѣ его, наскоро одѣть, взяла его къ себѣ на руки, покрыла своею шубою, и тако вмѣстѣ съ принцомъ повезена. Малолѣтная принцесса Екатерина и баронесса Юліана Менгденъ, которая для надзиранія за принцомъ спала въ другой подлѣ его комнатѣ, равномѣрно уведены. Регентина, въ сходствіе выше описаннаго душевнаго качества своего, пополудни и въ вечеру предъ симъ происшествіемъ, со своими придворными дамами много о томъ разговаривала, что сколь постоянно и бодрственно она сносить станетъ, если сдѣлается когда-либо несчастною принцессою. Что-же въ другихъ извѣстіяхъ упоминается, будто-бы баронесса Юліана Менгденъ въ ту ночь спала съ регентиною будто-бы великая княжна Елисаветъ Петровна сама въ спальню къ регентинѣ вошла и объявила ее своею плѣнницею, такожъ будто-бы регентина просила, чтобы никакого кровопролитія не воспослѣдовало, и проч., оное вообще неосновательно и ложно.

§ 28.

Всѣ вообще подъ арестъ взятыя особы отвезены въ саняхъ, въ провожаніи солдатъ, въ домъ великой княжны Елисаветы Петровны и тутъ посажены въ разныхъ комнатахъ, каждый порознь. Когда великая княжна Елисавета Петровна, на возвратномъ пути, ѣхала мимо дома маркиза де-Шетардія, то, по напоминовенію господина Лестока, послала одного изъ своихъ возвѣстить маркизу о благополучномъ исполненіи ея предпріятія, чему маркизъ удивился. Прибывъ въ свой

домъ и принявъ нужныя мѣры къ обереженію арестованныхъ, откланялся ей господинъ Лестокъ и пошелъ, въ провожаніи небольшой воинской команды, отъ имени великой княжны Елисаветы Петровны сообщить о перемѣнѣ правленія извѣстіе принцу Гессенъ-Гомбургскому (который о семъ дѣлѣ ничего не вѣдалъ), генералъ-фельдмаршалу графу Лессію и другимъ знатнѣйшимъ особамъ. Онъ несовершенно довѣрялся генералъ-фельдмаршалу графу Лессію и потому напередъ условился съ бывшею при немъ воинскою командою о мѣрахъ, какія въ нужномъ случаѣ принять должно. Къ стоящимъ въ Санктпетербургѣ и около онаго полкамъ посланы солдаты съ повелѣніемъ собраться неукоснительно предъ дворцомъ великой княжны Елисаветы Петровны, нынѣшней ихъ императрицы. Какъ они собрались и неоднократно возглашали ура, то случилось, что императрица, взявши принца Іоанна на руки, носила по комнатѣ и цѣловала; молодой же принцъ между тѣмъ смѣючись перенималъ ура солдатовъ, на что императрица вѣщала: «О ты невинный младенецъ, не вѣдаешь, что̀ противъ самого себя ура кричишь».

§ 29.

Свергнутая регентша обще съ своимъ супругомъ пробыли до четвертаго дни въ домѣ императрицы Елисаветы Петровны; однакожъ они разлучены были другъ съ другомъ, и герцогъ содержался въ темномъ покоѣ. Прежде отправленія ихъ императрица приказала предложить принцессѣ объ испрошеніи милости у нея. Она просила дозволенія отпустить съ нею довѣренную ея особу, баронессу Юліану фонъ-Менгденъ, которую почитала больше, нежели супруга своего и дѣтей. Императрицѣ не полюбилась сія просьба, однакожъ

согласилась на оную. Герцогская фамилія была раздѣлена, и каждая особа порознь отвезена въ Ригу, и поелику везли токмо по ночамъ, а днемъ останавливались, то не прежде пріѣхали въ Ригу какъ спустя около четырехъ недѣль. Здѣсь они заключены въ замкѣ и вмѣстѣ соединены. Тутошняго пребыванія ихъ было почти полтора года, и въ сіе время принцесса Анна разрѣшилась преждевременно отъ бремени четырехъ-мѣсячнымъ младенцемъ, при чемъ несноснѣйшія претерпѣла мученія. Всѣ дѣти ея привезены въ Ригу спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ ея отъѣзда изъ Санктпетербурга. По прошествіи полутора года всѣ пожитки ихъ были сложены, и слухъ прошелся, что герцогская фамилія въ Германію отпущена будетъ; но вмѣсто того отвезли ихъ въ Динаминдской шанцъ, и пожитки ихъ почти всѣ расхищены. Въ семъ шанцѣ разрѣшилась принцесса Анна отъ бремени принцессою, нареченною Елисаветою. Въ разсужденіи способности житія и хорошаго содержанія не имѣла герцогская фамилія ни малѣйшаго недостатка, ни въ замкѣ въ Ригѣ, ниже въ Динаминдскомъ шанцѣ. Принцесса имѣла двухъ кормилицъ и двухъ горничныхъ дѣвочекъ, а супругъ ея одного камердинера и двухъ лакеевъ. Принцесса получила также Россійскаго священника для отправленія службъ по Греческому закону. Изъ Динаминдскаго шанца герцогская фамилія отправлена сперва въ Оранienбургъ, а потомъ въ Колмогоры, на островѣ рѣки Двины, въ 80 верстахъ отъ Архангельска лежащій городъ, выключая принца Іоанна, который нѣсколько времени оставался въ Оранienбургѣ, и наконецъ содержался въ Шлиссельбургѣ, до кончины своей. Принцесса Анна скончалась въ Мартѣ мѣсяцѣ 1746 года въ Колмогорахъ, въ родахъ, и тѣло ея привезено въ Санктпетербургъ и предано погребенію въ монастырѣ св. Александра Невска-

го. Плачевной конецъ принца Іоанна и какой былъ къ тому поводъ содержатся у каждаго въ свѣжей еще памяти. Онъ заколотъ въ ночи съ 4-го на 5-е число Іюля 1764 года въ Шлиссельбургѣ и, спустя два дни, погребенъ въ Тихвинскомъ монастырѣ, лежащемъ въ 200 верстахъ отъ Санктпетербурга.

§ 30.

Императрица Елисаветъ Петровна вступила на Россійской престолъ 25-го числа Ноября 1741 года, о чемъ того же дня манифестомъ обнародовано; за симъ, 28-го числа того же мѣсяца, послѣдовалъ новой манифестъ, въ которомъ подробнѣе изображены причины, побудившія ее принять Россійской престолъ. Она основывала право свое главнѣйше на первомъ завѣщаніи родительницы ея императрицы Екатерины I-й, по силѣ котораго была она уже послѣ кончины императора Петра Втораго законная наслѣдница Россійскаго императорскаго престола, но пронырствами графа Остермана помянутое завѣщаніе утаено, и императрица Анна Іоанновна избрана Россійскою монархинею; что происками сего же министра принцъ Іоаннъ объявленъ отъ императрицы Анны Іоанновны Россійскимъ монархомъ, и что когда его мать, по нарушеніи данной въ сходствіе учрежденій императрицы Анны Іоанновны присяги, присвоила себѣ регентство, то Остерманъ и Головкинъ имѣли помышленіе принцессу Анну, еще при жизни ея сына принца Іоанна, помазать императрицею и наслѣдіе престола обратить на ея дочерей, а напротивъ того императрицу Елисаветъ Петровну совсѣмъ отъ онаго исключить. Для отвращенія сего непорядка, предупрежденія опасныхъ слѣдствій отъ онаго и доставленія себѣ самой без-

опасности, соблаговолила она, по всеподданнѣйшему прошенію всѣхъ ея вѣрноподданныхъ и особливо лейбъ-гвардіи полковъ, вступить на отеческій престолъ. Коронованіе ея совершено 25-го Апрѣля 1742 года въ Москвѣ, и въ 1743 году наказаны по ея повелѣнію многія особы, покушавшіяся принца Іоанна и его мать въ прежнее возставить состояніе. Между сихъ были также нѣкоторыя знатныя госпожи, какъ-то Наталья Лопухина, супруга генералъ-поручика Степана Лопухина, урожденная Балкъ, которая любовника своего, бывшаго оберъ-гофъ-маршала графа Левенвольде, и графиня Анна Бестужева, которая брата своего графа Михайла Головкина, хотѣли освободить изъ заточенія.

§ 31.

Императрица Елисаветъ Петровна не оставила въ непродолжительномъ времени нужное о будущемъ наслѣдіи престола сдѣлать распоряженіе. Ибо она, призвавъ въ Россію сына сестры своея Анны Петровны, Карла Петра Ульриха, владѣющаго герцога Шлезвиг-Голштинскаго, объявила его, по принятіи имъ Греческаго закона и имени Петра Ѳеодоровича, великимъ княземъ и наслѣдникомъ Всероссійскимъ, по силѣ манифеста отъ 7-го Ноября 1742 года, которому во всей Имперіи и учинена присяга. Въ 1745 году сочетала она его бракомъ съ пресвѣтлѣйшею принцессою Софіею Августою Ангальтъ-Цербстскою, которая, по принятіи Греческаго закона, въ 28-й день Іюня 1744 года, наречена Екатериною Алексѣевною, слѣдующаго дня обручена за великаго князя и манифестомъ отъ 5-го Іюля 1744 объявлена великою княгинею, съ титуломъ ея императорскаго высочества. Мнѣ за подлинно извѣстно, что императрица Елисаветъ Петровна, въ пер-

вые годы по восшествіи своемъ на престолъ, намѣрена была правленіе, по прошествіи двухъ лѣтъ, еще при жизни своей, препоручить великому князю, и къ тому концу приказала она построить неподалеку отъ Санктпетербурга на Невѣ рѣкѣ великолѣпной Воскресенской дѣвичій монастырь, гдѣ имѣла желаніе, по низложеніи правленія, быть настоятельницею. Но сего намѣренія она не совершила, равно какъ и монастырскаго строенія къ концу не привела. Напротивъ того, нынѣ царствующая Россійская императрица Екатерина II-я предопредѣлила въ 1764 году упомянутой монастырь на воспитаніе въ немъ дворянскихъ и мѣщанскихъ дѣтей женска пола. Хотя императрица Елисаветъ Петровна возимѣла неудовольствіе и недовѣрчивость къ великому князю Петру Ѳеодоровичу, отъ чего сей проводилъ нѣсколько лѣтъ въ великомъ ограниченіи, однакожъ она не заблагоразсудила приступить къ поданному ей отъ нѣкоторыхъ особъ совѣту, чтобы великаго князя отъ наслѣдія престола исключить: но великой канцлеръ графъ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ самъ впалъ чрезъ то въ 1758 году въ несчастіе. Напротивъ того, великой князь Петръ Ѳеодоровичъ, въ 25-й день Декабря 1761 года, послѣ кончины императрицы Елисаветъ Петровны, вступилъ на Россійской императорской престолъ безъ всякихъ помѣшательствъ и безмятежно.

КОНЕЦЪ.

Духовное завѣщаніе князя Аникиты Репнина, 1726 года.

Во имя Святыя, Единосущныя, Нераздѣлимыя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Я рабъ Божій князь Аникита Репнинъ, памятуя смертный свой часъ, оставливаю сей тестаментъ или завѣщаніе въ совершенномъ и здравомъ своемъ умѣ и памяти. Егда Божіимъ изволеніемъ грѣшная моя душа съ тѣломъ разлучится, благословляю дѣтей своихъ: князя Ивана—образъ Спаса Вседержителя въ кіотѣ серебряномъ, окладъ и вѣнецъ золотые, съ финифтью въ вѣнцѣ, а на полихъ одиннадцать камней, въ томъ числѣ четыре яхонта, шесть лаловъ, одинъ изумрудъ, а вѣнецъ обнизанъ бурмицкими зернами, а поля и оплечья жемчугомъ, въ прикладѣ два золотыхъ, въ томъ числѣ одинъ двойной, другой одинакой.

Князя Василья—образъ Нерукотвореннаго Спаса, окладъ золотой, вѣнецъ финифтью, обнизанъ бурмицкими зернами, да въ немъ четыре вставки яхонтовыя, въ томъ числѣ двѣ корки красныя, два яхонта лазоревые.

Князя Юрья—образъ Живоначальныя Троицы, окладъ и вѣнцы золотые, на поляхъ четырнадцать дробницъ золотыхъ припускныхъ съ финифтью, двѣ дробницы съ литерами, пропущеныя финифтью, въ вѣнцахъ по два яхонта красныхъ, да по изумруду, поля обнизаны жемчугомъ въ срединѣ, вкругъ,

а сверху вполы, кіотъ деревянный, оклеенъ бархатомъ чернымъ, затворы въ окладѣ серебряномъ.

Женъ ихъ, а своихъ снохъ, князь Иванову жену княгиню Марѳу—образъ Молчанскія Богородицы, въ кіотѣ серебреномъ, вѣнецъ и окладъ золотой гладкій, на поляхъ окладъ и вѣнецъ обнизаны жемчугомъ, съ обѣихъ сторонъ къ вѣнцу не донизано на окладѣ, а на вѣнцѣ пять изумрудовъ, одинъ яхонтъ; на Спасителевомъ образѣ искра лаловая, другая изумрудная, все въ золотѣ; въ ставкахъ по краямъ четыре запонки золотыхъ, въ томъ числѣ въ двухъ по три искры, въ одной двѣ лаловыя, одна безъ искръ и безъ верхорясы; на золотыхъ станкахъ жемчужныя въ три нитки, на каждой нитѣ по два мѣста золотыхъ, въ прикладѣ трои серьги, въ томъ числѣ двои золотыхъ съ бурмицкими зернами, у одной по пяти, у другой по два зерна, на серьгѣ третьи двойчатки, на нихъ по четыре зерна, да по изумруду, да въ яхонтовой коркѣ на серьгѣ мощи за печатью въ бумагѣ: въ прикладѣ четыре золотыхъ, да панагея, жерельецо низаное, въ срединѣ лаликъ, въ срединѣ два изумруда сквозныхъ.

Дѣтей его князь Ивановыхъ, а своихъ внучатъ: князя Петра—образъ Пафнутія Боровскаго, окладъ серебряный гладкій. Князя Сергія — образъ Николая Чудотворца, дека двуверишковая, окладъ золотой и въ кіотѣ серебряномъ, два камня простые, зеленый да желтый. Князь Васильеву жену, ежели изволитъ Богъ быть, образъ Смоленскія Богородицы, окладъ и вѣнецъ золотые безъ цать, вѣнецъ обнизанъ жемчугомъ, въ вѣнцѣ Богородицынѣ и Спасителевѣ семь камней яхонтовыхъ, красные и лазоревые. Князь Юрьеву жену княгиню Клеопатру — образъ Смоленскія Богородицы, малая дека въ кіотѣ серебряномъ, вѣнецъ, поля и ризы золотые.

обизаны жемчугомъ; а въ которыхъ мѣстахъ жемчугу нѣтъ, въ тѣхъ мѣстахъ залѣплено воскомъ; въ вѣнцѣ четыре камня, въ томъ числѣ два изумруда, да лалъ да алмазъ; запона золотая, въ ней девять искръ алмазныхъ, на поляхъ четыре запоны. въ томъ числѣ въ двухъ запонахъ въ срединѣ по искрѣ алмазной, въ одной три искры, а въ другой восемь, въ двухъ по семи искръ яхонтовыхъ, въ томъ числѣ въ одной изумрудная, да тридцать зеренъ жемчужныхъ на нитку особо. Сына его Юрьева, а своего внука князя Александра—образъ Знаменіе Богородицы, окладъ серебряный и риза литая, вѣнецъ съ каруною, въ вѣнцѣ три запоны алмазныхъ четыре зерна, да четыре изумруда, ожерелье жемчужное, въ срединѣ три изумруда.

Зятя своего князя Ѳедора Петровича Хованскаго - образъ Алексѣя Митрополита, риза золотая литая, окладъ гладкій серебряный, по краямъ окладъ чеканный, а на дскѣ положено прорѣзной окладъ съ финифтью. Жену его, а свою дочь княгиню Анну—образъ Смоленскія Богородицы, окладъ серебряный чеканный, риза литая въ кіотѣ деревянномъ, на затворахъ святые въ окладѣ. Дѣтей ихъ, а своихъ внучатъ, князя Ивана—образъ Тихвинскія Богородицы, окладъ серебряный чеканный, убрусъ низаной. Князя Сергія—образъ Іоанна Предтечи, окладъ серебряный чеканный, вѣнецъ и цата, оплечья окладные же серебряные съ чернью. Княжну Парасковью—образъ Живоначальныя Троицы, въ окладѣ серебряномъ чеканномъ, вѣнцы обизаны жемчугомъ, на вѣнцахъ и на цатахъ по шести камней, на всѣ четыре изумруда, восемь искръ лаловыхъ. бирюзъ пять; одной вставки въ вѣнцѣ нѣтъ, верхнія поля сверху обизаны жемчугомъ. Княжну Дарью—образъ Смоленскія Богородицы, окладъ гладкій серебряный.

И которыя святыя иконы, за благословеніемъ моимъ и сверхъ сего моего тестаменту, въ домѣ моемъ останутся, и тѣми святыми иконами благословляю ихъ же дѣтей моихъ, князя Ивана, князя Василья, князя Юрья.

А имѣніе мое недвижимое, а именно дворы и деревни, въ наслѣдство отдаю сыну моему князю Ивану, а движимое помянутымъ моимъ дѣтямъ князю Василію и князю Юрью, по росписямъ за моею рукою, которыя при моихъ пожиткахъ получены. Первая и вторая часть взять съ жеребья, которая кому достанется, понеже оныя равны суть. А которые мои пожитки и сверхъ помянутыхъ росписей въ Москвѣ али въ Питербурхѣ, и при мнѣ, и тѣ имъ же дѣтямъ моимъ князь Василію и князь Юрью раздѣлить поровну кромѣ серебряной посуды, обрѣтающейся при мнѣ, изъ которой полтретья пуда отдать наслѣдному моему сыну князю Ивану, а ему князю Ивану тое серебряную посуду полтретья пуда отдать, по особливому моему ему, наслѣдственному моему сыну князю Ивану, завѣщанію, приложенному къ сему за моею рукою и за печатью; а до движимаго ему, наслѣдственному моему сыну князю Ивану, дѣла нѣтъ.

А въ недвижимомъ моемъ имѣніи, а именно въ деревняхъ движимое: хлѣбъ, лошади, скотъ, живность останутся, а то раздѣлить на двѣ части наслѣдственнымъ моимъ дѣтямъ движимаго моего имѣнія, а наслѣдственному моему сыну недвижимаго моего имѣнія оставить въ тѣхъ деревняхъ семена въ житницахъ, а другія въ землѣ и съ природомъ отъ нихъ.

Такожъ которыя мои деньги есть въ домѣ моемъ въ Москвѣ и въ Питербурхѣ и при мнѣ золотыхъ и ефимковъ и Руской большой и мелкой монеты, и оныя взять помянутымъ же дѣтямъ моимъ князь Василью и князь Юрью себѣ, да имъ же дѣтямъ моимъ князь Василью и князь Юрью и съ служи-

тельми ихъ, буде дворовъ своихъ еще не будутъ имѣть, жить на дворѣхъ моихъ, пока они дворы свои купятъ, токмо не больше двухъ лѣтъ.

Приданыя деревни, которыя я взялъ за женою моею княгинею Парасковьею Дмитревною въ Нижегородскомъ уѣздѣ, въ Нурецкой волости, въ четверти слободкѣ Макарьевской и съ купленными къ ней землями и со крестьяны по указу Ея Императорскаго Величества передаю въ наслѣдство сыну моему князь Василью. И которые люди и крестьяне были изъ той Нижегородской деревни переведены или собою перешли и поселены въ новой моей дачѣ въ Сибирскомъ уѣздѣ въ селѣ Воскресенскомъ съ деревнями и въ другихъ вотчинахъ до 723 года, и написаны въ подушномъ окладѣ, и въ оныя сму, сыну мосму князь Василью, не вступаться и не взыскивать для того, что по нынѣшнему Ея Императорскаго Величества указу, печатанному 725 года Іюня 10-го числа, надлежало мнѣ по смерти помянутой моей жены княгини Парасковьи Дмитріевны взять изъ недвижимаго и движимаго ея придапаго имѣнія четвертую часть, но я того не взялъ; и хотя тѣхъ переведенныхъ крестьянъ и меньше четвертой части будетъ, и оное вмѣняю въ полное число четвертой части обоихъ имѣній, какъ недвижимыхъ, такъ и движимыхъ; чего ради и наслѣдственному моему сыну князь Ивану больше того въ четвертую часть не требовать.

Такожъ которые люди и крестьяне и бобыли и ихъ дѣти изъ родовыхъ и выслуженныхъ дѣда и отца моего вотчинъ, которые по челобитью отца моего и по росписи въ Помѣстномъ Приказѣ за мною и за братомъ моимъ князь Андреемъ Ивановичемъ Репнинымъ росписаны, и изъ тѣхъ вотчинъ по смерти онаго моего брата, по раздѣлу моему съ его женою, а моею невѣсткою вдовою княгинею Татьяною Алексѣевою

достались ей, невѣсткѣ моей, подмосковное село Хупавна, Каширское село Данилово: а она въ духовной своей написала тѣ деревни сыну моему князь Василью: и изъ тѣхъ подмосковной села Хупавны и изъ Каширской села Данилова отданы за дворовыхъ моихъ людей въ солдаты, и въ другія мои деревни, которыя належать наслѣдственному сыну моему, выведены или собою перешли до 723 году и въ подушной окладъ въ тѣхъ деревняхъ написаны, и во оныхъ ему сыну моему князь Василью не вступаться и не взыскивать же. Ежели въ вышепомянутыхъ сына моего князь Васильевыхъ вотчинахъ, въ подмосковной, въ Каширской, въ Нижегородской изъ другихъ моихъ деревень есть люди, бобыли и крестьяне, которые до вышеписаннаго жъ 723 году переведены или собою перешли и въ подушной окладъ въ тѣхъ деревняхъ написаны: и съ тѣми наслѣдственному сыну моему князь Ивану учинить по тому же, какъ писано выше сего. А которые хлѣбные и столовые и протчіе запасы и оброчные и другіе денежные и всякіе доходы помянутыхъ сына моего князь Василья деревень въ домъ мои были въ приходѣ и въ расходѣ съ другими моими доходы, ему сыну моему князь Василью того на наслѣдственномъ моемъ сынѣ князь Иванѣ не взыскивать же; понеже онъ, князь Василей, жилъ при мнѣ и въ моемъ домѣ и довольствовался всѣмъ отъ меня изъ моего дому. А движимое взятое за помянутою моею женою княгинею Параскевьею Дмитріевною по росписи на шесть тысячъ рублевъ я пожилъ по смерти ея. И за то приданое помянутому наслѣдственному моему сыну князь Ивану заплатить сыну моему князь Юрью шесть тысячъ рублевъ въ шесть лѣтъ, понеже оные наслѣдники деревнямъ и пожиткамъ матери своей.

Долги, которые останутся на мнѣ по смерти моей, на которые явятся письма за моею рукою, платить все наслѣдственному моему сыну изъ недвижимаго моего имѣнія. А ежели выпеупомянутыхъ долговъ брату своему князю Юрью и долговъ моихъ наслѣдственной мой сынъ безъ продажи деревень или дворовъ заплатить не можетъ, и для той расплаты изъ недвижимаго своего наслѣдства продать или помянутому брату своему князь Юрью по договору подъ закладъ отдать волень, пока получитъ свои деньги; токмо ему, владѣючи, не разорить.

Да послѣ меня останутся золотыя монеты: одна Польскаго короля Жигимунта Третьяго, которая дана блаженныя памяти дѣду моему боярину князю Борису Александровичу Репнину, какъ онъ былъ въ Польшѣ посломъ во сто червонныхъ, да которыя во время службы моей Его Императорскому Величеству мнѣ пожалованы, первая за вѣчный миръ съ короною Шведскою 722 году Генваря 28 дня въ пятьдесятъ червонныхъ, вторая при коронаціи Ея Величества Государыни Императрицы и Самодержицы Всероссійской 724 году Мая 7 дня въ тридцать червонныхъ; третья въ память погребенія Его Императорскаго Величества 725 году Марта 10 дня, въ пятьдесятъ червонныхъ, и оныя взять наслѣдственному моему сыну князю Ивану, понеже оныя надлежитъ имѣть всегда одному наслѣднику недвижимаго имѣнія въ память предковъ своихъ, яко недвижимое имѣніе въ родъ и родъ.

А когда по волѣ Божіей мнѣ случится смертный часъ, а другомъ кто изъ дѣтей моихъ одинъ или два будутъ, по сему моему завѣщательному тестаменту учинитъ, кто изъ нихъ при томъ будетъ, и оставшіяся части пожитковъ моихъ, которыя достанутся братьямъ его, сохранитъ, и какъ они прибудутъ, отдастъ въ цѣлости при свидѣтелѣхъ.

И по сему моему завѣщательному тестаменту завѣщеваю и отечески повелѣваю, а притомъ прошу дѣтей своихъ, князя Ивана, князя Василья, князя Юрья въ началѣ имѣть страхъ Божій и поступать по заповѣдемъ Божіимъ, и между себя имѣть любовь неразвратную, и меньшей большаго да почитаетъ, какъ Святое Писаніе повелѣваетъ, и другъ друга въ нуждахъ и въ напастяхъ не оставлять, и во всемъ ссужать и помоществовать. И дабы, по сему моему завѣщательному тестаменту кому что повелѣно, исполнить подъ клятвою моею родительскою.

Сей тестаментъ писалъ по приказу генерала-фельдмаршала и кавалера князя Никиты Ивановича Репнина, генеральной его канцеляріи копіистъ Семенъ Петровъ, Іюня 6 дня 1726 году. Азъ князь А. Репнинъ въ полномъ своемъ умѣ и разумѣ сей тестаментъ власною моею рукою подписалъ и печатью своею утвердилъ.

Сіе отца моего князя Никиты Ивановича Репнина завѣщаніе я князь Иванъ Репнинъ подписалъ власною моею рукою, во увѣреніе сего по вышеписанному во всемъ содержать и исполнять безпрекословно обязуюсь.

Письмо князя Никиты Волконскаго, мужа Аграфены Петровны Бестужевой, шута при Аннѣ Іоанновнѣ.

Василій Михайловъ! По полученію сего моего письма, доложась княгинѣ, съѣзди въ Селявино и подряди до меня живодеровъ, чтобъ въ зиму кормили собакъ; и прежде я къ тебѣ писалъ, чтобы борзыхъ убавить и гончихъ всѣхъ до меня держать и щенять гончихъ. Да живодеръ надобѣ къ Троицѣ. Также стараніе имѣй, чтобы въ Селявинѣ сдѣлать конюшенной дворъ и конюшню.

Князь Никита Волконской.

Изъ Митавы, Сентября 4 дня 1727 года.

Реестръ отобраннымъ письмамъ, которыя между прочими взяты были въ Слѣдственную Коммиссію изъ дома бывшаго кабинетнаго министра Остермана и принадлежатъ до Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ.

Въ сундукѣ № 31-й.

№ 1.

Разсужденіе на Нѣмецкомъ языкѣ, и съ него переводъ на Россійскомъ, потребно ль было, по отобраніи Азова, Кубани и Крыма, совѣтовать о заключеніи мира съ Турками и Татарами, или еще войну продолжать?

Переводъ съ письма бывшаго генерала-фельдмаршала Миниха, писаннаго изъ Перекопи, отъ 17-го Іюля прошлаго 1736 году къ помянутому Остерману о военныхъ дѣйствіяхъ, намѣреніяхъ и о состояніи арміи.

Четыре письма блаженныя памяти государыни императрицы Анны Іоанновны, да четырежъ письма благодарительныя за приложенное стараніе о супружествѣ принца Антона Ульриха, а именно два отъ Карла герцога Вольфенбительскаго, одно отъ бабки его Кристины Люизы, а четвертое отъ министра ихъ Крама, да три письма отъ бывшаго герцога Курляндскаго Бирона, писанныя къ нему, Остерману, на Нѣмецкомъ языкѣ.

Копіи съ писемъ Миниховыхъ, писанныхъ къ бывшему регенту изъ разныхъ мѣстъ прошлыхъ 1736, 737, 738 и 739 годовъ о военныхъ операціяхъ и о прочемъ, и притомъ

краткой экстрактъ о побитыхъ и раненыхъ, также и продолженіе журнала при арміи.

Копія съ отвѣтной грамоты Римскаго Цесаря къ бывшему Курляндскому герцогу Бирону о тогдашнихъ поступкахъ въ Турецкой войнѣ.

Двадцать шесть штукъ оригинальныхъ и копіи съ Миниховыхъ писемъ къ Остерману о дѣлахъ, происходящихъ при арміи.

Копія съ письма, писаннаго изъ Варшавы на Нѣмецкомъ языкѣ прошлаго 1738 года къ бывшему Курляндскому герцогу Бирону о тогдашнихъ дѣлахъ, и притомъ копія съ секретнаго приложенія изъ Вѣны отъ 27 Сентября 1738 года подъ знакомъ.

Двѣ копіи съ писемъ Густава Бирона къ брату его бывшему Курляндскому герцогу о военныхъ операціяхъ отъ 1-го и 8-го Августа 1738 года.

Копія съ письма Цесарскаго посла де Богта къ бывшему Курляндскому герцогу Бирону о цесарскихъ военныхъ операціяхъ отъ 30 Іюля 1738 года.

Копія съ приложенія подъ литерою А. о Константинопольскихъ вѣдомостяхъ отъ Турецкой границы.

Копіи съ разсужденія Миниха на Нѣмецкомъ языкѣ въ Кіевѣ 27 Февраля 1737 года о учиненномъ набѣгѣ Турковъ и Татаръ въ Украйну.

Представленіе Миниха, чего ради съ Цесарскимъ генералитетомъ на почтѣ чрезъ Каменецъ Подольской корреспонденцію имѣть не надлежитъ.

Представленіе за подписаніемъ Миниховой руки, какимъ порядкомъ съ Турками генеральную баталію возъимѣть.

Копія съ письма Васевичева о разныхъ матеріяхъ къ бывшему генералу-фельдмаршалу Миниху, изъ Вѣны отъ 29 Мая 1739 года.

№ 2.

Всякія разныя записки, посыланныя къ бывшему кабинетному министру Остерману. о дѣлахъ изъ Кабинета по иностранной экспедиціи.

№ 3.

1. Списокъ съ стараго списка Столбовскаго договора, 7125 года (1617).

2. Выписка о договорѣ прежнемъ и о пересылкахъ между Россіи и Швеціи, и за что пропедшая война началась.

3. Переводъ съ Свейскаго письма съ записи, какову дали Свейскіе послы Іюня въ 21 день, въ Кардисѣ (между Колываньею и Юрьевымъ) въ 169 (1661) году.

4. Списокъ съ договорнаго письма, даннаго отъ Свейскихъ пословъ Кондратія Гильденштерна съ товарищи, 7192 (1684) г.

5. Списокъ съ грамоты, какова послана отъ великаго государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича къ Французскому Людвику королю въ 123 (1615) году съ посланникомъ Иваномъ Кондыревымъ съ товарищи, съ сообщеніемъ о избраніи и воспріятіи Всероссійскаго престола его царскаго величества и неправдахъ Польскаго и Свейскаго королей.

6. Списокъ съ объявленія, которое велѣно учинить въ Англіи барону Шаку въ 1714 году.

7. Экстрактъ изъ выписки, какова дѣлана въ Польшѣ изъ привезенной вѣдомости съ Москвы о Свейскихъ дѣлахъ.

8. Списокъ грамоты съ подтвержденной и докончанной на Кардійской вѣчной мирной договоръ, и *Плюсское*.

9. Посольское совершеніе и Московское возстановленіе, отправленное отъ царскаго величества къ Свейскому Каролусу королю съ бывшими въ Москвѣ Свейскими послы съ барономъ Яганомъ Бергельмомъ съ товарищи, въ 7208.

№ 4.

1. Часть журнала на Нѣмецкомъ яз. руки Остермановой о военныхъ дѣйствіяхъ съ Шведами, 1709 года.

2. Описаніе, поданное блаженныя памяти государынѣ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ отъ тайнаго совѣтника Савы Рагузинскаго, о чемъ онъ, будучи въ Китаѣ, могъ провѣдать, а именно о силахъ и состояніи онаго государства и о границахъ обѣихъ имперій, а наипаче, что происходило между Россійскимъ и Китайскимъ (sic) имперіями съ 1680 года.

3. Журналъ воояжу галернаго флота капитана Марки Дубровина, какъ отправился отъ Астрахани до Хивы и до Бухаръ, и въ которыхъ городахъ и провинціяхъ какія войска и купечество, и какія въ нихъ руды и прочія вещи.

4. Исторія на Нѣмецкомъ языкѣ, писанная о Россіи и о прошедшей Шведской войнѣ и о ея причинахъ.

№ 5-й.

1. Краткія выписки изъ министерскихъ писемъ и при нихъ приложенія, 1714 года.

2. Разные концепты и письма прошлыхъ годовъ.

3. Письма министерскія и другія, 1721, 1722 и 1723 год.

4. Письма дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Толстова и кабинетъ-секретаря Макарова изъ низоваго похода къ Остерману, 1722 года.

5. Дупликатъ съ грамоты къ Дацкому королю, отправленной Апрѣля 24 дня 1714 г., изъ Санктпетербурга, о бывшихъ военныхъ операціяхъ противъ Шведовъ, за подписаніемъ собственныя руки блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государя императора Петра Великаго, и при той грамотѣ переводъ на Нѣмецкомъ языкѣ.

6. Меморіи на Французскомъ языкѣ о состояніи Европейскихъ дѣлъ.

№ 6-й.

1. Письма и приложенія канцлера графа Головкина 1711 г. къ государю императору Петру Великому и къ Остерману.

2. Корреспонденціи Шведскаго почтмейстера Негельдорфа, который въ Россійскую службу домогался.

3. Письма Ягужинскаго и посланника Лавчинскаго.

4. Именные указы государя императора Петра Великаго, и письма канцлера графа Головкина къ Остерману, въ Ревель, и на оныя отвѣтныя, 1715 года.

5. Подорожная и прочія письма Остерману, при отъѣздѣ его въ Регенсбургъ.

6. Письма Шведскихъ министровъ, прememоріи изъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, 1722 г., допошенія въ оную Коллегію; концептъ Русской съ Нѣмецкимъ къ Шведскимъ министрамъ того-же года; письмо и при томъ облигаціи на 3000 галеровъ, присланныя изъ Стокгольма въ 1722 году для взятія съ города Риги.

7. Письмо и счеты Франца Попа изъ Гамбурга.

8. Реляція 1714 г. о полученной надъ Шведами побѣдѣ на морѣ Россіянами, и прочія обстоятельства.

Въ томъ же сундукѣ имѣются книги Турецкія Константинопольской типографіи, присланныя отъ тайнаго сов. Неплюева, которыя принадлежатъ до Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

Реестръ отобраннымъ въ Государственную Колл. Иностр. Дѣлъ надлежащимъ письмамъ, которыя между другими графа А. Остермана письмами къ слѣдствію въ Коммиссіи обрѣтались.

№ 1. Копіи съ рескриптовъ къ Цесарскимъ министрамъ, и отъ тѣхъ министровъ сообщенія, съ переводами, касающіяся до бывшихъ въ 1732 г. Польскихъ, Цесарскихъ, Россійскихъ, Французскихъ, Турецкихъ и Персидскихъ дѣлъ: притомъ же копія съ заключеннаго отъ Цесарскаго двора трактата съ курфюрстомъ Саксонскимъ. Всего 98 штукъ.

Подъ № 2. Разныя копіи на Шведскомъ языкѣ, и притомъ переводы на Россійскомъ, которые во время Сейма, въ 1735 г. бывшаго, къ реляціямъ чрезвычайнаго посланника Михаила Бестужева приложены. Реляція отъ помянутаго министра и къ нему рескриптъ. Письма къ графу Остерману, и письмо отъ барона Гейкина, и на оное отвѣтъ. Всего 16 штукъ.

Подъ №. 3. Разныя представленія Прусскаго чрезвычайнаго посланника барона Мардефельда о княжествѣ Курляндскомъ и о Польскихъ дѣлахъ, касающихся до возведенія курфирста Саксонскаго на Польскій престолъ, и о постановленіи съ ними договоровъ, и учиненные ему на оныя отвѣты.

Письма графа Ягужинскаго къ графу А. Остерману о пропускѣ чрезъ Прусскія границы войскъ Россійскихъ къ Гданску, и о другихъ при Прусскомъ дворѣ обращающихся обстоятельствахъ: и къ нему отъ графа Остермана на оныя отвѣты. Такожде письма на Нѣмецкомъ языкѣ къ Цесарскому министру графу Синцендорфу о тѣхъ-же дѣлахъ. Всего 38 штукъ.

Подъ № 4. Мнѣніе о возобновленіи союза съ Пруссіею.

Разсужденіе о дружбѣ съ Цесарскимъ дворомъ.

Разсужденіе о Портѣ Оттоманской.

Отвѣтъ Венгерскимъ министрамъ.

Предложеніе о учрежденіи на границахъ магазиновъ.

Мнѣніе о соблюденіи Аустрійскаго дома и о прочемъ до того касающемся.

Промеморія Венгерскимъ министрамъ о Прусскихъ до Шлезіи касающихся дѣлахъ.

Ремарки на поданные отъ Венскаго двора насупротивные пункты.

Трактатъ о раздѣленіи Цесарскихъ наслѣдныхъ земель.

Записка, о чемъ королевско-Польскій министръ графъ Линаръ предлагалъ.

Записка, о чемъ Прусскій министръ баронъ Мардефельдъ предлагалъ.

Письмо короля Прусскаго къ фельдмаршалу Миниху.

Грамота къ королю Прусскому о Шлезскихъ дѣлахъ.

Мнѣніе, какъ къ барону Кейзерлингу о морскихъ державахъ писать.

Экстрактъ изъ письма полученнаго изъ Яссъ.

Письма къ графу А. Остерману отъ князя Щербатова изъ Лондона о дворянинѣ Третьяковѣ. Всего 17 штукъ.

Подъ № 5. *Письма* отъ полковника Даревскаго о Польскихъ дѣлахъ къ графу Остерману, въ 1733 году писанныя.

Письмо отъ Курляндскаго шляхтича Корфа къ нему же о публикаціи манифеста въ Литвѣ, писанное въ 1733 году.

Письма отъ полковника Лиѳена къ нему же о Польскихъ дѣлахъ, въ 1733 году писанныя.

Письма отъ гофрата Бѣлки къ нему-жъ о Россійскомъ войскѣ, бывшемъ въ Польшѣ, въ 1733 году писанныя.

Переводъ съ письма графа Огинскаго, благодарительнаго, такожде и записка о Польскихъ вѣдомостяхъ.

Письма отъ старосты Рудомино о его опредѣленіи посланникомъ отъ Республики въ Россію, писанныя къ нему же въ 1733 году.

Письма отъ Фалькенгагена о Польскихъ дѣлахъ, писанныя къ гофрату Бѣлки въ 1734 году. Всего 17 штукъ.

Подъ № 6. *Письма* отъ барона Кейзерлинга къ графу А. Остерману, писанныя въ 1732 году о Курляндскихъ дѣлахъ, и къ нему отвѣтъ.

Письмо отъ графа А. Остермана къ оберъ-рату Курляндскому о таможнихъ дѣлахъ.

Письма отъ оберъ-рата Сакена къ графу Остерману о Курляндскомъ дѣлѣ, въ 1733 году писанныя.

Письмо отъ Центровія о Курляндскихъ дѣлахъ къ нему же, въ 1732 году писанное.

Письма отъ Курляндскихъ шляхтичей Бокума и Клопмана къ нему же о Курляндскихъ дѣлахъ, въ 1733 году писанныя.

Королевско-Польскій *указъ* къ Курляндскимъ оберъ-ратамъ. Всего 11 штукъ.

Подъ № 7. *Реляціи* князя Голицына, и къ нему *указы* о

Курляндскихъ дѣлахъ, въ 1732 и 1733 годахъ писанные. Всего 10 штукъ.

Подъ № 8. *Реляціи* фельдмаршала Лессія, писанныя въ 1732 году, и къ нему *указы* о Курляндскихъ дѣлахъ. Всего 6 штукъ.

Подъ № 9. *Грамота* къ примасу Польскаго королевства о Станиславѣ.

Манифестъ о Станиславѣ и о вступленіи Россійскихъ войскъ въ Польшу.

Рефлекціи о Станиславѣ въ избраніи его королемъ Польскимъ.

Экстрактъ изъ заключеннаго съ Польшею трактата отъ 1716 года.

Экстрактъ изъ трактата, заключеннаго между королемъ Шведскимъ и Станиславомъ Лещинскимъ въ 1705 году.

Представленіе основательныхъ причинъ, по которымъ союзныя войска въ Польшу введены.

Письмо отъ графа А. Остермана къ примасу о баронѣ Таубе. Всего 9 штукъ.

Подъ № 10. *Проектъ* оборонительнаго союза между Россіею и Англіею, и съ онаго переводъ на Англійскомъ языкѣ.

Ремарки, чего съ Россійской стороны отъ Англіи требовано по нѣкоторымъ пунктамъ.

Пункты о трактатѣ коммерціи, предложенные отъ Англійскаго министра Форбеса въ 1733 году.

Мнѣніе милорда Форбеса о сихъ пунктахъ.

Содержаніе трактата коммерціи съ Англіею.

Экстрактъ изъ письма къ резиденту Рондо, писаннаго въ 1733 году. Всего 8 штукъ.

Подъ № 11. *Грамота* къ королю Прусскому на Нѣмецкомъ языкѣ, и съ нея переводы, также набѣло написанные, несостоявшіеся. Всего 6 штукъ.

Подъ № 12. *Приложенія* къ доношеніямъ Корфа и князя Голицына, состоящія въ манифестахъ, инструкціяхъ и письмахъ о Курляндскихъ дѣлахъ. Всего 12 штукъ.

Подъ № 13. *Разсужденіе* о Швеціи, выписанное изъ старыхъ дѣлъ. Одна штука.

Подъ № 14. *Мнѣніе* о негоціаніи. Англійскаго министра.

Ремарки о оборонительномъ союзѣ между Россіею и Швеціею.

Резоны, почему Швеція войну Россіи объявила.

Предложеніе о учиненіи къ Шведской сторонѣ всякихъ распоряженій.

Шведскій *Регламентъ* о товарахъ на Голландскомъ языкѣ.

Письмо отъ графа Сольмса о министерскихъ дѣлахъ.

Письмо отъ брата генерала Кейта.

Письмо подъ названіемъ exhortatio ad nobilissimam Poloniae nationem, или увѣщаніе шляхетской Польской націи, и на оное отвѣтъ.

Копія съ реляціи каммергера Корфа.

Манифестъ о Шведской войнѣ.

Промеморія Венгерскихъ министровъ.

Письмо нѣкотораго Шведа къ своему пріятелю о начатой съ Россіею войнѣ.

Дедукція короля Польскаго о вступленіи въ Богемію войскъ его.

Сообщеніе отъ Миралема Турецкихъ вѣдомостей.

Письмо отъ верховнаго визиря къ хану Крымскому.

Копія съ реляціи каммергера Ланчинскаго.

Копіи съ писемъ генерала Румянцова къ каммергеру Ланчинскому. Всего 17 штукъ.

Подъ № 15. *Mémoire* о установленіи коммерціи въ Левантѣ.

Письмо отъ воеводы Краковскаго Любомирскаго.

Приложенія къ реляціи дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Михаила Бестужева, къ № 56-му.

Доношеніе фельдмаршала Лессія о Шведскихъ дѣлахъ.

Письма о имперскихъ дѣлахъ, до избранія цезаря касающіяся.

О *визитѣ* маршала де Бель-Иля, отданномъ курфирсту Мейнцкому.

Предложеніе и мнѣніе о Аустрійскихъ дѣлахъ.

Донесеніе генерала Кейта о Шведскихъ дѣлахъ.

Переводъ съ нѣкотораго Турецкаго письма.

Разсужденіе о Турецкой войнѣ.

Допросная *Записка* о Турчанинѣ Гонзети.

Рѣчь сераскира *Яги-паши*.

Разсужденіе о Польскихъ дѣлахъ.

Сообщеніе Польскаго министра Лефорта.

Разсужденія о помощи Цесарской.

Разсужденія черныя о Цесарскихъ и Польскихъ дѣлахъ.

Разсужденія перебѣленныя о Цесарскихъ и Польскихъ дѣлахъ.

Берлинской *трактатъ* и грамота отъ цесаря.

Реляція резидента *Гейнсона* съ приложеніями. Всего 20 штукъ.

Подъ № 16. *Мнѣніе* графа Головкина о разныхъ дѣлахъ.

Мнѣніе его же, до вспоможенія Венгерской королевѣ касающееся.

Мнѣніе его же о разныхъ дѣлахъ.

Мнѣніе его же объ отвѣтѣ Венгерскимъ министрамъ и о другихъ дѣлахъ.

Мнѣніе его же о Французскихъ дѣлахъ.

Мнѣніе его же о Англійскихъ и о другихъ дѣлахъ.

Мнѣніе его же о *вымпривательной* земель машинѣ.

Мнѣніе его же о генералѣ Левашовѣ, о баронѣ Бракелѣ, и о другихъ персонахъ.

Мнѣніе его же о секретарѣ Гейнцельманѣ, о Турецкомъ и Персидскомъ послахъ.

Представленіе о Аустрійскихъ и Англійскихъ дѣлахъ.

Письмо и мнѣніе графа Головкина о Шведскихъ дѣлахъ, до Россіи касающихся.

Мнѣніе его же о ассессорѣ Собакинѣ, о переводчикахъ Синявичѣ и Семенѣ Ивановѣ.

Письмо и мнѣніе графа Остермана о Шведскихъ дѣлахъ, до Россіи касающихся.

Записка прикаазу кабинетнымъ министрамъ о Аустрійскомъ дѣлѣ.

Представленіе и мнѣніе о Аустрійскомъ домѣ и другихъ дѣлахъ, до Швеціи и прочихъ дворовъ касающихся.

Резолюція Генеральныхъ Статовъ о Шведскихъ дѣлахъ.

Репортъ генерала Кейта о Шведскихъ манифестахъ.

Письма канцеляріи совѣтника Хризоскулея о Турецкомъ послѣ.

Разсужденіе о состояніи Башкирскаго народа.

Разговоръ Этамадъ-хана съ студентомъ Чекалевскимъ.

Нѣкоторый *проектъ* о матросахъ.

Копія съ *реляціи* князя Антіоха Кантемира.

Копія съ *реляціи* кн. Кантемира.

Копія съ *реляціи* посла графа Головкина.

Копія съ *реляціи* барона Бракеля.

» » » генерала Левандаля.

» » » барона Кейзерлинга.

» » » каммергера Бутлера.

Партикулярныя *письма* барона Кейзерлинга.

Партикулярныя письма къ графу А. Остерману.

» » отъ канцеляріи совѣтника Неплюева.

» » отъ статскаго совѣтника Вешнякова.

Партикулярныя *письма* къ гр. Остерману (продолженіе).

» » отъ генерала Леонтьева.

» » » генерала Румянцова.

» » статскаго совѣтника Каніонія.

Реляція и *ремарки* о кампаніи Россійской арміи въ 1738 году.

Мнѣніе на поданныя отъ генерала-фельдмаршала графа Лессія представленія.

Краткое *извѣстіе* о имѣющихся съ чужестранными державами трактатахъ, и что̀ къ тому принадлежитъ.

Разсужденіе и извѣстія о Персіи.

Извѣстіе о Китайскомъ государствѣ.

Извѣстіе о Ризѣ Христовой.

Копія съ гисьма отъ статскаго совѣтника Каніонія.

Записка отпускамъ къ барону Кейзерлингу.

Письмо отъ князя Кантемира о *собакахъ Бассе*.

Подъ № 17. *Описанія* о Мунгальскихъ владѣльцахъ и о Китайскомъ государствѣ. 6 штукъ.

Подъ № 18. *Письмо* отъ Французскаго посла маркиза *Вилленева*.

Копія съ письма отъ барона Кейзерлинга.

Письмо отъ барона Кейзерлинга.

Письмо отъ короля Польскаго къ графу Остерману о графѣ Линарѣ.

Письмо отъ герцога Мекленбургскаго къ дочери своей принцессѣ Аннѣ о своемъ дѣлѣ.

Письмо отъ графа Бриля къ гр. Остерману о графѣ Линарѣ.

Письмо о нападеніи Прусскомъ въ Шлезіи.

Письмо отъ барона Кейзерлинга.

Письмо каммергера Ланчинскаго.

Письмо отъ резидента Голембовскаго.

Письма отъ дѣйств. тайн. совѣтника Михаила Бестужева, тутъ и приложеніе о Шведскихъ дѣлахъ.

Письмо отъ графа Бриля.

Копія съ письма Турецкаго сераскира къ герцогу Брауншвейгъ-Люнебургскому.

Записка предложеніямъ отъ чужестранныхъ министровъ.

Копія съ реляціи князя Кантемира.

Проектъ къ трактату о дружбѣ и коммерціи между Россіею и Голландіею.

Копія съ письма отъ статск. сов. Каніонія къ гр. Остерману.

Письма отъ канцеляріи совѣтника Хризоскулея къ нему же.

Письмо отъ генерала Любраса къ нему же.

Письмо къ Венгерскому министру Ботта отъ Венгерскаго же министра Гатлея изъ Гаги о помощи Россійской.

Копія съ реляціи барона Кейзерлинга.

Письмо и разсужденіе о заключенномъ между Швеціею и Портою союзѣ.

Письмо отъ канцеляріи совѣтника Хризоскулея къ графу Остерману.

Письмо отъ воеводы Витебскаго Огинскаго къ нему же.

Письмо отъ секретаря Гейнцельмана къ нему же.

Письмо отъ берона Мардерфельда къ нему же.

Церемоніалъ въѣзда и аудіенціи Цесарскаго посла маркиза Ботта.

Присяга нѣкотораго человѣка, именемъ Дильбота. Тутъ же и цифры.

Подъ № 19. *Письмо* отъ резидента Шенделя къ гр. Остерману.

Письмо отъ герцога Брауншвейгскаго Людовика къ нему же.

» » барона Кейзерлинга къ нему же.

» » резидента Альценгейма къ нему же.

Письмо нѣкоторой персоны, именуемой *Гобиля*, къ нему же изъ Пекина.

Письмо отъ полковника Дискау изъ Гданска къ нему-же.

Копія съ письма отъ графа Миниха къ маркизу де Вилленеву.

Рѣчь, отправленная отъ сераскира Ясолъ-паши и Колчака, въ бытность ихъ при дворѣ.

Благодарительное *письмо* герцога Брауншвейгскаго, по объявленіи ему о супружествѣ съ принцессою Мекленбургскою Анною.

Благодарительное *письмо* именемъ брата его герцога Карла о томъ-же.

Письма отъ нѣкотораго именемъ Бейса къ нему графу Остерману о Шведскихъ дѣлахъ.

Письмо отъ генерала Румянцова рекомендательное къ нему-же.

Роспись командированнымъ изъ Карльскроны кораблямъ, также галерамъ, и сколько людей на нихъ и командировъ.

Письма отъ генерала Любраса къ нему-же графу Остер-

ману о Кронштатской работѣ и о полкахъ тамо, такожъ о провіантѣ.

Содержаніе, о чемъ графъ Белиль Баварскому двору представлялъ.

Декларація, чѣмъ король Прусской въ Шлезіи довольствоваться хочетъ. Всего 19 штукъ.

Подъ № 27. Переплетенныя книги, а въ нихъ:

Переводъ съ Турецкаго *листка* къ графу Остерману.

« тоже,

« тоже,

Копія съ *листа* отъ него къ Турецкому визирю.

Партикулярныя *письма* къ Волынскому отъ графа Остермана, отъ бывшаго герцога Курляндскаго, отъ барона Шафирова и отъ тайнаго совѣтника Неплюева.

Копія съ *трактата* между Россіею и Портою, отъ 1700 г.

Копія съ межевой *записи* между Россіею и Портою отъ 1705 г.

Копія съ *трактата* между Россіею и Портою, отъ 1711 г.

Копія съ *трактата* между Россіею и Портою, отъ 1712 г.

Копія съ *трактата* между Россіею и Портою, отъ 1713 г.

Копія съ межевой *записи* между Россіею и Портою, отъ 1714 г.

Копія съ *трактата* между Россіею и Портою, отъ 1720 г.

Копія съ *трактата* между Россіею и Портою, отъ 1724 г.

Копія съ *трактата* между Россіею и Иранскимъ государствомъ, отъ 1735 г.

Копія съ *трактата* между Россіею и Персидскимъ шахомъ, отъ 1732 года.

Копія съ *трактата* между Россіею и Польшею отъ 7194 (1686) года.

Конвенція съ Римскимъ цесаремъ, отъ 1737 года.

Копія съ *трактата* между Россіею и цесаремъ, отъ 1726 г.

Переводъ съ *сообщенія* Цесарскаго министра графа Остейна, отъ 1736 года.

Инструкція опредѣленнымъ на конгрессъ съ Оттоманскою Портою Россійскимъ министрамъ.

Прибавокъ къ инструкціи опредѣленнымъ на конгрессъ Россійскимъ министрамъ.

Копія съ *полной мочи* Россійскимъ министрамъ.

Переводъ съ Латинской *полной мочи* отъ Римскаго цесаря опредѣленнымъ его на конгрессъ министрамъ.

Переводъ съ формальной *декларації* объ общихъ противъ Турокъ операціяхъ.

Переводъ съ данной графу Остейну *нотаціи* о помощи противъ Турокъ.

Цесарской *планъ* операціямъ.

Выписка о учиненныхъ Россійскимъ подданнымъ съ Турецкой стороны обидахъ.

Выписка изъ трактатовъ съ Турками.

Выписка о противныхъ съ Турецкой стороны поступкахъ и обидахъ, къ Россійской имперіи показанныхъ.

Извѣстіе о *Татарахъ Нагайскихъ.*

Извѣстіе о аульныхъ Татарахъ. Всего выписокъ 5 штукъ.

Подъ № 28. *Переплетенныя книги*, а въ нихъ:

Протоколы и прочее, что происходило въ бытность на Немировскомъ конгрессѣ между Россійскихъ, Цесарскихъ и Турецкихъ полномочныхъ пословъ.

Реляціи и протоколы, что въ бытность на Немировскомъ конгрессѣ оберъ-егермейстера Волынскаго происходило.

Записка проходящимъ изъ Кабинета указамъ къ Россійскимъ министрамъ на конгрессѣ въ Немировѣ.

Партикулярныя *письма* отъ оберъ-егермейстера Волынскаго, изъ Немирова писанныя.

Выписка, какъ Запорожцы въ подданство Россійское приняты. Всего пять штукъ.

Подъ № 29. *Письма* отъ графа Остермана къ кардиналу де Флери и маркизу де Виленеву о мистеріальныхъ дѣлахъ.

Церемоніалъ аудіенціи Французскаго посла маркиза де-ла-Шетарди.

Представленіе Французскаго полномочнаго министра маркиза де-ла-Шетарди о аудіенціи.

Проектъ трактата дружбы, коммерціи и навигаціи между Россіею и Генеральными Статами.

Записка, что́ съ Шведскимъ секретаремъ посольства Лагерфлиртомъ, по объявленіи отъ Шведовъ войны, происходило.

Письма отъ покойнаго графа Ягужинскаго къ графу Остерману о разныхъ дѣлахъ.

Письмо къ королю Польскому отъ графа Остермана.

Письмо къ графу Остерману отъ резидента Шенделя о нѣкоторомъ человѣкѣ именемъ Филларѣ.

Письмо отъ графа Брюса къ графу Остерману о Турецкомъ послѣ.

Письма отъ бывшаго герцога Курляндскаго къ графу Остерману, и отвѣты на оныя.

Представленіе отъ протестантовъ о гоненіи оныхъ католиками.

Реляція, что́ прежде и при отправленіи торжества о заключеніи съ Швеціею въ 1721 г. вѣчнаго мира чинилось.

Рѣчь поздравительная Ея Императорскому Величеству съ заключеніемъ мира съ Портою.

Письмо отъ герцога Брауншвейгскаго къ графу Остерману.

Экстрактъ изъ письма короля Прусскаго, сообщеннаго отъ барона Мардефельда.

Промеморія Шведскаго посланника Нолькена, чего онъ при отъѣздѣ своемъ требовалъ.

Рекомендательное письмо Англійскаго министра Фпиша о графѣ Кокенѣ (sic).

Письма отъ генерала Румянцова къ графу Остерману. Всего 19 штукъ.

Подъ № 30. *Записки* отъ его превосходительства тайнаго совѣтника фонъ Бреверна, присланныя къ графу А. И. Остерману, въ 1740 и 1741 г. о разныхъ тогда происходившихъ дѣлахъ. Всего 59 штукъ.

Подъ № 31 Разные письма, проекты, доношенія и репорты о дѣлахъ, адмиралтейству подлежащихъ. Всего 42 штуки.

Письма по вышепоказанному тридцать первому нумеру для отдачи въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. Секретарь Семенъ Мациевъ принялъ, въ 13 день Генваря 1742 года.

Рѣчь Французскаго посла маркиза де-ла-Шетарди, отправленная на аудіенціи въ 21 день Ноября 1739 года.

Представленіе Венгерскихъ министровъ о вспоможеніи Россійскомъ.

Письмо отъ фельдмаршала графа Миниха къ Хотинскому паше о статскомъ совѣтникѣ Каніоніи, отправленномъ въ Константинополь.

Рефлекціи о нынѣшнемъ состояніи Европейскомъ.

Сообщеніе барона Мардефельда о Шлезскихъ дѣлахъ.

Трактатъ оборонительный между Швеціею и Портою на Латинскомъ языкѣ.

Доказательства правъ короля Прусскаго на нѣкоторыя княжества въ Шлезіи.

Вѣдомости на Голландскомъ и Французскомъ языкахъ.

Родословныя таблица герцоговъ Брауншвейгскихъ.

Извѣстія, сколько папа Римскій войскъ имѣетъ, также *роспись*, коликое число въ Римѣ кардиналовъ, и откуда кто.

Письма отъ барона Кейзерлинга изъ Митавы о Курляндскихъ дѣлахъ.

Листъ отъ верховнаго визиря къ графу Остерману. Всего 20 штукъ.

Подъ № 20. Разныя *сообщенія* отъ 1732 и 1733 годовъ Саксонскаго посланника Лефорта о Польскихъ дѣлахъ.

Проекты къ трактату съ королемъ Польскимъ и курфюрстомъ Саксонскимъ.

Сообщенія цесарскихъ министровъ, и на оныя отвѣты о Польскихъ и Курляндскихъ дѣлахъ. Всего 52 штуки.

Подъ № 21. *Письма* отъ князя Голицына къ графу Остер-

ману о Курляндскихъ и министерскихъ дѣлахъ, писанныя изъ Митавы въ 1733 году.

Подъ № 22. *Инструкціи* и рескрипты къ покойному оберъ-шталмейстеру графу Левенвольду, и отъ него Левенвольда. *Реляціи* на Нѣмецкомъ языкѣ, съ переводами на Россійскій. Такожде *письма* его, въ 1733 году писанныя, въ бытность въ Польшѣ министромъ, о избраніи короля Польскаго. Всего 56 штукъ.

Подъ № 23. *Письма* къ графу Остерману отъ графа Миниха.
» » графа Вратислава.
» » стат. совѣт. Вешнякова.
» » тайн. совѣт. Неплюева.
» » города Гданска.
» » агента Эрдмана.
» » агента Бѣлки.

Промеморія Цесарскаго министра графа Остейна о Россійскомъ вспоможеніи.

Выписки изъ сообщенныхъ Цесарскихъ писемъ.

Приложеніе къ реляціи посла графа Александра Гавриловича Головкина.

Промеморія Цесарскаго министра графа Остейна.

Манифестъ печатной на Польскомъ яз. о Польскихъ дѣлахъ.

Рѣчь Гданскихъ депутатовъ.

Письмо отъ д. т. с. Михаила Бестужева къ графу Остерману.

Записка о графѣ Завишѣ.

Роспись войскамъ короля Польскаго.

Письмо аббата Пальмерини.

Рѣчь короля Англійскаго къ Парламенту.

Письмо отъ графа Остермана къ печати хранителю Шовелину.

Декларація о Французскихъ войскахъ, взятыхъ Россійскими подъ Гданскомъ.

Записка объ отвѣтѣ къ примасу и министру Прусскому.

Копіи съ писемъ, къ королю Прусскому писанныхъ.

Подъ № 24. *Журналъ*, держанной при отправленномъ ка-

равапѣ въ Пекинъ отъ агента Ланга въ 1731, 1732 и 1733 годахъ. Одна штука.

Донощеніе изъ конторы Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ о пріисканіи оригинальныхъ договорныхъ писемъ о разграниченіи съ Турками.

Копія съ инструмента разграниченія земель, произведеннаго тайн. сов. Неплюевымъ и Турецкими полномочными въ 1740 году.

Копія съ донощенія генерала Леванова о строеніи новой крѣпости.

Мнѣніе графа Миниха о разграниченіи съ Азовской стороны съ Портою Оттоманскою.

Реестръ указамъ и сообщеніямъ, отправленнымъ по предложеніямъ тайнаго совѣтника Неплюева. Всего 8 штукъ.

Подъ № 26. *Письма* партикулярныя къ графу Остерману отъ генерала Любраса объ осмотрѣ рѣки Воксы, и о Шведскихъ дѣлахъ.

— Отъ генерала *Кейта* о диспозиціяхъ при арміи, и о Шведскихъ дѣлахъ.

— Отъ генерала *Румянцова* о посольствѣ его въ Турецкую землю.

— Отъ ген. *Репнина* о разграниченіи съ Турками.

— Отъ генералъ-маіора *Апраксина* о Персидскомъ посольствѣ.

— Отъ покойнаго *короля Польскаго Августа* о присылкѣ министра къ установленію ближайшаго соединенія, и отвѣтъ на оное.

— Отъ дѣйств. тайн. сов. *Михаила Бестужева* о посланникѣ *Нолкенѣ*.

Отъ генерала *Любраса* о ландкартахъ отъ князя Кантемира.

Вѣдомость изъ Бѣлграда о Туркахъ, отъ 1739 г.

О пріемѣ Французскаго посла въ Кронштадтѣ.

SUR LES ÉVÉNEMENS

du

RÈGNE DE JEAN III,

ET DES

GENCES DU DUC DE COURLANDE ET DE LA PRINCESSE ANNE DE MECLEMBOURG; SUR LA RÉVOLUTION QUI A PLACÉ

L'IMPÉRATRICE ÉLISABETH

SUR LE TRÔNE DE RUSSIE

etc

de annis 1740 — 1748.

EXTRAITS.

1.

St.-Pétersbourg, ce 18 octobre 1740.

Je n'ai le tems que de dire en peu de mots très-humblement à v. m. qu'avant-hier à midi, contre toute attente, l'impératrice Anne vomit une quantité de sang, et son mal empira de plus en plus, en sorte qu'après de fréquentes conférences entre le duc de Courlande, le gén. feldmar. c-te de Munnich et les ministres du Cabinet, le c-te d'Ostermann y compris (qu'on a porté dans un fauteuil devant le lit de l'Impératrice) la disposition concernant la succession fut faite hier au soir, portant en substance: que la mortalité avait engagé l'Impératrice à nommer le prince Iwan grand-duc et son successeur, et après lui tous ses enfans mâles, ou en défaut de cela ses frères à naître de la princesse Anne. Elle autorise celui qui de cette tige restera le dernier en vie, de faire des dispositions ultérieures touchant la succession, en conformité de l'ukase de 1722. La princesse Élisabeth, la princesse Anne, le prince de Brunsvic, les généraux, toutes les gardes, tous les ministres, les Collèges et toute la cour ont fait ce matin la prestation du serment au jeune grand-duc, et les

troupes l'ont fait avec de grandes démonstrations de joye, ayant dit: „C'est donc le fils de notre prince!“ Le duc de Courlande tomba dimanche passé en faiblesse et fut obligé de se faire saigner, mais depuis il a tenu fort bonne contenance. Présentement l'Impératrice se porte un peu mieux, et on espère encore qu'elle en pourra revenir. Son mal est une goutte remontée et une pierre dans les reins, à ce qu'on soupçonne. Je crois que la disposition par rapport aux régens du royaume ne paraîtra qu'après le décès de l'Impératrice, que le bon Dieu nous veuille encore laisser de longues années; car cette princesse est douée de fort grandes vertus et qualités.

L'on se flatte que le prince de Brunsvic sera nommé généralissime.

2.

St.-Pétersbourg, ce 22 octobre 1740.

Sa majesté l'Impératrice se porte si bien, qu'on la croit entièrement hors de danger. Elle a marqué une grande tendresse au prince de Brunsvic, qui est aimé généralement de toute la nation, et elle dit hier aux généraux, aux ministres et aux sénateurs qui furent admis à lui baiser la main, en leur montrant le jeune grand-duc: „Voilà votre maître futur; servez-le un jour aussi fidèlement que vous m'avez servi.“

3.

St.-Pétersbourg, le 29 octobre 1740.

Hier au soir, entre neuf et dix heures, sa maj. impériale de toutes les Russies est décédée, agée de 47 ans et 8 mois. Depuis quatre jours on a été certain

qu'elle n'en réchapperait pas, la goutte remontée, ses règles cessées et la pierre aux reins n'ayant permis d'en plus douter. et comme sa maj. impériale pendant son glorieux règne a eu des marques convaincantes de la fidélité à toute épreuve du duc de Courlande, de son zèle pour son service, de sa rare prudence et de son habileté, elle a déclaré, tant de vive voix que par son testament, son altesse sérénissime régent de l'Empire pendant la minorité de l'Empereur Iwan, et c'est sur ce pied-là que les généraux et plusieurs ministres ont prêté serment il y a déjà trois jours, exemple que le clergé, l'état civil et les gardes ont suivi aujourd'hui. On assure même que les gardes ont supplié feue l'impératrice de nommer le duc-régent, fardeau duquel son altesse n'a pu se dispenser après les fortes instances de sa bienfaitrice et des troupes.

On a lu en présence des ministres du Cabinet et du procureur-général Troubetzkoy une déclaration aux officiers et bas-officiers des gardes, par laquelle on leur annonce la mort de l'Impératrice, et les renvoye au serment prêté au grand-duc, et il est dit: qu'il ne prendra qu'à 17 ans les rênes de l'Empire: qu'en considération de l'attachement et des services utiles que le duc de Courlande a rendus à sa maj. imp. et à la gloire de la Russie, on le déclare régent: qu'il sera revêtu de toute l'autorité souveraine tant pour les affaires du dehors que pour celles du dedans, avec pouvoir de disposer de toutes les caisses. Enfin, après cette lecture faite, le feldmaréchal a dit à haute voix aux gardes: „Fercz-vous entendre ce qui vient d'être publié?“ Le silence a été l'interprète de leur consentement.

4.

On veut dire que la princesse et le duc de Brunsvic n'en resteront pas là, quoiqu'ils fassent bonne mine à mauvais jeu; s'ils sont bien conseillés, ils le prendront sur le ton qu'il faut, et cela étant ils démonteront sûrement le régent, et qu'auront-ils à craindre étant mère et père de l'Empereur?

5.

St.-Pétersbourg, ce 1 novembre 1740.

Avant-hier au matin, l'Empereur fut transporté au palais d'hyver de la manière suivante. Un escadron de la garde à cheval fit l'ouverture de la marche; le grand-maréchal comte de Loewenwolde, le grand-écuyer knèes Kourakine et plusieurs chambellans suivirent à pied, et le duc-régent marcha immédiatement après eux, aussi à pied, devant la chaise à porteurs dans laquelle la nourrice était assise, ayant le jeune Empereur sur ses genoux. Après la chaise à porteurs vint le carrosse, ou la princesse-mère se trouva avec mad-elle de Mengden, précédé de 8 laquais à cheval, et une compagnie des gardes à pied fit la clôture du train.

6.

St.-Pétersbourg, ce 5 de novembre 1740.

Comme on observe dans les prières publiques l'ordre suivant: 1) L'Empereur, 2) la princesse Anne sa mère, 3) la princesse Elisabeth et 4) le duc-régent, la princesse Élisabeth lui a demandé pourquoi on l'avait dégradée? Le duc-régent lui a dit pour bonne raison, que

du vivant de l'impératrice Catherine on l'avait nommée avant la grande-duchesse; mais que sous le règne de Pierre II la grande-duchesse avait été placée devant elle, et que c'était présentement le même cas.

Par l'ukaze tous les états ont conféré unanimement le titre de hoheit au duc-régent. On m'avait assuré que son altesse avait aussi donné la hoheit au prince de Brunsvic en lui parlant; mais à cette heure on vient me persuader qu'il y a eu un ordre d'affiché, suivant lequel il est enjoint à tout le monde de ne donner au dit prince que durchlaucht. Les états ayant outre cela jugé nécessaire que le duc de Courlande, comme régent, forme une cour exprès pour cette dignité, l'ont sollicité d'accepter à cette fin une pension annuelle de 300,000 roubles, à quoi son altesse a bien voulu condescendre, pour être d'autant plus en état de leur faire du bien et de les récompenser. La dite altesse a: 1) confirmé toutes les grâces que l'Impératrice fit le jour que la paix avec la Porte Ottomane fut déclarée; 2) remis à la noblesse un tiers des arrérages de la capitation, et 3) accordé la liberté à tous les galériens qui n'ont pas commis des crimes qui méritent la mort. Le conseiller d'état et secrétaire du cabinet Yakovlew et un adjudant prussien du duc de Brunsvic, et plusieurs autres personnes, ont été arrêtés.

7.

St.-Pétersbourg, ce 8 de novembre 1740.

Le duc-régent fit dimanche passé avec son éloquence ordinaire aux seigneurs russes qui lui faisaient la cour, une espèce de harangue, portant en substance: Que ce

n'avait pas été pour son plaisir, mais uniquement pour déférer et obéir aux pressantes instances réitérées et aux ordres de feue l'Impératrice, à laquelle il avait de si grandes obligations, qu'il s'était chargé du pesant fardeau de la régence, qu'il administrait avec toute la fidélité et toute l'attention imaginables pour rendre l'Empire Russien et l'état de chaque particulier heureux et florissant; qu'il n'aurait point de favoris et qu'il rendrait justice à tout le monde sans aucun intérêt ni vue ou inclination particulière, et qu'il les regarderait et chérirait tous comme ses frères. Il n'est encore avéré qu'il ait accepté les trois cent mille roubles par an.

Un imprimé concerne les grâces que son altesse sérénissime a distribuées au nom de l'Empereur, de même l'ukaze suivant lequel on doit donner dès à présent le titre de hoheit aussi au duc de Brunsvic, celui qui l'avait lu samedy dernier s'étant arrêté à durchlaucht et n'ayant pas lu le reste. Outre ceux que j'ai nommés dans ma précédente relation, on a encore fait mettre à la forteresse le oberdirecteur de la douane Iwan Danielewitch Romanschakow, les knèes Poutiatine et Argamakow, officiers aux gardes, et quantité de gens d'un moindre calibre, pour avoir parlé indécemment de la sage disposition de feue sa majesté impériale.

Le duc de Brunsvic et le duc-régent ont eu un entretien bien vif à cette occasion, et si l'on eût conseillé au premier de se montrer tel deux jours avant le décès de l'Impératrice, je suis persuadé que les choses eussent tourné tout autrement. On croit que l'ukaze concernant la régence n'a pas été signé de l'Impératrice, malgré ce qui suit.

8.

St.-Pétersbourg, ce 12 novembre 1740.

Le duc de Brunsvic, quoiqu'il plie, est toujours mal avec le duc de Courlande.

Le duc de Brunsvic s'est démis, à ce qu'on vient de me dire, de toutes ses charges, dans la persuasion que comme père de l'Empereur il ne saurait être sous le commandement de ceux qui sont au service de son fils; ainsi ce digne prince se bornera à l'agréable emploi de procréer des empereurs pour la Russie.

9.

St.-Pétersbourg, le 21 novembre 1740.

Après que le duc de Courlande s'est cru bien affermi dans son posse, il a commencé à traiter tout le monde, et même la mère et le père de l'Empereur, avec une arrogance, fierté et manière méprisante, qui passent l'imagination, et ses exécrables desseins sont allés jusqu'à vouloir renvoyer la princesse et son époux en Allemagne et se rendre maître de la personne de l'Empereur pour en disposer selon ses vues et se mettre en suite lui-même, quand il le jugerait à propos, sur le trône. Comme, outre cela, il était brouillé avec le feld-maréchal pour n'avoir point voulu lui donner une place dans le Cabinet, ayant aussi pris en mauvaise part ses représentations sur ce que le régent faisait toujours baisser les drapeaux quand il passait devant les gardes (honneurs que le général-feldmaréchal ne croyoit appartenir qu'au Souverain), son excellence s'est entendue secrètement avec la mère de l'Empereur; car le duc de Brunsvic n'en a rien su qu'au moment

de l'exécution du projet, en vertu duquel son altesse impériale la princesse lui a donné un plein-pouvoir d'arrêter le duc de Courlande, dont le feldmaréchal s'acquitta admirablement bien, hier à trois heures après minuit. Car il entra dans le corps de gardes avec ses aides-de-camp, et dit aux officiers et soldats: „N'est-ce pas, mes frères, vous me connaissez? Vous m'avez vu à votre tête dans les combats; présentement il s'agit du service de l'Empereur, notre maître; voudriez-vous bien me suivre?“ Ils répondirent unanimement qu'ils étaient prêts d'obéir, surquoi il s'écria: „J'ai ordre de me saisir de la personne du duc de Courlande, qui est un traître, un voleur“, et se mit à la tête d'une trentaine de soldats, entra dans la palais d'été et fit par son aide-de-camp général le lieutenant colonel Manstein enfoncer les appartemens du duc de Courlande, qui était au lit avec son épouse, sans se douter de rien. On prétend qu'il a fait toute la résistance possible, sans avoir des armes. Là-dessus on l'a lié et transporté presque nu, au corps de garde du palais d'hyver, où demeure la famille impériale. A son arrivée il y tomba de frayeur et de désespoir en défaillance, de sorte qu'on fut obligé, pour l'en faire revenir, de lui ouvrir la veine. L'après-midi, entre 3 et 4 heures, il fut mis, dépouillé de tous les ornemens, dans un schlafwagen à six chevaux, ayant à ses côtés m-r Lapoukhine, capitaine aux gardes et deux grenadiers, la bayonnette sur le fusil, et deux sur le derrière de la voiture, et envoyé au monastère d'Alexandre Newsky, pour y passer la nuit avec sa famille, excepté le prince héréditaire, qui est resté ici malade au lit, d'ou ils iront à Schlusselbourg, pour y être enfermés. La duchesse doit aussi avoir été maltraitée sur ce qu'elle a voulu faire la

méchante. Elle a suivi son mari avec ses enfans un quart d'heure après, dans une pareille voiture, n'ayant pour toute suite que trois servantes, trois laquais et quelques cuisiniers. Le reste de sa cour est demeuré ici, et le médecin Smith a eu ordre de les soigner chemin faisant. Le général en chef Biron et le ministre du Cabinet Bestouchew furent arrêtés en même tems et transportés, à ce qu'on veut, à la forteresse susmentionnée. Le duc de Courlande ayant demandé la permission à la princesse d'entrer dans l'intérieur de la cour dans son schlafwagen, de crainte que s'il le faisait à la vue de la populace, il n'en fût mis en pièces, ce que son altesse impériale lui accorda, a peine eut-il atteint la Perspective que plusieurs milliers du commun peuple le suivirent, criant sans cesse: „....onna mat“, mot injurieux, dont les Russes se servent à tout bout de champ. Chute terrible, laquelle ne lui serait pas arrivée si promptement, s'il ne s'était oublié envers la famille impériale, ou qu'il ne se fût privé par son imprudence, de son égide: je veux dire de l'amitié du général-feldm.ᶜ c-te de Munnich. qui s'est conduit dans cette conjoncture en héros, comme à son ordinaire.

Hier au matin, son altesse impériale la grande-duchesse *Anne*, mère de l'Empereur, qui fait tout avec un air de majesté digne d'admiration, fut élue *régente*, comme le manifeste le porte, et se revêtit de l'ordre de St.-André. Aujourd'hui la princesse Élisabeth, tous les grands et les troupes lui ont prêté le serment de fidélité. Le contentement et la satisfaction de tout le monde en général sont inexprimables. Les soldats, en voyant paraître le duc de Brunsvic, ont poussé des cris de joye, en faisant voler les chapeaux en l'air. J'ai

oublié de rapporter qu'on a envoyé ordre d'arrêter le frère aîné du duc de Courlande à Moscou. On m'a assuré qu'on se saisira des biens du duc en Courlande pour se dédommager des sommes qu'il a tirées de cet Empire.

10.

St.-Pétersbourg, le 22 de novembre 1740.

Le duc de Courlande est avec son épouse et sa famille à Schlusselbourg jusqu'à nouvel ordre, et son frère et Bestuchew ont été transportés plus loin. Le général Charles Biron aura le même sort, et Bismark, qu'on fait arrêter, sera dépouillé de ses charges et renvoyé en Allemagne. Je sais présentement que le duc de Courlande a voulu éloigner ou se défaire d'une manière ou d'autre de la mère et du père de l'Empereur, pour se revêtir ensuite de la dignité impériale et forcer la princesse Élisabeth à épouser son frère cadet.

11.

St.-Pétersbourg, le 26 de novembre 1740.

Les particularités suivantes de la disgrâce de ce duc de Courlande sont authentiques.

La princesse étant à la fin lasse des menaces que le duc de Courlande avait faites plus d'une fois publiquement, savoir qu'il envoyerait la mère et le père de l'Empereur en Allemagne et prendrait le jeune Empereur chez lui, pour avoir soin de son éducation, elle invita, samedy passé, au matin, le gén.-feldmaréchal comte de Munnich, qui était venu lui présenter quatre cadets pour en choisir deux pour pages, dans son cabinet, et le conjura, en versant un torrent de larmes,

d'avoir pitié d'elle et de sa famille, de coopérer qu'elle pût se retirer avec son enfant et son époux, dans l'espérance qu'elle ne manquerait pas de trouver quelque coin dans le monde, où elle pourrait être à l'abri des insultes et cruautés de l'usurpateur, discours qui attendrit ce héros et l'engagea à dire à son altesse: qu'il sçavait bien un autre moyen plus avantageux pour la tirer de cette fâcheuse situation, et que pour cet effet il fallait arrêter le régent. A quoi elle répondit: „Comment cela se peut-il, le clergé, les ministres, la généralité et tout le monde en général lui ayant prêté le serment de fidélité?“ Mais il répliqua que cela serait son affaire, pourvu que son altesse voulût l'authoriser et garder religieusement le secret, et n'en rien confier à qui que ce fût qu'au grand-maréchal comte de Loewenwolde; ce qu'elle approuva. Cependant il ne fut pas de la confidence, son altesse n'ayant pas eu occasion de lui parler ce jour-là. En quittant le feldmaréchal, elle lui conseilla de se dépêcher, n'y ayant point de tems à perdre, et, pour prévenir tout soupçon, elle persuada un moment après son époux de faire la visite au duc, ce qu'il fit et retourna avec lui dans un même carrosse. Le duc de Courlande entretint alors la princesse beaucoup plus obligeamment qu'à l'ordinaire; mais elle trembla durant toute cette visite, comme une feuille de tremble. De là les ducs se rendirent au manège. La veille, le feldmaréchal et le c-te de Loewenwolde furent quelques heures chez le régent, qui était couché tout de son long sur un lit de repos, et le feldmaréchal ayant parlé de ses actions, le grand-maréchal l'interrompit tout d'un coup pour lui demander s'il n'avait point essayé ou fait d'attaque nocturne, ce qui pensa le déconcerter. Cependant, s'étant remis, il

répondit avec sang-froid, que oui. Toutefois, cette question frappa si fort le duc, qu'il se redressa brusquement et s'appuya sur sa main avec un air sombre et rêveur.—La nuit, entre 2 et 3 heures, le feldmaréchal se leva et se rendit chez la princesse, emmenant avec lui plusieurs officiers qui étaient de garde auprès de son altesse, après leur avoir tenu le discours que j'ai eu l'honneur de rapporter dans mes précédentes relations. La princesse n'oublia pas de les encourager à cette entreprise avec beaucoup de dignité et d'éloquence. Cela fait, son excellence se mit à la tête de ces officiers et de quarante soldats et marcha vers le palais d'été, et sachant que le régent avait ordonné une fois pour toutes à la garde, que si elle voyait paraître après dix heures du soir et avant sept heures du matin six ou plus de personnes attroupées, de faire feu sur eux et de les massacrer il eut la précaution d'envoyer en avant l'un de ses aides-de-camp pour avertir la garde de ne point faire du bruit; que la princesse allait venir, ayant à parler au régent; que les officiers eussent à se rendre devant le corps de garde et d'y faire rester le simple soldat; à quoi ils se conformèrent exactement. Sur ces entrefaites, le feldmaréchal arriva au lieu de la princesse, et répéta à ces officiers le même propos qu'il avait tenu une demi-heure auparavant à ceux du palais d'hyver. Ils se rangèrent à l'instant de son côté, en assurant qu'il pouvait disposer d'eux selon son bon plaisir. Là-dessus son excellence détacha son général-adjudant Manstein avec 20 hommes, pour se saisir de la personne du duc de Courlande, qui se trouva dormant avec son épouse en pleine sécurité, sans avoir fait fermer les portes de ses appartemens, et comme Manstein tou-

chait au côté de la duchesse, il demanda: „Où est le régent?“ Lequel s'étant evéillé en sursaut se leva à à la hâte, et l'un de ses pieds s'étant embarassé dans les draps, il tomba à terre; alors le général-adjudant se jeta sur lui. Mais le duc résista avec beaucoup de force, donna des coups de pied à Manstein, qui les lui rendit avec usure et lui fit mettre un bâillon dans la bouche, que les soldats accompagnèrent de mille coups et mirent sa chemise en mille pièces, le traînant ainsi presque nu à la chambre du corps de garde au palais d'hyver. Ensuite le feldmaréchal envoya le même général-adjudant et un autre adjudant pour arrêter le général Biron et le conseiller privé Bestuchew, ce qui fut exécuté sans difficulté.

Ayant de cette façon achevé heureusement son expédition sans pourtant avoir vu son prisonnier, il monta chez la princesse, et lui dit: *Wir haben den Vogel gefangen*; laquelle, transportée de joye, embrasse le feldmaréchal et le remercie avec les expressions du monde les plus obligeantes du signalé service qu'il venait de rendre à la famille impériale et à l'Empire.

Le feldmaréchal m'assura hier que le duc de Courlande, pendant les 10 ans et 9 mois que feue l'impératrice a été sur le trône, avait tiré de cet Empire pour le moins dix millions de roubles. On dit qu'il est présentement accablé de tristesse. Il s'est comporté pendant ces trois semaines comme un homme auquel la tête avait tournée.

La duchesse de Courlande, voulant suivre en chemise son mari, lorsqu'on l'emmenait au château, fut fort maltraitée par les soldats, et sa chemise déchirée en deux. Elle crut qu'on l'envoyait en Courlande, parce qu'elle avait eu la permission de tout prendre avec

elle. Elle a dit en partant qu'elle avoit cru possible que Dieu pouvait les faire mourir, mais non pas que le feldmaréchal pût être l'instrument du malheur et de la disgrâce de son époux. Aussi n'ai-je vu tout le tems que je suis dans ces contrées glaciales y régner une joye si parfaite et universelle. Durant la régence du duc de Courlande on avait posté des piquets dans toutes les rues et défendu au soldats et au peuple d'entrer dans les cabacques, maisons où l'on vend de la bière, du vin, du brandevin. Présentement il n'y a plus de piquets, les cabacques sont ouverts, et tout le monde peut dire ses sentimens sans courir aucun risque, parce que le gouvernement est sûr que généralement on est content.

12.

St.-Pétersbourg, le 3 de décembre 1740.

Le duc de Courlande ayant obligé l'impératrice, selon sa coutume, par force, à le nommer régent dans sa disposition, elle lui dit: „Biron, Biron, tu ne songes pas à ce que tu fais! Tu vas te perdre!

13.

St.-Pétersbourg, le 13 décembre 1740.

Le grand-maréchal c-te de Loewenwolde est celui qui a parlé le premier à la grande-princesse touchant le traité d'alliance qui est sur le tapis entre votre majesté et la Russie, et puis après le comte d'Ostermann en a fait de même. Elle leur a répondu qu'elle était prête à y mettre la dernière main, pourvu que le feldmaréchal, qu'elle voudrait ménager, lui en touchât un mot

comme premier ministre. Son altesse le duc de Brunsvic me dit qu'il était entièrement dévoué à votre majesté non-seulement par rapport à l'honneur et l'avantage, mais aussi par inclination, et qu'il ne négligerait aucune occasion pour l'en convaincre.

J'ai des avis réitérés que la cour est intentionnée de faire revêtir un prince de Brunsvic de la dignité ducale de Courlande. Le général-procureur Troubetzkoy est envoyé en Courlande pour y prendre possession des terres du ci-devant duc.

Jusqu'ici il est très-bien traité à Schlusselbourg. Il y a une vaisselle d'argent et des cuisiniers de la cour pour le servir.

14.

St.-Pétersbourg, le 7 janvier 1741.

Il est presque incroyable, mais pourtant très-vrai, que sous la régence de feue l'impératrice, princesse aussi clémente qu'il soit possible de l'être, cinq mille et deux personnes ayent été mises à mort par la main du bourreau, et trente mille exilées: malheureux témoins de la cruauté du ci-devant duc de Courlande, et l'on voit par là à quel point ce barbare avait abusé de sa faveur et de son crédit. L'on dit que la grande-princesse a fait présent au général-feldmaréchal de cent mille roubles, pour récompense de ses signalés services et septante mille pour achever à bâtir sa maison *). Outre cela, elle lui a encore donné une magnifique vaisselle d'argent.

*) Нынѣшнее Морское Училище на Васильевскомъ островѣ.

15.

St.-Pétersbourg, le 14 février 1741.

Il y a une commission nommée pour instruire le procès du ci-devant duc de Courlande, et l'on conjecture qu'il sera condamné à perdre la vie, étant convaincu du crime de lèse-majesté, de concussions et d'avoir faire périr une grande quantité de personnes innocentes. Mais il est certain que la régente lui fera grâce et le condamnera à une prison perpétuelle.

16.

St.-Pétersbourg, le 15 mars 1741.

Le général-feldmaréchal premier ministre comte de Munnich, ayant représenté à son altesse impériale que son âge, son manque de mémoire et ses infirmités, causées par les fatigues qu'il a souffertes, l'avaient mis dans un état qu'il ne pouvait plus suffire, de la manière qu'il le souhaitoit, aux employs importants dont il était revêtu et honoré, il suppliait son altesse de l'en décharger et de lui permettre de sacrifier le reste de ses jours uniquement à Celui Qui lui avait donné l'être. Sur quoi son altesse impériale, ayant eu égard à ses instantes prières, lui envoya hier le grand-maréchal c-te de Loewenwolde et son frère le grand-maître, pour l'informer qu'elle lui accordait, quoiqu'à regret, sa demande.

17.

St.-Pétersbourg, le 1 d'avril 1741.

Aujourd'hui l'ordre a été signé touchant la pension annuelle de quinze mille roubles pour le général-feldm. c-te de Munnich, et il est allé aujourd'hui occuper son palais à Wassiley Ostrow.

Son altesse impériale la régente n'est plus tant aimée de la nation, parce qu'elle est toujours entourée par des Allemands, lesquels elle distingue beaucoup.

18.

St.-Pétersbourg, le 4 d'avril 1741.

Le ci-devant duc de Courlande sera dans peu transporté en Sibérie. Il y sera entretenu largement, et on lui donnera un pasteur luthérien, pour avoir soin de son âme et de celles des protestants qui se trouvent dans ce royaume.

19.

le 8 d'avril.

L'arrêt que le Sénat prononce contre le duc de Courlande le condamne à être puni de mort; mais la régente mitige cette sentence, et il finira sa carrière en Sibérie.

20.

le 11 d'avril.

Tout est présentement dans une grande fermentation. La favorite et le parti du feldmaréchal remuent ciel et terre pour le faire remplacer. La régente est entièrement portée pour lui, mais le duc de Brunsvic et le c-te d'Ostermann s'y opposent de toutes leurs forces.

21.

le 13 may.

Le ci-devant duc de Courlande est encore à Schlusselbourg, et son altesse impériale la grande-duchesse régente a par compassion changé l'endroit de son exil

et l'a fixé aux environs de Tobolsk, climat bien moins rude que celui qui était l'autre demeure.

22.

le 3 de juin.

L'élection d'un nouveau duc de Courlande doit se faire le 13 de ce mois. Le ci-devant est encore à Schlusselbourg, et je crois qu'il y demeurera jusqu'à ce que sa dignité précédente soit conférée à quelque autre prince. Bestuchew est présentement dans une maison de paysan, dans un village à douze werstes d'ici, et il sera exilé sur une terre assez considérable pour le nourrir passablement bien. La régente lui a fait cette grâce en considération de son frère, qui est en Suède.

23.

le 27 de juin.

Le di-devant duc de Courlande a entrepris le voyage de la Sibérie, où il sera confiné pour le reste de ses jours.

24.

Le 1 de juillet.

Une partie de la noblesse de Courlande est du sentiment d'élire simplement pour duc le prince Louis; mais l'autre partie a opiné qu'il fallait que la noblesse encore envoyât une requête au roi de Pologne, pour supplier sa majesté de lui donner pour duc ce prince; en sorte que son altesse sérénisime sera infailliblement duc de Courlande, bien que son élection puisse être différée de quelques semaines. On meuble pour lui la maison du ci-devant général Gustave Buren.

25.

On nie toujours qu'on songe à faire le mariage de la princesse Élisabeth avec le nouveau duc de Courlande.

26.

Le 29 juillet 1741.

La grande-duchesse accoucha, mercredy passé à 10 heures du matin, d'une princesse, qui portera le nom de Catherine Antonowna.

27.

On assure que le mariage du prince Louis avec la princesse Élisabeth n'aura pas lieu, tant parce que la famille impériale ne veut point de prétendant au trône, que par d'autres raisons.

28.

Le 19 d'août.

La cour se flatte que le roi de Pologne sera un jour à Fraustadt pour donner son approbation au choix que la noblesse de Courlande a fait du prince Louis de Brunsvic et de Lunebourg, et j'ai de bonne marque, que nonobstant la rareté de l'argent, la régente a envoyé 300 m. roubles à Varsovie pour mettre à la raison les Polonais, qui regimbent.

29.

Le 26 d'août.

Toute la nation est mal satisfaite de la régente de ce qu'elle n'a des yeux que pour la famille de Mengden. On prétend que les Suédois se pourraient servir de la princesse Élisabeth pour exciter des trou-

bles intérieurs et que pour l'empêcher, la cour commence sérieusement à faire le mariage de la dite princesse avec le prince Louis.

Le duc Antoine Ulric de Brunsvic est aimé assez généralement, et il le serait sans exception *)....

30.

Le 7 d'octobre 1741.

La cour a été dans des frayeurs terribles, le jeune Empereur ayant été fort mal; mais à cette heure il se porte mieux. Je crois qu'en cas de mort la régente se serait fait déclarer impératrice sans contradiction, parce qu'apparemment son époux n'aurait pas voulu changer de religion.

31.

Le 7 décembre 1741.

Hier à six heures du soir, le gentilhomme de chambre prince Troubetzkoy vint m'annoncer de la part de la princesse *Élisabeth*, qu'elle venait d'être choisie pour *Impératrice* par ses fidèles sujets, et particulièrement par les gardes.

Depuis plusieurs mois cette princesse avait été sollicitée par les gardes de prendre les rênes du gouvernement; mais elle l'avait constamment refusé. Cependant les gardes ne se sont pas rebutées, et le bruit de l'approche de l'armée du comte de Loewenhaupt ayant occasionné avant-hier un ordre que 3 m. hommes des gardes devaient se tenir prêts pour marcher, sept grenadiers de Préobrajensky vinrent, la nuit, en informèrent la princesse, en la suppliant de ne plus tarder à se servir d'eux; car si on les éloignait, ils ne seraient plus en état de lui être utiles. Ces représenta-

*) Здѣсь фраза не окончена.

tions, jointes à un entretien fort vif que la régente avait eu le lundi au soir avec elle, dans lequel son altesse lui avait reproché qu'elle faisait tramer bien des choses contre elle par le sieur *Lestocq*, et que ces nouvelles étaient venues de Breslau, la déterminèrent à la fin à se rendre à leurs instances et à accepter leurs offres. Sur quoi elle se rendit aux casernes du régiment Préobrajensky, accompagnée seulement des dits grenadiers, d'un gentilhomme de chambre Woronzow, du sieur Lestocq et d'un musicien nommé Schwartz. En y arrivant, elle fit d'abord mettre hors d'état les tambours de faire du bruit, assembla à la hâte la compagnie des grenadiers, qui n'était pas (y compris les bas-officiers) de trois cents hommes, parce qu'il y en avait de détachés, et se mit avec un courage digne de la fille de Pierre-le-Grand, à la tête de ce petit corps, où il n'y avait pas un seul officier, et s'étant aperçue que les traîneaux faisaient trop de bruit, marcha ainsi à pied, de l'endroit où la Perspective commence jusqu'au palais d'hyver, où elle entra d'abord dans le corps de garde, et après avoir demandé aux officiers et soldats s'ils la connaissaient, et remarqué leur bonne volonté, elle leur déclara de quoi il était question, et envoya des détachemens de grenadiers pour se saisir de l'empereur alors régnant, de sa soeur, de la régente et du duc son époux, qu'ils trouvèrent au lit couchés ensemble, et les transportèrent tous au palais de la princesse Élisabeth.

A l'aspect des grenadiers qui entrèrent dans la chambre à coucher, la régente s'écria: „Ah! nous sommes perdus!“ Dans le traîneau elle n'a proféré d'autre parole, sinon: „Verrai-je la princesse?“ Jusqu'ici elle n'a pas obtenu cette grâce. Toute fois l'Impératrice la fait

traiter avec distinction et la fait servir de ses filles d'honneur jusqu'à l'arrivée de sa favorite, qu'elle a désiré d'avoir avec elle. Le prince Louis est en arrêt dans la maison de Gustave Buren, destinée au c-te Lynar.

Le maréchal c-te de Munnich, le c-te d'Ostermann, le c-te Golowkine, le grand-maître c-te de Munnich, le b. de Mengden et les frères Stréchnew, beaux-frères du c-te d'Ostermann, furent d'abord menés comme prisonniers dans le palais que l'Impératrice occupait comme princesse, et dans les maisons voisines; mais hier au soir le maréchal c-te de Munnich, le c-te d'Ostermann et le b. de Mengden furent transportés à la forteresse. Le grand-maréchal c-te de Loewenwolde, le chambellan Lapoukhine et les comtesses de Golowkine et de Iagoujinsky ont leurs maisons pour prison.

Sa majesté impériale ayant fait promettre aux grenadiers, en baisant la croix, de ne point user de rigueur avec ceux qu'ils allaient arrêter, il n'y a pas une goutte de sang de versée, et l'on prétend que sans cette précaution pleine d'humanité de l'Impératrice, le c-te d'Ostermann aurait été déchiré et mis en pièces; parce que la populace lui attribue la guerre avec la Suède, laquelle, autant que je sais, il a tâché d'éviter au possible.

Sa Majesté Impériale avait fait porter pendant la nuit les drapeaux des régimens des gardes au palais qu'elle occupait alors; mais le soir elle a pris possession du palais impérial. La joye est peinte sur le visage de tout le monde, et comme l'Impératrice est adorée de ses sujets, son établissement est aussi bien consolidé, comme si elle avait été dix ans sur le trône.

Les trois cents grenadiers qui se sont si fort distingués ont demandé pour toute grâce, que Sa M. Imp. se déclarât leur capitaine, et qu'il leur fût permis de prêter le serment de fidélité avant tous les autres sujets, tant civils que militaires, ce qui leur a été accordé. Elle a conféré l'ordre de Ste Catherine à la princesse de Hesse-Hombourg et a rendu le portrait de Pierre-le-Grand au conseiller privé de Bestuchew, qui sera placé dans le Cabinet.

Hier au matin, après que tout cela était achevé, l'Impératrice fit appeller le capitaine Didéron, Suédois et prisonnier, lui rendit son épée, et le régala d'une épée d'or, en lui disant: „Retourne en Suède et dis ce que tu as vu“ et au comte de Loewenhaupt, que „j'ai ordonné au général Keith de ne pas attaquer“.

32.

Le 9 décembre 1741.

Son altesse le prince Louis part demain de grand matin pour l'Allemagne, et il sera suivi dans vingt quatre heures par leurs altesses impériales, qui recevront une pension annuelle convenable, à ce qu'on dit, à leur rang.

33.

Le 9 décembre 1741.

Tout le monde est persuadé que le marquis de la Chétardie a eu connaissance de la trame, c'est pourquoi plusieurs de ces grenadiers qui ont fait le coup, tout indomptés qu'ils soient d'ailleurs, ont baisé les habits de ses laquais en s'écriant: „Ah, chers François! Que vous êtes de braves gens!“ Sous la régence ils étaient en exécration, et la cour avait défendu au

chirurgiens de soigner la maison du ministre, probablement pour empêcher que Lestocq, qui est chirurgien, n'y vînt sous ce prétexte. Le marquis de Botta et sa séquelle ont contribué, quoique indirectement, à la malheureuse catastrophe de la régente plus que personne, en la brouillant avec son époux, qui avait la faiblesse, malgré leur mésintelligence, de redire tout à son épouse, laquelle le communiquait dans l'instant même au parti opposé.

Le sieur Bestuchew doit avoir eu commission du c-te Golowkine, de composer un manifeste pour démontrer qu'il était d'une nécessité indispensable pour le bien des Russes, de faire couronner la régente comme impératrice.

34.

Je dois encore ajouter que cette entreprise a dû être exécutée il y a quinze jours, mais que l'Impératrice n'a jamais voulu y consentir, et elle a encore eu en dernier lieu de la répugnance à s'y résoudre; sur quoi ceux qui lui étaient attachés représentèrent que tout étoit découvert, et qu'elle devait considérer que c'était der Finger Gottes qui empêchait le parti contraire de mettre la main sur elle, et qui lui montrait le moment qu'elle devait saisir, pour revendiquer ses droits, et après quoi ils la revêtirent d'une cotte de mailles; cependant étant en chemin, elle a été sur le point de retourner chez elle. Der kammerjunker, qui a été de sa suite, s'appelle Woronzow et épouse sa nièce, la Skawronska. Le 15, Lestocq est en très-grand crédit, de même que le musicien Schwarz; ces deux ont reçu depuis trois mois jusqu'à septante mille roubles de l'argent de la princesse, qu'ils ont employé tant pour

gagner les soldats, que pour mettre dans leurs intérêts d'autres personnes, en buvant avec eux ou perdant de l'argent au jeu contre eux. La femme de Madonis, musicien, qui est Géorgienne, élevée par la princesse Anne, et qui était par conséquent toujours avec elle, a rapporté tout ce qu'elle a fait au Schwartz; d'un autre côté, un valet de chambre du duc Antoine, Ulric, a confié tant et tout ce qu'il savait de son maître au même Schwarz, son altesse ayant eu l'imprudence de laisser la plupart des lettres et avis qu'il recevait sur la table, quand il allait passer la nuit avec son épouse. L'Impératrice a offert à Schwarz 50 m. roubles pour récompense, sans qu'il l'eût acceptée, demandant seulement de quoi se nourrir honnêtement. Pour Lestocq, il en aura, je crois, encore davantage.

35.

On prétend sçavoir avec certitude que la grande-duchesse a voulu se faire couronner impératrice le jour de sa naissance, et les domestiques du duc de Brunsvic viennent de recevoir ordre de se tenir prêts pour partir pour Riga. On croit que le duc et la régente seront renvoyés en Allemagne, de même que le prince Louis.

36.

Le 12 décembre 1741.

Sa Maj. Impériale a envoyé un courrier en Sibérie, avec ordre de faire mener le ci-devant duc de Courlande dans un endroit plus agréablement situé, avec la liberté d'aller à la chasse et de lui donner un entretien de prince (ein fürstliches Unterhalt zu geben). On dit que ses deux frères reviendront de la Sibérie,

37.

Le 30 X-bre 1741.

Sa Majesté Impériale fit présent au sieur de Lestocq de son portrait enrichi de diamans, et le nomma en même tems conseiller privé actuel, premier médecin de son corps et directeur général de tous les collèges de médecine. Son habileté et surtout le dernier signalé service lui ont mérité ces distinctions. On peut dire avec vérité, que c'est lui en quelque façon qui a placé l'Impératrice sur le trône. Le sieur Lestocq a eu 7 m. roubles d'appointements. La grande-duchesse et le duc Antoine Ulric de Brunsvic sont actuellement partis de Narva pour Riga.

38.

Il court un bruit, que l'Impératrice a changé de sentiment et conseillé au duc de Holstein de différer son voyage pendant quelque tems; il se trouve assez probable, parce que je ne conçois point quel bien son arrivée précipitée pouvait faire à l'Impératrice ou à l'état; car si ce prince reste protestant, il n'oserait aspirer à la succession, et sa présence en Russie donnerait beaucoup d'ombrage à la Suède et au Danemark, et d'un autre côté s'il embrassait la religion grecque, il perdrait eo ipso son duché en Allemagne et deviendrait inhabile de monter sur le trône de Suède, et si après cela il prenait à l'Impératrice la fantaisie de se marier, il se verrait à la fois frustré de toutes ses belles espérances et privé de ses états. J'ajoute à cela que le duc, étant de la communion grecque, pourrait devenir un jour dangereux à l'Impératrice même.

39.

Le 27 janvier 1742.

Il me revient que le prince Louis partira incessamment, que tous les ordres étaient donnés pour cela, et s'il en avait été le maître, son altesse sérénissime serait déjà depuis plusieurs semaines en Allemagne. Il ajouta que si l'on avait suivi ses avis, la famille infortunée aurait continué son chemin d'une traite pour passer les frontières; que présentement Sa Majesté Impériale avoit résolu de ne la plus arrêter à Riga, et qu'elle avait destiné douze mille roubles pour son voyage et six mille pour celui du prince Louis; qu'outre cela elle renvoyait à la princesse Anne tous les bijoux qui n'appartiennent pas à la couronne et ses habits magnifiques, au nombre de cent cinquante, dont il n'y avait que dix qu'elle avait portés; que des raisons d'état empêchant Sa Majesté Impériale d'accorder à son altesse (expression dont elle s'est servie) une pension annuelle, elle aurait toujours soin de lui faire tous les ans un présent considérable, duquel elle pourrait subsister honorablement.

40.

Le 30 janvier 1742.

La sentence faite par le Synode, le Sénat et les présidens et vice-présidens de tous les Collèges ayant condamné le *c-te d'Ostermann* à être roué, le feldmaréchal c-te de *Munnich* à être écartelé, et les *comtes de Golowkine* et de *Loewenwolde*, de même que le *b. de Mengden*, à être décapités, l'Impératrice l'a changée ou mitigée d'une façon qu'il n'y a pas eu de sang de versé *). En conformité de quoi, hier au matin, les pri-

*) Замѣчательно великодушіе дочери Петра Великаго, при кровавой грубости тогдашнихъ учрежденій. Личность этой великой Русской женщины еще мало оцѣнена исторіей; она спасла Россію отъ колонизаціи Нѣмцами, искателями приключеній, и возродила народный духъ.

sonniers d'état, comme on les nomme, furent transférés de la forteresse dans la maison où le Sénat s'assemblait autrefois, à Wassiley-Ostrow, devant laquelle on avait élevé un échafaud, sur lequel on porta le comte d'Ostermann et le plaça sur une mauvaise sellette de bois. Dans cette situation, on lui lut la sentence susmentionnée; puis les soldats le jetèrent tout de son long sur une planche, et mirent sa tête sur une souche ou tronc. Le bourreau lui ôta le bonnet et le mouchoir du col, le prit par les cheveux, et un autre bourreau tira le glaive ou plutôt la hache; sur quoi on crie: grâce! et les soldats le relèvent et le portent dans un misérable traîneau d'izwoschick, et le ramenèrent dans la forteresse. Il n'a pas fait apercevoir la moindre peur, ni faiblesse, et n'a dit autre chose que: Rendez-moi mon bonnet, qu'il a remis sur sa tête, et secoué sa robe de chambre, pour en ôter la neige. Le lieu de son excellence est Bérézow, où le prince Menchikow et les Dolgorouckys ont été avant lui. Ses fils ont été faits capitaines dans des régimens de campagne, et l'Impératrice fera marier sa fille.

Le feldmaréchal *comte de Munnich* était proprement habillé comme à son ordinaire. Il sauta de son traîneau comme un jeune homme et entendit lire sa sentence au pied de l'échafaud, avec une fierté et fermeté admirable. Il fut reconduit à la forteresse de la même manière que le c-te d'Ostermann. Il est relégué à Pelym, dans la maison où le ci-devant duc de Courlande a demeuré. Son fils, après avoir donné une assurance par écrit de ne sortir jamais des états de Russie, est remis en liberté, et Sa Majesté Impériale lui donne une terre dans l'intérieur de la Russie, pour y passer tranquillement sa vie avec son épouse et ses enfants.

On a aussi annoncé aux autres leur sentence au pied de l'échafaud et les a ensuite transférés à la forteresse. *Le c-te de Golowkine* est envoyé bien en avant dans la Sibérie. *Le c-te de Loewenwolde*, honnête homme s'il en fut jamais, est confiné dans Péreslaw, où le général Bismark a été détenu, et le *b. de Mengden* relèvera le général Gustav Buren.

Les femmes ont la permission de suivre leurs maris, et les biens de tous sont confisqués indifféremment.

L'Impératrice se rendit hier de fort bonne heure à Czarska-Mysa, pour n'être pas ici pendant cette tragédie. Elle a fait la remarque que la punition de ces infortunés a eu lieu au jour que l'impératrice Anne fut élue, il y a douze ans, à son préjudice.

Un courrier a été expédié *pour faire mettre en liberté le ci-devant duc de Courlande* et toute sa famille, conjointement avec ses deux frères et le général de Bismark.

41.

Le 3 février 1742.

Le prince Louis partit hier à 7 heures du soir. Il n'a pas pris congé de l'Impératrice, parce que, à ce qu'il disait, il n'avait point de volonté, étant détenu ici malgré lui, et dépendant absolument des ordres de Sa Majesté impériale, mais que si elle avait jugé à propos de lui ordonner de venir à la cour, comme elle le lui avait fait connaître du commencement, il se serait acquitté de ce devoir avec plaisir.

Le duc de Holstein a dû arriver encore hier à Riga. Sa Majesté Impériale a défendu à tout le monde d'aller à sa rencontre, pour que personne ne le voye avant elle. L'amour qu'elle a pour son neveu est inexprimable.

42.

Le 15 février.

Le jeune duc de Holstein-Gottorp arriva hier à une heure après-midi, incognito. L'Impératrice en fit éclater une joye extraordinaire. Un moment après on tira le canon du rempart de la forteresse et de l'admirauté.

43.

Le 3 de mars 1742.

Le conseiller privé actuel de l'Estocq m'a dit qu'en conformité du très-gracieux rescript de votre majesté il prenait la liberté de me charger de la supplier de sa part, de lui faire la grâce de placer dans ses troupes son frère le capitaine, qui avait servi plus de 20 ans avec distinction dans les troupes de Hanovre, d'où il n'est sorti que pour avoir eu quelques démêlés avec son colonel, nommé Monroy, et que bien que le droit avait été entièrement de son côté, les puissants protecteurs du colonel avaient trouvé moyen de le faire casser par une injustice criante; qu'il lui serait aisé de l'établir avantageusement en Russie, s'il ne s'était point fait une loi de n'y attirer aucun de ses parens, afin que personne ne puisse l'accuser de travailler pour ses propres intérêts et pour ceux de sa famille, et qu'il soit en état de dire ses sentimens à l'Impératrice avec d'autant plus de franchise. Son crédit est fort grand, et les honnêtes gens sont heureux de le trouver en place. Si votre majesté agrée, comme je n'en doute point, de lui accorder la grâce qu'il demande, il ne négligera assurément pas de la mériter.

44.

Moscou, le 12 avril 1742.

Sa Majesté Impériale ayant été un peu incommodée avant-hier, le conseiller privé l'Estocq a eu occasion de l'entretenir sans témoins quelques heures de suite: moments dont il a profité pour lui exposer l'état naturel de sa situation; que si elle n'y mettait ordre de bonne heure, elle se verra réduite dans un instant à n'être Impératrice qu'en peinture, destituée d'autorité, représentations qui ont fait une forte impression. Il a aussi effectué que le conseiller privé de Munnich, auquel le Sénat avait résolu de donner sa démission, ne l'a pas reçue. L'Estocq espère d'engager l'Impératrice, après son couronnement, à retourner à l'improviste à Pétersbourg, en quoi il sera secondé par Kourakine, les Bestuchews et autres.

45.

Moscou, le 14 de may 1742.

Sa Majesté Impériale a honoré le conseiller privé l'Estocq de sa visite le premier jour qu'elle était de retour dans son palais d'été, lui disant qu'elle lui devait cette distinction le premier et préférablement à tous les autres.

46.

Le 14 juin.

Avant-hier le s-r l'Estocq donna à dîner à plusieurs personnes de distinction des deux sexes. Les ministres étrangers (excepté le mqs de Botta et le résid. de Hollande) en étaient. L'Impératrice y vint le soir à cheval, habillée en amazone. Je ne l'ai jamais vue si belle, depuis qu'elle est montée sur le trône. Elle s'y arrêta une couple d'heures.

47.

Le 7 de novembre 1742.

l'Impératrice, après avoir fait renoncer solennellement à la religion luthérienne et embrasser le rite grec au duc de Holstein, son neveu, l'a déclaré grand-duc de Russie et héritier présomptif de la couronne, et lui a fait prêter hommage en cette qualité par tous les états de l'Empire.

48.

St.-Pétersbourg, le 15 de février 1744.

La princesse de Zerbst arriva avec la princesse sa fille hier au matin.

Moscou, le 2 de mars.

La princesse de Zerbst la mère gagnant de plus en plus les bonnes grâces de l'Impératrice, et la jeune charmante princesse la tendre affection de Sa Majesté Impériale, il n'y a plus à douter que le mariage projeté ne parvienne bientôt à sa maturité, d'autant plus que le grand-duc en est, comme de raison, éperdument amoureux.

49.

Moscou, le 9 juillet 1744.

La jeune princesse de Zerbst vient d'embrasser la religion grecque et d'être ointe dans l'église principale du Kreml, et les fiançailles se doivent faire demain dans la même église, avec toutes les solemnités possibles. Elle sera traitée d'altesse impériale et sa cour incessamment formée. L'Impératrice ayant changé de sentiment, la cérémonie s'est faite dans la chapelle du palais impérial, où, après avoir été ointe, elle a reçu la communion et a été nommée *Catharina Alexiewna*.

Sa Majesté Impériale, la princesse-mère et tous les assistans ont versé un torrent de larmes; mais la jeune princesse, qui avait pleuré tout son Saoul le matin, n'en a pas répandu une seule pendant cet acte solemnel, et s'est comportée en vraye héroïne. Elle a aussi prononcé la langue russienne dans la dernière netteté; enfin elle fait l'admiration de la Souveraine, de son futur et de toute la nation. L'Impératrice lui a fait présent d'un très-beau collier et d'une très-magnifique agrafe de brillants, tout d'un grand prix.

Toute la famille impériale couchera cette nuit dans le Kreml; demain les promesses de mariage se feront dans la principale église, et elle sera déclarée en même tems *grande-duchesse de Russie.*

50.

Moscou, le 12 juillet 1744.

Hier, jour de nom du grand-duc, toute la cour fut au Kreml en gala et les dames en robes. A onze heures et demie l'Impératrice se rendit à pied dans l'église principale avec le grand-duc, qui avait donné la main à la princesse Catharine Alexiewna, la princesse-mère, menée par le grand-maréchal de Brummer, et toute sa cour. Elle fut reçue à la porte par tout le clergé, ayant l'archevêque de Novogrod à la tête, qui fit un beau discours relativement aux fiançailles du grand-duc et de la jeune princesse, et à la nomination de la dernière de grande-duchesse de Russie. L'Impératrice reçut les bagues de la main de l'archevêque et les échangea ensuite entre ce charmant couple etc.

Moscou, le 29 juin 1744.

Il y eut hier cour, et le baron de Neuhaus notifia à l'Impératrice, que l'empereur avait nommé les sieurs de *l'Estocq*, de *Brummer*, de *Woronzow* et de *Rozoumousky comtes du St.-Empire Romain.*

51.

Moscou, le 27 juillet 1744.

Le comte de Bestouchew fut nommé grand-chancelier et le comte de Woronzow vice-chancelier.

Le 11 x-bre 1742.

Sa majesté prussienne contère l'ordre de l'Aigle Noire au lieutenant-général Woronzow, chambellan et favori de l'Impératrice de Russie.

*

Portrait du comte de Woronzow. 1748.

Le comte de Woronzow était le parti dominant dans les premières années du règne de l'Impératrice. Il avait été attaché à la cour de cette princesse sous le gouvernement précédent, et il avait eu le bonheur d'être dans le secret de la fameuse révolution qui l'éleva sur le trône; il fut aussi un des premiers à posséder sa confiance.

C'est de tous les Russes que j'ai connu celui qui m'a paru avoir le plus de noblesse et d'élévation dans la façon de penser. On ne peut pas lui refuser non plus les qualités les plus essentielles à la direction des affaires. Il a beaucoup de bon sens et, au défaut d'un esprit brillant, il a l'avantage de penser avec justesse et avec solidité; il est véritablement attaché à la personne de l'Impératrice. Il a de l'ambition, et il se voyait en passe de la satisfaire; mais il a eu le chagrin de se voir arrêté au milieu de sa carrière par l'homme de Russie qui lui avait les plus grandes obligations.

*

État de la famille infortunée du duc de Brunsvic. 1748.

Les ténèbres répandues sur cette partie intéressante de l'Histoire Russienne, ne permettent guères d'en marquer quelque chose de positif et de satisfaisant. C'est un secret qui n'est qu'entre la Souveraine et un petit nombre de confidents, et que ceux-ci n'oseraient trahir sans s'exposer. Tout ce qu'on en sait, c'est qu'on les a transportés à plusieurs reprises d'un endroit à

l'autre, pour dépayser le public: que le père doit être séparé de ses enfants, que ceux-ci sont au nombre de trois ou quatre, parmi lesquels il y a deux princes, et que selon les avis les plus probables qu'on en ait, le jeune Iwan doit se trouver actuellement à Kolmogrod dans le voisinage d'Archangel. Toujours est-il sûr qu'il existe et qu'il a des partisans parmi ceux qui approchent le plus de l'Impératrice.

LA SITUATION DE LA COUR DE RUSSIE VIS A VIS DES PUISSANCES ETRANGERES.

1748.

Affaires de la cour de Vienne.

La cour de Vienne est actuellement la cour favorite. Il n'en était pas de même au commencement du règne de l'Impératrice; l'alliance étroite qui unit cette cour avec la maison de Brunsvic, et l'intérêt qu'elle avait à la soutenir, ne pouvait que la rendre suspecte à une Princesse qui avait élevé son trône sur les débris de cette même maison. Le chancelier, dévoué depuis longtems aux intérêts de la cour de Vienne, avait des raisons particulières pour lui vouloir du bien; sa haine pour la France, qui voulait le culbuter, lui fit envisager la cause de la maison d'Autriche comme la sienne propre, et celle-ci, intéressée à mettre la Russie dans ses intérêts, n'oublia rien pour confirmer le premier ministre dans ces dispositions favorables.

*

Affaires d'Angleterre. 1748.

La cour d'Angleterre occupe le second rang dans l'estime du chancelier. L'objet du commerce forme une liaison toute naturelle entre cette cour et celle de Russie; mais ce même objet occasionne aussi des discussions et des chicanes.

*

Affaires de Hollande. 1748.

La République de Hollande, qui est entrée depuis quelques années dans toutes les idées de l'Angleterre, a aussi partagé son sort à la cour de Russie. De moitié dans les engagements, elle a participé à l'amitié et à la confiance du comte de Bestouchew.

*

Affaires de Danemark 1748.

La cour de Danemark est encore sur un assez bon pied avec celle de Russie, et l'on peut même dire qu'elle a des grandes obligations au chancelier, qui a trouvé moyen de calmer les justes appréhensions que lui donnait l'élévation de la maison de Holstein. L'antipathie de ce ministre pour la Suède lui fait envisager la cour de Copenhague comme l'amie de la Russie, et les interêts du grand-duc ne lui tenant que fort peu à coeur, il ne lui a pas été difficile de faire prévaloir la première de ces considérations.

*

Affaires de Saxe et de Pologne. 1748.

L'influence que la cour de Russie s'est procurée dans les affaires de Pologne, le service essentiel qu'elle a rendu au roi aujourd'hui régnant, en l'élevant sur le trône, et l'intérêt de ce prince à ménager son amitié, pour conserver la succession dans sa maison, forment des liens naturels entre les deux cours et celle de Saxe; on a trouvé moyen de les serrer, en gagnant le premier ministre par des présents, par des pensions et par une soumission à ses volontés.

*

Affaires de Prusse. 1748.

Il ne reste plus qu'à parler des puissances dont le chancelier trouve les intérêts opposés à ceux de la Russie.

Telle est entre autres sa façon de penser à regard de sa maj. prussienne, qu'il a trouvé moyen de faire goûter à sa Souveraine, malgré les dispositions favorables où elle était au commencement de son règne, et en dépit du système constant de Pierre I et de tous les souverains de Russie, qui ont toujours regardé l'amitié et la bonne intelligence avec la cour de Prusse, comme essentiellement liée avec leurs intérêts.

*

Affaires de France. 1748.

Personne n'ignore que l'Impératrice a les plus grandes obligations à cette cour, que c'est elle qui a fourni les moyens nécessaires pour l'élever sur le trône, et qu'elle n'a rien oublié du depuis, pour cultiver et conserver son amitié. Le renvoy du marquis de la Chetardie a été le premier trait par lequel le comte Bestouchew a signalé sa haine contre la France, et il a trouvé moyen d'y mettre le comble par la marche des 30 m. hommes. La cour de Versailles a enfin pris le parti de rappeler ses ministres.

*

Affaires de Suède. 1748.

Les intérêts qui divisent les cours de Suède et de Russie, sont d'une nature à ne pouvoir pas espérer qu'il s'établisse jamais une amitié sincère et durable entre ces puissances; mais on avait cependant lieu de se flatter qu'il régnerait une union extérieure et momentanée entre les deux nations, sous le règne d'une Princesse qui ne laissait pas que d'avoir quelques obli-

gations à la Suède, qui en est convenue elle-même plus d'une fois, et qui avait trouvé moyen de faire tomber la succession de ce royaume sur un prince qu'elle chérissait, et qui était en même tems le plus proche parent de l'héritier présomptif de la Russie.

*

Affaires orientales. 1748.

Les cours orientales pourraient tailler de la besogne à la Russie, si elles s'y prenaient comme il faut. Les Turcs, séparés par des déserts immenses, ne sauraient lui faire beaucoup de mal dans une guerre ouverte, mais ils pourraient se faire craindre par le moyen des Tartares de Crimée. La Perse aurait plus beau jeu encore, et si Thamas-Kouli-Chan n'avait pas été arrêté par les Tartares montagnards, la Russie aurait vraisemblablement été obligée d'en venir aux prises avec lui. Le Contaisch, le plus puissant de tous les princes tartares, pourrait aussi donner de vives inquiétudes aux Russiens du côté de Sibérie et leur enlever assez facilement ce vaste pays, et dans tous ces cas le chancelier aurait été obligé de détourner son attention des affaires de l'Europe; mais il faut convenir que tout a conspiré jusqu'ici à faire réussir les desseins de ce ministre et à affermir son système. Le Contaisch, retenu peut-être par les Chinois, ou par d'autres raisons, est demeuré tranquille, quoique le fort qu'on a commencé à construire, pour l'empêcher de troubler le travail des mines de Kolywan, eut dû lui donner de la jalousie. La mort du fameux Schah-Nadir a jeté la Perse dans une confusion et dans des troubles qui semblent devoir tranquilliser la Russie pour plusieurs années de ce côté-là.

L'ARRET ET DISGRACE DU COMTE

de

L'ESTOCQ.

de annis 1748 — 1749.

EXTRAIT DE 1747.

Le comte de Lestocq, ministre d'état et premier médecin. Personne n'ignore que l'Impératrice lui doit la couronne. Cependant cet important service affermit moins sa faveur que sa qualité de médecin. Cette Princesse, étant de l'opinion qu'elle mourrait s'il n'était plus auprès de sa personne, il a été son confident sans exception, et l'a tirée de plus d'un mauvais et douloureux pas: privautés qui lui ont fait usurper le droit de parler à Sa Majesté impériale sur un ton de maître, dont elle s'est plainte souvent au c-te de Brummer. Il est ambitieux, aime le vin, le jeu et les femmes à l'excès; d'ailleurs il a de l'esprit, est brave, ferme et incapable de changer quand il a épousé un parti.

EXTRAIT DE 1748.

Le comte de Lestocq a de l'esprit et une sorte de finesse; il connaît mieux l'Impératrice qu'aucun de ses sujets, et il ne lui manquait pour soutenir le rôle brillant qu'il a joué que du jugement et de la conduite; mais, dénué de ces qualités essentielles, il a perdu du terrain sans s'en apercevoir; il s'est vu insensible-

ment déchu de cette faveur distinguée dont il jouissait au commencement, et à voir aujourd'hui l'indolence, avec laquelle il supporte la diminution de son crédit, on dirait qu'il s'est épuisé de courage et d'activité dans la fameuse nuit de la révolution. La seule marque qu'il en donne encore, c'est qu'il déclame publiquement contre le chancelier, avec une liberté qui tient de l'imprudence. Il est, au reste, invariable dans ses principes et zélé serviteur de sa majesté prussienne. La reconnaissance que la Souveraine lui doit, et à laquelle elle ne saurait manquer entièrement sans trahir sa gloire, se soutient contre les traits de la jalousie et contre la haine de son ennemi juré, et je crois effectivement, qu'il n'a rien à craindre pour sa personne, tant que l'Impératrice sera sur le trône.

EXTRAITS.

1.

St.-Pétersbourg, ce 23 novembre 1748.

Il se forme depuis quelques jours un orage contre le comte Lestocq, dont je suis impatient de voir l'issue.

Il avait remarqué depuis quelque tems, qu'on espionnait toutes ses démarches et qu'on le faisait suivre partout où il allait par un soldat aux gardes, déguisé en paysan, de sorte que le trouvant encore à ses trousses, il y a deux jours, dans la maison d'un marchand chez qui il dînait, il le fit arrêter par ses gens et le fit conduire dans sa maison. Il se rendit le même soir à la cour et en porta des plaintes à l'Impératrice, qui témoigna de la surprise et ordonna que le soldat en question dût être livré entre les mains de la chancellerie secrète. Je ne sais si cet homme, qui aura ap-

paremment été instruit d'avance, a pris le parti de faire quelque dénonciation à la façon des Russes, ou si le chancelier a trouvé moyen de donner une mauvaise couleur à cette affaire; mais on a arrêté en même tems le capitaine Chapizeau, qui fait la fonction de secrétaire dans la maison du comte de Lestocq, et qui lui est entièrement dévoué. Cette scène s'est passée mercredi dernier. Je n'ai pas vu le dit comte depuis, et je l'ai même évité pour ne point donner ombrage; mais j'ai sçu qu'on l'avait encore espionné le lendemain et qu'il a dit hier à quelqu'un, que le capit Chapizeau aurait un furieux interrogatoire à subir, et que lui-même avait eu le matin une explication assez ample avec la Souveraine, dans laquelle il n'avait pas dissimulé ses sentiments, circonstances qui me font juger que cette affaire est allée asssez loin. Il a ajouté, à la vérité, que l'Impératrice lui avait promis toute satisfaction, mais il ne faudrait pas connaître cette Princesse pour faire grand fond sur une promesse pareille. J'aurais fort souhaité que le comte de Lestocq eût évité cet éclat; car, dès que les choses en sont venues une fois là, il est à craindre que les ennemis voudront pousser l'affaire, et s'il trouvait même moyen de convaincre l'Impératrice de son innocence et de la malice du chancelier, il n'arriverait vraisemblablement rien à ce ministre, qui aurait même la satisfaction d'avoir fait impunément un affront au c-te de Lestocq et d'avoir fait connaître par là à la nation son crédit, aussi bien que la faiblesse de son adversaire. Je ne crois pas à la vérité que l'Impératrice voulût s'oublier jusqu'au point d'abandonner un homme auquel elle a les plus grandes obligations, à la fureur de ses ennemis, mais ce sont de

ces secousses qui ébranlent l'édifice le plus solide, et il n'en faudrait pas beaucoup de pareilles pour le renverser.

2.

St.-Pétersboug, le 26 novembre 1748.

Votre majesté verra à la suite de celle-ci la disgrâce de l'infortuné comte Lestocq. Il faut que cette intrigue ait déjà subsisté depuis quelques semaines, quoiqu'il n'en ait rien transpiré que dans ces derniers jours; car j'ai apris depuis qu'il a déjà été espionné et suivi depuis plus d'un mois, qu'il a eu plus d'une explication avec l'Impératrice, où il doit avoir déclamé sans doute trop imprudement contre le premier ministre et contre son système, et qu'il y a eu des conférences nocturnes entre ce dernier et le général Apraxine, où l'on a juré sa perte et où l'on est convenu des moyens nécessaires pour y réussir. Je n'ai pas pu savoir jusqu'ici en quoi consistait le crime qu'on lui aura supposé, n'ayant ni pu, ni voulu en parler à personne dans ces premiers moments, où toutes les démarches sont enregistrées et où tous les gestes et regards mêmes sont observés et interprêtés. Mais on soupçonne qu'il faut qu'il ait eu quelques liaisons secrètes avec la jeune cour et qu'il se soit compromis outre cela avec le grand-veneur, qui a soutenu le chancelier dans cette affaire, et qui lui a aidé a persuader à la Souveraine et à arracher son consentement pour arrêter cet honnête homme qui lui était si sincèrement dévoué, et qui lui avait donné des preuves si convainquantes et si peu équivoques de son zèle et de son attachement. C'est le général Apraxine qui s'est chargé

de la commission odieuse d'aller lui annoncer son malheur, et cette démarche s'est faite avec un éclat peu usité dans ce pays-ci, en plein jour et par un détachement de plus de 60 des gardes Préobrajensky, qui ont d'abord occupé toutes les avenues de la maison, toutes les portes et toutes les fenêtres. Pendant que cette scène se passait en ville, le chancelier était à la cour et ne perdait pas l'Impératrice de vue, pour entretenir, sans doute, par de nouvelles insinuations les premiers mouvements de sa colère, et pour empêcher que les remords ne se fissent sentir et ne lui arrachassent la malheureuse victime qu'il voulait immoler. On peut dire qu'il a réussi à cet égard comme à tout autre. On célébrait le même jour les noces d'une fille d'honneur de l'Impératrice, de sorte que les esprits, encore tout frappés de ce tragique événement, on fut obligé de se présenter quelques heures après à la cour pour y rendre compte de sa physionomie. Obligé d'y aller comme tout autre, je me composai de mon mieux, et j'eus du moins la satisfaction d'y voir le spectacle de dissimulation que la Russie seule peut fournir. Tout le monde y paraissait de bonne humeur, le bal était plus animé qu'à l'ordinaire, et les personnes les plus attachées au malheureux comte de Lestocq s'efforçaient de témoigner de l'enjouement. J'en remarquai à la vérité un petit nombre qui se trahissaient de tems en tems par quelques regards, mais cela ne duroit pas longtems, et l'on composait de nouveau les visages, comme si l'on avait joué une commedie. Enfin l'Impératrice parut elle-même dans tous ses atours, la joye peinte sur le visage, riant et parlant avec tout le monde. On eût dit qu'elle célébrait la fête de celui qui l'avait placée sur le trône. La journée d'hier s'est passée de la même sorte, si ce n'est que la

Souveraine n'a pas paru, le chancelier s'étant enfermé avec elle, lui a apparemment extorqué ses derniers ordres; car je vis disparaître un moment après le général Apraxine, et j'ai lieu de croire que le comte de Lestocq a déjà été transporté le même soir à la forteresse ou en Sibérie. J'en juge ainsi par un mot que l'ami important me dit en se retirant: „notre ami, me dit-il la larme à l'oeil, est perdu", et il ajouta tout de suite, qu'il se préparait à demander son congé. Je le conjurai de n'en rien faire, mais il me repliqua que la persécution était trop grande. Ce n'était pas le lieu ni le tems de pousser cette conversation, mais je me propose de la renouveler le plus tôt possible et de mettre tout en usage pour le détourner d'une résolution pareille.

3.

Le eodem dato.

J'ai fait la réflexion que dans le changement qui vient d'arriver ici il importait à votre majesté de faire maison neuve et d'avoir un ministre qui fût dans le cas de m-r de Goltz, qui n'eût aucune liaison avec le c-te de l'Estocq. J'ai tâché à la vérité de me conduire avec assez de circonspection pour mettre le chancelier hors d'état de se plaindre de moi; mais il sçait néanmoins que j'ai eu des liaisons avec les amis bien intentionnés, et cela suffit pour me rendre odieux dans son esprit. Il y a d'ailleurs une autre circonstance et qui a achevé de me déterminer: c'est qu'ayant été invité la semaine passée par les deux correspondants de Splittgerber, il s'est trouvé par un hasard que je n'ai pas pu prévoir que j'ai passé dans l'espace d'une semaine deux journées avec le comte Lestocq et les

ministres de Suède, et que malheureusement il s'est trouvé, sans que personne de la compagnie l'ait sçu qu'après coup, que c'est en arrivant au dernier de ces repas que le dit comte a fait arrêter ce soldat déguisé qui l'espionnait.

4.

St.-Pétersbourg, le 30 novembre 1748.

Quant au c-te de l'Estocq, j'ai appris depuis qu'il n'a pas encore été transporté, comme on l'avait débité, mais qu'il est toujours dans sa maison. L'inquisiteur Schouwalow, qui est tout à fait dans les intérêts du chancelier, a partagé avec le général Apraxine le plaisir de lui annoncer son malheur. Quand il les a vus entrer, il doit leur avoir demandé ce qu'ils voulaient de lui, ajoutant qu'il savait qu'on avait résolu de le perdre, mais qu'on n'y réussirait pas. On lui a montré là-dessus des lettres, qu'il a nié être de lui. Voilà à peu près tout ce qu'on en sait.

5.

S.-Pétersbourg, le 3 décembre 1748.

Le comte de l'Estocq a été transporté la nuit de jeudi au vendredi à la forteresse, ce qui fait voir que son affaire tourne fort mal et qu'elle prend le grand chemin de la Sibérie. Une circonstance assez remarquable, c'est que sa femme a été transportée avec lui, preuve qu'elle est impliquée dans le crime qu'on lui suppose, et cette dernière particularité me ferait quasi soupçonner qu'elle a trouvé moyen d'entretenir quelque correspondance secrète avec sa soeur et avec la famille infortunée. Le capitaine Chapizeau doit avoir

reçu le knoute. Il y a apparence que ses dépositions n'auront pas peu contribué au malheur de son maître.

6.

S.-Pétersbourg, le 7 décembre 1748.

Je me trouve hors d'état d'ajouter de nouvelles circonstances à celles que j'ai eu l'honneur de marquer sur la disgrâce du c-te de l'Estocq. Cette affaire est toujours dans les mêmes termes. On a publié il y a quelques jours un ukaze pour sommer tous ceux qui auraient quelque chose à prétendre ou qui devraient au ci-devant Iwanowitch l'Estocq (ce sont les propres mots de l'ukaze) de comparaître dans l'espace de 8 jours. Cette seule particularité suffit pour faire voir que c'est un homme perdu!

7.

S.-Pétersbourg, le 10 décembre 1748.

Je suis fort tenté de croire que le chancelier n'a pas perdu de vue le dessein de renverser l'ordre de succession en Russie et de remettre le prince Iwan sur le trône après la mort de l'Impératrice; c'est là un plan qu'on lui a attribué de tout tems, et auquel la disgrâce du c-te l'Estocq, qui était fort attaché à ll. aa. ii., donne un nouveau degré de probabilité.

8.

S.-Pétersbourg, le 17 décembre 1748.

Le malheur du c-te de l'Estocq a quelque connexion avec la jeune cour, et il faut nécessairement que le dit comte ait fait quelque confidence au grand-duc et à la

grande-duchesse, qui est parvenue à la connaissance de ses ennemis. Il me revient d'ailleurs que la Souveraine doit avoir dit, la larme à l'oeil, qu'elle ne se serait jamais imaginé que le c-te de l'Estocq eût révélé une chose qu'elle lui avait confiée sous le sceau du secret le plus inviolable. Il se pourrait donc fort bien qu'on eût formé quelque plan pour changer ou modifier la succession, ou pour rompre le mariage du grand-duc, sous prétexte du défaut d'héritiers, et que l'Impératrice en eût fait la confidence au c-te de l'Estocq.

On assure que l'infortuné c-te de l'Estocq ne veut rien avouer. Une personne qui peut le savoir, doit avoir dit que c'était ni plus ni moins comme si l'on parlait à une bûche de bois, et il doit avoir ajouté que c'était un homme fort et robuste, ce qui veut dire apparemment qu'il a soutenu le knoute sans se trahir. Malheureusement il n'en doit pas être de même de sa femme et du capitaine Chapizeau, qui doivent avoir dit plusieurs choses à sa charge.

9.

S.-Pétersbourg, le 28 décembre 1748.

Concernant la disgrâce du c-te l'Estocq et les suites fâcheuses qui pourraient en résulter pour ses amis aussi bien que pour la jeune cour, votre majesté aura vu, par mes rapports précédents, que j'ai eu les mêmes craintes et les mêmes soupçons, et quoiqu'il ne soit rien arrivé depuis, je ne laisse pas que d'appréhender toujours.

J'avais espéré que cette malheureuse affaire serait terminée avant le départ de l'Impératrice, mais elle ne l'est pas encore. La commission subsiste, et l'infortuné

comte est toujours, à ce qu'on dit, à la forteresse. Comme les commissaires se disposent cependant de partir pour Moscou, il y a apparence que le criminel y sera transporté aussi, à moins que l'Impératrice n'ait pris la résolution de l'envoyer tout de suite en Sibérie et d'assoupir son affaire. On assure qu'il n'y a rien à la charge de la femme, et qu'on lui permettra de retourner auprès de sa mère en Livonie, mais c'est une circonstance qui ne me paraît pas conforme aux maximes russiennes, et que j'ai peine à croire. Je suis persuadé, au reste, que la cour de Vienne a eu connaissance de tout ceci, et qu'elle travaille plus que jamais au rétablissement de la famille infortunée.

L'Impératrice de Russie a donné au général Apraxine la belle maison du c-te de l'Estocq, avec tous les meubles qui y étaient restés; car on en avait déjà emporté les effets les plus précieux dès le lendemain de son arrêt, et c'est la cour qui s'en est saisie.

10.

S.-Pétersbourg, le 31 décembre 1748.

Le c-te de l'Estocq est toujours à la forteresse, et le général Apraxine est parti avant-hier; ainsi je suppose que cette affaire pourrait dormir pendant quelque tems. On assure, au reste, que le dit comte persiste toujours à ne vouloir rien avouer, déclarant cependant qu'il était prêt de donner tous les éclaircissemens que l'Impératrice peut désirer de lui, si elle veut le faire comparaître devant elle.

11.

Pétersbourg, le 30 janvier 1749.

Les particularités concernant l'affaire du malheureux c-te de l'Estocq ne me laissent pas un moment douter

de l'authenticité de l'avis, et j'ai tout lieu de croire que son procès ait été déjà terminé avant que la cour soit partie de Pétersbourg, et que l'on n'a pas tardé après à le transporter en Sibérie: mais un article qui est sûrement destitué de tout fondement, c'est la publication qui doit avoir été faite de la sentence par laquelle l'infortuné comte est condamné à un exil pour le reste de ses jours, puisque l'on continue toujours à garder un profond secret sur cette affaire, et qu'il n'y a que fort peu de personnes qui en soyent instruites à fond. Ce qui le prouve encore plus, c'est que s'il était vrai que cette publication s'était faite on s'eût enfin avisé de traiter la chose avec moins de mystère. D'ailleurs, si jusqu'ici on ne peut que former des conjectures sur la véritable issue de l'affaire en question, encore moins peut-on apprendre quelque chose de positif du crime dont on accuse l'infortuné comte; mais je ne doute pas que l'affaire du marquis de Botta ne lui tienne lieu d'un des plus atroces, et par laquelle on l'accusera d'avoir grièvement offensé l'impératrice-reine.

12.

Moscou, ce 20 février 1749.

Il était naturellement à présumer que les ténèbres qui ont été jusqu'ici répandues sur l'affaire du malheureux c-te de l'Estocq se dissiperaient enfin, et qu'on y verrait un peu plus de jour à l'heure qu'il est: mais malheureusement toutes les peines que je me suis données et tous les soins que j'ai pris, pour en approfondir au moins quelque chose de positif, ne m'ont encore pu procurer aucune certitude à cet égard. On prétend qu'il est toujours à la forteresse et que le chancelier

c-te Bestuchew à prorogé si longtems la détention de cet infortuné dans cette prison. Car il n'y a aucun doute qu'on n'ait été déjà entièrement instruit avant le départ de la cour de Pétersbourg de tout ce qu'il y a eu moyen de lui faire avouer, en sorte que le chancelier ne devrait avoir rien de plus pressé que de le faire transporter au plus vite au lieu de son exile. C'est ce qui me paraît aussi la conjecture la mieux fondée. Pour les intelligences illicites que ses adversaires mettent à sa charge, je me tiens persuadé que les preuves qu'on en prétend avoir sont si faibles, que l'on n'a garde d'entrer dans aucun détail là-dessus, de peur de découvrir le mystère des iniquités de ses ennemis. Il sera de même des projets qu'il doit avoir formés contre le Danemark, et je crois que ce prétexte ne sera pas moins fort que tous les autres chefs d'accusation, n'étant pas vraisemblable que ce malheureux comte, vu la situation présente des affaires dans le Nord, y ait jamais pu songer, et tout ce qui peut apparemment avoir donné lieu à cette imputation, à ce que je m'imagine, c'est que le grand-duc lui ayant peut-être parlé de son duché de Holstein et Schleswig, qui fait d'ordinaire la matière favorite de ses discours, il peut y avoir lâché quelques paroles insensées, qui ont été rapportées et auxquelles on a donné une interprétation sinistre.

13.

Письмо Фридриха Великаго.

Au sieur d'Ammon, à la Haye.

J'ai reçu votre dépêche, et je ne suis nullement surpris des raisonnemens qui se répandent dans le

public sur les causes et les suites de la disgrâce de l'infortuné comte l'Estocq, et sur l'influence que cet évènement pourrait avoir sur ma situation vis-à-vis de la cour de Russie. Les gazetiers de Hollande et de Cologne semblent s'être donnés le mot pour me faire participer à cette catastrophe, et dans leurs feuilles écrites à la main et imprimées ils ont débité un si grand nombre de faux contes à ce sujet, avec tant de circonstances et d'un ton si assuré, qu'il n'est pas étonnant que le vulgaire en est ébloui, à quoi aura encore vraisemblablement contribué que l'on a appris en même tems la chute du comte susdit et le rappel de mon ministre à la cour de Russie. Cependant ces deux évènements n'ont absolument rien de commun, que la coïncidence de l'époque. La résolution de rappeler le comte de Finckenstein fut prise longtems avant que personne pût se douter de la disgrâce du médecin de l'Impératrice, et ce fut dans cette vue que j'envoyai à Pétersb. son successeur le baron de Goltz, dès le commencement de l'été passé. Aussi dans le procès qu'on vient de faire au c-te de l'Estocq, il n'y a été question d'aucune liaison, ni avec moi ni avec mes ministres, et les reproches qu'on lui a faits roulent sur des objets totalement différents. La chose ne tardera pas à se développer. En attendant vous ne ferez pas mal, dans l'occasion, de désabuser le public des faux bruits qui courent sur ce chapitre à mon désavantage, et de donner hautement le démenti à tout ce qui se débite sur les prétendues apparences d'une prochaine rupture avec la Russie, en le traitant d'inventions des gens malintentionés, à qui le rétablissement de la tranquillité publique pesait, et qui, au désespoir de ne pas la pouvoir troubler réellement, tâchaient de char-

mer leur chagrin en forgeant des avis qui leur présentaient de nouvelles brouilleries dans une perspective prochaine. A Berlin, le 11 janvier 1749.

14.

Article inséré dans les gazettes françoises et flamandes.

De Berlin, le 11 janvier 1749.

Comme on s'est aperçu que quelques gazetiers ont débité dans leurs feuilles que, lorsque le comte de l'Estocq fut arrêté par ordre de l'impératrice de toutes les Russies, on lui avait ôté l'ordre de l'Aigle Noire, et qu'on en avait remis les marques entre les mains du ministre de Prusse à Pétersbourg: on doit avertir le public que cette nouvelle est du même aloy que plusieurs autres qui ont été débitées à cette occasion et qu'elle est d'autant plus mal fondée que le comte de l'Estocq n'a jamais été revêtu de l'ordre de l'Aigle Noire, et que par conséquent on n'a pu l'en dépouiller ni le remettre au ministre prussien.

Предложеніе профессора Виллеборна.

Я нижеподписавшійся чрезъ сіе засвидѣтельствую и обязуюсь, съ Божіею помощію, открыть: 1-е) длину мѣста подъ нашимъ меридіаномъ; 2) незнаемую еще понынѣ великую южную землю; 3) масштабъ для градусовъ; 4) нововымышленный компасъ. Показанный подъ № 3 масштабъ мнѣ тотъ пунктъ означитъ, на которомъ мѣстѣ я въ свѣтѣ обрѣтаюсь, сирѣчь градусъ ширины и длины; а № 4-й покажетъ длину мѣста, или главный меридіанъ по всякому всей селенной кубусу. Балтійское море, кое предъ нашими дверьми находится, намъ подлинное о томъ свидѣтельство и примѣръ дать можетъ и долженствуетъ. Однакожъ тотъ первой меридіанъ, которой къ южной землѣ простирается, еще не открытъ; но ежели мнѣ то доказать, то одинъ корабль въ мое правленіе дать надлежитъ; ибо такимъ, а не инымъ образомъ и способомъ я людей удостовѣрить могу, что то правда еже я о томъ пишу. Я уже мужъ старой, однакожъ хощу и долженъ тотъ страхъ на себя принять, которому такая первая поѣздка подвержена, для показанія о томъ правды. Я о моей жизни самъ ручаюсь, что хотя я старъ, однакожъ въ пути морскою болѣзнію не умру. Ежели потому Ея Россійско-Императорское Величество мнѣ одинъ корабль повѣрить соизволитъ, то я къ

тому готовъ: ибо сколь легко есть ради натуральной нужды куда ѣхать, толь же легко и людей въ вышереченную еще незнаемую южную землю привесть. Первая земля и берегъ, куда намъ пріѣхать, есть Земля Жизни; тамо мы на берегъ выдемъ и статую Елисаветы въ славу поставимъ *). а потомъ мы назадъ поѣдемъ больше 1000 миль, пока паки пріѣдемъ подъ меридіональную линію, а оттуда прямою линіею съ кораблемъ и обрѣтающимися при мнѣ людьми возвратимся и къ самому тому мѣсту пристанемъ, гдѣ Колоссъ Елисаветѣ нами поставленъ.

Ежели же я того не исполню, то пусть меня въ желѣза скуютъ и наижесточайшей мучительной смерти предадутъ. Сіе мое обязательство и обѣщаніе предъ Богомъ и Его святымъ словомъ есть, какъ мнѣ Богъ тѣлесно и душевно да поможетъ. А ежели я сіе мое обѣщаніе въ дѣйство произведу, еже съ Божіею милосердою помощію всеконечно учинится, то я напередъ вѣдать хощу, какое мнѣ и моей фамиліи награжденіе за то будетъ.

Причина тому, что я къ Россіи обращаюсь, сія есть, что я вижу предъ моими глазами, коимъ образомъ мое отечество въ состояніи находится Россіею подкрѣпляемо быть, и что оное своего законнаго государя отъ нея получило. Нынѣ я свое прямое мнѣніе написалъ, не сумнѣваясь, чтобъ я вскорѣ милостиваго отвѣта на то не получилъ, и въ состояніе приведенъ не былъ, дабы существо моего дѣла, и что я чрезъ сіе объявилъ, доказать. въ чемъ я и предъ Богомъ клянуся.

I. Виллеборнъ, профессоръ публичной.

Въ Стокгольмѣ 24 Маія 1741.

*) Въ подлинномъ написано: Colossa. каковъ въ старину у города Коринѳа поставленъ былъ.

Переводъ съ Татарскаго письма Кель-Махомеда Уракова, содержащагося въ Тайной Канцелярiи.

1746.

Вашему Императорскому Величеству извѣстно было, что генералъ и кавалеръ Ушаковъ въ винѣ находился по причинѣ свойства умершему генералу-лейтенанту Соймонову. Отъ бригадира Аксакова о нѣкоторыхъ Башкирскихъ дѣлахъ подано доношенiе, такожъ и отъ меня въ учрежденную комиссiю доношенiе подано было. И въ томъ доношенiи между инымъ Вашего Императорскаго Величества я нижайшiй рабъ просилъ: ежели на меня бѣднаго о чемъ въ Тайную Канцелярiю подано доношенiе, дабы въ комиссiю взято было.

По указу Вашего Императорскаго Величества, во время похода въ Швецiю, подъ Выборгомъ, за учиненныя нѣкоторыя дѣла гвардiи сержанты и солдаты въ ссылку сосланы, о чемъ Преображенскаго полку солдатъ Фарофоновъ и другiе разговаривали, а я слова ихъ записывалъ. И по той запискѣ для слѣдствiя посланъ я въ Тайную Канцелярiю прошедшаго Февраля 5-го дня. А помянутый генералъ и кавалеръ Ушаковъ съ секретаремъ и протоколистомъ то дѣло хотя и правильно слѣдовали, однакожъ чаятельно,

что Уфинскаго уѣзду Башкирскій народъ оный генералъ обще съ Соймоновымъ разорили, а какимъ образомъ, о томъ явно показано. А генералъ-лейтенантъ и кавалеръ Шуваловъ, по его новизнѣ, что онъ еще совсѣмъ неизвѣстенъ, токмо ради нѣкоторыхъ причинъ съ генераломъ Ушаковымъ меня бѣднаго безвинно и указу въ противность весьма тяжко мучили, объявя мнѣ, что отъ Вашего Императорскаго Величества такъ повелѣно. А какое мученіе мнѣ учинено, о томъ ниже сего усмотрѣть соизволите, и отъ ихъ поступковъ совершенно жизни моей отчаялся. А оная Тайная Канцелярія, собственныхъ своихъ и другихъ нѣкоторыхъ худыхъ поступковъ опасаяся, чтобъ Вашему Императорскому Величеству объявленіе учинено не было, чаятельно за то меня бѣднаго здѣсь содержать приказали. А помянутаго Соймонова свойственникъ, генералъ и кавалеръ Ушаковъ, соединясь съ другими, Уфинскій уѣздъ какимъ образомъ разорили, о томъ къ Россійской имперіи въ близости находящіеся иностранныхъ земель народы уже извѣстны, что Вашего Императорскаго Величества въ Россійской имперіи какіе непорядки чинятся, о чемъ изъ нижеписаннаго извѣстными быть соизволите.

1.

1735 года отъ разоренныхъ Уфинскаго уѣзду Башкирцовъ о началѣ ихъ замѣшательства доношеніе принято было Уфинской Провинціальной Канцеляріи канцеляристомъ Михайломъ Васильевымъ сыномъ Безобразовымъ, который по причинѣ того взятъ былъ въ вышеписанную Тайную Канцелярію и содержанъ былъ тамо подъ карауломъ по 1740 годъ; а въ 1740-мъ году сосланъ онъ изъ той Тайной Канцеляріи въ ссылку въ Сибирь предписаннымъ генераломъ и

кавалеромъ Ушаковымъ и бывшими тогда при немъ въ присутствіи товарищами. Въ тоже время и въ тѣхъ же годахъ помянутый Башкирскій народъ многократно съ повинною приходили и по указу за штрафъ лошадей платили, а отъ генерала Соймонова и отъ другихъ помощниковъ немалую тягость претерпѣли. А когда объ ономъ Безобразовѣ извѣстіе получили, что онъ Безобразовъ изъ Тайной Канцеляріи въ ссылку сосланъ, то генералъ Соймоновъ изъ тамошнихъ вѣрныхъ Башкирцовъ нѣсколько людей, не присылая сюда, казнилъ, и вѣшалъ, и разорялъ, изъ которыхъ нѣсколько человѣкъ намѣрены были сюда ѣхать и о помянутомъ разореніи доносить; но въ самое то время, когда въ Уфимскомъ уѣздѣ у Башкирцовъ замѣшательство было, нарочно въ уѣзды указы разослалъ, чтобъ о учрежденіи регента и о возведеніи принца Іоанна Антоновича на государственный престолъ присяги чинили, и яко бы съ тѣми указами подъ посланныхъ съ уѣзду немалое число подъемныхъ лошадей собрать приказалъ и цѣною отъ десяти до пятнадцати рублевъ за лошадь, только платилъ за каждую по два рубли.

Взирая на такіе поступки, Башкирскій народъ, по своему легкоумію, нѣкоторому пришлецу, который самъ себя назвалъ ханомъ называемымъ Карасакалу, о себѣ объявили, и нѣсколько тысячъ человѣкъ съ домами, съ женами и съ дѣтьми за границу въ Киргизъ-Кайсаки и къ Зенгорскимъ Калмыкамъ сбѣжали и въ подданствѣ тамъ остались. По приходѣ туды оныхъ Башкирцовъ Киргизъ-Кайсацкіе знатные люди чрезъ тѣхъ Башкирцовъ увѣдомились, какимъ образомъ генералъ Соймоновъ Уфинской уѣздъ разорилъ и въ другихъ дѣлахъ поступалъ: весьма тому удивлялися и разсуждали, какъ такіе непорядки надъ старинными Россійской имперіи вѣрными подданными Башкирцами Россійскіе генералы учи

нили: понеже никакой государь подданныхъ своихъ рабовъ такъ не разорялъ, а особливо Россійскій государь какъ въ державѣ своей находящимся, такъ и иностраннымъ людямъ всякую милость оказывалъ; того-де ради и мы Киргизцы подданство Россійское приняли, а по нынѣшнимъ-де обстоятельствамъ, когда ни есть и надъ нами тожъ учинено будетъ, ежели будемъ въ подданствѣ у Россійской Государыни. И при томъ говорили, чтобъ въ степной сторонѣ тишина пребывала, и отправили отъ себя къ Зенгорскому владѣльцу Галданъ-Черепо посланца, и между собою помирились.

И въ 1745-мъ г. оные Киргизцы ходили по рѣкѣ Яику на лежащіе города, и тамо немалое число казаковъ и Россіянъ до смерти побили и много людей въ полонъ взяли. Оные жъ Киргизцы якобы между собою разговаривали, что Россійской-де имперіи нынѣ времени нѣтъ, а нынѣшняя-де Государыня стараго, славнаго и храбраго Вѣлаго Государя дочь, и оную-де дѣвицу Персидскій шахъ за себя въ замужество взять проситъ, и для того-де въ Москву и посла отправилъ, а самъ со многимъ войскомъ подъ Дербентъ пошелъ. Оныя вѣсти слышаны чрезъ ушедшихъ Башкирцовъ изъ Киргизъ-Кайсацкой орды.

А помянутый бригадиръ Акчаковъ, видя тамошнее разореніе и такожъ по слышаніи оныхъ вѣдомостей, неоднократно въ Сенатъ писалъ и въ Кабинетъ дважды доносилъ, чтобъ взятъ былъ онъ ко двору Вашего Императорскаго Величества. И по тѣмъ его доношеніямъ какъ онъ указу не получилъ, въ третій разъ съ доношеніемъ послалъ меня никайшаго раба съ такимъ приказаніемъ, чтобъ какимъ ни есть способомъ къ Вашему Императорскому Величеству посланное со мною доношеніе Вашему Величеству я подалъ, и о тамошнихъ поведеніяхъ, сколько я знаю, Вашему Ве-

личеству донесъ. И по высочайшему Вашего Императорскаго Величества указу какъ помянутый Акеаковъ сюда взятъ, разореннымъ народамъ никакой помощи не учинилъ, такожъ и свои худыя дѣла не поправилъ и, видя тайнаго совѣтника Неплюева и товарища его Рычкова и вышеписаннаго генерала и кавалера Ушакова состояніе и поступки, что которыя Башкирскія дѣла пріискиваютея какимъ либо ни есть способомъ, въ томъ отъ нихъ помѣшательство учиниться можетъ, и помянутаго Акеакова или меня бѣднаго такъ безвинно разоряютъ немилостивымъ безчеловѣчествомъ, что и въ свѣтѣ не слыхано, только ради того, чтобъ Ваше Императорское Величество о разоренныхъ людяхъ извѣстны не были.

Да по причинѣ поданнаго отъ одного виноватаго плута старшины доношенія и представленія о важномъ дѣлѣ, оная Тайная Канцелярія такъ худо разсуждаетъ: а какое оное дѣло, изъ предетавленія его извѣстно. А онъ старшина по доношенію Вашего Императорскаго Величества Уфинскаго уѣзду Сибирской дороги Каратабинской волости вѣрныхъ Башкирцовъ Алла Верди Сулбудова сына съ товарищи семи человѣкъ въ убійствѣ, во взяткахъ и въ грабежѣ безвинныхъ людей обвиненъ былъ. И тѣхъ просителей поданныя письма и доношенія чрезъ меня бѣднаго переведены и поданы были. Какъ оныя такъ и другія дѣла его старшины и Неплюева всѣ въ учрежденной комиссіи явны, а тѣ дѣла ежели къ Вашему Императорскому Величеству дойдутъ, то можно будетъ изъ того видѣть, что они сами себя признали, яко имъ безъ отмщенія оставлено не будетъ, и ради того о томъ предетавленіе учинили. А по силѣ публикованныхъ указовъ, по поданнымъ такихъ виноватыхъ людей доношеніямъ, не окончивъ ихъ дѣла, по другимъ резолюціи чинить не велѣно. А помя-

путаго старшины и другихъ людей дѣла въ учрежденной комиссіи слѣдуютъ, и не окончавъ тѣхъ дѣлъ, въ Тайной Канцеляріи меня бѣднаго допрашивали, а помянутаго старшины продерзости и вины отъ меня предетавленныя по силѣ указовъ не приняты: а ежели бъ спросили безвинные и справедливые люди, то бъ я, ни на что не взирая, отвѣтъ имъ учинилъ бы. А хотябъ и виноватаго человѣка допошеніе было, токмо такіе люди спрашиваютъ, у которыхъ сердитый и худой нравъ имѣется, о чемъ и Вашему Императорскому Величеству извѣстно. А еще въ бытность мою при высочайшей Вашего Императорскаго Величества персонѣ, вѣдая о будущихъ своихъ худыхъ поступкахъ, что откровенны быть могутъ, отъ петерпѣливости своей, какими словами меня грозилъ и бранилъ, *о чемъ Ваше Императорское Величество услыша выйдти соизволили: а потомъ, въ бытность же мою при дворѣ оный генералъ Ушаковъ по головѣ больно билъ при посторонникъ людяхъ.* За великой интересъ Вашего Императорскаго Величества о другихъ дѣлахъ какъ можно мнѣ начать и отвѣтъ получить, и ко окончанію привесть? О чемъ Ваше Императорское Величество по высочайшей милости лучше разсудить соизволите *).

2.

Вашему Императорскому Величеству извѣстно, по моей запискѣ въ Тайной Канцеляріи, по неправильному слѣдствію ничего учинить невозможно; понеже гвардіи солдаты правильно говорить не смѣютъ. Токмо изъ тѣхъ солдатъ одинъ

*) Сіи рѣчи въ переводѣ написаны на угадъ, колико можно было ихъ согласить къ разумѣнію, а въ оригиналѣ весьма темно и недостаточно въ рѣчахъ написано, такъ что и разумѣть невозможно.

Преображенскаго полку солдатъ Фарафоновъ показалъ, что во время похода въ Швецію подъ Выборгомъ всей гвардіи приказъ отданъ былъ, чтобъ, пороховые ящики оставя въ Выборгѣ, въ походъ пошли. И для принятія тѣхъ пороховыхъ ящиковъ уже съ лошадьми пріѣзжали; токмо лейбъ-гвардіи Преображенскаго и Семеновскаго полковъ сержанты съ солдатами того приказу не послушали, и оспорили, и тѣхъ пороховыхъ ящиковъ не отдали, представляя, что безъ пороха какъ противъ непріятелей идти возможно. По той причинѣ оные сержанты и солдаты въ Выборгѣ подъ караулъ взяты и въ ссылку сосланы; а по какому дѣлу сосланы, о томъ-де не знаетъ. Да и сверхъ того о нѣкоторыхъ дѣлахъ показалъ, которыя и въ моей запискѣ написаны. А я, бѣдный рабъ, о великомъ интересѣ Вашего Императорскаго Величества стараніе мое прилагаю, а за то въ Тайной Канцеляріи едва живота не лишился. По вступленіи моемъ въ Тайную Канцелярію, на другой день генералъ Ушаковъ съ секретаремъ и протоколистомъ, по тому дѣлу ни о чемъ не спрашивая, въ застѣнокъ взяли и, грозя побоями, спрашивали меня, что зачѣмъ я такую записку писалъ, а при томъ генералъ и кавалеръ Ушаковъ ничего у меня не спрашивалъ. А потомъ того же Февраля 10-го дня оный генералъ Ушаковъ и генералъ Шуваловъ въ Тайную Канцелярію пріѣхали и о себѣ объявили, что Вашего Императорскаго Величества дѣла въ Тайной Канцеляріи имъ поручены и повѣрены, и ежели Вашему Императорскому Величеству имѣю я о чемъ доносить, о томъ бы я имъ объявилъ. И по выслушаніи отъ нихъ такихъ рѣчей, я, бѣдный рабъ, генералу сказалъ, что по силѣ указовъ генералу Ушакову слѣдовать меня не надлежитъ, и просилъ, чтобъ повелѣно было Ушакову меня не слѣдовать, а повелѣно бъ было въ томъ дѣлѣ меня слѣдовать

генералу Шувалову или въ опредѣленной комиссіи. и меня бы предъ Ваше Императорское Величество представить. А потомъ чрезъ четыре или пять дней, при помянутомъ генералѣ и кавалерѣ Шуваловѣ, секретарь и протоколистъ сказали мнѣ. что я Вашего Императорскаго Величества на генерала и кавалера Ушакова подозрѣніе показалъ, а оное отъ меня не принято, такожъ и предъ Ваше Императорское Величество меня представить не повелѣно, а какое дѣло имѣю я, чтобъ здѣсь объявилъ; а ежели не объявлю, то жестокими и мучительными побоями бить буду. При которомъ случаѣ меня спрашивали, что Вашему Императорскому Величеству какое доношеніе я привезъ, и какое доношеніе на генерала Ушакова я подалъ, и въ комиссіи какія дѣла я имѣю и по выше-объявленному дѣлу къ одному негодному письму руку приложить принуждали. А я, нижайшій рабъ, видя ихъ несправедливыя дѣла, на другой день лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку стоящаго на карауль господина поручика Дмитрія Матюшкина чрезъ унтеръ-офицера просилъ, что не возможно ли ему Вашему Императорскому Величеству обо мнѣ доложить мимо Тайной Канцеляріи, хотя чрезъ генерала-адъютанта. И за то меня въ желѣза сковали. А на другой день помянутые генералы и кавалеры Ушаковъ и Шуваловъ, пріѣхавъ въ Тайную Канцелярію. по дѣлу моему ничего не спрашивая, сказали мнѣ указъ Вашего Императорскаго Величества и повели меня въ застѣнокъ и ноги ремнями завязали и сквозь кольцо ноги вверхъ подняли, а голову въ низъ притянули, и такъ меня держали и мучили, покамѣсть я съ ума рехнулся, и по спинѣ жестоко больно палкою били; токмо я отъ безумія ничего не чувствовалъ. А при томъ спрашивали, что Вашему Императорскому Величеству къ доношенію какія слова я имѣю. и кто меня научилъ

на генерала и кавалера Ушакова подозрѣніе показать. И по снятіи меня изъ застѣнка, при смерти я находился. Отдавъ меня въ руки палача, всякими мученіями мучили, и оттуда прямо въ канцелярію меня привели, и противъ доношенія вышеписаннаго старшины показанное подозрѣніе отъ меня не приняли, а подписаться приказали. И потомъ меня въ одну холодную, пустую казарму заперли, и изъ стоящихъ у меня на карауль солдатъ, не стерпя стужи, два человѣка заболѣли, и затѣмъ съ караула смѣнены и поставлены Семеновскаго полку четыре солдата безсмѣнно. А я отъ такой несносной болѣзни и по нынѣ руками по прежнему не владѣю, такожъ и грудь заложило, что едва дышать могу и въ великой слабости нахожуся. А ежели онаго дѣла Вашего Императорскаго Величества интересъ требуетъ, то бы Ваше Императорское Величество, мимо Тайной Канцеляріи, чрезъ другихъ повѣренныхъ персонъ слѣдовать повелѣли, изъ чего высочайшею милостію правду усмотрѣть соизволите; потому что вышеписанный солдатъ Фарофоновъ въ допросѣ показалъ, что приказъ отданъ былъ пороховые ящики оставить, а по регуламъ Вашего Императорскаго Величества такъ противъ непріятелей идти непристойно кажется.

Того ради, припадая къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, всеподданнѣйше прошу, дабы высочайше объявленныя Безобразова и старшинское дѣло, ради показанныхъ обстоятельствъ, по высочайшей милости изъ Тайной Канцеляріи повелѣно бъ было взять въ учрежденную комиссію, отъ которой Ваше Императорское Величество, какъ о извѣстныхъ дѣлахъ, такъ и о другихъ сущую правду усмотрѣть и окончать соизволите, такожъ какъ изъ Уфы Безобразова такъ и старшину, ежели изъ комиссіи по нихъ не послано, о взятіи оныхъ послать повелите. О извѣстныхъ гвардіи сер-

жантахъ и солдатахъ, ежели Вашего Императорскаго Величества большой интересъ требуетъ, чтобъ заподлинно о дѣлахъ ихъ вѣдать, дабы по высочайшей милости повелѣно было изъ Тайной Канцеляріи взять и съ повѣренными людьми при присутствіи Вашего Императорскаго Величества въ томъ походѣ у бывшихъ добрыхъ и старыхъ солдатъ подъ присягою спросить, то оные безъ всякой утайки сказать могутъ. А паче всего вѣрнѣе былобъ, ежелибъ въ ссылку сосланныхъ сержантовъ и солдатъ по высочайшей милости сюда привесть повелѣли, и ихъ бы спросить соизволили. А я, нижайшій рабъ, какъ предъ судомъ Божіимъ, такъ и предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ о выше-писанныхъ дѣлахъ доносилъ, и симъ моимъ доношеніемъ Вашего Императорскаго Величества великую особу утрудилъ. И ежели Ваше Императорское Величество чрезъ такіе труды чѣмъ я прогнѣвалъ, всеподданнѣйше Вашего Императорскаго Величества прошу о отпущеніи вины моей, и по высочайшей милости не имѣть на меня гнѣву. Я, нижайшій, въ такіе допросы впалъ ради интересу Вашего Императорскаго Величества и чтобъ я безвинно и безъ пролитія крови остался. Такожъ и еще Ваше Императорское Величество прошу, дабы до окончанія извѣстнаго дѣла изъ такихъ недобромысленныхъ рукъ я освобожденъ и отданъ бы былъ для пропитанія въ руки милостиваго человѣка. Безъ всякаго сомнѣнія, соизволите вѣрить, что кромѣ Господа Бога и Вашего Императорскаго Величества никого себѣ помощника не имѣю.

Вашего Императорскаго Величества всѣхъ нижайшій и бѣднѣйшій рабъ

Кель Махомедъ Ураковъ.

9-го Марта 1746 года.

ДОНОШЕНІЕ

статскаго совѣтника Михаила Аврамова императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ *).

21 Ноября 1749 г.

Благочестивѣйшей, всепресвѣтлѣйшей, державнѣйшей, великой Государынѣ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, Самодержицѣ Всероссійской, Государынѣ всемилостивѣйшей тайное доношеніе, о немъ же кромѣ Бога никто неизвѣстенъ, Его же нынѣ по милости Іисусъ Христовѣ, за Божественною Его благодати помощію, за молитвами и предстательствомъ родшія Его Богоматери, небесныхъ силъ и всѣхъ святыхъ, надлежитъ прочесть токмо единой, Богомъ избранной, Богомъ умудренной, Богомъ превознесенной Самодержицѣ нашей Всероссійской, Вашему Императорскому Величеству: тайна бо есть сіе доношеніе Божія великая и преславная, въ началѣ слѣдующая и принадлежащая къ вѣдѣнію и извѣстію токмо единой Вашему Императорскому Величеству, къ вѣчному, ближайшему Вашего Императорскаго Величества и всего Имъ Господомъ избраннаго и Вашему Императорскому

*) Подлинникъ писанъ церковнославянскимъ уставомъ. П. Б.

Величеству даровannаго народа спасенію. въ славу же Его всемогущаго въ Троицѣ славимаго Бога, Отца и Сына и Святаго Духа, въ честь всепречистыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи. небесныхъ силъ и всѣхъ святыхъ. Аминь.

По благополучномъ Вашего Императорскаго Величества на природный отеческій свой престолъ вступленіи, въ прошломъ 1741 году Декабря 12-го дня, въ имянномъ Вашего Императорскаго Величества указѣ напечатано: повелѣно тѣмъ Вашего Императорскаго Величества имяннымъ указомъ въ правленіи внутреннихъ и всякаго званія государственныхъ дѣлъ на основаніи учиненныхъ родителя Вашего Императорскаго Величества блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Петра Великаго и по кончинѣ Его Величества, при Ея Величествѣ Государынѣ родительницѣ Вашего Величества Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, и по ней отъ владѣющихъ Россійскимъ престоломъ состоявшихся указовъ вездѣ, во всемъ государствѣ, всякія дѣла вершить, изъемля тѣ, которыя съ состояніемъ сего настоящаго времени несходны и пользѣ государственной противны. И онымъ повелѣно сдѣлать особливый реестръ и Вашему Императорскому Величеству объявить съ изъясненіемъ, для чего имѣютъ быть оставлены.

И по сему Богомъ вдохновенному, смиренномудрому Вашего Императорскаго Величества имянному указу и по вѣрной всеусердной рабской моей должности ко исполненію желаемыя Вашимъ Императорскимъ Величествомъ во всемъ сущія Его Божія правды, имѣю собственными трудами моими написанную книжицу, о ней же, окромѣ Бога, никто отъ меня неизвѣстенъ, которую не въ указъ, но къ благочестивѣйшему, высочайшему, всемудрѣйшему Вашего Императорскаго Величества разсужденію, къ наилучшему же просто-

сердечной совѣсти моей обученію и утвержденію, всеусердно желаю оную вручить Вашему Императорскому Величеству, моля Его всемогущаго Бога, дабы благоизволилъ положить въ сердцѣ Вашего Императорскаго Величества въ началѣ оную книжицу въ тайности отъ меня единаго выслушать, и аще что̀ благопотребное Онъ Господь Богъ Духомъ Своимъ Святымъ вложитъ въ монаршеское Ваше сердце, изъ оныя книжицы приявъ, и къ соборному исполненію предать. Слава Ему же, благихъ Подателю, Человѣколюбцу Богу; ибо хотя и о многихъ, но и о единомъ человѣкѣ должно есть имѣть попеченіе, его же ради Христосъ умре. Сего ради весьма боюся дарованный отъ Бога мнѣ талантъ въ себѣ единомъ скрывать. Но въ началѣ по должности моей рабской оный талантъ чрезъ сочиненную сію мною книжицу положилъ намѣреніе Вашему Императорскому Величеству объявить.

Богомъ избранная, Богомъ умудренная, Богомъ превознесенная, Бога и правду Его любящая, благочестивѣйшая, всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая Государыня Императрица Елисавегъ Петровна, Самодержице наша Всероссійская! Спаситель нашъ Господь Богъ Іисусъ Христосъ пречистыми Своими рекъ усты: ищите же прежде царствія Божія и правды Его, и сія вся приложатся вамъ. И по сему сладчайшему Его Спасителеву гласу, аще повелѣній Его Господнихъ послушаете о исправленіи изнемогающаго въ православной вѣрѣ и о просвѣщеніи непросвѣщеннаго всего Имъ Господомъ Богомъ избраннаго народа, въ помощь Святыя Церкви, начатые истинные монаршескіе Величества Вашего труды и подвиги усугубите. И нынѣ, нималаго отлагая времени, паче и паче въ тѣхъ Божественныхъ духовныхъ дѣлѣхъ мѣстоблюстителямъ Христовымъ Святыя Церкви хиротонисанныхъ пастырямъ всеприлежнѣйшую Вашего Величе-

ства подать помощь благоизволите вскорѣ. и отъ Него Всещедраго Человѣколюбца Бога во всемъ вся благая получить возможете. Исполнитъ Господь вся прошенія твоя и дастъ ти Господь вся по сердцу твоему, и весь совѣтъ твой исполнитъ, и подастъ на невидимые и видимые вся враги твоя побѣду тебѣ и одолѣніе, и будетъ по милости Іисусъ Христовѣ, а Божественною Его благодати помощію. за молитвами и предстательствомъ родшія Его Богоматери, небесныхъ силъ и всѣхъ святыхъ, во всемъ твоемъ государствѣ миръ, радость и тишина велія, умноженіе плодовъ земныхъ, и въ самомъ Христѣ по милости Его премилосердое, мирное, духовное во всемъ обогащеніе, и прилежными трудами и подвиги твоими правовѣріе, православіе и духовнаго, мирнаго, любовнаго, общаго житія зѣло, зѣло, зѣло умножится благочестіе, и возсіяютъ правда, правосудіе и милость.

И съ симъ вся вышереченная предавъ во всемогущую къ намъ милосердую Его же волю Божію, съ нею же и остаюсь, пребываю Вашего Императорскаго Величества вѣрный рабъ

Михайло Авраамовъ.

*

Гдѣ же въ сей послѣдствующей книжицѣ о единомъ дѣлѣ дважды и трижды воспоминается, сіе къ нему Господу Богу и къ ближнему отъ любви рождается. Желаю всеусердно Вашему Императорскому Величеству по всей вселенной со избраннымъ Богомъ народомъ вѣчнаго совершеннаго спасенія.

*

Въ поднесенной Ея Императорскому Величеству Ноября 21 дня сего 1749 года отъ статскаго совѣтника Михаила Аврамова книгѣ показуется:

Въ предисловіи о прежеподанномъ его краткомъ доношеніи.

Листъ 3-й на оборотѣ. Чтобъ упоминаемыя во оной книгѣ доношенія въ началѣ токмо ему. Аврамову, единому предъ Ея Императорскимъ Величествомъ прочесть, и въ тайности отъ него изволила бъ выслушать.

Листъ 11-й. О исправленіи изнемогающаго въ православной вѣрѣ и просвѣщеніи непросвѣщеннаго народа по всей вселенной всѣхъ православныхъ христіанъ.

Листъ 15-й. Мнѣніе свое объявляетъ о учиненіи слѣдующаго исполненія.

ПЕРВЫЙ ПУНКТЪ.

Листъ 15-й на оборотѣ и 16-й. Сочинить и напечатать для всенароднаго спасенія о любовной, мирной должности пункты, и разослать и раздать всѣмъ туне.

Листъ 16-й на оборотѣ и 17-й. Умножить епархій и въ нихъ архіереевъ, такожъ въ городѣхъ, и въ селѣхъ вездѣ святыхъ обителей и приходскихъ церквей и при нихъ іеромонаховъ и бѣлыхъ священниковъ.

Листы 18-й и 19-й. Учредить во всемъ государствѣ вездѣ при 3000 окружныхъ дворахъ пространныя странноприемницы и къ нимъ тысячныхъ и прочихъ начальниковъ, которымъ имѣть сторожиламъ и пришельцамъ переписныя книги и за ними смотрѣть, всѣ-ль находятся въ любви христіанской.

Листы 19-й на оборотѣ, 20 и 21-й. Какое народу въ домѣхъ чрезъ приходскихъ священниковъ ученіе имѣть, выѣдывая злой жизни.

Листъ 21-й на оборотѣ и 22-й. О противникахъ, кто найдутся въ развратной жизни, великому архіерею извѣщать.

Листъ 22-й на оборотѣ. За неисправленіе Божественныхъ повелѣній входъ церковный запретить.

Тоже на оборотѣ. Отъ того же запрещенія не исключенъ и самъ той, иже діадиму на себѣ носяй.

Листъ 28-й на оборотѣ. Для такого богоугоднаго дѣла быть при Ея Императорскомъ Величествѣ единому наиглавнѣйшему тайному дѣйствительному совѣтнику и именоваться ему государственнымъ правдохранителемъ.

Листъ 29-й. О немедленномъ окончаніи книгъ Библіи, Кормчей, Ига Неудобоносимаго и прочихъ, Уложенія, исторіи родителей и государствованія Ея Императорскаго Величества и о правосудномъ распорядкѣ.

Листъ 35-й. Аще кто о чемъ хочетъ бить челомъ, прежде о своемъ дѣлѣ объявить отцу духовному и отъ него требовать совѣту и благословенія. и о штрафахъ неправымъ челобитчикамъ.

Листъ 36-й. Что по указамъ государевымъ во многихъ мѣстѣхъ сущаго исправленія мало бываетъ; притомъ же упоминаетъ о неправыхъ судьяхъ, о злыхъ и малосмысленныхъ и безбожно съ зеріію живущихъ людяхъ, что духовнымъ ученіемъ отъ распространенія обителей исправится.

Листы 37-й, 39-й, 40-й и 41-й. Изобравъ изо всякаго судебнаго мѣста треть лучшихъ судей и приказныхъ людей, отдавать въ монашескія обители наставникамъ, чтобъ ихъ тамо для обученія правосудію содержали подъ карауломъ, въ постѣ, въ чтеніи книгъ. и водить въ церковь ко всякой службѣ; а по трехъ мѣсяцахъ паки возвращать въ тѣ судебныя мѣста, и такъ поступать съ колебающимися и обращающимися въ лѣности судьями.

Листы 41-й на оборотѣ 42 и 43-й. Впадшихъ въ смертныя и во всякія вины и преступленіе отсылать во обители

для духовнаго исправленія и какимъ образомъ съ безбожниками и противниками церквей поступать.

ВТОРОЙ ПУНКТЪ.

Листы 45-й и 46-й. Всякаго званія жителей архіереямъ и приходскимъ священникамъ отпускать къ постриженію, странствовать, милостынею питаться, и въ работы съ паспортами, для того нарочно напечатанными.

Листы 47-й, 48-й и 49-й Кто, ушедъ, постригется, о таковыхъ взысканія не имѣть, а быть имъ свободнымъ, и о подобныхъ тому.

Листы 50-й и 51-й. О присягѣ, что оная хитрецами законопреступно подъ покрываломъ правосудія введена.

Листъ 71-й. О томъ же упомнается.

Листы отъ 52-го до 60-го. Притомъ же упоминаетъ клятву вѣнчающимъ не вступати на праги церковные, и самому тому, иже діадиму на себѣ носяй.

Листъ 60-й. Присяга—страшное законопреступленіе.

Листъ 61-й. Проклятіе гордящимся и преданные посты разрѣшающимъ.

На 61-мъ листѣ приклеена въ ней 3-я страница. Духовные наши пастыри за лѣность о должности своей не брегутъ и сами собою соблазнъ подаютъ, и прочая.

Листъ 64-й. Привожденіе ко Святому Причащенію солдатъ полками предписуетъ за лукавый и хитрый подлогъ, введенный по обычаю Люторскому и Кальвинскому.

Листъ 68-й. Монашескій спасенія путь нынѣ сталъ затружденъ и огорченъ, и можетъ по обычаю Люторскому и Кальвинскому корень того монашества перевестися.

Листъ тотъ же. Проповѣдники Слова Божія—всеслобнѣйшая хитрость, напечатанная сатанинскимъ лукавымъ подлогомъ.

Листы 71-й, 72-й и 73-й. Введеніе лжи, неправды и всякаго непостоянства, блуда, прелюбодѣйства и піянства, уничтоженіе поста и монашескаго житія, наученіе чрезъ полицейскій распорядокъ руганію Христа и прочее до уничтоженія Божества приличное.

Листъ 75-й. Слѣдующихъ атеистичеству въ почтенныхъ достоинствахъ и во властяхъ быть попускаютъ.

Листъ 76-й. Чрезъ роетъ и прочее лихоиманіе попускается идолослуженіе.

Листъ 77-й и приклейка на ономъ. Идольское служеніе, кумиры, иже есть писаніе нашихъ: Виреавію, Сусанну, Венеру и прочихъ.

Листъ 78-й. Плясаніе, скаканіе, козлогласованіе, на пищалѣхъ пѣваемая и гудимая есть бѣсовъ пѣніе.

Листы 87-й и 88-й. Ѳеофанъ названъ еретикомъ и противникомъ церкви за сочиненіе книжичищи о блаженствахъ въ согласіе Люторское и Кальвинское.

Листъ 103-й. Епископу подобаетъ быти чисту тѣломъ, учительну и кротку, защищать вдовицъ и сиротъ, и въ темницу безъ правды осужденныхъ.

Листъ 112-й на оборотѣ, 113-й и 114-й. Православнымъ царямъ и священникамъ исполняти Божественная преданія безъ соблазна, и какія за то отъ Бога воздаянія, а неисполняющимъ казни бываютъ.

Листы 117-й и 118-й. Папистовъ погрѣшеніе въ несогласіи съ нашею церковію, отъ нихъ же мняще многимъ упитися отъ вина любодѣянія; упоминая, что оное касается ма-

лѣйшею частію и нашихъ, иже купуютъ рукоположеніе на мздѣ.

Листъ 118-й на оборотѣ и 119-й. Книга Кормчая въ настоящее сіе лютое волненіе потребна на гонящихъ церковь Папистовъ, и новыхъ Симоніанъ, и на Лютерановъ, и Кальвинистовъ и на прочихъ еретиковъ, показывая объ оной книгѣ, что она за общее наше всѣхъ вездѣ изнеможеніе имѣется мало дѣйствительна.

Листъ 119-й на оборотѣ и 120-й. Показываетъ, что въ настоящихъ училищныхъ Россійскихъ школахъ между самыми учителями о первородномъ грѣхѣ въ зачатіи Пресвятыя Богородицы и о преданіяхъ и уставахъ церковныхъ давно настоитъ распря и разногласіе, происшедшія отъ ересіарха Ѳеодоса и злохитраго еретика Ѳеофана.

Листъ 133-й. Сей пунктъ для извѣстнаго усмотрѣнія выписанъ точно и прилагается при семъ. Опровергаетъ сочиненный оными Ѳеофаномъ съ товарищи Духовный Регламентъ, и какимъ образомъ за подписаніе того Регламента Его Императорское Величество Петръ Великій тогда, во время святыя литургіи, премѣну въ здравіи своемъ имѣлъ.

Листъ 136-й на оборотѣ и 137-й. Чтобъ въ нынѣшнее благополучное время о сущемъ святыя церкви разумѣ быть духовному полному собранію соборному и гв. начатыя трудомъ родителей Его Императорскаго Величества благія дѣла исполнить.

Листъ 144-й. Толкованіе благочестивыхъ царей о пособіи и помощи церквамъ, да не отъ еретикъ или отъ безчинныхъ человѣкъ преобидими бываютъ.

Листъ 144-й на оборотѣ и 145-й. Сія труда его, Аврамова, книжица именуема: «Зерно пшеничное житницы Христовой въ помощь къ Кормчей Книгѣ».

Листъ 153-й. Многіе, лѣностію помрачився, подъ покрываломъ вѣры совершенно отъ благочестія отпали: лицемъ являются яко христіане, а законопреступными дѣлы по житію ихъ зѣло стали быть явны: посты святые разсѣваютъ и проч

ТРЕТІЙ ПУНКТЪ.

Листъ 174-й на оборотѣ 175-й. О монаршей Ея Императорскаго Величества власти. какое попеченіе имѣть о царствіи своемъ.

Листъ 177-й на оборотѣ и 178-й. Предписуетъ мнѣніе свое. чтобъ министры и прочія особы, чрезъ корреспондентовъ. вывозили себѣ изъ другихъ государствъ золотые и серебряные сервизы, а за оные платить бы товарами: ревенемъ, поташемъ, смольчугомъ, саломъ, юфтью, мягкою рухлядью и хлѣбомъ: а за тѣ товары Россійскому народу платить мѣдною монетою.

Листы 179-й, 180-й и 181-й. Какимъ образомъ умножить мѣдную монету, чрезъ что обѣщаетъ не во многое время въ государствѣ быть прибыльной монеты до многихъ милліоновъ, и возможно получить изъ Азіатскихъ и Европейскихъ государствъ золота и серебра множественное число. Къ сему жъ приличио особое его, Аврамова. доношеніе въ той же книгѣ, на 204-мъ листу.

Листы отъ 183-го по 185-й. Объявляетъ всенародныя нужды. на что именно потребна денежная сумма.

Листы отъ 185-го по 190-й. Чтобъ всѣмъ христіанамъ имѣнія свои содержать обще; при томъ же изъясняетъ крестьянскія отъ податей изнеможенія и дабы ихъ въ подушной доимкѣ окупить, а наложить легчайшія дани и размножать хлѣбъ.

Листъ 198-й. Имѣть духовное, мирное, любовное, общее, въ бракѣ любезное, вѣрное и воздержное, постное и произвольное, нищетное, тѣсное и прискорбное, чистое, христіанское житіе.

Листъ 201-й на оборотѣ и 202-й. За нужное признавать изобрать патріарха.

Попущеніемъ Божіимъ, грѣхъ общихъ нашихъ ради, паки мало по малу возникли и паче прежняго со обычнымъ своимъ вымышленнымъ лукавымъ мошенничествомъ укрѣпися, привели Его Императорское Величество, подъ сочиненнымъ ими и отъ нихъ названнымъ Духовнымъ Регламентомъ подписаться. Сочинителями того Регламента объявляетъ бывшаго Ѳеодоса, такожъ Ѳеофана и Гавріила архіереевъ и ихъ согласниковъ. И подъ тѣмъ монаршескія руки, страхомъ духовныхъ и міреких особъ, безъ разсмотрѣнія открывшихся во оном Регламентѣ ихъ противническихъ пасѣянныхъ къ нарушенію истиннаго святыя церкви разума, лукавыхъ всѣхъ вымысловъ принудили подписаться. Тогда явно открылся съ небесе гнѣвъ Божій, во время оно, въ самое совершеніе благодарственныя о томъ службы Божіи, во время святыя литургіи, во святой церкви Троицкой, явно сталъ измѣненъ Государь въ своемъ здравіи: опустились бо весьма тогда лица его скранія, и самый видъ лица его въ сущую скорбь измѣнился. Ей, ей, не лгу, но самую истину доношу: явно бо и сердечнымъ моимъ очамъ Богъ тогда открылъ во здравіи Его Императорскаго Величества совершенную въ наказаніе всѣхъ насъ перемѣну.

Прошеніе графа М. П. Бестужева-Рюмина.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая Императрица и Самодержица, всемилостивѣйшая Государыня.

По окончаніи дѣла богомерской и непотребной бывшей моей жены, я въ надеждѣ былъ, что по невинности моей ко двору Вашего Императорскаго Величества возвращенъ буду подвергнуть себя къ ногамъ императорскимъ и словесно себя извинить, и день отъ дни оной высочайшей милости нестерпимо ожидалъ, но и по сіе время не воспослѣдовало. Того ради со всемилостивѣйшимъ Вашего Императорскаго Величества позволеніемъ пріемлю дерзновеніе письменно изъяснить, коль мнѣ зѣло чувственно прискорбно и весьма печально, что по несчастливому моему супружеству невиннымъ образомъ Ваше Императорское Величество прогнѣвалъя, котораго столько высочайшею Вашего Императорскаго Величества милостью взыскали сверхъ моихъ заслугъ и меритовъ, чего мнѣ болѣе желать невозможно; а имянно, по возвращеніи моемъ въ отечество *), съ какою милостію Ваше Императорское Величество меня принять и вскорѣ послѣ того въ оберъ-гофъ-мариналы при своемъ дворѣ всемилостивѣйше меня опредѣлить соизво-

*) Изъ посольства въ Швеціи. П. Б.

лили, потомъ при высочайшей своей коронаціи не токмо фамилію нашу въ графское достоинство всемилостивѣйше пожаловать, но и славнымъ орденомъ святаго апостола Андрея всемилостивѣйше удостоить соизволили—достоинство такое, котораго на свѣтъ чувствениѣе и пріятиѣе мнѣ быть не можетъ.

Всѣ Вашего Императорскаго Величества такія ко мнѣ знатныя и весьма отмѣнныя милости и достоинства въ сердцѣ моемъ врѣзаны и во всю жизнь мою изъ памяти моей не выдутъ, умалчивая о томъ, когда я приняль дерзновеніе требовать всемилостивѣйшаго позволенія жениться, съ какою милостью и матернимъ попеченіемъ позволить и мой сговоръ со особливою милостію и дистинкціею учинить всемилостивѣйше соизволили, а потомъ, съ какою магнификаціею свадьбу мою во дворцѣ отправить повелѣли, гдѣ Ваше Императорское величество сама высочайшею своею персоною, какъ во дворцѣ, такъ и въ домѣ моемъ со особливою ко мнѣ милостію и показаніемъ своего высокаго удовольствія всемилостивѣйше присутствовать соизволили. Все сіе въ свѣжей памяти у меня имѣется, и никогда мое всеподданнѣйшее рабское благодареніе и признаніе не пресѣчется; только о томъ отъ сердца соболѣзную, и весьма мнѣ прискорбно, что и она недостойная и неблагодарная той же высочайшей императорской милости причастна была. Всему сему я невинно предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ погрѣшиль, которыя ея богомерскія дѣла, по силѣ публикованнаго манифеста, отъ чистаго моего сердца детестую и проклинаю. А между тѣмъ я бѣдной, ради двумѣсячнаго сего злосчастнаго моего супружества, въ которомъ, отъ ея злаго нраву и ревности, мало имѣлъ покою, сверхъ всего того еще невинно за нее страждy; но во упованіи на всемилостивѣйшее ваше при-

родное великодушіе и въ свѣтѣ прославленную императорскую милость и милосердіе всеподданнѣйше Ваше Императорское Величество прошу милостивыми очьми на невинность мою воззрѣть и обрадовать меня скорымъ дозволеніемъ припасть къ монаршескимъ стопамъ вашимъ и полу вашу цѣловать. Я же въ прочемъ, въ высочайшую Вашего Императорскаго Величества всенижайше себя предавъ милость и протекцію, со всеглубочайшею венераціею и всеподданнѣйшимъ респектомъ пребываю, Всемилостивѣйшая Государыня, Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій и вѣрный рабъ

Г. Михайло Бестужевъ-Рюминъ.

Ноября 1743.

Всенижайшее доношеніе оберъ-гофъ-маршала дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Бестужева-Рюмина.

Изъ Дрездена, отъ (1) 12 Апрѣля 1749 г.

По воспріятіи моего намѣренія другую сожительницу себѣ взять *), я еще въ Маѣ мѣсяцѣ прошлаго 1747 года для испрошенія себѣ у Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшаго соизволенія и материяго благословенія всенижайшее прошеніе къ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше отправить смѣлость принялъ; но когда оное мое всенижайшее прошеніе назадъ ко мнѣ возвращено было, то я 8-го числа Сентября того жъ 1747 г. другое въ такой же сплѣ отправилъ, но и оное равномѣрнымъ же образомъ, какъ и первое, назадъ ко мнѣ прислано. Послѣ чего иного мнѣ способу не оставалось, какъ самому мнѣ къ Высочайшему Вашего Императорскаго Величества трону прибѣгнуть и со всеглубочайшимъ респектомъ, въ чемъ тѣ прежнія мои всенижайшія прошенія состояли, припадъ къ монаршескимъ стопамъ, Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше предетавить, которую всеподданническую должность от-

*) Первая супруга графа Бестужева была сослана въ Сибирь за участіе въ заговорѣ маркиза Ботты. П. Б.

правленною отъ меня отъ 17 Ноября тогожъ 1747 году въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ всенижайшею реляціею я исполнить не упустилъ; но и по сихъ поръ никакой всемилостивѣйшей резолюціи не получилъ, ожидавъ оную съ самаго начала тому уже два года. И то молчаніе, въ которомъ та моя всенижайшая реляція оставлена, есть явнымъ знакомъ, что по ней о моемъ всеподданнѣйшемъ прошеніи Вашему Императорскому Величеству не докладывано, и дабы излишнимъ повтореніемъ онаго Ваше Императорское Величество не утруждать, той же самой реляціи при семъ дубликать прилагаю, на которой Ваше Императорское Величество всеподданнѣйше прошу милосердными очьми воззрить.

Ежели бы съ самого начала Вашему Императорскому Величеству донесено было и противъ моего прошенія несоизволеніе воспослѣдовало, тобъ я со всякою честію отъ даннаго мною слова отстать могъ, чего однакожъ я отъ великодушнаго Вашего Императорскаго Величества сердца и матерней къ своимъ вѣрнымъ подданнымъ любви и милосердія никогда не ожидалъ и не ожидаю, толь наипаче, что я не иного чего, какъ чтобъ совѣсть мою успокоить, жизнь мою честно окончать и по смерти предъ Создателемъ моимъ непостыдно предстать желаю. На такое законное мое желаніе Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшаго соизволенія съ терпѣливостью и со всякою должною сумисіею ожидалъ я даже до окончанія при здѣшнемъ дворѣ министерства, которая терпѣливость не токмо человѣка моихъ лѣтъ, но и молодаго на дерзновеніе намѣреніе свое исполнить привела бы. Я же, яко всеподданнѣйшій Вашего Императорскаго Величества, знающій должность свою рабъ, до самаго того часу, которой судьбу мою окончать имѣетъ, въ предѣлахъ

повиновенія оставался и, будучи нынѣ близъ моего въ опредѣленное мнѣ посольство отъѣзда, опасаяся народнаго моей репутаціи осужденія, и особливо дабы не дать Богу отвѣта за несодержаніе моего слова и полагаяся на Его святую волю и на высочайшую по ней Вашего Императорскаго Величества милость, по толь долгомъ терпѣніи, и давъ во первыхъ Всемогущему Богу на прошлой Христовыхъ Страстей недѣлѣ надлежащій долгъ моего христіанскаго благоговѣнія, и по исповѣданіи грѣховъ моихъ, а потомъ сподобився Его животворящихъ таинъ, 30-го числа Марта съ невѣстою моею предъ всевидящимъ Божескаго Промысла окомъ чрезъ обрѣтающагося въ Лейпцигѣ при Греческой церкви священника, которой, пріѣхавъ оттуда, у меня въ домѣ божественныя службы совершалъ, законнымъ бракомъ сочетался.

И какъ я, такъ и жена моя припадаемъ къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, всенижайше прося сіе наше сочетаніе всемилостивѣйше апробовать, и ее въ вѣрныя Вашего Императорскаго Величества подданныя и въ всевысочайшую милость и протекцію принять, въ которыя мы себя наивсенижайше рекомендуемъ.

Письмо графа М. П. Бестужева-Рюмина къ графу М. Л. Воронцову.

Сіятельный графъ, милостивый государь мой Михайла Ларіоновичъ!

Надѣяся на вашу ко мнѣ дружбу, прилагаю при семъ копію со указу Государя Петра Великаго 1720 г., находя, что сей указъ довольно служитъ въ пользу моего печальнаго дѣла, и васъ прошу оный, гдѣ надлежитъ, въ дѣйство доброе въ пользу мою произвести. Вѣдая впротчемъ, что ваше сіятельство въ тѣсной дружбѣ съ графомъ Кириломъ Григорьевичемъ Разумовскимъ находитесь, которой и ко мнѣ милостивъ является и о моемъ такомъ несчастливомъ приключеніи сожалѣетъ, не соизволите ли ваше сіятельство ему сію копію съ указу сообщить, съ нимъ посовѣтовать и его попросить, дабы онъ вкупѣ съ его сіятельствомъ братцомъ своимъ у Ея Императорскаго Величества высочайшую апробацію на мое супружество исходатайствовали. Истинно, милостивой государь мой, довольно претерпѣлъ, почти четыре года какъ это дѣло тянется: пора и помиловать. Ежели противу чаянія какимъ образомъ при дворѣ нашемъ донесено было, яко бы здѣшній дворъ по здѣшнимъ этикетамъ затрудненіе чинилъ жену мою на аудіенцію допустить, и тѣмъ бы толь болѣе

мое супружество уничтожить, то-есть самая вымышленная ложь и неправда: ибо я имѣю вашему сіятельству за истину донести, что въ прошломъ году ея величество императрица-королева прислала своего камергера, а именно барона Кетлера, къ женѣ моей съ комплементомъ, и притомъ повелѣла обнадежить своею милостію и сказать, что ея величество весьма сожалѣетъ, что жена моя по сію пору на аудіенцію допущена не была. и что какъ скоро наша всемилостивѣйшая Государыня Императрица супружество наше апробуетъ, то жена моя тотчасъ на аудіенцію допущена будетъ. Такое ея величества изъясненіе вышепомянутое лживое доношеніе, ежели бы оное въ существѣ было, совсѣмъ опровергаетъ; и могу сказать, что всѣ честные люди о моемъ такомъ несчастіи сожалѣютъ, развѣ кромѣ одного грубіана и гордаго графа Ульфельда, которой по разнымъ обстоятельствамъ, какъ я примѣчаю, во угожденіе нѣкоторымъ, причиною есть сему моему несчастію.

Паки надѣясь на вашу ко мнѣ особливую милость и дружбу, еще прилагаю прошеніе мое до его высокопреподобія духовника Ея Императорскаго Величества, нашего общаго отца духовнаго, которое, яко и мое всенижайшее доношеніе, при семъ приложенное, такъ и указъ Петра Великаго его высокопреподобію въ тайнѣ для прочитанія поднести, и ему порядочно, какъ сіе мое дѣло съ начала шло, растолковать, дабы онъ увидѣлъ мою невинность, и отъ какихъ людей все сіе я претерпѣваю, и за что. Ежели онъ сіе дѣло къ доброму окончанію въ пользу мою доведетъ, за такія его ко мнѣ старательства и труды, ваше сіятельство извольте ему обѣщать хотя до двухъ тысячъ рублевъ или сколько вы заблагоизобрѣтете, болѣе или меньше. Не можно ли стараніе приложить и чрезъ Анну Дмитріевну, и ей такожде за труды

обѣщать, сколько вы заблагоразсудите; да и мою услугу ей объявить можно въ братѣ ея, котораго я съ великимъ трудомъ въ Польшѣ сыскалъ и въ Россію отправилъ. Не погнѣвайтесь, милостивый государь и другъ, что я васъ такъ утруждаю, надѣяся на ваше честное сердце. Потщитеся, сколь возможно будетъ, печаль мою въ порадованіе привести. Жена моя приняла смѣлость ея сіятельству графинѣ вашей, по присланному образцу, послать цвѣтковъ, такожде ея собственныхъ рукъ работы кошелекъ. Мы оба вручаемъ себя въ неизмѣнную вашу дражайшую дружбу. Со искреннею преданностью, пока живъ, пребуду вашего сіятельства покорный и вѣрный слуга

Г. М Бестужевъ-Рюминъ.

Изъ Вѣны. Ноября (3) 14 1750.

*

Всепокорно прошу его высокопреподобію пречестнѣйшему отцу духовнику мое совершенное высокопочитаніе засвидѣтельствовать и въ благосклонную его ко мнѣ милость напокрѣпчайше поручить; при чемъ, какъ отправленное мое въ 1749 г. къ Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйшее доношеніе и состоявшійся указъ отъ Его Императорскаго Величества Петра Великаго его высокопреподобію прочесть дать, такъ и о происхожденіи безвиннаго моего дѣла ему все подробно сообщить. И понеже я къ нему, яко суще благоговѣйному и праволюбящему мужу, а моему по духу отцу, всенадежное прибѣжище пріемлю, то неизмѣнно уповаю, что его высокопреподобіе, безъ всякаго пристрастія, усмотря мою невинность и чинимыя мнѣ токмо единственно отъ своихъ ближнихъ толь чувствительныя обиды, при удобномъ случаѣ Ея

Императорскому Величеству когда наединѣ всеподданѣйше изъяснить, и по своему праводушію вспомоществовать не оставить, дабы съ нынѣшнею моею женою, съ которою уже близко двухъ лѣтъ живу, законно принятое нами во всемъ по чину Греко-восточныя Православныя церкви супружество всемилостивѣйше апробовано было, и тѣмъ великодушнымъ показаніемъ отъ Ея Императорскаго Величества вновь всевысочайшей ко мнѣ милости, я свободиться могъ отъ продолжающейся моей крайнѣйшей печали, несносныхъ при настоящей престарѣлости сокрушительныхъ досадъ, и отъ того послѣдуемаго отчаянія. Въ семъ мнѣ возможную руку помощи подать его высокопреподобіе самимъ живымъ Богомъ умоляю, Которой, яко всесиленъ, за такую самую христіанскую добродѣтель и сущее благосердіе, всещедро его благословить по истинѣ не презритъ; а между тѣмъ, предавъ себя въ его теплыя молитвы, есмь и пребуду наивсегда со многимъ высокопочитаніемъ его высокопреподобія пречестнѣйшаго отца покорнѣйшій и послушнѣйшій по духу сынъ и слуга

Г. М. Бестужевъ-Рюминъ.

Изъ писемъ графа П. Г. Чернышова къ графу М. Л. Воронцову.

1.

Что ваше превосходительство вѣдать желаете, что какую маркизъ Бота здѣсь контенанцію имѣетъ, послѣ бездѣльнаго и нечестнаго своего при всевысочайшемъ дворѣ Ея Императорскаго Величества нашей всемилостивѣйшей Государыни оказаннаго имъ поведенія, такожде и какими глазами меня видѣть могъ, и что онъ къ своему оправданію приноситъ: я на оное вамъ, милостивому моему государю, всенижайше донести имѣю, что помянутый Бота съ самаго того времени какъ здѣсь получена вѣдомость, что извѣстные его въ Петербургѣ злобные собесѣдники арестованы случились, то онъ здѣсь какъ въ воду впалъ, и столь видно печаленъ быть оказался, что оное здѣсь всѣми примѣтно случилось, хотя причину тому что оное ему приключило прямо здѣсь узнать никто не могъ. И съ той поры онъ вдругъ ото всѣхъ, съ кѣмъ онъ изъ здѣшнихъ зналася, отсталъ; у меня же послѣ того самаго времени не токмо въ домѣ не былъ, но и гдѣ случилися мы быть вмѣстѣ, то видимымъ образомъ и акибы взора моего боялся и отъ меня удалялся, и когда уже необходимо тамъ гдѣ нашлись, другъ другу что нибудь сказать

должны были, то онъ оное съ такимъ видимъ амбара дѣлалъ, и какъ можно скорѣе оное кончить искалъ, что мнѣ оное его поведеніе нѣкоторый супсонъ хотя имѣть привело, токмо однако жъ я весьма удаленъ былъ думать, чтобъ онъ въ разсужденіи того, что какъ не беззнатнаго характера человѣкъ и въ свѣтѣ происходилъ за недурака, въ такихъ злобныхъ и крайне неосновательныхъ глупыхъ дѣлахъ, какъ оное безотвѣтно имъ нашлось, былъ наиглавнѣйшимъ участникомъ. И затѣмъ, изыскивая что̀ тому прямая причина какъ его ото всѣхъ вдругъ случившееся удаленіе, такъ и со мною особливое столь странное обхожденіе быть можетъ, я къ нему со своей стороны подобное же обхожденіе оказывалъ, какъ и ко оному въ домъ болѣе не ѣздилъ. Съ полученія же здѣсь публикованнаго манифеста причина тому прямая всѣмъ извѣстна сдѣлалась, которой я здѣсь какъ гдѣ надлежало, такъ и потомъ немедленно публичнымъ всѣмъ сдѣлалъ. И понеже послѣ того тотъ часъ ему ко двору являтися заказано, то по оному примѣру не токмо королевы и здѣшніе министры, но и партикулярные здѣшніе всѣ со онымъ видѣться не хотѣли, и не могу вашему превосходительству довольно описать, сколь генерально онъ какъ знатными, такъ и всѣми за его безсовѣстные извѣстные поступки здѣсь, по полученіи вышепомянутаго манифеста, детестированъ нашелся. Воистину сказать могу, что имя его безъ брани никѣмъ не упоминается, и что̀ въ томъ наипаче его Боту мортифпровало (ибо онъ то вѣдалъ), что въ то время какъ реченный манифестъ сюда пришелъ, то не токмо въ домахъ во всѣхъ другаго разговора какъ объ оном̀ъ не было, но и подлые люди, по улицамъ шедши, оный манифестъ вездѣ читали. Почему вы, милостивый мой государь, легко разсудить можете, что оный съ того время болѣе уже какъ съ нѣ-

которыми иностранными министрами ни съ кѣмъ не видался, и кромѣ какъ ко онымъ (и оное въ то время, какъ зналъ, что у нихъ никого не было чужаго) не ѣздилъ. Хотя я уже послѣ того болѣе его не видалъ, однакожъ отъ тѣхъ, кто его видѣлъ, слышалъ, что онъ весьма опустился и непзрѣченно худъ сталъ; при всѣхъ же случаяхъ, когда ему о вышерѣченномъ манифестѣ кто говорить начиналъ, то онъ съ превеликою сирконспекціею всевысочайшее имя Ея Императорскаго Величества нашей всемилостивѣйшей Государыни упоминалъ, съ тѣмъ пріобщеніемъ, что ему не то за главное прискорбно, что имя его въ манифестъ съ злобными людьми упомянуто, но то, что такая всещедрая Государыня, которую онъ всегда и нынѣ боготворитъ, на него гнѣвна быть изволитъ; но что онъ надежду однакожъ имѣетъ оправданіе въ томъ чистое принести и безвинность свою предъ Ея Императорскимъ Величествомъ ясно оказать. Сей вышеописанный его Ботовъ дискурсъ меня нимало не удивлялъ; ибо что же ему другаго кромѣ того нынѣ говорить? Отсюдова онъ четвертаго дни ввечеру въ путь свой до Вѣны отправился.

Двѣ превеликія бутыли, одна съ зеленымъ, а другая съ чернымъ чаями, которыя пожаловали вы прислать ко мнѣ изволили, я исправно получилъ, и воистинну, милостивый мой государь, весьма должно чувствую тѣмъ показанное имѣющее ваше ко мнѣ дружеское напамятованіе и милостивую ко мнѣ атенцію, за что наиобязательнѣйше вашему превосходительству благодарствую. Оной помянутой чай такъ странно сюда привезенъ и столь хорошъ, что безъ эксажераціи сказать могу, что лучше онаго здѣсь никогда не бывало, а нынѣ и подобнаго тому нѣтъ, и я для того какъ королевамъ изъ того малую часть поднесъ, такъ и нѣкоторымъ моимъ друзьямъ

тѣмъ презенты учинилъ, что̀ отъ меня съ неописаннымъ благодареніемъ всѣми принято было, за что я вамъ особливо оную облигацію имѣю.

Октября 8-го дня 1743 года. Берлинъ.

2.

За сдѣланное мнѣ сообщеніе, что его королевское величество Прусское вашему превосходительству перстень съ своимъ портретомъ пожаловать прислать соизволилъ, вамъ всепокорно благодарствую и съ тѣмъ наипаче поздравляю: понеже оное есть знакъ особливой его величества къ вамъ имѣющей атенціи, къ чему во увѣреніе служитъ то, что оной перстень для отданія вамъ къ Мардефельду посланъ королемъ прямо изъ своего кабинета, и о оном̀ ниже графъ Подвильсъ свѣдомъ былъ.

Ежели въ Россію возвратится имѣю, то оное вамъ, милостивый государь, напамятовать имѣю, что я по смерти моей тещи писалъ къ тестю моему Андрею Ивановичу *), по чемъ я такожде увѣдомилъ мать мою (которая вашему превосходительству о томъ говорить отъ меня честь имѣла) что ежели онъ того желаетъ, чтобъ я о возвращеніи моемъ въ Россію просился, то я оное исполнить не премину, ежели токмо предъидуще увѣдомленъ имъ буду, что гдѣ мнѣ жить и что̀ онъ мнѣ на мое содержаніе милостиво пожаловать намѣренъ. Которыя пропозиціи я особливо принять разсудилъ быть за потребно: ибо, имѣя домъ дѣтьми наполненный, тѣмъ порядкомъ какъ я прежде въ дому его до отъѣзда моего изъ Россіи жилъ, болѣе не могу, но инымъ образомъ, или чтобъ

*) Ушакову.

въ дому такое поведеніе подъ нимъ имѣлъ какъ обычайно дѣти въ отеческихъ домахъ имѣютъ. Но на оное я не токмо какое письмо отъ тестя моего самаго по сіе время, но ни чрезъ мать мою о воспріятой его гомъ что̀ до меня касается резолюціи не нахожусь ни въ малѣ увѣдомленъ. Почему всепокорно прошу васъ, милостиваго моего государя, по вашему засвидѣтельствованію ко мнѣ милостиво о моемъ состояніи, въ которомъ я нынѣ нахожусь, разсудить.

Ноября 5-го дня 1743 года, Берлинъ.

Извѣстіе, какимъ образомъ принятъ былъ въ Синодѣ новопріѣхавшій архіерей изъ Грузіи.

1) 10-го числа присылалъ отъ него Грузинской принцъ Александръ Бакаровичъ съ объявленіемъ о его титулѣ и съ требованіемъ резолюціи, когда дозволено будетъ явиться Синоду, на что ему и дозволено.

2) На другой день, то есть 11-го числа, пріѣхалъ къ Синоду съ своею асистенціею въ четырехъ каретахъ, гдѣ по выходѣ изъ каретъ встрѣченъ былъ, по примѣру протчихъ архіереевъ, на крыльцѣ находящимся въ Синодѣ прапорщикомъ и препровожденъ до Синодальной залы, въ которой секретари при отправленіи дѣлъ бываютъ.

3) Въ той залѣ секретари, вставши отъ своего стола, приняли его, и изъ нихъ однимъ провожденъ онъ въ камору, которая предъ присутственною палатою имѣется, гдѣ данъ ему стулъ, а между тѣмъ доложено о приходѣ его собранію.

4) По докладѣ введенъ былъ тѣмъ же секретаремъ въ присутственную палату, гдѣ члены сидѣли на своихъ мѣстахъ; и когда онъ сталъ подходить къ столу, то члены, при своихъ же мѣстахъ вставши, съ нимъ подходящимъ взаимно привѣтствовались.

5) По привѣтствіяхъ, члены паки сѣли на своихъ мѣстахъ, а ему приказано было предъ столомъ поставить особливой стулъ, гдѣ онъ и сидѣлъ.

6) И понеже онъ кромѣ привѣтствія собою ничего Синоду представлять не начиналъ, то спрошенъ былъ отъ членовъ, съ кредитивомъ ли какимъ въ Россійскую имперію пріѣхалъ, по отправленіи котораго паки во свояси возвратится, или съ намѣреніемъ тѣмъ, чтобы здѣсь въ Россіи остаться? На что онъ отвѣтъ далъ, яко о томъ объявлено уже отъ него великому канцлеру.

7) По когда паки отъ Синода ему объявлено, ежели кредитивъ какой порученной имѣетъ, до того Синоду никакого дѣла нѣтъ; а буде кредитива не имѣетъ, то и Святѣйшему Синоду о причинѣ прибытія своего объявить его преосвященеству слѣдуетъ; на что и объявлено отъ него, что онъ пріѣхалъ съ намѣреніемъ тѣмъ, дабы остаться въ Россіи и просить о неоставленіи; почему онъ обнадеженъ высочайшею Ея Императорскаго Величества милостію и отпущенъ.

8) При вышеписанныхъ всѣхъ обстоятельствахъ означенный нововыѣхавшій изъ Грузіи архіерей отъ Синода называемъ былъ преосвященнымъ архіепископомъ, по примѣру выѣхавшаго въ Россію, въ 727 году, Халкидонскаго архіепископа Филоѳея (какъ значится въ Синодѣ), который его степенію старше, и по учиненной въ Синодѣ, прежде его прибытія, справкѣ съ Кормчею Книгою, съ Пандектами и съ описаніемъ Хрисанѳа патріарха Іерусалимскаго, на Греческомъ языкѣ, о всѣхъ, въ томъ числѣ и объ его епархіи, по которымъ положено поставляему быть отъ своихъ подручныхъ ему епископовъ единому въ Грузіи архіепископу, а не троимъ, (какъ нынѣ ихъ имѣется), и больше ему прерогативъ не показано.

9) Что же онъ, преосвященный, называется католикосомъ и въ народѣ объ немъ произносится, будто онъ патріархъ, того, какъ выше значитъ, по справкамъ нигдѣ не сыскалось; а именуются они отъ своихъ Грузинъ тѣмъ званіемъ по примѣру Армянскихъ патріарховъ, кои называются католикосами жъ, а по Россійскому діалекту значитъ «вселенскій». Точію въ Греко-Россійской церкви, кромѣ четырехъ вселенскихъ патріарховъ, никого не признается; за тѣмъ и сему нововыѣхавшему преосвященному архіепископу сего страннаго титула давать и такого отмѣннаго клобука носить, какъ нынѣ у него есть, Святѣйшій Синодъ за непристойность признаетъ.

10) И ежели онъ требовать будетъ позволенія о служеніи и представитъ о поставленіи и объ отлученіи отъ епархіи своей надлежащее свидѣтельство, то о отправленіи ему священнослуженія и о хожденіи по примѣру Россійскихъ архіереевъ имѣетъ быть разсуждено и доложено Ея Императорскому Величеству.

О Грузинскомъ митрополитѣ Аѳанасіи.

Въ 25 день Декабря 1752 г., прибывшій изъ Грузіи митрополитъ Аѳанасій съ княземъ Симеономъ Макеевымъ, накануѣ испрося себѣ время чрезъ племянника своего надворнаго совѣтника Грузинскаго князя Амилахорова, былъ у вице-канцлера и вручилъ ему приложенный при семъ переводъ съ просительнаго листа, съ которымъ онъ присланъ къ Ея Императорскому Величеству отъ Грузинскаго и Кахетскаго царей Тей-Мурзы и Ираклія. Объявилъ притомъ, что при подаціи онаго Ея Императорскому Величеству имѣетъ онъ также поднесть отъ помянутыхъ царей подарки, состоящіе въ ножѣ, золотомъ и каменьями оправленномъ, да въ четкахъ жемчужныхъ. Просилъ, дабы о томъ Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйше доложено и исходатайствовано было, чтобъ онъ для поднесенія оныхъ Ея Величеству представленъ былъ. А понеже въ объявленномъ листѣ не всѣ нужды, за которыми онъ митрополитъ сюда отправленъ, подробно изображены, то сверхъ онаго поручено ему, и имѣетъ онъ объ оныхъ обстоятельно на письмѣ представить. Вице-канцлеръ сказалъ ему на то въ отвѣтъ, что о всемъ вышеобъявленномъ не преминетъ онъ Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйше донести, и впредъ о всевысочайшемъ Ея Величества соизволеніи ему объявлено будетъ.

При семъ случаѣ отдалъ онъ присланный отъ помянутыхъ царей вице-канцлеру подарокъ: кусокъ Персидской золотой травчатой парчи и рундукъ Персидскій съ серебрянымъ позолоченнымъ наборомъ.

Впрочемъ для всевысочайшаго извѣстія Ея Императорскаго Величества всеподданнѣйше доносится, что при оныхъ Грузинскомъ митрополитѣ и князѣ Макеевѣ пріѣхало въ свитѣ Грузинцовъ духовныхъ и свѣтскихъ, дворянъ и служителей тринадцать человѣкъ, и стоятъ здѣсь на Пресни на загородномъ дворѣ Тверскаго архіерея. А понеже сей дворъ весьма отъ города отдаленъ, то проситъ онъ митрополитъ, чрезъ помянутаго племянника своего надворнаго совѣтника князя Амилахорова, чтобъ ему въ городѣ ближе другая квартира отведена была.

Въ концѣ на послѣдней страницѣ помѣчено своеручно вице-канцлеромъ:

Такова записка и съ переводомъ листа Грузинскихъ царей вчесена къ Ея Императорскому Величеству тогожъ 25 Декабря 1752 года.

Переводъ съ Грузинскаго письма.

Къ всеславному Божественному милосердію Твоему прибѣгшіе, въ свирѣпѣйшихъ волненіяхъ пребывающіе, рабы твои, съ трепетомъ дерзающе, нестерпимыя нужды наши предъ Твоимъ Императорскимъ Величествомъ изъявляемъ, и до земли поклонившеся доносимъ священнѣйшему самодержавству Твоему, Божественная Мати всѣхъ христіанъ! Мы никаковаго не совершили служенія Богомъ славимаго и освященнаго вѣнценоства Твоего, но имя носимъ на себѣ Христово, Ты же Мати еси всѣхъ православныхъ и имѣеши милосердое попеченіе о страждущихъ. Сія есть причина дерзнове-

нія нашего. Неисчислимыя нужды и тѣсноты пасъ нижайшихъ рабовъ Твоихъ, и безъ объявленія нашего, совершеннѣйше извѣстны духомъ святымъ сіяющему и благодатію преисполненному вѣдѣнію Твоему: сколь злое плѣненіе отъ давнихъ ужъ временъ насъ и царство наше отъ царей языческихъ постигло, которымъ, грѣхъ нашихъ ради, праведнымъ судомъ Божіимъ преданы были, и оные тиранствомъ царствовали надъ нами. А понеже въ настоящее время сіе никто уже отъ невѣрныхъ царей господствуяй есть надъ нами, о томъ да извѣствуется свѣтлому небу разума Твоего. Нынѣ есть время избавленія, и день воскресенія нашего, аще не во вѣки отчаянію грѣхъ ради нашихъ преданы. Призри Христу подобнаго умиленія утробою, и положи руку Твою сильну и высоку во избавленіе отчаянія нашего; понеже таковыхъ нестерпимыхъ бѣдъ никогда земля наша не видала, какъ точно извѣстно свѣтло судящему разсмотрѣнію Твоему, что царство наше окружено разными невѣрными народы, и непрестанно лѣто и зиму съ нами воюютъ, разоряютъ насъ, убиваютъ и плѣнятъ, и много сильнѣйше и множайше насъ суть, и желаютъ разорить церквы святыя, истребить имя христіанства. Въ неже время соединились окружные враги наши, и собрались вкупѣ князи ихъ, и клятву положили межъ себя по скверной книгѣ своей, да истребятъ народъ Грузинскій посредѣ, и вселятся роды Магометанскіе, и единогласны всѣ да будутъ. И какъ прегорькое извѣстіе сіе до слышанія насъ, христіанъ, дошло, въ сердцахъ печали огнь возжегся. И тако нынѣ намъ никакой надежды нѣсть, кромѣ помощи Животворящаго Креста и Твоего всеславнаго императорства Божественныя порфиры покровительства. Сего ради теплѣйше припадаемъ, съ нами и всѣхъ христіанъ всеславная Предводительница православныхъ, и величество само-

державства Твоего слезно просимъ, отъ Исмаилитовъ на насъ и на царства наша бываемыя горчайшія бѣды и плѣненія отними и утиши, и по волѣ всемилостивѣйшаго самодержавства Твоего матерне помози чадамъ Твоимъ, и повели лучшая. Хотя и рабы семи непотребны величеству Твоему, но христіане семи. Долгъ имаши, яко Мати христіанъ. Призри покровительствомъ на чадъ твоихъ, въ нуждѣ сущихъ и страждущихъ, и покрый насъ покровомъ освященныя порфиры Твоея, и сохрани насъ отъ язычниковъ, яко святая воля Твоя есть. Еще же нижайше доносимъ, что нѣкогда отъ его величества блаженныя памяти дѣда Твоего царя Алексѣя Ѳедоровича (*sic*) пріялъ отецъ мой царевичь Николай изъ высочайшей его милости жалованную грамоту съ золотою печатью, которой списокъ предлагаемъ, и каковое обѣщалъ во время то служеніе его величеству по должности нашей, на ономъ и нынѣ крѣпко стоимъ, хотя грѣхъ ради нашихъ дѣломъ оказать не возмогли. Посланцы отъ насъ нижайшихъ, для поданія прошеній нашихъ величеству самодержавства Твоего, преосвященный Аѳанасій митрополитъ Тифлисскій съ княземъ Семеномъ, и оные подать имѣютъ прошенія наша Величеству Твоему.

Письмо Грузинскаго митрополита Аѳанасія къ графу М. Л. Воронцову.

Высокосіятельнѣйшій графъ Михайла Ларіоновичъ

Милостивой государь!

Въ надеждѣ вашего высокографскаго сіятельства милостивому государю и патрону во извѣстіе доношу, что сего Іюня 7 дня, изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ келію мою, въ знакъ высочайшей Ея Императорскаго Величества милости царямъ моимъ подарки: два мѣха собольихъ и четыре кус-

ковъ парчи присланы были, и князю Макееву притомъ быть велѣли, и въ пріемѣ тѣхъ вещей заставили росписаться мнѣ со онымъ Макеевымъ въ обществѣ. И въ томъ меня смиреннаго только могли этимъ въ небытность вашего высокографскаго сіятельства обидѣть. И то чувствительно мнѣ. Ежели бъ ваше высокографское сіятельство присутствіе въ Москвѣ имѣть изволили, то мои злодѣи того исходатайствовать не могли. И на ваше великодушіе уповаю, что ассессору Абазадце, которой безъ всякой причины сталъ мнѣ злобствовать, со временемъ за то ему упущено не будетъ. Того ради вашего высокографскаго сіятельства, милостиваго государя и патрона, всепокорно прошу объ отпускѣ со мною до Грузіи, конвоемъ полицейской команды, капитана князя Гелованова, милостивою резолюціею о томъ меня снабдить. Такожде, милостивой государь, въ конторѣ вашей повелѣть, чтобы меня объ отправленіи моемъ и ни въ чемъ безвременно не понуждать. А напередъ мнѣ и со свитою за три мѣсяца жалованье выдано, только по отбытіи его сіятельства графа Алексѣя Петровича о томъ никакого понужденія еще не слышу. Впрочемъ о здравіи вашего высокографскаго сіятельства и всей вашей высокой фамили Господа Бога молить и просить всегда непрестанно пребуду. Вашего высокографскаго сіятельства милостиваго государя моего всегда покорный ко услугамъ

митрополитъ Аѳанасій Тифлисскій.

Іюня 9 дня 1754 года.

Реляція надворнаго совѣтника и резидента Обрѣзкова изъ Перы Константинопольской, отъ 26-го Іюня 1754 г.

По Высочайшему указу, я увѣдомилъ Порту о учиненной сдѣлкѣ въ Запорожскихъ спорахъ, и ея за то удовольствіе безсумнѣнно вящее-бы было, когда-бъ подъ то время не сообщилось ей о принятой Вашимъ Императорскимъ Величествомъ резолюціи строить въ Новой Сербіи крѣпость Святыя Елисаветы. И хотя я предвидѣлъ, что она сіе съ непріятностью услышитъ, но какъ оное когда нибудь необходимо быть имѣло, то при томъ случаѣ, яко ей пріятномъ, о семъ сообщить пристойнѣе призналъ, а особливо для предупрежденія, дабы ей посторонне не дошли прежде вѣдомости о дѣйствительномъ строеніи, въ которомъ-бы случаѣ она конечно наипаче раздражилась и нарѣкать причину возъимѣла, якобы обѣщанное ей не додержано. Сіе дѣло, Всемилостивѣйшая Государыня, здѣсь гораздо серьезнѣе учинилось, нежели ожидать резонъ былъ, которое доставило случай къ разнымъ экспликаціямъ, отвѣтамъ и поступкамъ Порты. И какъ все то цѣлаго уваженія заслуживаетъ, то дабы ваше Императорское Величество, всемилостивѣйше разсмотря, пристойныя съ Высочайшими Вашего Императорскаго Величества интересами

мѣры взять повелѣть соизволили. пріемлю смѣлость все происшедшее съ подробностями всеподданнѣйше донести.

Въ слѣдствіе вышедонесенныхъ резоновъ, при сообщеніи Портѣ о Высочайшемъ Вашего Императорскаго Величества снисхожденіи касательно сдѣлки между Запорожскими казаками и подданными Турецкими, запискою отъ 1-го Іюня предъявилъ я ей, что мнѣ повелѣно Блистательной Портѣ въ разсужденіи сосѣдственной дружбы сообщить, что мѣсто подъ крѣпость, которая по западную сторону Днѣпра построена быть имѣетъ (какъ то ей нотою 21-го Августа 1752 года знать дано) избрано при вершинѣ рѣки Ингула, близъ устья впадающей въ оную рѣчки Туры, которая отъ границъ Турецкихъ разстояніемъ около тридцати часовъ и далѣе другаго города, зовомаго Архангельскаго, и оная нынѣшнею весною строиться начата быть имѣетъ.

Рейсъ-эфенди, разсмотря переводъ оной записки касательно новостроящейся крѣпости Святыя Елисаветы, съ нѣкоторымъ жаромъ говорилъ: «Вотъ-де дѣло наружу вышло, и подаванныя Портѣ извѣстія, которыя я ложными быть предъявлялъ, нашлися истинныя; сіе предпріятіе есть совершенно противно трактату, и конечно дружбу раздражить имѣетъ». И по нѣкоторыхъ сему подобныхъ экспрессіяхъ, ходилъ къ визирю и, чрезъ полчаса возвратясь, сказалъ Пинію, что визиря видѣть случая не имѣлъ, и повторилъ прежде говоренное, прибавя, что когда отъ стороны Вашего Императорскаго Величества при границахъ крѣпости строить начинаются, то и Порта съ своей стороны тоже сдѣлаетъ.

Противъ сего я 6-го Іюня, при посланіи карты къ переводчику Порты, за Днѣпрскимъ мѣстомъ отмѣтя на оной избранную ситуацію для лучшаго увѣренія Порты, что оная крѣпость не въ такой близости отъ Турецкихъ границъ, какъ

Портѣ предъявляютъ, по внутри Имперіи быть имѣетъ, отвѣтствовалъ: 1-е, что я предъидуще Портѣ даваемыя ей извѣстія о строеніи крѣпости близъ устій рѣкъ Пигула, Пигульца и Великаго Канара, ложными почиталъ, то самая истинная, ибо въ тѣхъ мѣстахъ подобнаго нѣтъ. Да и тоже правда, что и положенная на мѣрѣ крѣпость близъ Польскихъ границъ тогда не строилась, но токмо нынѣ мѣсто изобрать и строить начнется. 2-е, Помянутой городъ будетъ внутри имперіи вашего Императорскаго Величества и далѣе другаго издавна находящагося; потому не можно приписать, чтобъ оное противно трактату быть могло, да и ниже счастливо пребывающей дружбѣ; ибо каждый въ своихъ государствахъ диспонировать, по благоизобрѣтенію своему, власть имѣетъ; особливо-же тому почти съ два года какъ Портѣ дружески дано было знать, что такой городъ и для чего построенъ быть имѣетъ, чему тогда Блистательная Порта ни мало не оспоривала. И тако не можно понять, для чего сіе нынѣ нѣкоторое удивленіе или непріятность ей доставляетъ. Я оное въ резонѣ представилъ, яко наипристойнѣйшее средство оправдаться, что то предпринято невзначай и не скрытно отъ Порты, хотя тефтердаря тѣмъ много экспонировалъ: ибо небреженіемъ его, на доставленную отъ Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества двора касательно сего дѣла ноту не репликовано, но тѣмъ заставилъ его для собственнаго своего спасенія обще со мною содержать, что сіе трактату противно быть не можетъ, какъ ниже окажется. 3-е, Ежели Блистательная Порта въ земляхъ своихъ крѣпость построить намѣрена, изъявъ токмо не позволенныя мѣста трактатомъ, то въ совершенной волѣ ея состоитъ. Высочайшій Вашего Императорскаго Величества дворъ никогда не опорствовалъ, какъ то она видѣла при сообщеніи оному въ

1747-мъ году о строеніи Новаго Копыла, да и никогда не оспоритъ, будучи удостовѣренъ о двухъ истинахъ: первая, о истинности дружбы и взаимномъ желаніи оную культивировать; вторая, что каждый государь воленъ въ своихъ государствахъ дѣлать то, что̀ заблагоразсудитъ, и никому въ томъ отчету дать не имѣетъ, выключая случай, когда какимъ трактатомъ обязанъ.

Пиній едва къ рейсъ-эфендію появился, оный министръ ему сказалъ, что ежели относительно города какой отвѣтъ отъ меня принесъ, то бы на бумагу положилъ, что̀ Пиній и исполнилъ, и при разсмотрѣ переводу касательно Новаго Копыла рейсъ-эфендій отозвался, что оной построенъ въ силу 3-го артикула мириаго трактата; ибо когда ближе къ границамъ позволено, то само собою разумѣется, что въ отдаленіи паче-способнѣе есть. И по возвратѣ отъ визиря, Пинію при предъявленіи отъ его стороны и визирскаго мнѣ поклона приказалъ объявить, что визирь такъ прежнія какъ и послѣднія мною доставленныя относительно сего дѣла пьесы сличалъ, и рекомендуетъ мнѣ разсмотрѣть трактатъ, которой тако-жъ и Порта экзаминировать будетъ и пристойной отвѣтъ дать не оставитъ.

Противъ сего я, спустя нѣсколько дней, а именно 9-го числа. Пинію велѣлъ въ разговорахъ переводчику Порты отозваться, что, прежде начатія оной крѣпости, трактатъ въ полномъ Вашего Императорскаго Величества двора совѣтѣ разсматриванъ, и нимало не найдено, что̀ бъ оному въ противность быть могло, и когда Блистательная Порта безъ пристрастія разсмотрѣть похочетъ, то и сама о истинѣ увѣрится. Я никогда не думалъ, чтобъ она дѣло сдѣлать похотѣла изъ сего сообщенія, которое ей учинено единственно по сосѣдственной дружбѣ, дабы она, будучи свѣдома со всею подлин-

ностью подаваемымъ ей ложнымъ вѣдомостямъ, толь меньше вѣрила и безпокойства принимала, а не для испрашиванія на внутреннія государства распоряженія ея позволенія: ибо Высочайшій Вашего Императорскаго Величества дворъ, сколько воздержанъ въ постороннія домашнія дѣла мѣшаться, только своихъ укащиковъ не терпитъ. Потому я никакого отвѣта не ожидаю, да и ниже поводъ къ тому доставленъ. Довольно быть можетъ одного рейсъ-эфендіева четвертаго дни отзыву, что и Порта въ своей сторонѣ тако-жъ крѣпость построитъ, увѣряя притомъ вновь наиточнѣйшимъ образомъ, что въ семъ дѣлѣ ничего того нѣтъ, еже-бы Портѣ предосужденіе нанести могло. Переводчикъ Порты сей мой отзывъ рейсъ-эфендію донесъ; почему Порта, какъ видно, отчаясь меня предуспѣть склонить съ мнѣніемъ ея сообразоваться и Вашему Императорскому Величеству объ оставленіи онаго предпріятія всеподданнѣйше представить, заблагоразсудила адресоваться къ Аглинскому послу Портеру и Римско-Императорскому интернунціусу барону Пенклеру.

9-го числа, извѣстные пріятели сообщили, что 7-го визирь, собравъ присланную ноту о семъ дѣлѣ, мои записки, трактатъ и географическую карту, былъ у его салтанова величества, и какъ слышно, его величество о строеніи крѣпости съ великимъ неудовольствіемъ увѣдомился, и приказалъ дѣло со всею прилежностью разсмотрѣть и съ подлинностью обнадѣяться, имѣетъ ли быть въ противность трактату. Вслѣдствіе чего 8-го числа предъ визиремъ, тефтердаремъ, рейсъ-эфендіемъ, мехтупчіемъ и нѣкоторымъ Мехмедъ-эфендіемъ, почитаемымъ за разумѣющаго географіи, держали совѣтъ, разсматривая карту границамъ и мѣсто избранное подъ крѣпость, которое нашли съ предъявленіемъ моимъ различно и трактату противно. Потому, читая послѣднюю мою записку,

оказывали между собою удивленіе, кромѣ тефтердаря, которой то красиѣлъ, то блѣднѣлъ, и коему рейсъ-эфенди, злостію для подысканія, давъ читать присланную отъ Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества двора ноту, сказалъ: «посмотри, ваше превосходительство, съ какою хитростью она составлена, которая тогда казалась яко бы никакой атенціи не заслуживала, но нынѣ видимъ, чего она стоитъ». Тефтердарь, прочитавъ и ничего не отвѣтствуя, потребовалъ видѣть мои послѣднія сообщенія, и по расмотрѣніи отозвался: «Надлежитъ объяснить ситуацію и разстояніе, и ежели то согласно съ увѣдомленіями, имѣющимися при Портѣ, то подлинно трактату и дружбѣ имѣетъ быть противно; а ежели же такъ, какъ я предъявляю, противности оному быть не можетъ. Для вящаго же объясненія и удостовѣренія кажется пристойно было-бъ, чтобъ Порта потребовала на сіе истолкованія отъ министровъ аліаторскихъ дворовъ съ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, и когда дѣло съ подлинностью объяснится, тогда Блистательная Порта со всею надежностью пристойныя мѣры взять можетъ». Рейсъ-эфендіи хотя весьма много въ доказательство, что сіе трактату совершенно противно предъявлялъ, но верховный визирь, апробуя тефтердарское мнѣніе, приказалъ помянутымъ министрамъ пристойной о семъ отзывъ учинить, и до расмотрѣнія мнѣній ихъ мнѣ что либо говорить воздержаться.

По силѣ вышепредъявленнаго визирскаго приказу, 11-го Іюня Порта онымъ министрамъ нотами составленными въ равной силѣ отозвалась, а именно: предъявя имъ силу 3-го артикула мирнаго трактата, испрашивала дружескаго ихъ мнѣнія, что строеніе новой крѣпости между двумя пограничными (называя со стороны Вашего Императорскаго Величества быть Кіеву, а съ ея Очакову), взявъ въ разсужденіе вышепомяну-

тый артикулъ и сличая съ регулами потентатовъ, достаточно или недостаточно дружбу помутить? Оное рейсъ-эфендій Великобританскому и Цесарскому переводчикамъ поручилъ, съ тѣмъ, что Порта дружескаго на то отвѣта ожидать будетъ. Переводчикъ Порты къ нимъ при томъ отозвался, что въ дѣлѣ такого свойства какъ сіе. Порта должна да и намѣрена была адресоваться къ Французскому послу, яко гаранту; но сіе отмѣнила единственно токмо въ разсужденіи нынѣшнихъ Вашего Императорскаго Величества двора съ Французскимъ обстоятельствъ и сношеній, требуя знать на справедливость ея предложеній мнѣнія самихъ аліаторовъ съ имперіею Вашего Императорскаго Величества, и продолжалъ, что Порта сіе въ явную трактата противность признаетъ, да и никакой потентатъ стерпѣть не можетъ, чтобъ посреди мира и въ отдаленіи отъ границъ токмо на тридцать часовъ новая крѣпость строилась, чтобъ чистота дружбы потемниться не имѣла; правда-де напередъ сего Портѣ хотя и было сообщено, что къ польной сторонѣ одна крѣпость построена быть имѣетъ, но токмо такимъ образомъ, что Порта полагать не могла сему въ скорости воспослѣдовать, а къ тому же и уповала быть гораздо далѣе внутри имперіи Вашего Императорскаго Величества, нежели нынѣ видѣть принуждена.

Сей Порты отзывъ Римско-Цесарскаго интернунціуса барона Пинклера привелъ было въ крайнее недоумѣніе, что̀ дѣлать имѣлъ, и болѣе полагалъ на доношеніе ко двору его принять, въ чемъ я отсовѣтывалъ, представя, что симъ не токмо на самой справедливости основанное Вашего Величества предпріятіе сумнительнымъ сдѣлаетъ, но и Порту толь вяще ободритъ при претензіи своей настоять. Великобританскій же посолъ Портеръ безспорно моего мнѣнія былъ, что̀ имъ отвѣтствовать должно. И такъ по многимъ разсужденіямъ

и совѣтованіямъ, напослѣдокъ съ согласія моего Портѣ письменно отвѣтствовали, въ которыхъ отвѣтахъ хотя нерѣшительнымъ образомъ (чего они и сдѣлать не могли, безъ оказанія себя быть парціальными), но токмо одними своими разсужденіями, по нѣкоторыхъ комплиментахъ и въ равной силѣ, предъявили, что по ихъ мнѣнію третій артикулъ мирнаго трактата обѣимъ сторонамъ въ отдаленныхъ отъ Азова границахъ крѣпости строить вольность не отнимаетъ, да и ниже дружбѣ противно быть можетъ: ибо дѣло взаимное. и Порта съ своей стороны тоже сдѣлать можетъ, когда заблагоразсудитъ.

Оные отвѣты Портѣ доставлены 15-го Іюня, и рейсъ-эфендій тогда ничего не отвѣтствовалъ; но 18-го, призвавъ Цесарскаго переводчика, говорилъ: «Знатно-де посолъ и интернунціусъ отзыву Порты имъ учиненнаго не поняли, или понять не хотѣли; но Порта сіе пропешествіе неотмѣнно почитаетъ быть такъ противно трактату, какъ и регуламъ между потентами», и притомъ Порта отозвалась, что она отъ искренности ихъ ожидаетъ, что о ней при респективныхъ дворахъ своихъ тѣмъ доброе употребленіе сдѣлаютъ. А Англійскій посолъ сообщилъ, что Порта ихъ усильно просила, дабы они респективные дворы ихъ склонили Высочайшему Вашего Императорскаго Величества двору представить, строеніе вновь начавшееся крѣпости, яко служащей къ непремѣнному раздраженію дружбы, оставить.

Я оными министрамъ примѣтилъ, что обязательство ихъ все иногда желаемому противное произвести можетъ; ибо ежели-бы офиціи дворовъ ихъ при Высочайшемъ Вашего Императорскаго Величества дворѣ успѣха своего не возъимѣли, то не токмо Порта наиболѣе-бы раздражилась, но и на оные дворы нарѣкать можетъ, яко бы не съ тѣмъ чисто-

сердечіемъ старались, какого она ожидать причину имѣла; однакожъ отъ того ихъ отклонить не могъ. Интернунціусъ Пенклеръ изъяснилися, что меньше сдѣлать не можетъ, какъ Порту обнадежить, что со всею подробностію двору своему донесетъ, что̀ 21-го числа и исполнилъ, прибавя, что онъ надѣется все поправиться, и счастливо пребывающая дружба во всей ея цѣлости пребудетъ.

Содѣйствованіемъ въ семъ дѣлѣ помянутыхъ министровъ я доволенъ быть причину имѣю, и не соизволите ли, всемилостивѣйшая Государыня, Высочайше повелѣть при дворахъ ихъ Вашего Императорскаго Величества удовольствіе сказать, что̀ бы для переду много ихъ поощрить могло. При семъ же и то всеподданнѣйше доношу: онымъ алчно видѣть желается, чтобъ сей камень преткновенія изъ средины вынятъ былъ, и нѣсколько соболѣзнованія оказываютъ, что Порта раздражена въ такое время, когда она въ наиполезнѣйшихъ сентиментахъ находилась, и хотя бы для имперіума Вашего Императорскаго Величества оная крѣпость самонужнѣйшею быть имѣла, то и тогда, по малой мѣрѣ для консидераціи дружбы, предварительно начатія дѣла, надлежало-бъ съ Портою сноситься. Болѣе же всего они опасаются, чтобъ сіе не привело Порту на ближайшее съ Франціею соединеніе, и чтобъ оная не поступила даже и на союзъ съ королемъ Прусскимъ, о которомъ столь давно домогаются.

Порта, до полученія и по полученіи отъ помянутыхъ союзныхъ дворовъ министровъ отвѣтовъ, чрезъ три дни мнѣ о семъ дѣлѣ ничего не говорила, да и я ни о чемъ не вызывался; а 18-го числа, Пиній, будучи при Портѣ, предъявилъ, что отъ пріѣхавшаго курьера изъ Кіева увѣдомился онъ, что на отправленнаго отсюда прапорщика Соловкова въ Балканахъ воры изъ ружья стрѣляли, и просилъ, дабы пристой-

ные указы посланы были обывателямъ о безопасности проѣзжающихъ курьеровъ попеченіе имѣть. Переводчикъ Порты ему, Нинію, при томъ говорилъ, что наиглавнѣйшее наше теперь дѣло есть вновь вздуманная строиться крѣпость, и пока сей камень преткновенія изъ средины не вымется, то все не инаково, какъ за развращенное дѣло почитать должно. Можно сказать, и сію крѣпость инако почитать не можно, какъ чирей на здоровомъ тѣлѣ, отъ котораго антоновъ огонь прикинуться можетъ; Порта всегда напрачительнѣйшею была, не смотря на разныя происшествія, которыя ей нѣкоторое неудовольствіе доставляли, дружбу содержать; что же нынѣ будетъ, то не довѣдомо. И какъ въ мое время столько хлопотливыхъ дѣлъ счастіемъ моимъ окончено, то уповать причина была, чтобъ толь важное, какъ сіе, яко противное трактату и регуламъ всѣхъ протентатовъ случиться не могло, и стоитъ ли, чтобъ для прикрытія десяти казаковъ раздражить такую имперію, которая дружбу распространить завсегда тщательно прилежала, и прочее сему подобное, служащее во увѣреніе, чтобъ строеніе новоначинающейся крѣпости оставлено быть могло.

Примѣчаніе канцлера графа Бестужева.

Такой отзывъ переводчика Порты подлинно весьма продерзостенъ; ибо не его дѣло вступаться въ разсужденіе о надобности или ненадобности защищенія новопоселяемыхъ здѣшнихъ поддапныхъ; а толь меньше принадлежитъ ему пасмѣхаться о малости числа оныхъ. Но когда Ея Императорское Величество Всевысочайше припамятовать изволитъ все происшествіе сего Сербскаго дѣла съ начала до нынѣ, то найдется, что ему весьма инакому быть надлежало. Первое о принятіи оныхъ предложеніе основано было на увѣреніи, яко бы Вѣнской дворъ сихъ людей самъ охотно отъ себя выживаетъ, хотя тотъ часъ потомъ само оказалось, что сіе совсѣмъ

ложно и неосновательно было. Канцлеръ и тогда, когда еще думано, что принятіе Сербовъ никакого затрудненія не найдетъ, однакоже всенижайше представлялъ, чтобъ для поселенія отвести имъ земли по Волгѣ, болѣе нежели въ Украйнѣ пространныя, не меньше обильныя и плодоносныя, а еще больше требующія населенными быть, къ отвращенію Кубанскихъ и Киргисъ-Кайзацкихъ набѣговъ, и гдѣ, наконецъ, поселеніе ихъ и построеніе для нихъ хотя-бы двадцати крѣпостей отнюдь никакихъ споровъ не повстрѣчало. Но однакожъ всевысочайше повелѣно сему селенію въ за-Днѣпрскихъ мѣстахъ быть, и все оное дѣло въ вѣдомство и распоряженіе Сената поручено. Оставляя всѣ уваженія въ сторонѣ, ревностно слѣдовано только тому, что́ генералъ-маіоръ Хорватъ, болѣе по пристрастію и первой горячести къ пріобрѣтенію отличности, нежели по знанію дѣлъ или по благоразумѣнію представлялъ. Отъ того произошли было непріятныя съ Вѣнскимъ дворомъ холодности. Отъ того многимъ Малороссіянамъ разореніе, и оное оными Польши населеніе: ибо для одного Серба выгонялось съ отведенной имъ земли нѣсколько цѣлыхъ фамилій, кои почти всѣ въ Польшу перешли. И, ежели можно присовокупить, то отъ того же, наконецъ, претерпѣлъ канцлеръ въ цѣломъ при дворѣ собраніи тяжкой гнѣвъ Ея Императорскаго Величества, когда по сенатскому о поселеніи оныхъ Сербовъ опредѣленію (въ которомъ именно написано было, чтобъ оныхъ селить, уступая отъ Польской границы по двадцати верстъ) Ея Императорскому Величеству обще съ вицеканцлеремъ докладывалъ, чтобъ тому опредѣленію въ означенной его прямой силѣ быть; а Сенатъ, тотъ часъ разумъ сего опредѣленія перетолковавъ, представилъ, что тѣмъ разумѣть надобно, что тому поселенію отъ границы не далѣе тѣхъ двадцати верстъ, по какихъ и по какой границѣ быть, хотя весь свѣтъ изъ сенатскаго самаго опредѣленія инако понять не можетъ, какъ что уступая двадцать верстъ за оными уже селиться должно.

Отъ того времени начались по малу сбираться и хлопоты съ Турецкимъ дворомъ, которые нынѣ до такой серьезности дошли и отъ которыхъ худыхъ слѣдствій толь больше опасаться надлежитъ; ибо хотя Порта до нынѣ весьма малую или и никакой вѣры не подавала учиненнымъ ей отъ ея пограничныхъ командировъ и отъ

посторонних недоброжелательных внушениям, а особливо о принимании въ Новую Сербію безъ разбору подданных ея Волоховъ, Молдавцовъ, и другихъ: то однакожъ нынѣ, будучи уже весьма огорчена, не токмо основательнымъ слухамъ, но и всякимъ вымышлениямъ полную вѣру подаетъ, что злонамѣренныхъ ободритъ къ раздражению ея трудиться: такъ что и самое малое, что изъ сего опасатися должно, будетъ ея съ королемъ Прусскимъ соединение, о которомъ уже только лѣтъ интриги безплодно производилися, а нынѣ здѣсь мы сами орудіемъ того были-бы.

Слѣдствія того, а особливо помышляя о случаѣ замѣшанія Польскихъ дѣлъ, весьма ужасными быть кажутся, и однимъ словомъ зрѣлаго теперь размышления и уважения требуютъ. Но отъ просвѣщенной Ея Императорскаго Величества прозорливости утаиться не можетъ, какія противу того мѣры принимать, которыхъ ускорение наиважнѣйшимъ во всемъ дѣлѣ пунктомъ есть, дабы все дѣло прежде успокоить, нежели недоброжелательнымъ время достается симъ происшествіемъ пользоватися, чѣмъ во первыхъ показалась бы дружба Портѣ, и предупредились бы союзники оную ихъ стараніямъ приписывать, и тѣмъ больше себѣ нежели здѣшнему снисхождению у Порты мерить пріобрѣсти; а на противу того, въ случаѣ медленія, хотя-бы и все по желанію Порты сдѣлано было, она посторонними внушеніями и сама собою такъ раздражена уже будетъ, что и никакого снисхожденія признавать не похочетъ; посторонніе же примѣтятъ оное тогда единой боязливости и нуждѣ, а отнюдь не тому, что Ея Императорское Величество, единственно для общей тишины и покою, но ея природному благоутробію, на показаніе угодности снизойти изволитъ.

На сіе Пинію и отвѣтствовалъ. Ничто такъ не удивительно, какъ сіе Порты безпокойство. Предъидущее уже доказалъ, что сіе ни трактату не противно, ни дружбу, когда право судить хотитъ, раздражить не можетъ. Переводчикъ Порты репликовалъ: она уже и такъ раздражена, а что впредь будетъ, то Богъ знаетъ; сожалѣтельно-де токмо о томъ, что толь искренняя дружба за ничто мѣшается. Рейсъ же эфен-

дій потомъ Пинію говорилъ, что я думаю о главномъ дѣлѣ, т. е. о крѣпости. Пиній отвѣтствовалъ быть не свѣдому, и приказу не имѣетъ о томъ что либо говорить; но какъ ему кажется къ прежде-предъявленному едва ли что̀ прибавить имѣетъ. На сіе оный министръ сказалъ: «И Порта о томъ не думаетъ и отвѣту не даетъ, токмо почитаетъ сей поступокъ совершенно противенъ былъ: 1-е, трактату; 2-е, регуламъ всѣхъ потентатовъ, ибо никоторой терпѣть не можетъ, чтобъ въ средимиріе при границахъ крѣпости строились, и онъ мнѣ иного не рекомендуетъ, какъ прежнее, т. е. разсмотрѣніе трактата» И съ тѣмъ Пинія отпустилъ, приказавъ мнѣ приняться. По выходѣ переводчикъ Порты, повторя рейсъ-эфендію сказанное, продолжалъ: подлинно-де обращающіеся въ дѣлахъ обо всѣхъ обстоятельствахъ свѣдомы, но которые въ не употребленіи и въ праздности находятся, то инаково помышляютъ, и между всѣми народами праздные ищутъ упражненія, а особливо здѣшній народъ, который о томъ столько вздыхаетъ, сирѣчь о войнѣ. И одно токмо благонамѣреніе и искусство сидящихъ на рулѣ дѣлъ оной воздерживаетъ. Возможно ли же будетъ сіе дѣлать впредъ, а особливо съ духовенствомъ, яко наисильнѣйшимъ корпусомъ, и который когда о семъ происшествіи спознаетъ, безсумнѣнно весьма возгорится, то предсказать не можно.

На все вышедонесенное я 21-го числа отозвался переводчику Порты, что говоренное имъ 18-го числа я пріемлю яко отъ пріятеля, и такъ ниже Высочайшему Вашего Императорскаго Величества двору о томъ донесу, на противу того и ему такожъ дружескимъ образомъ знать даю, что желаніе и попеченіе мое есть единое и надмѣрное: дружбу распространять и все мѣшающее изъ средины вынимать; но притомъ обнадежиться можетъ, что я никогда не усумнюсь

высочайше мнѣ предписанное исполнить и всѣ на истинѣ основанные пріятные или непріятные резоны со всею твердостію предъявить, въ какомъ бы то случаѣ быть ни могло. Что же касается до той невѣдомости, которая по мнѣнію его изъ сего дѣла родиться можетъ, то ему сказать имѣю, что Высочайшій Вашего Императорскаго Величества дворъ дружбу Порты завсегда тщательно культивировалъ, чему неисчетные опыты она имѣетъ, да и продолжать то намѣренъ: притомъ же и сіе ему знать дать удержаться не могу, что первоначальная Вашего Императорскаго Величества двора максима никого не стращать, да и никакихъ угрозъ не бояться, будучи въ совершенномъ состояніи государство и права свои защищать, а можетъ быть покушающихся предписывать и въ раскаяніе привести, и хотя, какъ всему свѣту извѣстно, содержитъ преспльную армію во всякой готовности однакожъ притомъ и во обузданіи. Потому мнѣ весьма было удивительно слышать говоренное имъ Пинію и едва ли сіе средствомъ тишину одержать и желанія достигнуть быть можетъ. На сіе онъ, переводчикъ Порты, отозвался, что прежде говоренное имъ за какія либо угрозы взято быть не должно; ибо онъ на сіе поступилъ, яко благонамѣренный человѣкъ и свѣдущій о здѣшней конституціи, колико Порту, такъ народъ, какъ и духовныхъ, которыхъ, ежели о семъ провѣдаютъ, безсумнѣнно много шуму надѣлаютъ, меиажировать должно, и ни въ какомъ другомъ намѣреніи, но единственно токмо чтобъ отвратить могущія быть изъ того худыя слѣдства.

Посему 18-го числа рейсъ-эффендій Пинію говорилъ, что часто помянутая новая крѣпость совершенно трактату противна; Порта такъ почитаетъ, да и завсегда почитать будетъ, тронувъ притомъ въ вскользь, якобы и союзныхъ державъ съ Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества

дворомъ министры съ семъ съ Портою единаго мнѣнія, и когда-бы дружба въ консидераціи была, то предварительно начатія надлежало-бы сноситься о мѣстѣ съ общаго согласія, и ежели строеніе оной крѣпости продолжаться будетъ, то Порта не инаково какъ въ явное нарушеніе трактата возметъ, и что больше сего сказать ничего не имѣетъ; а какъ благонамѣреніе мое ей Портѣ уже извѣстно, то она отъ меня ожидаетъ, что я о всемъ томъ Высочайшему Вашему Императорскаго Величества двору наидутчимъ образомъ представлю. И съ тѣмъ Ишія отпустилъ.

По толь точномъ изъясненіи и не имѣя, что бы болѣе къ успокоенію ея предъявить, будучи все то употреблено, еже въ силахъ моихъ быть могло, и дабы всуе толь наболѣе не раздражить, за наипристойнѣе призналъ отъ всякихъ отзывовъ воздержаться до полученія Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшаго повелѣнія, какимъ образомъ и далѣйше по сему дѣлу вести себя имѣю.

Многіе думаютъ, что безпокойство Порты не о строеніи оной крѣпости, но опасается народной молвы и бунту, когда о семъ разгласится, и какъ примѣчаютъ повелѣніе салтанское, чтобъ сіе дѣло пріятнымъ образомъ разведено было, не подавая поводу къ дальнимъ холодностямъ; и посланной къ хану вновь указъ о воздержаніи Татаръ доказательствомъ тому быть имѣетъ. До полученія же извѣстій, какимъ образомъ все сіе Высочайшій Вашего Императорскаго Величества дворъ пріиметъ, на мѣрѣ положили спокойнымъ держаться; а когда по желанію Порты не сдѣлается, то по имѣнію тѣхъ же каналовъ, хотя войны, какъ кажется, по несклонности салтанской, опасаться и не должно, но холодности конечно будутъ надмѣрныя, а особливо когда настоящій рейсъ-эфендій въ мѣстѣ своемъ удержится, и можетъ быть

Порта къ противной сторонѣ прилѣпится, и на давно чинимыя Французскимъ посломъ домогательства склонится.

При семъ же, Всемилостивѣйшая Государыня, всеподданнѣйше донести смѣлость пріемлю: что болѣе сіе дѣло разсматриваю, то важнѣйшимъ его нахожу, взявъ въ разсужденіе, съ одной стороны, что предпріятое предъ глазами пограничныхъ народовъ оставить иногда Высочайшее Вашего Императорскаго Величества достоинство не дозволитъ, съ другой же настояніе и продолженіе, какъ предвижу, многія непріятныя и весьма предосудительныя слѣдства навести можетъ; потому что Порта, будучи огорченною, не только къ противной сторонѣ ближе пристанетъ, и на чрезъ толь долгое время чинимыя Французскимъ посломъ домогательства о соединеніи съ Прусскимъ королемъ и прочее снизойдетъ, а и того со всею надежностью предсказать невозможно, чтобъ и до явнаго размирія не дошло со всею салтанскою къ тому несклонностію: ибо и нынѣ происками злостнаго рейсъ-эфендія духи весьма уже раздражены, и когда оной въ мѣстѣ останется, а къ тому ежели паче чаянія такихъ же мыслей и визирь прилучится, то въ здѣшней имперіи нѣтъ ничего невозможнаго, и въ такомъ случаѣ отчего Боже, сохрани! едвали и на союзниковъ считать можно, которые иногда приписать могутъ, яко-бы отъ стороны Высочайшаго вашего Императорскаго Величества двора тому поводъ данъ; а Порта, какъ примѣчается, уже и мѣры свои принимаетъ, чтобъ въ случаѣ недовѣдомости она начинальницею почитаема быть не могла.

Хотя настояніе о семъ Порты есть мало резонабельное и безпокойство ея суетное, которое безсумнѣнно Высочайшему Вашего Императорскаго Величества двору удивленіе доставить имѣетъ; однакожъ, Всемилостивѣйшая Государыня, такого свойства, что елико мнѣ по вышепредъявленнымъ ре-

зонамъ слабѣйше кажется, пренебрегать не должно, но надлежитъ искать способа сей соблазнъ изъ средины вынять, къ чему наипристойнѣйше и достаточнѣйше было-бы оставлеленіе начатой работы. Но ежели же сіе совершенно для Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества двора невозможнымъ дѣломъ есть, однакожъ для успокоенія Порты и увѣренія союзныхъ державъ съ Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества дворомъ, что отъ стороны Вашего Императорскаго Величества Порта конечно не зацѣплена, что нибудь сдѣлать должно и въ самонужномъ случаѣ, елико мнѣ скудоумно кажется, нѣсколько послужить можетъ, когда по точнѣйшемъ увѣреніи о миролюбительныхъ Вашего Императорскаго Величества сентиментахъ и истинной склонности съ Портою продолжительно дружбу культивировать, отозваться всемилостивѣйше повелѣть соизволите, что начатіе строенія сей крѣпости, хотя будучи основано на неоспоримомъ правѣ, и Высочайшій Вашего Императорскаго Величества дворъ ниже когда представить себѣ могъ, чтобъ онымъ Портѣ какое либо наимнѣйшее непріятство доставиться имѣло, но совсѣмъ тѣмъ для консидераціи сосѣдственной съ нею дружбы, и сіе охотно бы оставилъ, когда-бъ она дружескимъ образомъ, и какъ добрымъ сосѣдамъ надлежитъ, безъ угрозъ и жару, о томъ отозвалась, а того меньше на трактатѣ требованіе свое основывать имѣла, изъ котораго конечно того вывесть не можетъ.

Симъ, елико мнѣ мнится, хотя ей ничего не обѣщается, однако-жъ и надежда не совсѣмъ отнимается; а какъ къ тому времени осеннее время настать имѣетъ, въ которое всякія работы пресѣкаются, то положить можетъ, что во угодность ея то сдѣлано; до будущей же весны дѣло позастарѣетъ, и можетъ быть не съ толикою непріятностью слѣдимо будетъ.

Доношеніе графа А. П. Бестужева императрицѣ Елисаветѣ о поимкѣ секретаря Д. В. Волкова.

1754.

Для всевысочайшаго Ея Императорскаго Величества извѣстія.

Канцлеръ при семъ всенижайше подноситъ копію съ инструкціи, данной Астраханскаго полка сержанту, котораго онъ для ускоренія въ сысканіи ушедшаго секретаря Волкова, и по подозрѣнію, что взявъ онъ бланкетъ до Москвы, иногда дѣйствительно туда и поѣхалъ (еще до полученія чрезъ Александра Борисовича Бутурлина всевысочайшаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія объ отправленіи за нимъ, съ командою гвардіи, брата его артиллеріи адъютанта) по большой Московской дорогѣ и въ Москву отъ себя послалъ. Но нечаянгельно, чтобъ его гамо нашли, потому что присланной между тѣмъ для отправленія въ канцлеру адъютантъ Волковъ еще и вчерась неотмѣнно на своемъ, Ея Императорскому Величеству уже поднесенномъ, объявленіи утверждался, что, конечно, братъ его, секретарь Волковъ не въ Москву уѣхалъ. Но какъ вчерась же въ вечеру всевысочайше канцлеру повелѣно отправленіе его до дальняго указа

остановить, то канцлеръ его у себя въ домѣ и держать приказалъ, а сегодня по-утру оной адъютантъ Волковъ съ присланнымъ отъ графа Александра Ивановича Шувалова офицеромъ въ препровожденіи двухъ гранодеровъ отпущенъ.

5-го Декабря 1754 г.

Копія съ инструкціи, данной отъ канцлера Астраханскаго пѣхотнаго полку сержанту Григорью Головину.

Понеже находящійся при моей канцеляріи секретарь Волковъ предъ нѣсколькими днями отсюда безъ вѣдома моего отлучился, а какъ извѣстно учинилось, что онъ путь свой въ Москву предпринялъ, то отправляешься ты съ двумя гранодерами велѣдъ за нимъ и слѣдующее исполнять имѣешь.

1) Ѣхать тебѣ отсюда по большой дорогѣ въ Москву, и притомъ во всѣхъ деревняхъ и по всѣмъ станціямъ и харчевнямъ спрашивать, не проѣзжалъ ли помянутой секретарь Волковъ, котораго ты самъ въ лицо довольно знаешь, и въ прибавокъ къ тому еще сіе служитъ, что шуба съ нимъ большая волчья, подложена дикимъ камлотомъ, кафтанъ и камзолъ суконные бѣлаго цвѣту, шапка черная овчинная украинская, по которому платью его и примѣчать.

2) Буде ты въ дорогѣ услышишь о его проѣздѣ, то съ поспѣшеніемъ за нимъ тебѣ слѣдовать, и когда его настижешь, имѣешь его остановить и безъ всякаго огорченія назадъ его поворотить, и съ нимъ сюда обратно ѣхать, присматривая за нимъ, чтобъ онъ ничаго или ножемъ себя не повредилъ, и для того оные тотчасъ у него отобрать. Буде же станетъ онъ противиться, тогда можешь ты и силою его, яко бѣглеца, взять и сюда привезть, чего ради и двое гранодеровъ тебѣ приданы, также и находящіяся при немъ письма и деньги отъ него отобрать и подъ своимъ охраненіемъ везти.

3) Ежели ты, въ Москву пріѣхавъ, нигдѣ въ дорогѣ объ немъ не услышишь, то освѣдомиться тебѣ о немъ въ Москвѣ у отца его, и буде отецъ тебѣ его покажетъ или скажетъ, гдѣ онъ находится, то имѣешь ты, сыскавъ его, по вышеписанному сюда препроводить, а буде и въ Москвѣ объ немъ никакого слуха не будетъ, то возвратиться тебѣ сюда назадъ.

4) Для поспѣшенія въ дорогѣ дана тебѣ подорожная на двѣ подводы и денегъ тридцать рублевъ, которыя ты для ускоренія твоего пути употреблять имѣешь.

Декабря 4 дня 1754 г.

О СТРОЕНІИ ЗИМНЯГО ДВОРЦА.

УКАЗЪ НАШЕМУ СЕНАТУ.

(1755).

Указали мы генералу-лейтенанту Фермору нашъ въ Санктъ-Петербургѣ Зимній Дворецъ строить, въ немаломъ пространствѣ, къ чему потребно великое число всякихъ матеріаловъ, такожъ мастеровыхъ и работныхъ всякаго званія людей, что̀ все надлежитъ заранѣе заготовлять, такожъ мастеровыхъ и работныхъ всякаго званія людей собирать, въ чемъ во всемъ сильная помощь потребна, для которой мы указали нашему Сенату учинить слѣдующее.

1) Для заготовленія камня, на известь и на плиту въ фундаменты и на обжегъ кирпича и извести дровъ, такожъ и лѣсовъ ординарной мѣры и большихъ машитовыхъ, рѣки, впадающія въ Волховъ и въ Ладожской каналъ, такожъ и въ Неву-рѣку, Тосну, Мью и другія рѣки, по которымъ что̀ можно достать, отдать въ вѣдомство канцеляріи о строеніи на три года, до будущаго 1758 году, чтобъ никто ни лѣсовъ, ни дровъ, ни камня тамъ на иныя работы не заготовлялъ, кромѣ оной канцеляріи: а лѣсъ на строенія и на дрова, какъ въ Адмиралтейство, такъ и въ госпитали и въ гарнизонные

полки потребное число безъ излишества имѣетъ опая канцелярія отвесть. А заготовленные дрова и лѣса, которыми оныя рѣки загорожены, чьибъ оныя ни были, взять всѣ съ низу оныхъ рѣкъ въ канцелярію о строеніи; а въ тѣ мѣста отдать заготовленныя въ вершинахъ оныхъ рѣкъ, и чтобъ никакая команда оныхъ рѣкъ лѣсами и камнемъ не запирала и тѣмъ выгону по тѣмъ рѣкамъ нашего казеннаго остановки учинено не было, о томъ публиковать нашими указами. А ежели самыхъ большихъ лѣсовъ, какъ маштовые, по тѣмъ впадающимъ въ Волховъ, въ Ладожской каналъ и въ Неву, рѣкамъ не сыщется: то оные рубить по Волхову и по Метѣ, по Свирѣ и Сясѣ рѣкамъ, гдѣ сыщутся, позволить сколько потребно. А дубоваго лѣсу сколько наберется изъ забракованныхъ отъ корабельнаго строенія, и что повыхъ вырубить потребно будетъ, оные по мѣрамъ отъ опой канцеляріи на пристаняхъ отдавать и вновь рубить Адмиралтейской Коллегіи позволить.

2) Добрыхъ каменщиковъ, плотниковъ, кузнецовъ, слесарей, столяровъ, къ мѣднымъ работамъ мастеровъ литейныхъ и чеканщиковъ, рѣщиковъ, золотарей по дереву, живописцовъ, квадраторовъ и штукатуровъ, гончаровъ, какіе гдѣ есть казенные, а именно подъ вѣдомствомъ Военной и Адмиралтейской Коллегіи въ Кронштатѣ, у канала, посланныхъ отъ ревизіи, на Охтѣ, на заводахъ оружейныхъ въ Тулѣ и на Сестрѣ-рѣкѣ, въ артиллеріи и въ полкахъ полевыхъ и гарнизонныхъ, тѣхъ всѣхъ отдать по реестрамъ опой канцеляріи отъ строенія. А которые вольные изъ найму работали, тѣхъ, чьибъ они ни были, изъ купечества, разночинцовъ и кои по нарядамъ къ нашимъ работамъ высланы были изъ Москвы по реестрамъ же опой канцеляріи, всѣхъ, собравъ нарядомъ, а не подрядомъ, выслать отвсюду, гдѣ бъ они ни были. для

чего отправить нарочных изъ нашей лейбъ-гвардіи офицеровъ, которыхъ мы повелѣли для того командировать. А которыя работы потребны дѣлать въ Тулѣ и на Сестрѣ-рѣкѣ, тѣ всѣ по моделямъ, даннымъ отъ оной канцеляріи, велѣть дѣлать; а за работы такожъ и высылаемымъ по нарядамъ на проѣздъ и за работы жъ имѣетъ платежъ производимъ быть съ довольствомъ отъ оной канцеляріи.

3) Для работъ при ономъ строеніи командировать три тысячи человѣкъ солдатъ изъ напольныхъ полковъ съ принадлежащимъ числомъ штабъ, оберъ и унтеръ-офицеровъ съ перемѣною; да особливо для смотрѣнія надъ работами и къ приходамъ и расходамъ денежной казны и всякихъ матеріаловъ и для посылокъ къ отправленію всякихъ дѣлъ въ разныя мѣста изъ напольныхъ же полковъ оберъ-офицеровъ десять, унтеръ-офицеровъ десять же человѣкъ, за выборами полковыхъ штабъ и оберъ-офицеровъ на все время строенія безъ перемѣны. Въ науку разнымъ мастерствамъ солдатскихъ дѣтей изъ гарнизонныхъ школъ, обученныхъ грамотѣ, читать и писать и ариѳметикѣ, выбравъ сто человѣкъ, отдать въ оную канцелярію отъ строеній.

4) Впрочемъ чего здѣсь и не написано, а канцелярія отъ строеній будетъ требовать отъ которой коллегіи, канцеляріи или губерніи и провинціи какаго исправленія или во ономъ вспоможенія, то все велѣть исправлять безъ остановки, безъ дальнихъ переписокъ. И повелѣваемъ нашему Сенату учинить по сему нашему указу и о всемъ, о чемъ куды надлежитъ, послать наши указы.

Докладъ объ иностранцахъ.

Бригадиръ Лафонъ, въ пополненіе своего прежняго проекта о вызовѣ и приглашеніи изгнанныхъ за вѣру изъ отечества своего Французовъ ремесленныхъ и инаго званія людей на поселеніе въ Россійскую Имперію, подалъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ объяснительное представленіе со мнѣніемъ, чтобъ для толь лучшаго приласканія ихъ на такое поселеніе, какъ проектованный имъ манифестъ, такъ и тѣ кондиціи, на которыхъ оные Французы удобнѣе приняты быть могутъ, чрезъ газеты публикованы и повсюды обнародованы были.

Оное Лафоново представленіе въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ съ приглашеніемъ его, Лафона, прилежно разсматривано, и потому проектъ того публикуемаго манифеста, сколько возможно было, на основаніи даннаго отъ Его Императорскаго Величества блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государя Петра Великаго, Мануфактуръ-Коллегіи регламента, сочиненъ и на высочайшую Вашего Императорскаго Величества апробацію при семъ всенижайше подносится. А при томъ отъ оной Коллегіи всеподданнѣйше представляется, соизволите ли Ваше Императорское Величество на такомъ основаніи привилегіи и выгоды помянутымъ выходящимъ Французамъ и иныхъ націй вольнымъ ремесленнымъ людямъ всемилостивѣйше пожаловать и высочайше повелѣть о томъ чрезъ газеты публиковать. И въ такомъ случаѣ, ежели Вашего Императорскаго Величества высочайшее на то соизволеніе будетъ, всемилостивѣйше указать онаго бригадира Лафона съ порутчикомъ Наскалемъ въ Германію для исправленія того дѣла отправить и сходственно тамъ его инструкціею снабдить. А при такомъ отправленіи его, Лафона, опредѣлить ему на дачу оными выходцамъ по разсмотрѣнію его для вспоможенія въ выѣздѣ ихъ въ Россію и на другіе необходимо-

случающіеся по сей коммиссіи расходы сумму, состоящую въ десяти тысячахъ рубляхъ, да на дорожныя иждивенія выдать ему, Лафону, пять сотъ червонныхъ; а порутчику Паскалю двѣсти червонныхъ. И сверхъ того еще во все то время, сколь долго они, Лафонъ и Паскаль, въ Германіи для оной коммиссіи пробудутъ, на тамошнее ихъ содержаніе (кромѣ окладнаго ихъ жалованья) давать имъ Лафону на мѣсяцъ по сту, а Паскалю по пятидесяти рублевъ, считая съ отъѣзду ихъ за границу.

А понеже въ 6-мъ артикулѣ прилагаемаго при семъ проекта упомянуто, что и министры Вашего Императорскаго Величества, обрѣтающіеся при союзныхъ съ Вашимъ Величествомъ дворахъ, реченнымъ выходцамъ для проѣзда въ Россію по разсмотрѣнію денежное вспоможеніе давать будутъ; того ради всеподданнѣйше представляется: не соизволите ли Ваше Императорское Величество на такія дачи десять тысячь рублевъ опредѣлить и сію сумму чрезъ векселя къ оными министрамъ перевесть повелѣть?

Проектъ манифеста.

На учиненное намъ отъ нашего министерства доношеніе, что нѣкоторыя фамиліи ремесленниковъ, вышедшія недавно изъ Франціи, коихъ разность вѣры принудила оставить отечество ихъ, будучи понуждены въ иностранныхъ земляхъ искать себѣ убѣжища, всенижайше насъ просили о дозволеніи имъ такой милости, дабы они могли въ которой либо части изъ земель нашего обладанія прибѣгнуть: мы, желая симъ несчастнымъ выходцамъ и всѣмъ другимъ вольнымъ людямъ, въ Европѣ разсѣяннымъ, какого бы они христіанскаго закона ни были, и которые никакого прибѣжища себѣ не имѣютъ, а свободу имѣть могутъ на житье переходить куда похотятъ, дать чувствовать дѣйствія нашей щедроты, министер-

ству нашему повелѣли отвести имъ мѣста на доброй и плодоносной землѣ, на рѣкѣ ли Волгѣ, недалеко отъ столицы нашей Москвы или въ другихъ, какъ лѣсными, такъ и прочими угодьями изобильныхъ и плодоносныхъ провинціяхъ нашихъ, и столько имъ дозволить привилегій, правостей и вольностей, дабы они причину имѣли спознать наше намѣреніе помогать въ ихъ недостаткахъ и, поправляя ихъ состояніе, подать причину во всю жизнь прославлять славное наше государствованіе и благодаренія возсылать за нашу Императорскую протекцію.

За сею публикаціею внесть въ гужъ газету слѣдующее увѣдомленіе:

Сколь скоро министерство соизволеніе Ея Императорскаго Величества Всероссійской получило отвести земли, какъ для сихъ отечества лишающихся Французовъ, такъ и для всякаго, какъ выше упомянуто, ремесленника, свободу имѣющаго на житье переходить куда похочеть и желающаго пользоваться всѣми происходящими отъ поселенія въ сей Имперіи выгодностьми, тотчасъ помышляло оно такую удобную персону пріискать, которой бы сіе поселеніе поручить и, усмотря, что бригадиръ Лафонъ наиспособнѣйшимъ къ тому есть, тотчасъ отправлены къ нему указы, чтобъ онъ, оставя при арміи бригаду свою въ Украйнѣ, ко двору Ея Императорскаго Величества пріѣхалъ; гдѣ, по пріѣздѣ его, на первый случай и пока впредь еще полезнѣйшія учрежденія учинены быть могутъ, съ высочайшей Ея Императорскаго Величества апробаціи постановлено слѣдующія кондиціи дозволить:

1-е. Будутъ оные пришельцы пользоваться съ пріѣзду своего въ Россійскія области всею вольностію исповѣданія вѣры своей, какъ сами, такъ ихъ потомки, и имъ позволится

имѣть церкви и пасторовъ своихъ, равно какъ такую жъ свободу въ вѣрѣ, какъ всѣ другіе въ Россійской Имперіи живущіе разныхъ націй люди имѣютъ.

2-е. Возымѣютъ совершенную свободу, какъ отъ пошлинъ, такъ и отъ всякихъ податей чрезъ двадцать лѣтъ; такимъ образомъ, что весь плодъ всей ихъ работы имъ же въ пользу будетъ.

3-е. Учредятся комиссары, какъ отъ Ея Императорскаго Величества, такъ и отъ ихъ собственной націи, дабы они вообще отправляли дѣла и объ оныхъ представляли въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ *).

4-е. Въ случаѣ ежелибъ кто впредъ пожелалъ о возвращеніи своемъ изъ Россійской Имперіи просить, ему тотчасъ паспортъ дается ѣхать, куда самъ пожелаетъ.

5-е. Въ отводимыхъ имъ мѣстахъ подастся имъ всевозможное вспоможеніе такъ матеріалами, какъ и деньгами для построенія города.

6-е. Для поспѣшествованія выѣзда ихъ въ области Россійской Имперіи къ пребывающимъ при союзныхъ съ Ея Императорскимъ Величествомъ Всероссійской дворахъ Ея Величества министрамъ указы отправятся, сколько имъ денегъ давать, чѣмъ бы имъ по состоянію каждаго на проѣздъ удовольствоваться можно было. И такъ они могутъ къ нимъ адресоваться.

7-е. Ежели кто изъ вышепомянутыхъ, въ Россійскую Имперію приходящихъ, людей особливо себя предъявитъ и въ состояніи будетъ завесть какую либо фабрику, чтобъ напри-

---

*) Назначеніе на Высочайшее Ея Императорскаго Величества соизволеніе всенижайше предоставляется: въ которой Коллегіи имъ вѣдомымъ быть повелѣно будетъ.

мѣръ сукна, драженты, саржи, фризы или другихъ рукъ парчи шерстяныя и шелковыя дѣлать, такожъ и полотна ткать, то ему въ началѣ для заведенія такой фабрики учинена будетъ изъ казны Ея Императорскаго Величества денежная ссуда безъ процентовъ, токмо бы они впредъ оную ссуду въ уреченные годы по частямъ обратно въ казну выплатили. А сверхъ того оный фабрикантъ награжденъ быть имѣетъ какъ на его персону, такъ и для потомковъ его, въ вѣчное владѣніе землею, содержащею въ себѣ пашню, отъ двухъ до шести паръ воловъ, съ толикими же семьями крестьянъ для земледѣльства, поелику сія вознамѣренная фабрика награжденія заслуживаетъ *).

8-е. Въ разсужденіи того, что́ называется вообще ремесленный человѣкъ, какъ шерстяной мастеръ, ткачъ и прочіе, шелковыхъ, такожъ мѣднаго, желѣзнаго, стальнаго, рѣзныхъ, токарныхъ и другихъ всякихъ мелочныхъ и крупныхъ работъ мастеровые люди, которые сами особливыхъ фабрикъ завести не могутъ быть въ состояніи, то имъ пропитаніе и содержаніе давано будетъ чрезъ одинъ годъ съ пріѣзда ихъ въ Россію.

9-е. Ежели нѣкоторые изъ тѣхъ пришельцовъ по какимъ особливымъ обстоятельствамъ еще другихъ кондицій и привилегій востребуютъ, и о такомъ своемъ требованіи представлять будутъ, то имъ тогда по обращенію обстоятельствъ въ томъ толь склонное рѣшеніе учинено быть имѣетъ, какого они отъ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества праводушія надѣяться могутъ.

---

*) По всеподданнѣйшему Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ мнѣнію, можно толикое небольшое число крестьянъ давать изъ находящихся въ близости къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ оныя фабрики заведутся, изъ дворцовыхъ волостей или изъ отписныхъ, буде какія случатся.

Въ окончаніи жъ всего того присовокупить и разсужденіе яко-бы отъ самого газетира происходящее:

По сей щедротѣ и милости Ея Императорскаго Величества, всякій рукомесленный человѣкъ не имѣетъ уже нужды искать счастія въ другихъ внѣ Европы мѣстахъ, ибо Россія представляетъ ему такія хорошаго положенія земли, какія только въ свѣтѣ сыскаться могутъ, и которыя такія преизрядныя и изобильныя наства производятъ, что всякіе съѣстные припасы весьма дешевою цѣною покупаются, такъ что во всей Европѣ нигдѣ такой дешевизны, конечно, не имѣется.

Его превосходительство Иванъ Ивановичъ Шуваловъ долженъ мнѣ *).

ВЫИГРАНО:	Рубли·
Въ фаро выигралъ у его превосходительства пять сотъ рублевъ	500
Въ Царскомъ Селѣ, какъ играли съ Алексѣемъ Андреевичемъ Хитровымъ, выигралъ четыреста пятьдесятъ рублевъ	450
Съ нимъ же, какъ играли, выигралъ тридцать рублевъ	30
Съ нимъ же выигралъ триста сорокъ восемь рублевъ	348
Въ фаро выигралъ у его превосходительства восемь сотъ рублевъ	800
Съ князь Петромъ Ивановичемъ Репнинымъ въ два тура выигралъ восемь сотъ девяносто рублевъ	890
Въ дежурной въ ломберъ съ Хитровымъ пятьсотъ восемьдесятъ рублевъ	580
Въ дежурной выигралъ у его превосходительства триста рублевъ	300
Съ Алексѣемъ Андреевичемъ Хитровымъ, какъ за него игралъ графъ Александръ Ивановичъ Шуваловъ, триста пятьдесятъ рублевъ	350
Въ два тура выигралъ у его превосходительства пятьсотъ восемьдесятъ рублевъ	580
Еще выигралъ триста семьдесятъ рублевъ	370
Да какъ были въ домѣ брата моего выигралъ сто девяносто рублевъ	190
Въ фаро въ дежурной выигралъ у его превосходительства шесть сотъ рублевъ	600

---

*) Т.-е. графу Роману Ларіоновичу Воронцову. П. Б.

Рубли

Какъ играли съ Алексѣемъ Андреевичемъ Хитровымъ, выигралъ четыреста рублевъ..... 400

Въ Москвѣ 20 Декабря 752 году выигралъ у его превосходительства въ фаро тысячу двѣсти восемьдесятъ рублевъ..... 1280

ПРОИГРАНО:

Рубли.

Въ фаро проигралъ его превосходительству сто рублевъ..... 100

Въ ломберъ проигралъ его превосходительству въ Іюлѣ мѣсяцѣ четыреста пятьдесятъ рублевъ..... 450

Въ биллiардъ пятьдесятъ рублевъ..... 50

По записному туру съ Ея Величествомъ двѣсти тридцать рублевъ..... 230

На имянинахъ его превосходительства Ивана Ивановича долженъ остался сто десять рублевъ..... 110

За пѣтуха проигралъ десять рублевъ..... 10

За брата графа Ивана Ларіоновича сто пятьдесятъ рублевъ..... 150

Въ имянины проигралъ пятьдесятъ рублевъ..... 50

Въ фаро проигралъ триста рублевъ..... 300

Въ Москвѣ въ фаро проигралъ я шестьсотъ рублевъ 600

Получилъ я отъ его превосходительства сто рублевъ 100

Въ Москвѣ получилъ отъ его превосходительства триста рублевъ..... 300

Да еще получилъ я сто рублевъ..... 100

Да червонными отъ его превосходительства забрано и проиграно и переведенныхъ..... 720

Изъ писемъ Неплюева къ графу М. Л. Воронцову.

1.

Не безъизвѣстно вашему высокографскому сіятельству, что въ прошломъ 1750 году отправленъ отъ меня небольшой караванъ въ Индію для пробы съ здѣшними Татарами, о которомъ я думалъ, что пропалъ; но на прошедшей недѣлѣ сего Генваря въ караванѣ нѣкоторые наши, возвращающіеся изъ Хивы, также Хивинцы и Бухарцы, сюда прибыли и привезли золота, серебра, товаровъ, кромѣ камней, всего на двѣнадцать тысячъ рублевъ. Не столько я каравану радъ, сколько тому, что помѣшанный въ прошлой осени путь, по приложеннымъ отсюда стараніямъ, очистился; потому надежда къ бо́льшему есть. Чрезъ тѣхъ прибывшихъ я увѣдомился, что вышеозначенные Татара изъ Индіи выѣхали благополучно и до Меки доѣхали, а оттуда чрезъ Туркію возвратятся. Хотя весьма сіе не дорога; но понеже въ томъ караванѣ всѣ Магометанцы, то видно, что, профитуя оказіею, ѣздятъ по своему суевѣрію для поклоненія ихъ богомерзкимъ чтилищамъ.

Нурали-ханъ Киргизской зимуетъ внизъ по Яику нынѣ съ большею частію своихъ улусовъ, между Казачьева и Гурьева городковъ. И впрочемъ здѣсь все благополучно.

Всепокорнѣйшій и предолжнѣйшій слуга

Иванъ Неплюевъ.

Изъ Оренбурга, Генваря 27 дня 1754.

P. S. Его превосходительству любезному вашему братцу Роману Ларіоновичу покорно кланяюсь, и чрезъ сіе доношу, что человѣкъ его подрядился къ поставкѣ вина слишкомъ на 3000 ведеръ, цѣною по сороку по семи копѣекъ ведро. Цѣна, кажется, авантажна, что̀ мнѣ знаемо довольно.

Въ надеждѣ вашего высокографскаго сіятельства милости дерзаю приложить одинъ пакетъ къ зятю моему Михаилу Купріановичу Лунину, о вѣрной пересылкѣ котораго покорно прошу; ибо включены нѣкоторыя вѣдомости по земляным дѣламъ Новгородскихъ моихъ деревень.

2.

Изъ Оренбурга, отъ 13 Октября 1755.

Ваше сіятельство соизволите усмотрѣть изъ доношеній моихъ, что въ Башкиріи нынѣ поусмирѣло; токмо отъ Киргизъ-Кайсакъ съ бѣглыми Башкирцами безпокойства и накости продолжаются. Желаю господину Тевкелеву преуспѣянія, и все, яко подчиненной, по его требованіямъ, надобное ль что или нѣтъ, исполнять простираюсь. А въ самомъ дѣлѣ мнѣ состояніе Киргизъ-Кайсацкаго народа не токмо отъ Бакунина, но и самого его Тевкелева понятно; но все то оставляю, токмо чтобъ желаемой успѣхъ былъ, чего и я желаю, и на томъ основаніи ему споспѣшествую.

Хотя старъ и слабъ нахожусь, но настоящія суеты меня сокрушили и въ вящую слабость привели. Но когда Божіими судьбами то къ моей должности принадлежитъ, тому повинуюся, сколько Его всемогущей помощи мнѣ подастся и смысла до послѣдняго моего издыханія въ пользу Ея Императорскаго Величества и интересовъ стараться не премину, какъ и должепъ.

Примѣчаніе графа М. Л. Воронцова.

Изъ сего письма усматривается, что посылка г-на Тевкелева въ Оренбургъ нѣсколько безпокойства причинила, и можетъ быть, г-нъ Неплюевъ думаетъ, что благополучное окончаніе Башкирскихъ дѣлъ будетъ больше причтено въ услугу г-ну Тевкелеву, нежели ему. Хотя присутствіе дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Неплюева въ Оренбургѣ весьма нынѣ нужно, токмо по довольно дознанной и испытанной его вѣрности и искусству въ штатскихъ дѣлахъ, онъ истинно для важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ больше здѣсь нуженъ, о чемъ Вашего Императорскаго Величества Высочайшее намѣреніе есть онаго къ дѣламъ здѣсь опредѣлить.

Записка въ публичную экспедицію коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ для Высочайшаго извѣстія.

Ея Императорское Величество соизволила вице-канцлеру словесно указать, чтобъ пріѣхавшаго сюда извѣстнаго Татарина Нагайца, не задерживая болѣе здѣсь, отправить такимъ порядкомъ, какъ Ея Императорскому Величеству отъ Коллегіи данъ докладъ, которой послѣ подписать и съ Высочайшею апробаціею возвратить соизволить; того ради, въ силу сего Высочайшаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія, имѣетъ быть немедленно учинено надлежащее исполненіе.

25 Октября 1755 года.

ГЕТМАНЪ ГРАФЪ РАЗУМОВСКІЙ И А. В. ОЛСУФЬЕВЪ.

Въ этихъ пререканіяхъ любопытна борьба представителя Малороссіи (который опирался на силу своего брата при Государынѣ) съ молодымъ Великороссіяниномъ, недовѣрчиво относившимся къ гетманскимъ правамъ и попыткамъ обособленія. П. Б.

Копія съ своеручнаго записачнаго голосу и своеручныхъ же помѣтъ церемоніймейстера Олсуфьева на оригинальныхъ листахъ, поданныхъ отъ гетмана къ высочайшему лицу Ея Императорскаго Величества.

1754—1755.

На подачу въ Сенатъ присланнаго ко мнѣ въ концептѣ доношенія по дѣлу Крыжановскаго и Грека Юрьева *во удовольствіе его сіятельства господина гетмана согласиться я не могу,* пока, переговоря съ Иваномъ Осиповичемъ *), не представлю его сіятельству вице-канцлеру моихъ резоновъ, по которымъ, какъ мнѣ мнится, *отбывательства и уклоненія отъ должно-послушнаго исполненія по Высочайшему именному указу ни для какихъ представленій гетману дозволять не должно. Ибо точно симъ примѣромъ онъ еще тѣмъ болѣе независимость свою и мнимое отъ апелляцій не его рѣшенія исключеніе утверждать (слѣдовательно, въ чемъ захочетъ, указамъ не повиноваться) поводъ получитъ.* Адамъ Олсуфьевъ.

*) Пуговишниковымъ. П. Б.

На листѣ отъ 3-го Декабря 1754 г.

Примѣтить должно, что и въ семъ листѣ упоминается *о Мирородскомъ полковникѣ Остроградскомъ*, котораго его сіятельство господинъ гетманъ, *не имѣя къ тому отнюдь никакой власти и дозволенія, въ противность прежнихъ и послѣдняго въ Мартѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года при докладѣ отъ Коллегіи состоявшагося Высочайшаго Ея Императорскаго Величества именнаго указа, самъ собою въ полковники произвелъ*: слѣдовательно въ непремѣнное по онымъ именнымъ указамъ исполненіе о поправленіи сего несходства стараться всемѣрно должно.

Примѣчаніе гетмана.

Гетманъ посланнымъ въ Коллегію листомъ къ лицу Ея Императорскаго Величества себѣ собственно никакого удовольствія не просилъ, а донося о справедливости дѣла, просилъ удовольствія обидимому, съ показаніемъ, что Грекъ Юрій дерзнулъ Ея Императорское Величество утруждать своимъ челобитьемъ облыжно: ибо онъ просилъ гетмана дѣло его рѣшить здѣсь, чего однакожъ ни по какой мѣрѣ безъ разоренія многихъ невинныхъ людей учинить было невозможно, такъ какъ въ дѣлѣ о томъ явствуетъ; тѣмъ больше, что Грекъ оказывается въ дѣлѣ своемъ неправъ. Въ чемъ нынѣ и Правительствующій Сенатъ съ представленіемъ гетманскимъ согласно поступилъ, а не такъ какъ Олсуфьевъ того требовалъ.

Господинъ Олсуфьевъ, сверхъ должности своей, съ немалою обидою сей толкъ наводитъ, *что гетману ни для какихъ резоновъ*, то есть, *хотя бы-де Грекъ и не правъ былъ, дозволять не надобно по его представленіямъ дѣлать, дабы-де гетманъ, который и безъ того отбываетъ и уклоняется отъ по-*

слушанія указовъ монаршихъ, поводъ паче не взялъ не повиноваться своей Государынѣ.

Гетманъ, имѣя въ памяти неизреченныя милости монаршія, которыми онъ не по заслугамъ, но единственно по неизреченному Ея Императорскаго Величества великодушію обогащенъ, не можетъ никогда столь подлыя мысли и неблагодарное сердце къ своей всемилостивѣйшей Самодержицѣ имѣть, какъ оный Олсуфьевъ его описываетъ. Сіе паче всего чувствительно гетману, что сей противу его зломъ дышущій человѣкъ приписываетъ ему злоухищренные поступки, то есть, *яко бы гетманъ отбываетъ и уклоняется вымышленно отъ повиновенія имянныхъ Ея Императорскаго Величества указамъ*, и *проч.*, чѣмъ самимъ видимо онъ Олсуфьевъ старался затмить гетманскую вѣрность, признаніе и вѣчную благодарность за всѣ оказанныя милости Ея Императорскаго Величества, и тщился, какъ видно, съ какимъ ни есть злымъ своимъ намѣреніемъ, гетмана записать въ Коллегіи непокоривымъ, вѣроломнымъ рабомъ Монархинѣ своей, что̀ всего въ свѣтѣ несноснѣе. Ибо гетманъ лучше желалъ бы умереть, нежели когда либо быть подобнымъ такому человѣку, какого Олсуфьевъ въ своемъ записанномъ голосѣ представляетъ. И то самое свое зло противу невиннаго гетмана старался для достопамятства вѣчною своей руки запискою оставить въ Коллегіи.

*

На оригинальномъ листу отъ гетмана отъ 28 Ноября 1755 приписано собственною рукою церемоніймейст. Олсуфьева:

Понеже по собственному же его сіятельства г-на гетмана показанію изъ собираемыхъ въ скарбъ войсковой доходовъ опредѣлена въ оной изъ таможенныхъ сборовъ сумма 48147

рублевъ 85 коп., которую повелѣно употреблять на указные расходы; а изъ прежнихъ доходовъ вслѣдствіе того разнымъ неуказнымъ расходамъ выбыть надлежало, напримѣръ *производившееся жалованье изъ скарбу войсковаго совѣтнику Теплову, архитектору Ринальди, капельмейстеру, трубачамъ*: того ради въ резолюцію на сіе доношеніе, какъ мнится, надобно отписать къ его сіятельству, чтобъ и на сіи бригадиромъ Делатуромъ требованныя исправленія отпускать изъ сей же на скарбъ войсковой опредѣленной суммы; а по окончаніи года, въ силу прежней грамоты, прислалъ бы надлежащій всѣмъ расходамъ подробный счетъ, изъ котораго, буде усмотрятся какіе недостатки, то по тому впредъ размотрѣніе и опредѣленіе учинены быть могутъ.

Примѣчаніе гетмана.

Совѣтникъ Тепловъ по имяннóму Ея Императорскаго Величества указу отправляетъ при гетманѣ многія дѣла, положенныя по его гетманскимъ чинамъ и должностямъ, и потому что Ея Императорское Величество на прошеніе гетманское указать изволила быть ему совѣтнику при немъ для его гетманскихъ дѣлъ; слѣдовательно онъ Тепловъ не въ отставкѣ, но въ службѣ Ея Императорскаго Величества дѣйствительно находится, за которую и жалованье то получаетъ изъ скарбу Малороссійскаго, которое бы онъ, яко совѣтникъ, бывъ прежде въ Академіи (откуда и взятъ) по штату могъ получать. Олсуфьевъ, не любя совѣтника Теплова, въ немалую обиду гетману толкуетъ по своей прихоти указъ имянной и наводитъ, яко-бы онъ Тепловъ службы Ея Величества никакой не отправляетъ, хотя и вѣдаетъ совершенно, что ему совѣтнику Ея Императорское Величество, изъ особливой къ гетману ми-

лости, быть при немъ указала. Церемоніймейстеръ Олсуфьевъ ищетъ всѣми образами гетману предъ цѣлымъ свѣтомъ досады показывать, то и симъ случаемъ пользоваться въ его обиду не оставилъ. Архитекторъ Ринальди выписанъ по контракту изъ Италіи для строенія города Батурина, которое быть должно по силѣ имяннаго указа; но сіе потому безъ дѣйства остается, что скарбъ войсковой недостаточенъ къ строенію города, о чемъ представленіе отъ гетмана сдѣлано. Только о таковыхъ дѣлахъ Олсуфьевъ не упоминаетъ. Четырехъ трубачей и литаврщика гетманъ не понимаетъ, откуда власть беретъ Олсуфьевъ отрѣшать отъ гетманскаго достоинства, когда между прочими клейнодами государи жалуютъ гетманамъ на ихъ персону и литавры. Что же Ея Императорское Величество, изъ особливой Высочайшей милости къ нынѣшнему гетману, особливо богатые клейноды пожаловать изволила, въ томъ числѣ и литавры не мѣдныя, но серебряныя съ богатымъ убором: то гетманъ для почтенія къ особливой милости монаршей сію музыку военную учредилъ изъ музыкантовъ знающихъ, которымъ и жалованье нѣсколько большее яко войсковымъ изъ скарбу далъ, и ливрею пристойную сдѣлалъ. Олсуфьевъ, выискивая всѣ способы гетману досады дѣлать, для единаго ругательства гетману сіе на оригинальномъ листу своеручно приписалъ.

На листѣ отъ 3-го Мая 1755 года.

Уже въ грамотѣ упоминается о полковникѣ Миргородскомъ, который однакожъ, *въ противность имянныхъ указовъ, не Ея Императорскимъ Величествомъ, но гетманомъ самопроизвольно въ тотъ чинъ произведенъ.*

Примѣчаніе гетмана.

Что гетманъ двухъ выбранныхъ народомъ въ полковники Малороссійскіе, не описываяся, собою опредѣлилъ: то учинено въ силѣ данныхъ гетману законовъ, которыхъ Олсуфьевъ не знаетъ, а пишетъ больше отъ своей ненависти къ гетману. И для того гетманъ не уповаетъ, чтобъ и докладъ о семъ дѣлѣ Ея Императорскому Величеству былъ правильно отъ Коллегіи учиненъ; потому что Олсуфьевъ, по страсти противу гетмана, выправки не дѣлалъ, въ чемъ гетманъ всегда готовъ предъ Ея Императорскимъ Величествомъ изъясненіе принесть и оправданіе. Олсуфьевъ по своей злобѣ того только ищетъ, чтобъ гетмана передъ цѣлымъ Малороссійскимъ народомъ обругать, когда разжалованы будутъ бунчуковой товарищъ Дараганъ изъ полковниковъ Кіевскихъ, а обозный Остроградскій изъ Миргородскихъ, тѣмъ наипаче, что первый изъ сихъ есть зять гетману родной. Ежели бы Ея Императорскому Величеству всѣ обстоятельства, права, законы и установленія, которыя сама Ея Величество соизволила Высочайшею своею рукою конфирмовать нынѣшнему гетману, были донесены (которыя уповательно по происканъ Олсуфьева пропущены при докладахъ), то нигдѣ опредѣленія не найдется, чтобъ полковниковъ и старшинъ, которые вольными голосами всего народа выбираются временемъ изъ самыхъ нижнихъ чиновъ, конфирмовать Высочайшимъ монаршимъ и своеручнымъ утвержденіемъ: ибо ежели бы ихъ чины уравнены были съ чинами Великороссійскими, тогда въ волѣ Ея Императорскаго Величества останется, до какого чина, смотря по рангамъ, гетману дозволено будетъ опредѣлять. Но тогда же порядокъ будетъ требовать и того, чтобъ производить по старшинству, а выборы народные вовсе отставить яко не сходствующіе съ чинами регулярными.

Впрочемъ господинъ Олсуфьевъ въ вѣчную обиду и поношеніе приписалъ своеручныя помѣты мимо гг. канцлера и вице-канцлера на оригинальныхъ гетманскихъ листахъ и употребилъ слова язвительныя и презрительныя къ гетману, то есть: *самовольно, самопроизвольно,* и что будто *гетманъ ту власть, которая единственно Монарху принадлежитъ, себѣ похищаетъ.* Сіи неумѣренныя отъ Олсуфьева произношенія тѣмъ больше чувствительны, что они на оригинальныхъ листахъ гетманскихъ рукою Олсуфьева (не болѣе яко въ бригадирскомъ чинѣ состоящаго) къ гетману, по высочайшей Монаршей милости въ фельдмаршальское уже достоинство возведенному, приписаны самовластно и безъ дозволенія господъ повѣренныхъ министровъ, которыя помѣты въ вѣчное посрамленіе гетману въ Коллегіи остались и въ Правительствующій Сенатъ нынѣ перепесены, ежели всемилостивѣйшая Государыня своимъ материнмъ милосердіемъ отъ нестерпимой сей обиды гетмана защитить не соизволитъ и всѣ оныя записки и помѣты своеручныя Олсуфьева не повелитъ уничтожить.

Церемоніймейстеръ Олсуфьевъ, съ того времени какъ въ Коллегію членомъ опредѣленъ, непонятно изъ чего поводъ взялъ при всѣхъ случаяхъ въ Коллегіи письменныя истолкованія о мнѣ дѣлать, которыя не только во вредъ самому мнѣ, но и наслѣдникамъ, родившимся отъ меня, остались въ Коллегіи вѣчнымъ доказательствомъ моего яко бы примѣченнаго уже вѣроломства ко всемилостивѣйшей моей Государынѣ, а именно: даетъ свои голосы письменно ихъ сіятельствамъ, канцлеру и вице-канцлеру, не только въ непочтительныхъ противу меня терминахъ, но въ крайне вредительныхъ, то есть: *яко бы я дѣйствительный уже похититель власти, принадлежащей единственно Монарху, и яко бы я стараюся*

всякими вымышленными образами удалятся отъ повиновенія Ея Императорскому Величеству. Сверхъ того на листахъ, которые въ Коллегію я всеподданнѣйше пишу къ лицу Ея Императорскаго Величества, своеручныя подписалъ самъ собою, безъ дозволенія господъ канцлера и вице-канцлера, резолюціи высокомѣрныя, повелительныя и въ злостныхъ и язвительныхъ терминахъ составленныя. Да и Высочайшее достоинство Ея Императорскаго Величества того терпѣть не можетъ, чтобъ церемоніймейстеръ, мимо вѣдома канцлера и вице-канцлера, яко повѣреннѣйшихъ особъ, самъ собою, своеручно подписывалъ на листахъ (прямо къ Высочайшему лицу монаршему всеподданнѣйше писанныхъ отъ гетмана и всего войска Малороссійскаго) резолюціи, по своему произволенію, гетману и цѣлому народу, толь наипаче составленныя въ язвительныхъ и бранныхъ терминахъ, которые не токмо предосужденіе мнѣ вѣчное дѣлаютъ, яко сохраненныя будучи въ архивѣ коллежской, но и всему моему потомству и племени. Ибо по симъ Олсуфьева своеручнымъ голосамъ и помѣтамъ на оригинальныхъ листахъ гетманскихъ ничего инаго не останется на будущее время о нынѣшнемъ гетманѣ разсуждать, какъ то, яко бы уже моя въ гетманствѣ невѣрность къ своему государю дѣйствительно была примѣчена, и отъ того я былъ предудерживанъ.

Таковые поступки церемоніймейстера Олсуфьева, по долговременномъ терпѣніи моемъ и по многимъ текущимъ дѣламъ, а напослѣдокъ и по учиненнымъ докладамъ Ея Императорскому Величеству, безъ показанія прямыхъ обстоятельствъ (о которыхъ или по злости ко мнѣ, или по какой иной страсти, онъ Олсуфьевъ выправокъ не дѣлаетъ надлежащихъ и праведныхъ) привели меня чрезъ долгое время въ несказанныя затрудненія, а напослѣдокъ печали и чувстви-

тельныя болѣзни, которыя и Ея Императорскому Величеству, яко милосердой ко всѣмъ матери, самой видимы и извѣстны.

Сего ради нынѣ, отъ нестерпимости моей, припадая къ стопамъ Ея Императорскаго Величества, всеподданнѣйше прошу отъ помянутаго церемоніймейстера Олсуфьева меня, всеподданнѣйшаго раба, оборонить и дабы поведѣно было всѣ голосы и помѣты своеручные его Олсуфьева, клонящіеся къ вѣчному моему безславію, изъ архивы коллежской взять къ Ея Императорскому Величеству и, разсмотря, всемилостивѣйше уничтожить. Честь, мнѣ пожалованная уже единожды, въ горестномъ нынѣ состояніи останется, ежели предохранена высочайшею милостію Ея Императорскаго Величества не будетъ отъ неутолимой злобы ко мнѣ и посягательства церемоніймейстера Олсуфьева; и я не уповаю болѣе сохранить моего здоровія, видя себя и всю отъ меня происходящую фамилію столь ложными подозрѣніями въ вѣрности присяжной предъ Ея Императорскимъ Величествомъ оскорбленную, доколѣ правосудно защищенъ не буду. О семъ прошу, припадая къ стопамъ Ея Императорскаго Величества, всемилостивѣйшей моей Государыни и покровительницы, желая притомъ имѣть счастливый моментъ персонально допущенъ быть къ лицу Ея Величества и просить раболѣпно правосудной обороны.

Переводъ съ представленія Ея Императорскому Величеству отъ его императорскаго высочества великаго князя, поданнаго канцлеру въ 1-й д. Февраля 1760 года оберъ-камергеромъ Брокдорфомъ *).

Всемилостивѣйшая Государыня!

Съ совершеннѣйшимъ признаніемъ и удовольствіемъ получилъ я милостиво сообщенныя мнѣ отъ Вашего Императорскаго Величества, чрезъ его сіятельство канцлера графа Воронцова и его превосходительство камергера Шувалова, копіи съ заключеннаго между Французскимъ и Датскимъ дворами въ 4-й день Маія 1758 года трактата, и присовокупленія къ оному императрицы-королевы Венгерской, такъ же и словесныя по повелѣнію Вашего Императорскаго Величества присовокупленныя декларацін не неволить меня въ разсужденіи обмѣна наслѣдственнаго моего герцогства на графства Ольденбургское и Делменгорстское.

Понеже симъ трактатомъ оказывается, что Датской дворъ непремѣнно остается при взятыхъ единожды намѣреніяхъ, то и почелъ бы я можетъ быть сей проектъ страннѣйшимъ, есть ли бы не предваряли онаго учиненныя мнѣ предъ тѣмъ отъ онаго чрезъ министра его графа Линара предложенія. Безпокойство умертвило бы меня, ежели бы благоволеніе и матерняя Вашего Императорскаго Величества любовь, коихъ я и домъ мой толико знаменитыхъ опытовъ имѣемъ, не приводили меня въ безпечіе отъ противныхъ интересамъ и славѣ моей умысловъ.

Я совершенно увѣренъ, что Августѣйшая Дщерь Петра Перваго, шествующая съ толикою славою по стопамъ родителя своего, не дезапробуетъ никогда твердости, основанной на законныхъ и непоколебимыхъ причинахъ, сходственныхъ

*) Чистая копія поднесена Ея Величеству въ 3-й день Февраля 1760 года.

съ великими сего славнаго монарха дѣда моего, вѣчно достойныя памяти, намѣреніями, которыя всегда къ тому клонились, чтобъ въ имперіи имѣть при Балтійскомъ морѣ владѣнія; но притомъ и справедливость мнѣ отдать изволите, вѣря, что я къ пріемлемымъ Вашего Императорскаго Величества обязательствамъ надлежащее уваженіе имѣть буду въ ласкательной надеждѣ, что Ваше Величество изволите меня оставить въ нынѣшнемъ моемъ состояніи, буде бы критическія обстоятельства не позволили онаго поправить.

Въ сей усердной и съ совершеннѣйшею ко всемилостивѣйшей моей Теткѣ преданностію соединенной довѣренности, смѣю и ожидать удобнаго времени къ произведенію моихъ правъ на герцогство Шлезвигское, котораго покойной мой родитель, близъ полу вѣка тому, лишенъ. Важность сей потери и состояніе дома моего (и при высокомъ моемъ предопредѣленіи, довольно еще горестное) дѣлаютъ воспоминаніе сей жестокой напасти чувствительнѣе, нежели чтобъ, сколько ни есть, прекратить стараніе о поправленіи сего неоцѣненнаго вреда, когда случай къ тому представится.

Когда Ваше Императорское Величество въ заключенномъ съ Датскимъ дворомъ 10-го Іюня 1746 года трактатѣ гарантіи и требованія мои на герцогство Шлезвигское не оспоримыми признать, а нынѣ всемилостивѣйше объявить изволили, что повиновеніе мое Высочайшей Вашей волѣ съ интересами и славою моею согласовать имѣетъ: то конечно и не удалитесь Ваше Величество подать мнѣ помощь къ возвращенію толь неправедно похищеннаго у родителя моего.

Когда нынѣшняя бѣдственная война, Германію терзающая кончится, тогда надѣюся увидѣть благополучное время моего возстановленія. Даруй Боже, чтобъ оное близко было! Свѣтъ съ воздыханіями ожидаетъ мира, сего драгоцѣннаго дара отъ

благотворящихъ Вашего Императорскаго Величества рукъ; а я желаю еще, чтобъ сверхъ того Ваше Величество соизволили прекратить бѣдствія моего дома, коихъ жалостное воображеніе терзаетъ сердце мое. Французской и Вѣнской дворы обѣщали, правда, 3-мъ артикуломъ вышеозначеннаго трактата 4-го Маія 1758 года Датскому справедливой и достаточной эквивалентъ въ такомъ случаѣ, когда я на представленной обмѣнъ не поступлю; но къ вящему въ Сѣверѣ утвержденію мира не будетъ конечно ни Вашему Императорскому Величеству, ни союзникамъ Вашимъ не доставать въ способахъ къ доставленію оному двору замѣны, есть ли оной продолжитъ отказывать въ возвращеніи мнѣ того, что̀ справедливо какъ въ возстановленіи моемъ, такъ и достаточномъ удовлетвореніи.

Я пребываю съ несравненнымъ почтеніемъ и униженностію,

Всемилостивѣйшая Государыня!

Вашего Императорскаго Величества

всенижайшій и всепослушнѣйшій племянникъ и слуга

Петръ.

Въ Санктпетербургѣ, 17 Генваря 1760 года.

МАТЬ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ.

1.

Переводъ съ письма къ Ея Императорскому Величеству отъ ея свѣтлости вдовствующей принцессы Ангалтъ-Цербской изъ Парижа отъ 29 Апрѣля новаго штиля полученнаго въ 16 день Маія 1760 года.

Чувствительнѣйшая печаль, пришедъ по несчастію въ немилость Вашего Императорскаго Величества, и надѣяніе, что Великая Княгиня возъимѣетъ стараніе привесть Ваше Величество на милосердіе въ мою пользу, побудили меня поручить ей главнѣйшіе мои интересы; но, не получая никакого извѣстія, я по справедливости почитаю себя оставленною отъ всѣхъ и отягощенной долговремянными и жесточайшими печалями и сокрушеніями. Я претерпѣваю въ чужестранной землѣ напужаснѣйшее несчастіе, и устрашающая меня безпрестанно смерть даетъ только время на разсужденіе о послѣдующемъ отъ того ужасѣ. По полученіи письма отъ господ. канцлера, который увѣдомилъ меня о моемъ несчастіи, одержима будучи жестокою болѣзнію, а нынѣ припадкомъ, происшедшимъ отъ снѣдающей меня печали, болѣе двухъ мѣ-

---

*) Письмо это было предсмертное; весною этого года принцесса Іоанна Елисавета скончалась въ Парижѣ. П. Б.

сяцовъ съ превеликою трудностію вставаю съ постели и принуждена у простыхъ и неискусныхъ лѣкарей искать помощи, которую подать мнѣ отказались доктора мои. Употребляя только лѣкарства сихъ лѣкарей за лутчее и послѣднее средство, имѣя же при томъ какъ духъ, такъ и тѣло терзаемое превеликими печальми, о которыхъ я и упоминать не могу, пріемлю смѣлость ожидать и всепокорнѣйше просить у Вашего Императорскаго Величества утѣшенія, въ которомъ, какъ я надѣюсь, великодушное Ваше сердце при толь горестномъ и жалости достойномъ состояніи умирающей принцессы (которая напредъ сего Вашими милостями по Вашему милосердію и всегдашнему благоволенію удостоена была) отказать не можетъ.

Все мое желаніе состоитъ только въ томъ единомъ, чтобъ Ваше Императорское Величество даровали и обратили ко мнѣ паки милостивое Ваше сердце, чего по преданности моей къ освященной Вашей особѣ и почтенію къ Вашей державѣ не недостойна. Ваше Величество, по своему великодушію, отпустили бы вину и самой преступницѣ, естьлибъ видѣли, въ какое привело меня сокрушеніе письмо вашего канцлера, ко мнѣ вашимъ имянемъ писанное. Естьли бы могли вѣдать, въ какія оное мучительныя привело меня обстоятельства, то конечно бъ Ваше Императорское Величество едва ли воздержались бы и сами отъ пролитія своихъ слезъ, каковы я притомъ проливала. По жалостному Вашему сердцу я не сумнѣваюсь, чтобъ несчастіе мое того въ васъ не возбудило.

Естьли Ваше Императорское Величество находите причины моего поступка недостаточными, то желаніе мое есть учреждать нынѣ себя по Вашему соизволенію, равно какъ и мое здѣшнее пребываніе. Пусть сіе будетъ опытомъ крайняго моего усердія исправить то что̀ Вамъ было неугодно, и

подвигнуть Ваше Императорское Величество къ дарованію паки Вашихъ ко мнѣ милостей. Одно только мнѣніе, что Ваше Императорское Величество недовольны мною, столько мнѣ несносно, что я не могу онаго терпѣть, и что не могу инако утолить горестную отъ того печаль мою, какъ прямо изъявляя Вамъ искреннее мое сокрушеніе и прося единой милости не допустить до того, чтобъ при такихъ печальныхъ мыслях не постигла меня смерть, къ которой я приближаюсь. Я не намѣрена Ваше Величество утруждать, ни приводить Васъ въ жалость описаніемъ невѣроятныхъ отъ моихъ дѣлъ безпокойствъ, которыя таковы, что и вообразить не можно. Я много должна стараніямъ чужестранныхъ въ томъ, что предупредила несноснѣйшее угрожающее мнѣ безчестіе; а всего мнѣ горестнѣе то, что не могу я за то имъ воздать мою благодарность. Меня нынѣ сокрушаетъ сія единая печаль, что прогнѣвала Ваше Императорское Величество, и я прошу только придти въ сожалѣніе и принять въ разсужденіе, сколь велико опая дѣйствіе во мнѣ производитъ, и сколь горестно мнѣ будетъ, естьли въ оной же скончаю дни мои. Я не желаю другой милости кромѣ сей, чтобъ Вы съ милосердіемъ принять изволили, такъ какъ прежде въ счастливѣйшія времена, мою покорность, повиновеніе ко всѣмъ Вашимъ повелѣніямъ, усерднѣйшую мою преданность и глубочайшее почтеніе, съ коимъ я до послѣдняго моего издыханія пребуду. Елизабетъ.

2.

Переводъ съ письма къ канцлеру отъ ея свѣтлости вдовствующей принцессы Ангалтъ-Цербской изъ Парижа отъ 30-го Апрѣля, полученнаго въ 16-й день Маія 1760-го года.

По полученіи письма, писаннаго отъ вашего сіятельства ко мнѣ именемъ Ея Императорскаго Величества, здоровье

мое столь было худо или, лучше сказать, жизнь моя находилась въ такой опасности, что я не въ состояніи была ни изобразить вамъ происшедшей мнѣ отъ того печали, ни утѣшенія, которое подало мнѣ учиненное вами обнадеживаніе объ усердіи вашемъ показывать мнѣ нѣкоторыя услуги, чему я видѣла потомъ многіе опыты надъ тѣми, коихъ я вамъ рекомендовала, за что и приношу вамъ мое благодареніе. Желаніе мое увѣрить Ея Императорское Величество о совершенной моей преданности столь велико, что, не взирая на нынѣшнее мое состояніе, которое препятствуетъ мнѣ самой къ вамъ писать, я однако не преминула оную ей засвидѣтельствовать, и поручила Великой Княгинѣ, которой прошу подать сей пакетъ, повергнуть меня къ стопамъ Ея Величества. Имѣя же великую надежду на ваше ко мнѣ усердіе, я не сумнѣваюсь, чтобъ ваше сіятельство не соизволили, купно съ ея высочествомъ, совершенно удостовѣрить Ея Императорское Величество о моемъ почтеніи и преданности, и о точномъ наблюденіи ея повелѣній, которыя желала-бы я знать, дабы могла оныя исполнить, и чрезъ то пріобрѣсти себѣ прежнюю ея ко мнѣ милость. Я хотя не надѣюсь долго оною пользоваться, однакожъ сіе было-бъ мнѣ утѣшеніемъ передъ смертію и облегченіемъ посреди всѣхъ ужасныхъ моихъ злоключеній. Конечно-бы вы сжалились, естьли бы свидѣтелемъ были моихъ мученій и всѣхъ печалей, соединившихся съ моею болѣзнію. Сіе зрѣніе столько-бы возбудило вашу ревность, чтобъ вы ни на минуту не позабыли сего обстоятельства до тѣхъ поръ, пока-бы оное не премѣнилось; а сего ожидаю я отъ вашего попеченія и покорно ваше сіятельство *прошу исходатайствовать, чтобъ Ея Величество позволила вамъ ко мнѣ отписать, что гнѣвъ ея преданъ забвенію, и что она со-*

изволятъ о томъ мнѣ знать дать *). Я не прошу о ея благодѣяніяхъ, но только желаю, чтобъ болѣе не быть у нея въ немилости, и мой духъ будетъ спокоенъ, естьли вы мнѣ исходатайствуете сіе благополучіе. Вы можете быть увѣрены, что сія ваша услуга столь для меня будетъ велика, что оная навсегда на сердцѣ моемъ изображенною пребудетъ, и прошу быть удостовѣреннымъ о моей за то благодарности и искренномъ почтеніи, съ коими я есмь

Елизабетъ.

3.

Копія съ письма къ канцлеру отъ дѣйствительнаго камергера князя Голицына, изъ Парижа отъ 13-го Апрѣля, полученнаго въ 16 день Маія 1760 года.

Изъ прежнихъ моихъ вашему сіятельству довольно извѣстно, что я не токмо по пріѣздѣ моемъ сюды, ея свѣтлость княгиню Ангалтъ-Цербскую нашелъ здѣсь въ весьма худомъ состояніи ея здоровья, но и что потомъ день ото дни оная еще слабѣе прежняго становилась, а вчерашняго вечера ея свѣтлость, *которая обрѣталась уже въ самыхъ истощенныхъ силахъ,* и по истинѣ жалостно было ее видѣть, нарочно меня къ себѣ призывать изволила, и со мною въ цѣлой памяти и здравомъ разумѣ говорила съ немалою прискорбностію, что она чувствуетъ, что конецъ ея жизни приближается, при чемъ она *едва небезутѣшна остастся, да и не можетъ спокойно умереть, даже не увѣрена будетъ,* что Ея Императорское Величество, отъ коей она многими мило-

*) Когда я, по повелѣнію Вашего Величества, письмомъ моимъ столь много печали ея свѣтлости приключилъ, всенижайше прошу милостиво повелѣть, чтобъ по требованію ея свѣтлости могъ утѣшительно обнадежить о высочайшей Вашего Величества къ ней милости и благоволеніи. По собственная грамота Вашего Величества наисовершеннѣйшимъ успокоеніемъ лутче всѣхъ другихъ ея свѣтлостя служить будетъ. (*Примѣчаніе канцлера графа Воронцова*).

стями, благодѣяніями и неизреченною щедротой взыскана была, ей великодушно отпустить соизволить все то, почемъ она несчастіе имѣла оной гнѣвъ на себя навлещи, о чемъ она крайне сожалѣетъ, и въ томъ признается не въ иномъ какомъ видѣ и не упоминая нимало о своихъ оставляемыхъ дѣлахъ, но единственно приноситъ свое повиновеніе по искренности ея сердца и должному респекту къ толь великой Государынѣ *), которое все поручила мнѣ накрѣпко и со многой просьбою вашему сіятельству подробно донести. А притомъ изволила мнѣ отдать приложенной при семъ пактъ къ вамъ, милостивому государю моему, со включенными въ немъ грамотами къ Ея Императорскому Величеству самой, и къ ея императорскому высочеству Государынѣ Великой Княгинѣ, чаятельно касающіяся до сей же матеріи, о которыхъ просила, чтобъ изволили ихъ такожъ при удобномъ случаѣ подвести **). *И какъ она съ жадностію ожидаетъ на сіе желаемаго отвѣта,* и особливо чтобъ вышеозначенное порадованіе ее застать могло еще живу, того ради рекомендовала мнѣ сіе отправить отъ сюды съ нарочнымъ куріеромъ немедленно. Что жъ надлежитъ до ея свѣтлости домашнихъ дѣлъ и расположеній обо всемъ оставающемся по ней, то уповательно оное отъ нея поручено будетъ Шведскому министру бар. Шеферу, которой всегда знакомъ былъ въ ея домѣ и во всю ея свѣтлости бытность здѣсь всякую ей угодность и услуги оказывалъ.

---

*) Для совершеннаго обрадованія и успокоенія ея свѣтлости не соизволите ли Ваше Императорское Величество милостивою грамотою отозваться, и о сочиненіи оныя буду ожидать Высочайшаго повелѣнія. (*Прим. канцлера*).

**) Переводы съ сихъ грамотъ присемъ подносятся, и всенижайше испрашивается повелѣнія, соизволено ли будетъ отдать ея высочеству, чтобъ безвременно не приключить ея высочеству безпокойства и печали. (*Прим. канцлера*).

При семъ включаю описаніе ея болѣзни, и какія средства ко излѣченію оной употреблялись что̀ я получилъ отъ доктора, которой ея свѣтлость пользуетъ.

4.

Описаніе болѣзни ея свѣтлости принцессы Ангалтъ-Цербской.

Послѣ разныхъ припадковъ, ея свѣтлость начала чувствовать превеликую боль какъ прежде, такъ въ самое время и послѣ обыкновенныхъ кровей; наконецъ, имѣла она непорядочную лихорадку, которая удержана кинкиною. Послѣ сего болѣзни ея свѣтлости стали умножаться, а въ прошломъ Декабрѣ мѣсяцѣ доктора, кои ее пользовали, нашли ея свѣтлость въ такомъ состояніи, что они мало имѣли надежды о ея выздоравливаніи, ибо усмотрѣли они въ ней водяную болѣзнь съ жаромъ, жаждой и почти безперерывною болію въ животѣ, которыя причиною были послѣдовавшей всегдашней безсонницы. Урины чрезъ одни сутки было нѣсколько унцовъ, которая весьма густа и красна была, а на низъ имѣла она небольшое число матеріи, цвѣтомъ сѣроватымъ.

Помянутые доктора заключили, что отъ припадка (которой на подобіе подагры произошелъ отъ худаго употребленія кинкины) учинились запоры, кои причинили терзаніе въ первахъ, и отъ того послѣдовало печальное состояніе ея, толь паче, что находится она въ такихъ лѣтахъ, въ которыхъ престаетъ теченіе кровей, которыя она изрѣдка имѣла, а наконецъ чрезъ три мѣсяца и совсѣмъ того лишилась. Почему они употребляли балсамическія, гуммическія и мыльныя лѣкарства для укрѣпленія сухихъ нервовъ, *разводительныя* и *умягчательныя* для пресѣченія запора, и понуждающія урину для истеченія накопившейся воды. Съ три мѣсяца находилась ея свѣтлость столь здорова, что они великую имѣли надежду

о ея выздоравливаніи, и вся сія страшная болѣзнь обратилась въ опухоль, которую они почли быть *ловеръ*, и находили оную величиною противъ кулака и весьма чувствительную, и потомъ оказался припадокъ подагры, который продолжался чрезъ двѣнадцать дней. Оный сперва былъ въ плечѣ, а потомъ опустился въ пальцы, кои опухли и покраснѣли.

А между тѣмъ какъ ласкались надеждою, чтобъ сію опухоль разорвать, то оная подагра миновалась, и вскорѣ потомъ ея свѣтлость по малу въ прежнюю болѣзнь впала, хотя помянутые способы, молошная пища и все отъ докторовъ съ успѣхомъ употребляемы были для привлеченія на время подагры.

По непорядочной съ начала сей болѣзни продолжающейся лихорадкѣ, опасаются доктора, чтобъ не было въ опухоли супураціи, въ разсужденіи того, что до оной за болію дотронуться не можно. Впрочемъ, по продолжающейся болѣзни, слабости и безсилію, которыя ежеденно умножаются безъ всякой перемѣны болѣзни къ лутчему, доктора въ крайнемъ опасеніи находятся о жизни ея свѣтлости.

Доктора, пользующіе ея свѣтлость, суть слѣдующіе: Геренпуринъ меньшой и Де-ла-Соппе, который докторомъ королевы.

5.

Переводъ съ письма къ ея императорскому высочеству отъ ея свѣтлости вдовствующей княгини Ангалтъ-Цербской, изъ Парижа отъ 30-го Апрѣля новаго штиля, полученнаго въ 16-й день Маія 1760 г.

Либо примѣръ Ея Императорскаго Величества, или политика есть тому притчиною, дражайшая моя дочъ, что вы ко мнѣ не пишите, и повидимому не много старанія о моихъ дѣлахъ прилагаете. Но пора уже чувствовать сію любовь,

которую я завсегда отъ Вашего Императорскаго Высочества ожидала. Дѣла мои, по дружбѣ того пріятеля, о которомъ, помнится мнѣ, я васъ увѣдомила, не столь много меня обезпокоиваютъ, и по меньшой мѣрѣ даютъ мнѣ нѣсколько сроку, которой, какъ по всему видно, можетъ продлиться долѣе, нежели жизнь моя. Наибольшая моя печаль состоитъ теперь только въ томъ, что я не имѣю отъ васъ извѣстія, и отъ сына моего не получала писемъ съ самаго Генваря мѣсяца. Еще же, при нынѣшнихъ худыхъ моихъ обстоятельствахъ, весьма прискорбно мнѣ и то, когда вздумаю, что лишаюсь прежней милости Ея Императорскаго Величества, и что отъ васъ не имѣю отвѣта на многія отправленныя отъ меня къ вамъ нѣжныя письма. И о семъ прошу васъ еще, не оставить такую мать, которая при смерти, и подать мнѣ нѣкоторое утѣшеніе, дабы я не умерла съ тою печалію, что вами, яко дражайшею моею дочерью, вовсе оставлена и лишена милости такой Государыни, которую я паче всего почитаю и коей я искреннѣйше предана. Прошу поднесть сіе письмо Ея Императорскому Величеству, и въ разсужденіи худаго моего состоянія исходатайствовать у Ея Величества хотя единое для меня милостивое слово, о удостоеніи котораго я нимало не сумнѣваюсь: ибо Ея Императорское Величество за великое поставляетъ себѣ удовольствіе дѣлать людей счастливыми, и потому не безъ жалости увѣдомится о моихъ злополучіяхъ. Желала бъ я, чтобъ вы сами могли видѣть все то, что̀ я претерпѣваю, и тогда бъ конечно не дожидались того, чтобъ я васъ просила; но единственное сожалѣніе побудило бъ васъ болѣе нежели мои письма. И естьли бы знали все то, что̀ со мною случилось, и извѣстны вамъ были всѣ тѣ обстоятельства, въ коихъ я находилась, тобъ состояніе мое подаваемыми отъ васъ утѣшеніями могло часто быть

облегчаемо. Но теперь, *когда уже медики предали меня шарлатанамъ*, и я одержима крайнею болѣзнію, не остается мнѣ болѣе желать, какъ только бъ чрезъ васъ пріобрѣсти себѣ опять милость Ея Императорскаго Величества, а до того времени не можетъ духъ мой быть спокоенъ: ибо чрезъ то всѣ мои желанія исполнились бы, и вы учинились бы достойнѣйшею благословенія, которое чаятельно даю я вамъ въ послѣдній разъ, желая притомъ всегдашняго вамъ здравія и постояннаго благополучія. Почитайте и будьте завсегда вѣрны и преданы Ея Императорскому Величеству и великому князю, вашему супругу, и наблюдайте всѣ ваши должности; вспоминайте же иногда и о матери вашей, которая васъ сердечно любила и которая при концѣ своей жизни сожалѣетъ только о томъ, что не могла съ вами видѣться и при васъ умереть. Извините меня предъ Ея Императорскимъ Величествомъ, что я письмо мое къ ней такъ худо писала; ибо за опухолью всего моего тѣла не могла того лучше учинить.

Елизабетъ.

— — —

EBAUCHE DU PORTRAIT

de Sa Majesté Impériale Élisabeth Petrowna, Impératrice et Souveraine de toutes les Russies etc. etc.

Cette princesse par sa naissance est des plus illustres. Ses ayeux ont tous été de grands monarques, qui ont régné glorieusement. La nature lui a donné les plus belles inclinations. Ses sentimens sont tous nobles et élevés. Elle a l'âme pleine de douceur et de fermeté, et quoique ce ne soit pas mon dessein, y trouvant même de l'impossible, de bien exprimer ses grandes qualités, je puis dire en général qu'elle peut être mise en parallèle avec tout ce que l'antiquité et l'histoire fournit de plus accompli. Elle est grande et bien faite. Elle a une mine douce et majestueuse, qui ne manque jamais d'inspirer dans tous ceux qui la voyent l'amour et le respect. Elle est une des plus grandes beautés de notre siècle. Elle efface, selon moi, les attraits de celles qui prétendent en avoir de très-brillants. Ses yeux sont parfaitement beaux, le doux et le grave s'y mêlent agréablement. Leur puissance s'étend sur des nations entières, qui sentent le pouvoir qu'ils excercent sur les coeurs. Sa bouche est petite et vermeille, et la nature lui a été libérale de toutes

les grâces dont elle avait besoin pour être parfaite. Par un de ses souris elle peut s'acquérir une infinité de coeurs. Ses ennemis même ne sauraient résister à ses charmes. Ses cheveux sont d'une belle couleur. Elle en a beaucoup, et il n'y a rien de plus beau que de la voir avec cette belle tête riante. On ne saurait déterminer si elle est plus ravissante quand elle paraît sans poudre ou quand elle est poudrée. Ses mains sont faites pour plaire, pour porter le sceptre et pour être admirées, joignant la belle proportion et l'adresse avec la blancheur si bien que l'on peut dire que les spectateurs sont toujours ravis quand cette incomparable princesse se fait voir, soit à sa toilette, en public, à table ou au bal. C'est là où elle surpasse toutes les personnes qui ont jamais le mieux dansé; car elle s'en acquitte, quoique avec assez d'embonpoint, avec une légèreté et grâce inimitable. Sa gorge est belle, son teint d'une vivacité extraordinaire à l'épreuve de la chaleur et du froid. Le tour du visage et tout son assemblage fait une physionomie charmante, et il est impossible que le plus habile peintre la puisse représenter au juste et en exprimer les grâces, la douceur et la vivacité. Elle n'est pas esclave des modes, mais elle s'habille bien. Elle est propre autant que personne au monde, on peut même dire curieuse de belles choses, parce que naturellement elle aime à être bien mise. Elle le fait avec choix et discernement, et dans la grande variété le bon goût règne et domine toujours.

Comme Dieu est notre principe et notre fin et qu'une princesse chétienne ne doit être estimée que selon la mesure des vertus qui se manifestent en elle, il est juste de parler en premier lieu de sa piété. Elle a un

grand respect pour la loi de Dieu. Elle donne sans cesse des marques de dévotion et de charité. Ces vertus se sont accrues en elle avec les années. Elle est infatigable dans l'exercice de ses dévotions. Les voyages, les incommodités, les veilles, les chagrins, les divertissements, les affaires mêmes ne lui ont jamais pu faire interrompre les heures qui y sont destinées. Elle a une confiance en Dieu, qui est extraodinaire, et c'est sans doute cette confiance qui lui a attiré tant de bienfaits et de bénédictions divines. Elle est exacte à observer les jours de jeûne, et on lui a souvent entendu dire à ce sujet que les souverains de la terre doivent obéir aux commandemens de Dieu et de l'église plus ponctuellement que les autres chrétiens, parce qu'ils sont obligés de servir d'exemple à leur peuple.

La vertu de notre auguste princesse est solide sans être farouche. Elle est modeste, sans être choquée de l'innocente gaieté, et son exemplaire pureté pourrait servir d'exemple à toutes les autres personnes de son sexe. Elle croit facilement le bien et n'écoute pas volontiers le mal. Les médisans et rapporteurs ne font sur son esprit nulle forte impression, et quand une fois elle est bien persuadée en faveur des gens, il est difficile de les détruire auprès d'elle. Elle a l'esprit galant et goûte cette galanterie, qui, sans blesser la vertu, est capable d'embellir la cour. Elle désapprouve infiniment les manières rudes et inciviles. Elle est douce, affable et familière avec tous ceux qui l'approchent et qui ont l'honneur de la servir. Sa bonté la convie de souffrir les petits comme les grands, mais toujours avec discernement. Car ce tempérament de douceur qui fait qu'elle ne rebute personne et ne lui permet pas de faire des rudesses à qui que ce soit, n'empêche

pas qu'elle ne sente sa gloire et qu'elle ne discerne parfaitement bien ceux qui font leur devoir, en lui rendant ce qui lui est dû, d'avec ceux qui lui manquent de respect, d'égards et de reconnaisance. Elle a un esprit brillant et en même tems très-naturel et rien d'affecté. Elle parle bien; sa conversation est agréable. Elle entend raillerie et ne prend jamais rien de travers, et les conversations délicates et spirituelles lui donnent du plaisir. Elle juge des choses sérieuses selon la raison et le bon sens, et dans les affaires elle prend toujours le parti de l'équité et de la justice par ses propres lumières et connaissance de cause. Pour se mettre mieux au fait, elle ne se contente pas de les faire lire, référer et d'écouter, mais elle veut voir et juger par elle-même, et pour cet effet elle se donne la peine de lire tout et de voir par ses yeux.

Son tems lui est trop précieux pour l'employer à la lecture des livres, mais sa grande pénétration et la connaissance qu'elle a du monde et l'expérience qu'elle a des affaires et des intrigues des cours, répare bien ce qui pourrait lui manquer du côté des livres, et si elle ignore une partie des histoires des tems reculés, elle en sait d'autant mieux celles du siècle présent.

Pour se délasser des soins et peines que lui donne le gouvernement du vaste empire que Dieu lui a confié, ses récréations favorites sont en hyver la chasse des coqs de bruyère et en été les promenades à cheval. Elle a raison de les préférer aux amusemens frivoles qui sont la ressource ordinaire des personnes de son sexe, comme les jeux de cartes et autres. A la chasse elle tire avec une justesse et contenance admirable. Aux promenades elle manie son cheval avec tout autant de hardiesse que d'adresse. Les écuyers mêmes

l'admirent; elle surprend tous les autres, et on ne saurait s'en faire une juste idée sans l'avoir vu. Revêtue de l'uniforme de sa compagnie du corps et le casque de grenadier en tête, la majesté et l'amour qui résident en elle ne se font pas moins remarquer alors que dans sa plus grande parure et étant ornée de la couronne impériale; on n'entend partout où elle passe que des acclamations et des cris de joye. On la juge digne non-seulement de commander la compagnie choisie dont elle est le capitaine, les régiments des gardes à pied et à cheval, dont elle est le colonel, mais l'armée la plus nombreuse. Descendue de cheval, le cavalier le plus beau qu'on puisse voir, cause de nouveaux sujets d'admiration: jamais personne de son sexe n'a eu une marche plus ferme et plus assurée: jamais de plus belles jambes n'ont soutenu un plus beau corps, et jamais dans un corps plus sain n'a habité une âme plus saine, qui n'a rien de faux ni dans le coeur ni dans l'esprit *).

Cette digne fille de Pierre-le-Grand aime à faire bâtir, et cette passion qu'elle a héritée de son auguste père lui sert encore d'une louable occupation. Au premier coup d'oeil elle découvre les défauts, le beau et le parfait de toutes sortes d'édifices. Elle donne elle-même l'idée de ceux qu'elle fait élever; elle en fait la distribution et ordonne les meubles avec un goût et discernement admirable.

La grandeur d'âme de cette auguste princesse, qui la met au-dessus des grandeurs terrestres, fait qu'elle

*) C'est le comble des souhaits, selon Juvénal. Pierre Premier savait le passage du poëte latin, où se trouvent ces voeux, qui est assez long, par coeur, et c'étaient ses vers favoris: les plus beaux de la 10-me satire.

est parfaitement indifférente pour tout ce qui sent la vaine gloire et qu'elle n'est possédée d'aucun désir d'étendre sa domination. Sa naissance et sa vertu l'ont élevée au plus haut degré auquel puisse aspirer un mortel, et son héroïsme l'a mise en possession de ce qui lui était dû à l'égard de l'une et de l'autre. D'ailleurs elle tient tout le reste peu digne de ses désirs. Elle n'a pas les mêmes sentiments sur l'amitié. Elle en honore peu de personnes, mais celles, à qui elle donne quelque part dans ses bonnes grâces, se peuvent flatter d'être sincèrement aimées. Elle entre avec compassion dans les chagrins de ceux qui souffrent. Ceux pour qui elle a de la bonne volonté trouvent en sa douceur de la consolation, et ses oreilles paraissent attendries et si attendries au soulagement des misérables, qu'on voit clairement que son coeur y prend part. J'ai été tentée quelquefois, je l'avoue, d'oser l'accuser qu'elle n'est pas assez touchée de l'amitié qu'on a pour elle. Mais comme les souverains entendent de tous un même langage et qu'il est difficile de discerner la vérité d'avec la flatterie, le mensonge et l'artifice, il est très-excusable de ne se pas laisser aisément persuader et d'être sur ses gardes quand il s'agit d'une chose qui de sa nature est si fort sujette à caution et dans laquelle on peut si facilement prendre le change. A l'égard de ses ennemis, elle se vengerait peut-être et serait capable de porter bien loin son ressentiment selon la vivacité de son tempérament et en ayant les moyens en mains; mais la raison et sa conscience la retiennent. Elle se met rarement en colère; la passion ne la domine pas, elle n'éclate par aucun bruit indécent à une souveraine qui, commandant un empire, doit savoir se commander elle-même; mais si elle se

fâche, c'est toujours par de fortes raisons. Cela se découvre à ses yeux, et si elle le fait connaître par des paroles, ce n'est que pour ramener ceux qui se sont égarés et départis de leurs devoirs.

Cette grande princesse est naturellement libérale; elle est même capable (généreuse comme elle est) de donner avec profusion, et en différentes occasions elle en a donné des marques, suivant les mouvements d'un coeur magnanime, compatissant et charitable. Aussi ne paraît-elle jamais être incommodée de ceux qui osent lui demander du secours dans leurs nécessités, et ce qu'elle leur donne, elle le donne avec joye.

Ceci me conduit à considérer encore plus particulièrement dans cette admirable princesse ce qui fait la gloire principale de l'homme et ce qui répand sur son caractère le plus grand éclat. Plus je m'attache à approfondir le sien, plus je me trouve convaincu que les vertus du vrai christianisme y marchent de pair avec les avantages du sang. Elle est aussi recommandable par sa piété sincère dans la pratique de la religion, que par son attachement inviolable à ses principes. Elle est assidue aux offices ordinaires de son église par une dévotion sans fard qu'on admire en sa personne dans toutes occasions qui se présentent; elle donne un exemple dont les cours n'ont que trop de besoin. Sa religion se fait connaître par les effets naturels du véritable christianisme, par la compassion, la bienveillance, l'égalité d'esprit, la tranquillité du coeur, en un mot par tous les devoirs d'une charité active qui se répand sur chacun sans distinction. Comme de toutes ses vertus il ne peut résulter que le caractère le plus aimable, aussi le voit-on briller dans toutes ses actions. L'affabilité de sa conversation fait dissiper la

crainte que doivent naturellemt avoir ceux qui ont l'honneur d'être admis à sa présence, et l'on s'attache avec plaisir à une personne d'un si haut rang qui a la condescendance de se rendre agréable par un enjouement sans légèreté et par un tour d'esprit exempt de tout ce qui a la moindre apparence d'un naturel malfaisant et qui marque avec évidence la bonté du coeur, et on peut dire sans exagérer que cette admirable princesse a tous les talens ensembles tant pour le corps que pour l'esprit, qui peuvent charmer et s'approprier les coeurs et rendre en même tems sa conversation utile et agréable. Car, comme avec les agrémens qui résident en sa personne elle a le goût exquis pour tout ce qui regarde les beaux arts et qu'elle possède plusieurs langues, son discours ne se renferme pas dans les bornes accoutumées de la conversation, mais elle sait avec une grâce peu commune l'appliquer à toutes las occasions qui se présentent et entretenir d'une manière qui enchante les personnes les plus polies de différentes nations.

Il est inutile que je m'étende davantage sur ce que personne n'ignore; il n'y a qu'une voix là-dessus, et les étrangers aussi bien que les naturels du pays savent et éprouvent tous les jours avec quel charme et quel tour agréable elle propose ses sentiments sur les affaires épineuses aussi bien que sur les plus ordinaires de la vie. C'est un effet que doit nécessairement produire son heureux naturel, la délicatesse de son esprit, la belle éducation par laquelle elle a été cultivée dès ses plus tendres années et sa grande pénétration pour connaître le caractère d'un chacun.

Ce serait une témérité à moi de vouloir comprendre dans cet abrégé toutes les beautés et vertus émi-

nentes qui composent le caractère de cette incomparable princesse. Le but que je me suis proposé dans cette ébauche est uniquement de faire connaître l'idée que je conserve et conserverai toujours de mon auguste souveraine, et de faire comprendre en même tems le bonheur dont jouissent la Russie et les sujets de cette magnanime et illustre princesse, sous un gouvernement si juste, si doux et si tranquille, et comme, en digne fille de Pierre Premier, elle suit en tout les glorieuses traces de ce grand monarque. On peut regarder l'heureux règne de Sa Majesté Impériale formé sur le modèle du sien, avec justice, comme la partie la plus essentielle des bénédictions célestes sur ce vaste empire.

Присяга Петру Третьему въ Москвѣ.

(1761).

Всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій, великій Государь Императоръ, всемилостивѣйшій Государь!

По высочайшему Вашего Императорскаго Величества повелѣнію, отправленъ я, всеподданнѣйшій, въ Москву для объявленія благополучнаго Вашего Императорскаго Величества восшествія на Всероссійскій прародительскій императорскій престолъ. Вслѣдствіе онаго высочайшаго указа, пріѣхавъ сюды въ ночи на 31 число минувшаго Декабря, велѣлъ я повѣстить всѣмъ духовнымъ первѣйшимъ особамъ, генералитету, присутствующимъ здѣшней коллегіи членамъ, военно-служащимъ и всѣмъ мѣщанамъ, чтобъ собрались того жъ 31-го числа, въ 9 часовъ утра, по объявленію, въ церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, для принесенія усерднѣйшихъ молитвъ, какъ о многолѣтномъ Вашего Императорскаго Величества и высочайшей императорской фамиліи здравіи и счастливѣйшемъ государствованіи, такъ и для учиненія въ вѣрности присяги. По собраніи въ помянутый соборъ всего духовенства, генералитета, штабъ и оберъ-офицеровъ, всего знатнаго дворянства и мѣщанства, читанъ былъ сенатскимъ секретаремъ, во первыхъ, Вашего Императорскаго Величества манифестъ о восшествіи Вашего Императорскаго Вели-

чества на Всероссійскій императорскій престолъ, а потомъ о вѣрной Вашему Императорскому Величеству службѣ присяга, которая отъ всѣхъ бывшихъ въ томъ соборѣ говорена была въ слухъ, и отъ полковъ стоящихъ въ парадѣ на площади собраны были штабъ и оберъ-офицеры, и принесены знамена при обрѣтающихся командахъ, главномъ командирѣ, Московскомъ комендантѣ, генералъ-маіорѣ царевичѣ Грузинскомъ, и при мнѣ; тѣмъ же секретаремъ всѣмъ военнослужащимъ чтенъ былъ высочайшій Вашего Императорскаго Величества манифестъ, который и во всей Москвѣ публикованъ, и всѣ отъ меня обнадежены высочайшими Вашего Императорскаго Величества монаршими щедротами и милосердіемъ. А съ какимъ искреннѣйшимъ усердіемъ и съ какою всенародною радостію и удовольствіемъ сіе все происходило, того, всемилостивѣйшій Государь, довольно словами изобразить я не въ состояніи. Соборная Успенская церковь и прочія въ Кремлѣ соборныя церкви едва могли вмѣстить толикое множество народа; всѣ солдаты и весь на площади находившійся безчисленный народъ, отъ радости восхищенные, обще возглашали: «да здравствуетъ великій нашъ Государь Императоръ Петръ Ѳедоровичъ!»

Послѣ сего совершались божественная литургія и благодарный молебенъ, по окончаніи же онаго происходила пушечная пальба изо ста одной пушки, а вкругъ собора въ парадѣ стоявшіе полки, въ томъ числѣ лейбъ-гвардіи отъ четырехъ полковъ здѣсь находящаяся команда и отставной лейбъ-гвардіи жъ баталіонъ, штабъ и оберъ-офицеры, а также и артиллерійская команда и армейскіе, которыхъ было числомъ 1945 человѣкъ, троекратно палили изъ мелкаго ружья бѣглымъ огнемъ; городъ весь иллюминованъ былъ три дни сряду, и цѣлый день производился звонъ.

Въ первой день сей общенародныя радости трактованы были у меня въ домѣ все здѣшнее вышней степени духовенство и генералитетъ и всѣхъ присутствующихъ мѣстъ члены, и знатное дворянство; на другой день штабъ и оберъ-офицеры какъ оставшейся здѣсь команды гвардіи и отставнаго гвардіи жъ баталіона, такъ артиллерійскіе и армейскіе, на третій день все знатное Московское купечество и содержатели Россійскихъ фабрикъ.

При семъ имѣю всенижайше Вашему Императорскому Величеству донести, что въ то краткое время, а именно, съ Декабря 31 дня по 3 число сего Генваря мѣсяца, у присяги было 22,345 человѣкъ, какъ духовныхъ, военныхъ, гражданскихъ и всякаго званія людей; а присяга еще и нынѣ въ превеликомъ множествѣ непрерывно продолжается.

Въ заключеніе сего всѣ здѣсь живущіе вѣрные Вашего Императорскаго Величества подданные всенижайше припадаютъ къ всеосвященнѣйшему и милосердому Вашего Императорскаго Величества престолу, и я съ ними повергаюсь къ высокомонаршимъ Вашего Императорскаго Величества стопамъ со всѣмъ нижайшимъ благоговѣніемъ. До скончанія моей жизни есмь и пребуду,

Всемилостивѣйшій Государь,
Вашего Императорскаго Величества
Всеподданнѣйшій рабъ *).

---

*) Кто именно, не означено: бумага эта сохранилась въ современномъ спискѣ. *П. Б.*

ПРЕДСТАВЛЕНІЕ ГРАФА М. Л. ВОРОНЦОВА ИМПЕРАТОРУ ПЕТРУ ТРЕТЬЕМУ.

Всенижайшее отъ канцлера Его Императорскому Величеству представленіе.

Ваше Императорское Величество, даннымъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ указомъ, Всевысочайше повелѣть изволили, что отнынѣ для управленія политическихъ и военныхъ дѣлъ никакого особливаго Совѣта или Конференціи не будетъ, но всякое дѣло въ своихъ коллегіяхъ отправляться имѣетъ, и въ слѣдствіе того соизволили поручить на попеченіе коллегіи возвратной походъ корпуса графа Чернышова.

Сіе Высочайшее Вашего Величества повелѣніе будетъ исполняемо по крайней силѣ и разумѣнію, а притомъ достойно и праведно превозносить съ благоговѣніемъ монаршее Вашего Императорскаго Величества намѣреніе, прямо великаго Самодержца достойное, чтобъ всѣ дѣла управлять собственнымъ вашимъ трудомъ и руководствовать вашимъ просвѣщеніемъ. Согласное сему намѣренію исполненіе не можетъ послужить, какъ къ распространенію Вашей славы, къ умноженію знатности и почтенія имперіи и къ благополучію вѣрныхъ Вашихъ подданныхъ.

Въ семъ разсужденіи не настоитъ, всемилостивѣйшій Государь, дѣйствительно никакой надобности продолжать Конференцію или учредить другой Совѣтъ подъ именемъ какое бы Вашему Императорскому Величеству благоугодно было, и я крайне удаленъ что либо такое Вашему Величеству представлять, что̀ бы противно было вышеизображенному монаршему намѣренію, а имянно всѣ дѣла своимъ трудомъ управлять; но, почитая главною и существительною всеподданнѣйшею должностію содѣйствовать сему великодушному о пользѣ и славѣ имперіи Вашей попеченію, обязанымъ себя нахожу всеподданнѣйше представить:

1-е. Что генеральныя дѣла Европы въ такую теперь кризу пришли, что систему или совсѣмъ новую принять, или же во многомъ перемѣнить надобно будетъ, а съ перемѣною системы и во всѣхъ распоряженіяхъ великія перемѣны дѣлать. Но я со всею истиною могу донести, что сію новую систему составить, ни одной пользы не пропустить, а все то предусмотрѣть, что слѣдствія предосудительнаго или вреднаго произвести могутъ, и всѣ распоряженія согласно тому учредить, не можетъ ни Сенатъ, ни Иностранная Коллегія, пачеже

2-е. Когда пойдутъ дѣла на перепискахъ между Сенатомъ Коллегіями Иностранною, Военною и Адмиралтейскою: то во первыхъ, секретъ подверженъ во многихъ рукахъ великой опасности, а дѣла промедленію, а притомъ и то легко случиться можетъ, что между разными мѣстами произойдутъ отъ неясности разныя мнѣнія, отъ того несогласія, а отъ несогласія разногласные Вашему Императорскому Величеству доклады.

3-е Буде же, напротиву того, Вашему Величеству угодно будетъ прежнюю ли Конференцію, или какой тому подобный Совѣтъ, хотя на столько времени возставить, пока настоящее

смѣшеніе дѣлъ въ объясненіе придетъ, и потому сходственнѣйшая соизволенію и интересамъ Вашего Величества система установлена, и во всѣ мѣста постановленія даны будутъ: то, во первыхъ, Ваше Императорское Величество, присутствуя въ такомъ Совѣтѣ Высочайшею Вашею особою и видя въ одномъ мѣстѣ все сопряженіе главныхъ дѣлъ, меньше будетъ затрудненія, а несравненно больше способа и времени все собственными Вашими очами видѣть и все собственнымъ Вашимъ трудомъ управлять. А притомъ я почти напередъ увѣрить смѣю, что чрезъ краткое время Конференція прилежными трудами и ревнительнымъ исполненіемъ монаршей Вашей воли удостоится Высочайшей Вашего Величества апробаціи и довѣренности, какъ я и теперь предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ по чести и съ чистою совѣстію справедливо засвидѣтельствовать могу, что управленіе ея по сю пору дѣлами было всегда руководствовано истиннымъ и усерднымъ о пользѣ государственной попеченіемъ и патріотическою къ Вашему Величеству вѣрностію, да и не сдѣлала опять здѣшнему двору нареканія ни отъ кого, но паче служила къ пріобрѣтенію оному у всѣхъ дворовъ почтенія. А въ противномъ случаѣ, всегда довольно времени будетъ и паки подобной Совѣтъ отмѣнить, толь больше, что тѣмъ ни Сенатъ, ниже которая коллегія нимало силы своей не теряютъ: ибо пріемлемыя Вашимъ Величествомъ въ Конференціи намѣренія будутъ лучше и согласно съ системою объясняемы, а точное исполненіе всегда тѣмъ же присутственнымъ мѣстамъ принадлежать будетъ.

А прежнимъ ли министрамъ въ Конференціи быть, или кого еще опредѣлить угодно будетъ, то зависитъ единственно отъ Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества благоизобрѣтенія.

Впрочемъ не могу я оставить, чтобъ не повторить еще у Вашего Императорскаго Величества всенижайшей моей просьбы о статскомъ совѣтникѣ Волковѣ, который усердіемъ своимъ, тщаніемъ и особливымъ въ политическихъ дѣлахъ искуствомъ достоинъ Высочайшей Вашего Императорскаго Величества милости. По недостатку въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ членовъ, не соизволите ли Ваше Императорское Величество, по прежнему моему нижайшему представленію, опредѣлить его въ оную, а притомъ, какъ въ награжденіе за службу его, такъ и для лучшаго впредъ ободренія обрадовать повышеніемъ чина, съ прибавкою къ нынѣшнему его жалованію по двѣ тысячи рублей на годъ?

RELATION

de la révolution arrivée en Russie le 9 juillet (28 juin) et suivants 1762, dans laquelle l'empereur Pierre III fut détrôné par l'Impératrice son épouse, qui monta au trône avec le nom de Catherine II.

Le jour du 9 juillet (28 juin), environ huit heures du matin, l'Impératrice, incognito, dans une petite calèche à deux chevaux et accompagnée de deux officiers subalternes et une servante, arriva à Pétersbourg de Péterhoff, où, on dit qu'elle était aux arrêts dans son palais depuis la nuit du sept juillet (26 juin) et d'où elle s'était sauvée par une fenêtre, et descendit dans le quartier du régiment des gardes de Izmaïlowsky, dont l'hetman était colonel. De là elle passa dans l'autre du régiment de Préobrajensky, où elle manda le régiment des gardes à cheval (dont le prince Georges était le colonel) et le corps d'artillerie, qui fut suivi par le reste des troupes, convoqua aussi le Conseil de l'état ecclesiastique et d'autres gens de considération, en même temps qu'on faisait les nécessaires dispositions dans l'église de Casan, qui est la principale, où S. M. devait prêter son serment ordinaire. Cette église est dans la même rue que ma maison. Des démarches si

promptes et si urgentes, avec leur nouveauté, causaient une confusion inexplicable.

Entre neuf et dix du matin j'entendis un bruit et une révolution inopinée, et curieux de ce qui se passait, je vis l'entier régiment des gardes à cheval courir sans ordre et précipitamment à l'enceinte du palais d'été, qui reste vis-à-vis ma maison, et qui fait la résidence du grand-duc Paul Petrowitz *). La troupe qui était sur le point de monter la garde dans le même palais fut poussée par la célérité de ceux qui venaient, et se choquant ainsi les uns contre les autres, plusieurs chevaux et cavaliers tombèrent par terre, sans pourtant arrêter la course de ceux qui arrivaient, ou empêcher qu'ils passassent par dessus d'eux. Pas un des chevaux n'avait la croupière, pas un des soldats n'était peigné, la plus part à demi habillés, et beaucoup sans chapeau. Ce régiment entra dans le palais avec la même précipitation qu'il était venu du quartier, et ne pouvant pas entrer tous à la fois par la grande porte, enfoncèrent les murailles du jardin, qui sont de bois et se formèrent tout à l'entour du palais.

En même tems et avec la même rapidité passaient devant ma maison et par les voisinages les gardes à pied suivies de quelques chariots de munition. Tous marchaient sans être ni peignés, ni ayant chapeaux. Des uns n'avaient ni souliers, ni bottines, des autres sans uniforme, et avec eux des chevaux qui avaient démontés leurs cavaliers. Cependant tous avaient leur fusils, leurs bayonnettes, leurs sabres et leurs cartouchières. Les uns préparaient et chargeaient leur fusils

*) На мѣстѣ нынѣшняго Инженернаго Замка. Тутъ Павелъ родился, тутъ же была и его кончина.

chemin faisant, et les autres, pour arriver plus vite, se mettaient sur les charrettes des paysans, qu'ils rencontraient dans les rues. On voyait la gaieté dans les visages de tous; ils dirigeaient leur marche vers le palais neuf de pierre *), et ils s'assemblèrent aussi, proche de l'église de Casan et du palais, plusieurs ouvriers, artisans et paysans armés de leurs hâches.

En suite de ces mouvemens des régimens des gardes à cheval et à pied, je vis sortir du palais d'été, entre dix heures et demie, par la porte du jardin, un vieux carrosse à quatre chevaux mal en ordre, avec deux cochers et un laquais en livrée, couleur de plomb, et qui paraissaient appartenir à quelque officier, environné de plus de 500 gardes à cheval commandées par le colonel Mélessino, lieutenant-colonel des bombardiers du corps d'artillerie. Dans ce carrosse allait le grand-duc en bonnet de nuit et deshabillé, en compagnie de son gouverneur le général Panine et du chambellan Teplow, qui le conduisirent de bon pas à l'église de Casan, où l'impératrice sa mère l'attendait; et la fonction du serment faite, ils sortirent de l'église et se mirent dans un carrosse misérable tiré par deux pauvres chevaux blancs, accompagnés de S. M. I. et de son altesse comte de Rozoumowsky, hetman d'Ukraïne, du directeur-général de l'artillerie Villebois et plusieurs autres.

Dans cette retenue l'impératrice et le grand-duc arrivèrent au palais neuf de pierre. Dans la grande place qui est au devant étaient toutes les gardes à pied et à cheval. Dans ce même palais les généraux et les autres du premier ordre de l'état prêtèrent immédia-

*) Нынѣшній Зимній Дворецъ.

tement serment à l'impératrice comme souveraine de toutes les Russies, et au grand-duc comme son successeur, selon la coutume et avec les cérémonies ordinaires. Tout de suite S. M. I. et son altesse se presentèrent aux troupes et furent proclamés et reconnus. Ils leur prêtèrent serment de fidélité avec l'ordre et formalités accoutumées et avec la plus grande réjouissance, qui fut suivie par les acclamations du peuple, par les fêtes et applaudissements généraux.

Pendant cette fonction et environ midi passa par la rue de la Prospective et devant ma maison un régiment de cuirassiers entièrement habillés et avec ses armes; mais les chevaux n'avaient point de croupière; ils marchaient à trot et à galop vers la place du palais pour reconnaître la nouvelle souveraine comme les autres, et une demi-heure après un piquet de ce même régiment fut détaché pour prendre ses étendars qui étaient dans le palais d'été, et les apporter au palais neuf de pierre, ce qui fut exécuté aussi par le reste des troupes de la garnison. On chanta depuis le Te Deum dans la chapelle du palais, et l'impératrice et le grand-duc furent accompagnés au palais d'hiver *) dans un carrosse magnifique et y restèrent une grande partie du jour en public, assis sur une fenêtre qui donnait à la rue principale.

Pendant toute la matinée grand train d'artillerie a passé pour le palais neuf, et beaucoup d'officiers à cheval ont couru d'un côté à l'autre, et environ trois heures du soir, quand toutes les fonctions devaient avoir être terminées, on fit jouer toute l'artillerie, et

*) Нынѣшній домъ Елисеева у Полицейскаго моста, между Большою Морскою и Мойкою.

ensuite furent détachés différents piquets de cavalerie pour garde de la ville.

Dans tout ce qu'on a dit jusqu'ici il n'est arrivé point de malheur, et une grande joie a étalé dans toute la troupe et le peuple et même entre les plus misérables paysans. L'impératrice harangua la troupe, la noblesse et le peuple, leur prommettant un règne paisible et à peu près comme celui de l'impératrice Élisabeth.

Le prince Georges d'Holstein fut arrêté par un officier de son propre régiment, et ayant voulu faire quelque résistance a été un peu maltraité. Bien assuré et entouré de soldats on le fait passer dans une chaise volante à un appartement du palais, mais dernièrement on l'a renvoya chez lui sous de bonnes gardes.

Le même a été le sort du prince de Holstein-Beck, gouverneur-général de Pétersbourg, et on dit encore de quelqu'un autre. Le lieutenant-général de police baron Korf fut aussi arrêté, mais ayant pris immédiatement le nouveau parti, l'impératrice même de sa main lui rendit son épée.

On commença d'abord à prendre des précautions et des pourvoyances convenables en de cas pareils. Le palais et les rues qu'y donnaient furent garnis de troupes et d'artillerie. A sept heures du soir on planta une batterie de douze canons dans la plaine devant le palais d'été (vis-a-vis de ma maison) pour prendre les avenues du chemin de Moscou; mais elle fut après démontée pour s'en servir à Oranienbaum, où l'empereur déposé se tenait fortifié avec la troupe d'Holstein et quelques autres, qui s'y étaient joints.

Entre neuf et dix de la nuit l'impératrice, habillée en homme et en uniforme de ses gardes, ayant le

cordon de l'ordre de S-t André, monta à cheval et à la tête de ses troupes se mit en marche vers Oranienbaum.

La déclaration qu'on a publiée contient en substance que l'impératrice montait au trône à la requête de la nation et qu'elle déposait l'empereur pour le mépris qu'il avait marqué pour la religion et pour les dangereuses nouveautés qu'il voulait y introduire, pour la paix honteuse qu'il avait signée avec le plus grand ennemi de cet empire, foulant aux pieds et sacrifiant la gloire acquise par ses armes et pour le bouleversement total de l'état contre ses constitutions, bonnes moeurs, usages et bien public.

Cette même nuit, l'exaltation de cette souveraine au trône de Russie fut annoncée à tous les ministres étrangers.

Il y a quelqu'un qui dit que cette même nuit du neuf l'impératrice devait être conduite avec son fils le grand-duc Paul Petrowitch (qui avait resté dans le palais d'été de cette ville) de Peterhoff où elle était, aux arrêts dans un couvent; et que le lendemain, 10, l'empereur devait faire la déclaration du divorce et devait en même tems déclarer son épouse et impératrice la camerfraülen, comtesse Izabelle Woronzow.

Les sujets principaux de cette révolution ont été le c-te de Rozoumowsky, hetman d'Ukraïne, le général de Villebois, commandant-général de l'artillerie, le prince de Wolkonsky (le même qui le 16 mars de cette année avait signé la suspension d'armes avec le roi de Prusse), le chambellan Jean Iwanitch Schouvalow, le général Panine, gouverneur de son altesse, la famille d'Orlow et la princesse Dachkow, soeur de la dite camerfraülen comtesse Izabelle Woronzow, mais

de génie beaucoup différent. On compte cette dame comme instrument principal de cette intrigue, dame qui quoique pas plus âgée que de vingt ans, les avait cependant bien pleins de mérite. Elle monta aussi à cheval à côté de l'impératrice dans l'expédition d'Oranienbaum.

On commençait à transpirer quelque chose de cette conspiration par un soldat peu fidèle, et à un tel rapport on envoya chercher et se saisir de la part du czar d'un officier des gardes nommé Passicow, un des premiers confidents de l'impératrice. Cette circonstance et l'autre de connaître que le moment le plus favorable pour la bonne disposition de la troupe pouvait échouer en faisant exécuter les ordres que les premiers bataillons avaient de marcher pour l'armée, quoiqu'ils le faisaient à grand regret, firent éclater la mine et hâtèrent l'entreprise, qui a été exécutée de la manière qu'on a dit.

10 juillet (29 juin).

On a appris ce soir que l'impératrice s'était tenue à Krasnakabak jusqu'à quatre heures du matin, et que de là s'était rendue à Strelna Muisa d'où avait détaché un corps des troupes pour se saisir de la personne du czar déposé: qu'à l'arrivée de ce corps la plus grande partie des Russes avait déserté l'empereur et s'était jointe aux troupes de la nouvelle souveraine; que le czar, se voyant sans ressources, avait convoqué au conseil les principaux qui étaient restés en sa compagnie, parmi lesquels était le feld-maréchal comte de Munich, qui fut d'avis qu'il n'y avait autre parti à prendre que se donner entre les mains de son ennemie, remettant son sort à sa pitié, et qui par ce moyen-là

serait moins funeste. L'empereur se mit en exécution; il se rendit en demandant sa vie, une pension, la liberté de se retirer à Holstein avec la comtesse Izabelle et déclarant qu'il la reconnaissait pour sa souveraine, lui envoya son épée. On ajoute des autres particularités, qu'il n'est pas si facile de savoir si tôt.

Le général comte De-Vierd *) est aux arrêts à Cronstadt, où il était allé de la part de l'empereur pour mettre le port et l'escadre à sa dévotion, mais y étant en même tems arrivé l'amiral Talyzine avec les ordres de l'impératrice, ils furent exécutés. Cronstadt est une isle vis-à-vis Oranienbaum d'où on y va en une demie-heure.

On a entendu d'ici le canon de Peterhoff, qu'on dit avoir fait jouer pour la solennité du jour et où l'impératrice se tient encore.

Cette souveraine s'est déclarée colonel du régiment des gardes à cheval et a nommé le prince de Wolkonsky lieutenant-colonel. Celle-ci et l'autre d'avoir révoqué d'exil du comte Bestoujew-Rumine (ci-devant chancelier) ont été les premières grâces faites par cette souveraine.

Les ministres étrangers et toute la cour étaient invités à Peterhoff le jour d'hier, et ils y devaient rester jusqu'à l'onze à cause que le jour dix devait se célébrer la grande fonction de la fête des S. S. Pierre et Paul. En conséquence le czar déposé qui ne savait pas alors ce qui se passait dans la capitale, et une grande partie de sa cour s'y rendirent entre onze et douze, mais n'y ayant pas retrouvé l'impératrice, il commença a prendre quelques mesures, et quoique pas

*) Девьеръ.

sûr de ce qu'il pouvait arriver, il envoyait des ordres à Saint-Pétersbourg, mais à mesure que ses exprès entraient dans la ville, ils se jetaient dans le nouveau parti, ou allaient prisonniers dans la forteresse et autres places de sûreté. Et se trouvant par la suite sans la moindre ressource, il se rendit à Oranienbaum, y amassa le peu de troupes qu'il put, comme on a déjà dit, et s'y fortifia.

Pour se mettre au fait de tous ces mouvements, il faut savoir les distances qu'il y a de Pétersbourg à toutes les places nommées. Peterhoff est à trente verstes, Oranienbaum à plus de dix, Krasnakabak, qui n'est qu'une hôtellerie, est à dix-neuf de cette capitale, et Strelna-Muisa qui est l'endroit royal est à sept au deçà de Peterhoff. Quatre à cinq verstes font une de nos lieues.

11 juillet (30 juin).

Ce matin l'impératrice en grand train s'est rendue à cette capitale, où elle est entrée à cheval, précédée par la cavalerie et suivie de l'infanterie, et entra à son palais d'été environ midi. Ce palais, comme j'ai déjà dit, est vis-à-vis ma maison. Les dames et chevaliers de sa cour l'attendaient aux escaliers. Il y eut un grand gala, et après le Te Deum qu'on chanta dans la chapelle, S. M. se retira dans ses appartemens.

On a commencé à savoir beaucoup de circonstances et particularités touchant l'événement.

Le czar déposé s'embarqua sur une galère et se présenta devant Cronstadt, mais un tel pas fut hors de saison, et au lieu d'être obéi, on le menaça, de sorte que se voyant sans le moindre secours, il fut obligé de renoncer à ses droits et se rendre.

La nuit du dix au onze le czar déposé fut conduit au château de Pétersbourg.

Il n'est pas certain que la nouvelle souveraine était aux arrêts à Peterhoff la nuit du 7, mais elle devait y être celle du neuf.

Demain nous saurons plus en détail la confusion de ce malheureux prince, les moyens qu'il prit pour s'en tirer, les lettres qu'il écrivit à l'impératrice, les grâces que celle-ci a commencé à faire, et autres différentes circonstances.

L E T T R E

écrite par m-r Boudenaër, chancelier du consulat de Hollande, à m-r de Bergsma, député de la province de Groningue aux États Généraux.

A Pétersbourg, le 13 (2) juillet 1762.

Je viens d'être témoin d'un événement, mon très-cher ami, qui pourrait servir à me rendre la liberté plus précieuse encore, s'il ne suffisait pas de vivre sous son empire pour goûter et connaître ses douceurs. La révolution qui vient d'arriver en ce pays, et dont vous êtes sans doute informé, a quelque chose de frappant, et qui mérite d'être détaillé. Notre bon ami m-r de Hochepied aura pu vous écrire quelque chose de Copenhague à ce sujet; mais enfin j'ai vu aussi de mes propres yeux, et je veux raconter à mon tour.

Vous savez ce qu'on pensait de Pierre, III du nom, avant qu'il montât sur le trône. On ne dira pas de lui qu'il parût digne de régner avant de régner en effet, comme on l'a dit de l'empereur Galba. Une vie retirée, un éloignement marqué pour les affaires, nul crédit,

aucune considération, un goût décidé pour l'eau de vie et le tabac: voilà les traits de son tableau avant qu'il parvînt à la couronne. Je ne dois pas omettre son amitié pour le roi de Prusse qu'il faisait éclater en toute occasion, dont il avait donné des preuves sensibles en tirant de Wolkow les plans de campagne des alliés et ceux des Russes. Tel était ce prince à la mort de l'impératrice sa tante. Je sais qu'on a osé répandre qu'il l'avait empoisonnée. Un bruit aussi horrible et une imputation pareille, sans fondement, ne doivent pas être seulement répondus. Il suffit de dire que le vrai poison de l'impératrice Élisabeth fut un sang corrompu et infecté d'humeurs dont l'écoulement par une ouverture qu'on lui fit à la jambe prolongea ses jours pour quelque tems, mais devint enfin le principe de sa mort, lorsque suivant l'avis d'un médecin anglais, nommé Manzey, l'ouverture fut refermée *).

Comme on est toujours enchanté de ce qui est nouveau, le peuple, pour cette raison, et les grands qui espéraient gouverner sous Pierre III, le virent monter sur le trône avec plaisir. Si vous me demandez ce que je pense de lui dans cette circonstance, j'aurai un nouveau portrait à vous faire de lui. Vous le trouverez peut-être un peu différent de celui qu'en auront tracé les Autrichiens et les Français. Il est certain que le ressentiment de ces deux nations n'a pas dû le peindre en beau. Vous ne vous en rapporterez pas aussi à tout ce qu'en écrivaient les Anglais, les Prussiens et les Holstenois; moi, qui suis bon Hollandais, je vous dirai franchement qu'il était incontestablement un prin-

*) Cela n'est pas exact. L'ouverture s'était faite naturellement et se referma de même.

ce d'un génie borné et étroit. Une mauvaise éducation et un vice dans sa conformation organique en étaient la véritable cause. Les excès qu'il faisait assez souvent en boisson ne rectifiaient pas, comme vous l'imaginez, ces premières dispositions; aussi paraissait-il avoir l'air égaré, distrait, capricieux, sans dignité dans le maintien et dans la démarche. Mais il est aussi incontestable qu'il avait le cœur foncièrement bon, qu'il était sans hauteur, sans fierté, accueillant tout le monde, s'entretenant volontiers avec les soldats, et tous ceux que cette condescendance paraissait flatter. Il n'était point opiniâtre: chose étonnante dans un prince de ce caractère et qui était sans lumières. Il a donné des preuves de clémence et de générosité assez souvent pour qu'on puisse assurer que ces sentiments lui étaient naturels. Le rappel des *Munich*, des *Biron*, l'élargissement de *Totthben*, les honneurs rendus au général-major *Hordt*, Suédois; l'abolition d'un tribunal dont l'espionnage faisait les fonctions, où tous les délateurs étaient reçus, et les prétendues fautes punies arbitrairement, tout cela ne prouve ni un fou, ni un méchant, comme on a voulu le peindre. Il était généreux: cela est assez prouvé par les gratifications qu'il a répandues de tous côtés en faveur des princes de sa maison, des officiers qui lui étaient attachés, des soldats de sa garde, des habitants de Pétersbourg etc. On peut croire aussi qu'il eût été assez ferme dans les résolutions qu'il aurait prises. Il avait juré une paix éternelle avec le roi de Prusse; il lui eût tenu parole. Mais toutes ces bonnes qualités n'étant point réglées par le jugement, et étant au contraire poussées à l'excès, il s'ensuit qu'elles étaient souvent éclipsées et qu'elles pouvaient dégénérer. Son admiration pour le roi de Prusse, si juste

dans son principe, était devenue une folie par le fanatisme et l'enthousiasme qu'il y mettait. Il s'habillait comme ce monarque et ne portait plus que son cordon. On lui dit un jour que ce prince aimait beaucoup le café, il n'en prenait jamais avant: depuis ce moment il n'a cessé d'en prendre. L'indifférence de sa m. prussienne pour tous les cultes est connue; quand on la lui eut apprise, il devint contempteur de la religion grecque, parla plusieurs fois avec éloge du luthéranisme et parut vouloir y retourner. Il est faux néanmoins qu'il ait fait le plan de l'introduire en Russie. Ce prétexte était fait pour séduire le peuple, et l'on n'a pas manqué de le saisir, en tirant parti de ce que j'ai raconté ci-dessus. C'est au même principe d'imitation du roi de Prusse qu'il faut attribuer son projet contre le clergé de Russie. Tous vos papiers publics, et toute l'Europe a dit qu'il avait annexé au domaine de la couronne les revenus du clergé: cela est controuvé. Il est seulement vrai que lorsqu'on lui eut appris que les évèques russes jouissaient de revenus immenses. il annonça qu'il saurait bien les réduire. En conséquence il demanda un état de leurs biens, et il commença par affranchir beaucoup de paysans des terres de l'archevèque de Novogorod, de Cazan et de plusieurs autres. On sait qu'autant de paysans esclaves de moins, c'est une diminution de sept florins dans le revenu. Voilà le fait. Ces b. de prêtres lui ont tenu compte de l'intention. Le mal est qu'il n'avait pas assez de tête pour d'aussi grands projets, qui lui étaient insinués par une envie vague d'imiter le roi de Prusse, envie qui ne donne pas les talens de ce monarque. Et d'ailleurs, ce n'était pas au commencement d'un règne qu'il fallait ainsi débuter. On m'a même assuré que le

roi de Prusse lui avait insinué de ne pas tant se presser, et c'est à l'avis du baron de Goltz que l'archevêque de Novogorod a dû son rappel.

Il est tems de passer à la conjuration, qui n'a pas assurément eu de grands coopérateurs. Il est étonnant qu'elle ait réussi, puisqu'elle avait été découverte; que les conjurés n'avaient ni troupes, ni retraite assurée, ni même formé un plan. Ces fameux conspirateurs sont au nombre de dix, savoir Rozoumowsky, hetman des gardes, Panine, gouverneur du grand-duc, l'archevêque de Novogorod, Pierre Passek, officier aux gardes Sémenowsky, le comte de Strogonow, chambellan de l'impératrice, les trois frères Orlow [1]), la princesse Dachkow, soeur de la frêle Woronzow, Glébow, général-major d'artillerie, et le s-r Odart [2]), Français de nation, conseiller de commerce et secrétaire intime de l'impératrice actuelle, Bibikow maître des cérémonies.

Voilà quels étaient les hommes qui avaient conçu le dessein de détrôner l'empereur. Leur projet devait s'exécuter la nuit du 7 au 8 juillet nouveau style. Un incident pensa tout faire manquer. La cour était depuis quinze jours à Peterhoff [3]). L'impératrice y avait suivi l'empereur [4]). Passek et Orlow employèrent ce tems à gagner quelques officiers des gardes Sémenowsky et Préobrajensky. J'omets avec grande raison les discours qu'ils tinrent: rien n'est si aisé que de corrompre un Russe. Une pinte d'eau de vie suffit pour un soldat,

---

[1]) Se prononce Orloff comme tous les noms en *ow*.

[2]) Il est du comté de Nice au roi de Sardaigne.

[3]) Maison de plaisance de l'impératrice.

[4]) Il était à Oranienbaum la veille de l'événement et ne vint à Peterhoff que le matin. Il n'y trouva plus l'impératrice.

et 25 louis pour un officier. Enfin Passek et Orlow échauffèrent les esprits, gagnèrent ceux qu'ils croyaient les plus à craindre, sans cependant s'ouvrir sur la conspiration, et en demandant simplement de l'appui pour l'impératrice, qu'ils assuraient être maltraitée journellement par son mari.

L'incident dont je parlais fut celui d'un grenadier des Préobrajensky qui, ayant reçu, trois semaines avant ceci, une rude bastonnade pour avoir insulté et volé un habitant de Pétersbourg, demanda à un de ses capitaines ce qu'il voulait faire, lui et les autres, d'un.... qui les maltraitait. C'était l'empereur qu'il désignait. Ce capitaine, qui n'était instruit de rien, feignit de l'être et se doutant de quoi il était question, il arrêta ce grenadier qu'on fit jaser et qui parla de Passek comme d'un homme qui devait s'illustrer par quelque coup de vigueur. On court à Passek, on l'arrête; il est consigné au palais d'hiver.

Tout ceci se passait la nuit du 7 au 8. Le matin de ce même jour Orlow fut averti de la détention de Passek et que tout paraissait découvert, l'empereur ayant été averti à Oranienbaum sur-le-champ. Aussitôt Orloff se rend à la maison de plaisance de l'impératrice, trouve le secret de lui parler en particulier et lui persuade de s'évader. Lui-même s'offre pour cela. L'impératrice se déguise, se sauve avec lui par des jardins. La voiture dans laquelle elle se mit pour se rendre à Pétersbourg se brisa en chemin; on la met sur une kibitka *). Elle arrive enfin à la capitale; de là elle court au palais, prie le régiment des gardes de la mettre à couvert des fureurs de son mari, pleure, promet, excite. Orlow

*) Voiture de paysan.

et les autres échauffaient par leurs discours les officiers. Les soldats sont harangués par un aumônier russe qu'ils appellent *protopope*. Ce misérable, reconnu pour un scélérat et créature de l'archèveque de Novogorod, fait valoir la religion et les motifs tirés d'elle; il parle de la chapelle luthérienne construite au palais. Enfin tous les gardes s'écrient que Catherine est leur mère et la proclament impératrice. Elle part de là pour se rendre à l'église de Cazan, le clergé la reconnaît unanimement. Pétersbourg retentissait de cris de victoire. Tout ceci se passait dans la journée du 8.

L'empereur, qui fut averti le matin, rassembla 3 ou 400 hommes de sa garde, un corps de milice allemande de 600 hommes et 2 ou 300 Holstenois. Il marcha vers Cronstadt pour s'en emparer; mais l'impératrice s'en était déjà assurée; on refuse de l'y recevoir. Alors il parut s'oublier totalement et perdre courage, et au lieu de se rendre à Pétersbourg, où certainement tout n'était pas encore dit pour lui, encore à onze heures du matin, il perd son tems à courir à droite et à gauche; et enfin sur les trois heures il s'embarqua sur la Néva sur un yacht et fait une nouvelle tentative pour s'emparer de Cronstadt. On lui crie de ce port qu'il ait à se retirer ou qu'on tirera sur lui. Il fait entendre qu'il est l'empereur, et on ne lui répond qu'en criant *vive Catherine!* Alors il se fait conduire à la rive opposeé sur les 7 heures du soir et rentre à Peterhoff. Demie-heure après arrive l'impératrice suivie de 10 mille hommes de troupes. On investit Peterhoff; quelques soldats russes et holstenois se font tuer *); les autres se rendent et abandonnent l'empereur. Alors, perdant tout

*) Близъ Oранienбаума указываютъ мѣсто, гдѣ погребены убитые при этомъ Голштинцы; въ Петербургѣ никакого кровопролитія не было. П. Б.

courage et n'étant plus conseillé que par l'accablement, seul avec la frêle Woronzow et le chambellan Goudowitch, il écrit une lettre à l'impératrice, où il lui propose de partager l'empire avec elle et tout le pouvoir. La lettre lui est renvoyée avec mépris. Il en fait une seconde, où, accablé par cet événement et n'ayant plus aucune ressource, il a la lâcheté de reconnaître sa femme pour sa souveraine, de déclarer son incapacité, et se borne à demander grâce pour la frêle Woronzow. On envoye alors dix officiers qui se saisissent de cet infortuné prince, le renferment dans l'appartement d'hiver, où il est gardé à vue. On dit que la violence du chagrin lui a donné une fièvre chaude, ce qui n'est pas étonnant avec l'eau de vie, le tabac et les chaleurs que nous avons. L'impératrice, le lendemain, 10, a reçu tous les serments, a fait son entrée à cheval à la tête des gardes. On a arrêté Wolkow, Melgounow, etc.

Описаніе состоянія дѣлъ во время Государыни Императрицы Елисаветы Петровны.

(Сочинено графомъ М. Л. Воронцовымъ въ Іюль 1762).

Хотя, по заключеніи Ахенскаго мира и казалось, что установлена онымъ общая тишина на твердомъ основаніи, но нерѣшимость, въ которой оставлены были Американскія дѣла между Англіею и Франціею, не предвѣщала однако въ глазахъ тѣхъ людей, кои намѣренія и виды сихъ коронъ точно знать и судить могли, долговременнаго покоя.

Съ другой стороны, завоеваніе королемъ Прусскимъ, въ двоекратную войну учиненное, княжества Силезскаго было для Австрійскаго дома такой важности, что каждой довольно понималъ, что императрица-королева уступала оное только по нуждѣ, и съ такимъ конечно намѣреніемъ, чтобъ первымъ воспользоваться случаемъ къ возвращенію сей богатой и обширной изъ наслѣдія ея провинціи.

Въ разсужденіи Американскихъ дѣлъ были, правда, отъ Англійскаго и Французскаго дворовъ назначены взаимные комисары, коимъ поручено было полюбовное оныхъ соглашеніе; но съѣздъ и конференціи сихъ комисаровъ въ Лондонѣ продолжились безплодно до возобновленія войны.

Попеченіе о торговлѣ которое всѣ Европейскіе народы съ нѣкотораго времени за главное въ правительствѣ правило принимать стали, было причиною, что каждая корона, стараясь о распространеніи своей, старалась притомъ и о умеиьшеніи сосѣдственной.

Для содержанія и подкрѣпленія сего соперничества надлежало имѣть въ защиту многочисленные флоты. Англія, будучи издавна первою морскою державою, не могла видѣть безъ зависти, что Франція, которая прежде обращала все свое примѣчаніе на перевѣсъ силъ своихъ на сухомъ пути, стала помышлять и о пріобрѣтеніи равенства на морѣ. Чувствовала она, что дешевизною и всегдашнею перемѣною Французскихъ товаровъ начинаетъ терпѣть ущербъ въ продажѣ своихъ, а особливо въ Левантскомъ торгу, которой былъ для Англіи источникомъ богатства. Франція, напротивъ того, видя комерціи своей цвѣтущее состояніе и приращеніе, стала для ободренія оной вяще и вяще стараться о пріумноженіи морскихъ своихъ силъ. Сдѣлались оныя напослѣдокъ столь знатны, что Англія, избѣгая для переду вящаго зла, предпочла начать войну, нежели подвергнуть себя опасности. Надобно думать, что принятію сей резолюціи поспѣшествовало много слабое здоровье короля Фердинанда Пятаго, которой владѣлъ тогда въ Гишпаніи. Слѣдствіе времени оправдало, что Англія не безъ причины надѣялась, что Гишпанія, по слабости тогдашняго своего правленія, не вступится за интересы Франціи, хотя оные въ семъ случаѣ и тѣсно соединены были съ собственными ея.

Извѣстно всему свѣту, что непріятельскія дѣйствія между Англіею и Франціею начались въ 1755 году взятіемъ въ Американскихъ водахъ двухъ Французскихъ военныхъ кораблей безъ военной декларації, которая послѣдовала уже

за тѣмъ и по захваченіи множества Французскихъ купеческихъ судовъ.

Англія имѣла тогда на своей сторонѣ оба императорскіе двора, республику Голандскую и короля Польскаго; напротивъ чего въ союзѣ съ Франціею были король Пруской и Швеція, Гишпанія, Данія. Италіянскіе и прочіе принцы объявили себя въ самомъ началѣ найтральными.

Скоро по обьявленіи войны, Англія, опасаясь Французскаго въ собственныхъ своихъ предѣлахъ нападенія, стала требовать у республики Голандской договоренной по трактатамъ воинской помоги; но не признала оная *настоящія случая* и для того отказала въ помочи.

Вѣнской дворъ, которому равномѣрное требованіе учинено было, оказалъ съ своей стороны всякую готовность, но требовалъ взаимно отъ Англіи нѣкоторыхъ кондицій.

Съ Россійскимъ дворомъ, кромѣ особливыхъ конвенцій, имѣла Англія два обязательства: первое, приступленіемъ своимъ къ трактату 1746 года, которой между Россіею и Вѣнскимъ дворомъ заключенъ былъ; а другое, особливою чрезъ посла Вильямса здѣсь постановленною конвенціею о содержаніи чрезъ четыре года на Лифляндскихъ къ Литвѣ границахъ корпуса войскъ въ пятидесяти пяти тысячахъ и отъ 40 до 50 галеръ за дозволяемыя всегодно субсидіи *), въ такомъ намѣреніи, чтобъ помогать Англіи, естьли бы король Пруской атаковалъ, въ пользу Французскаго двора, наслѣдныя въ Германіи его Британскаго величества земли.

Но какъ король Аглинской, любя чрезъ мѣру курфирство Гановерское, могъ опасаться, что, въ случаѣ Прускаго на

*) Рукою канцлера графа Воронцова приписано съ боку: „Означить число субсидныхъ денегъ“. Рукою секретаря, писавшаго записку: „по 100.000 фунтовъ стерлинговъ на годъ“.

оное нападенія, не подоспѣла бы Россійская помочь, по удаленію мѣстъ, ко времени: то и заключилъ онъ нечаянно въ началѣ 1756 года новой съ королемъ Прускимъ трактатъ, которымъ обязался сей государь не впускать въ Германію никакихъ чужестранныхъ войскъ.

Отъ сего-то трактата воспослѣдовало въ Европѣ совершенное старой системы испроверженіе, а возстановленіе новой, которая съ обѣихъ сторонъ утверждаема была отъ времяни до времяни новыми обязательствами.

Франція, потерявъ главнаго своего союзника короля Прускаго, стала помышлять о пріобрѣтеніи новыхъ. Вѣнской дворъ, не полагаясь больше на Аглинской, по содруженіи его съ Берлинскимъ (котораго почиталъ первымъ себѣ въ имперіи соперникомъ) не удалился вступить съ сею короною въ новой союзъ и уничтожить навсегда древнее соперничество домовъ Австрійскаго и Бурбонскаго, которое, чрезъ толь долгое время продолжавшись непрерывно, было напослѣдокъ почитаемо вѣчнымъ. Перемѣнившаяся система превратила вдругъ зависть и ревнованіе въ тѣсной союзъ и дружбу.

Первымъ сего союза слѣдствіемъ былъ трактатъ 1-го Маія 1756 года, заключенной между Вѣнскимъ и Французскимъ дворами, которымъ оба взаимно обязались помогать одинъ другому въ случаѣ обороны корпусомъ войскъ двадцати четырехъ тысячъ человѣкъ, или опредѣленнымъ за оной числомъ денегъ *).

---

*) Рукою канцлера графа Воронцова приписано съ боку: „вписать число постановленныхъ трактатомъ денегъ“. Рукою секретаря, писавшаго записку: „Которыхъ постановлено по 8000 гульденовъ имперскихъ денегъ за каждую тысячу человѣкъ инфантеріи и по 24 тысячи гульденовъ за каждую тысячу человѣкъ кавалеріи“.

Изъяснивъ теперь причины, кои произвели морскую войну между Франціею и Англіею, а притомъ много способствовали и воспламененію Германской, надобно еще разсмотрѣть, колико участвовали въ оной и другія причины особливой недовѣрки и ревнованія между императрицею-королевою и королемъ Прускимъ.

Императрица-королева, бывъ отъ короля Прускаго двоекратно атакована, въ такое время, когда она полны руки дѣла имѣла и не возмогши ему воспротивиться, была принуждена, для спасенія прочихъ своихъ земель, жертвовать Силезіею. Чѣмъ сія провинція по великости своей и по мѣстоположенію важнѣе, тѣмъ больше возрастало у Вѣнскаго двора, по мѣрѣ его усиленія во время мира, желаніе возвратить оную, во что бы ни стало. Но, чувствуя однако, что едва ли силы его къ достиженію сего намѣренія достаточны будутъ, чувствовалъ онъ и нужду укрѣплять себя внѣшнею помочію, а смотря по обстоятельствамъ и по вѣроятности успѣха, открывалъ больше или меньше виды свои.

Король Пруской, зная не меньше важность своего пріобрѣтенія, старался напротивъ того удержать оное за собою до самой крайности, и для того, умножа свою безъ того многочисленную армію, былъ всегда вооруженнымъ и въ готовости ко всякимъ предпріятіямъ.

Такое арміи его состояніе, а особливо смѣлой и предпріимчивой его нравъ, привели всѣ сосѣдніе дворы въ опасность нечаяннаго нашествія, слѣдовательно и въ нуждѣ быть равномѣрно въ непрестанномъ вооруженіи.

По дошедшей до толикаго степени недовѣрія однихъ къ другимъ, не трудно было судить, что отъ наружныхъ оказательствъ послѣдуетъ вскорѣ дѣйствительныя непріятельства, какъ то въ самомъ дѣлѣ въ 1756 году и сбылось; ибо ко-

роль Пруской, будучи приведенъ Австрійскими пріуготовленіями въ заботу (которыя, можетъ быть, собственными его воспричинствованы были) предпочелъ сдѣлать нападеніе, нежели ожидать онаго.

Вступленіе короля Прускаго въ Саксонію, изоруженіе арміи и занятіе наслѣдныхъ земель короля Польскаго, такъ же и случившіяся потомъ чрезъ шесть кампаній перемѣны въ успѣхахъ оружія, находятся у всѣхъ въ свѣжей памяти.

Россійской Императорской дворъ принялъ въ войнѣ противъ короля Прускаго участіе по двумъ причинамъ. Первая состояла въ томъ, чтобъ умножившуюся чрезъ мѣру силу сего государя, которая всѣмъ сосѣднимъ дворамъ становилась страшною, возврати., для будущей безопасности, въ умѣренные предѣлы и отворить себѣ въ Европейскія, а особлпво имперскія, дѣла путь и ближайшую инфлюенцію, которыя по натуральномъ своемъ интересѣ старался король Пруской затруднять явнымъ образомъ; наипаче же не допустить его до новыхъ завоеваній, слѣдовательно, при уменьшеніи силъ сосѣдовъ его, и до вящаго приращенія. А другая происходила отъ принятыхъ съ Вѣнскимъ общихъ обязательствъ, и именно трактатомъ 1746 года, къ которому спустя нѣсколько времени приступилъ и Лондонской. Приступленіемъ Россіи въ 31 день Декабря 1756 года къ заключенному между Французскимъ и Вѣнскимъ дворами трактату 1 Маія того жъ года, и конвенціею Генваря 22 дня 1757 года между обоими императорскими дворами, оные взаимно другъ другу обязались:

1) Въ трактатѣ 1746 года помогать для обороны въ случаѣ непріятельскаго нападенія 30-ю тысячами человѣкъ.

2) Въ приступленіи къ трактату 1 Маія (въ которомъ и Франція равное имѣла участіе) помогать корпусомъ 24-хъ

тысячъ человѣкъ или деньгами за оной по установленной цѣнѣ, съ такою только между Россіею и Франціею разницею, что первая исключила отъ принимаемыхъ на себя обязательствъ трактатъ Вестфальской и всѣ за онымъ послѣдовавшіе между ихъ величествами императрицею-королевою и королемъ Французскимъ, также не токмо настоящую съ Англіею войну, но и всѣ съ сею короною и въ Италіи будущія; а Франція взаимно уволена отъ поданія помощи въ случаѣ войны съ Портою Отоманскою или съ Персіею.

3) Въ конвенціи 22 Генваря 1757 года содержать противъ короля Прускаго во все время войны со стороны императрицы-королевы не меньше 80-ти тысячъ регулярныхъ ея войскъ, а со стороны Россіи, при равномъ числѣ войскъ, отъ пятнадцати до двадцати линейныхъ кораблей, фрегатовъ и бомбардирскихъ галіотовъ, и не меньше сорока галеръ; напротивъ сего, Вѣнской дворъ долженъ платить, всегодно и пока продолжится война, по милліону рублевъ.

Франція и Швеція приняли участіе въ войнѣ на твердой землѣ, каждая по двоякимъ обязательствамъ. Первое имъ обѣимъ общее въ качествѣ ручателей Вестфальскихъ трактатовъ, коихъ нарушеніе было признано на имперскомъ собраніи по большинству голосовъ въ начатой отъ короля Прускаго войнѣ. Особенное Франціи обязательство состояло въ обязательствахъ обороны и помочи, которыя приняла она съ Вѣнскимъ дворомъ трактатомъ 1 Маія 1756 года; особенное же Швеціи обязательство происходило отъ конвенціи, которую заключила сія корона въ 22 день Сентября 1757 года съ императрицею-королевою и королемъ Французскимъ. Швеція, за опредѣленныя ей субсидіи по 3.150,000 ливровъ на годъ, обязалась дѣйствовать въ Померанiи арміею въ 20,000 человѣкъ своего войска.

При началѣ войны и во все время оной, объявляла себя Гишпанія нейтральною, и въ самомъ дѣлѣ продолжала тѣмъ по сей годъ, хотя впрочемъ и извѣстно ея ко Франціи доброжелательство, а особливо при владѣніи нынѣшняго короля: ибо онъ съ того времени сталъ Агличанъ ненавидѣть, какъ они его въ прошлую войну (по опасности, дабы Неаполитанскія войска не соединились съ Гишпанскими и Французскими противъ Австрійскихъ и короля Сардинскаго) такъ сказать, въ собственной его резиденціи блокировали.

Данія, объявя себя нейтральною же, вздумала, для пріумноженія своей знатности, мѣшаться въ посредство между воюющими державами; но тѣмъ самымъ, а особливо по поводу Клостерсевенской конвенціи и всегда перемѣнчивыхъ поступковъ своихъ, привела себя у обѣихъ сторонъ въ небреженіе и недовѣріе.

Голандія, упражняясь больше въ комерціи, которая нынѣ ей великую пользу приноситъ (потому что всѣхъ мѣстъ товары развозятся для безопасности на Голандскихъ судахъ), не вступала нисколько въ дѣла, но оставалась въ томъ состояніи силъ своихъ, въ какомъ до войны была, хотя нѣкоторыя провинціи и нерѣдко предлагали о умноженіи оныхъ, а особливо морскихъ, для защиты кораблеплаванія своего, которое съ Аглинской стороны многажды обезпокоиваио было.

Италіянскіе принцы и области пребыли всѣ въ тишинѣ, которая повидимому и далѣе продлится.

Порта Отоманская, хотя и заключила съ королемъ Прускимъ трактатъ дружбы и комерціи, но по сю пору не подала еще явнаго сумнѣнія о миролюбивой ея системѣ; а о будущемъ, въ разсужденіи сей безпокойной державы, много ручаться нельзя.

Польша, будучи погружена во внутреннихъ раздорахъ и безпорядкахъ, упражняется всегда оными, и пока сохранитъ она конституцію свою, то и не заслуживаетъ почитаема быть въ числѣ Европейскихъ державъ. По причинѣ нынѣ пребыванія и частыхъ проходовъ Россійскихъ войскъ, происходили нерѣдко великіе крики; но скоро и умолкали оные опять. А для удовлетворенія обиженнымъ, какъ прежде въ Гродиѣ комиссія собрана была, такъ и нынѣ другая въ Торунѣ находится, которой поручено разбирать жалобы и платить за убытки.

Надобно теперь упомянуть о тѣхъ обязательствахъ, кои приняты Россіею во время и въ разсужденіи войны противъ короля Прускаго, и на которыхъ основывались по кончину Государыни Императрицы Елисаветы Петровны всѣ наши поступки и негоціаціи при чужестранныхъ дворахъ.

Вмѣсто трактата 1746 года, заключенъ съ Вѣнскимъ дворомъ на 25 лѣтъ новой союза и обороны трактатъ въ 21 день Марта 1760 года о дачѣ другъ другу помощи въ случаѣ непріятельскаго нападенія по 30,000 человѣкъ, исключая однако послѣднюю противъ короля Прускаго войну; потому что объ оной особливая конвенція постановлена была. Сверхъ того гарантировала навсегда императрица-королева Голстинскія бывшаго императора владѣнія, отрекшись формально отъ обязательствъ, принятыхъ съ Датскимъ дворомъ Копенгагенскимъ трактатомъ 26 Маія 1732 года, да обязалась еще склонить къ равной гарантіи и супруга своего Римскаго императора; наипаче же подтвержденъ во всей силѣ и безъ срока секретной сепаратной артикулъ, касающійся до Порты Оттоманской, которымъ оба императорскіе двора обязались помогать одинъ другому въ случаѣ войны всѣми силами, и не заключать инако мира, какъ съ общаго согласія.

Вмѣсто конвенціи 22-го Генваря, заключена того жъ 21-го Марта 1760 года новая на время войны противъ короля Прускаго, которою постановлено было съ каждой стороны имѣть регулярнаго войска по крайней мѣрѣ 80,000 человѣкъ, не заключать безъ общаго согласія ни мира, ни перемирія и доставить Римской императрицѣ во владѣніе Силезію всю и графство Глацкое, а Россіи справедливое понесенныхъ убытковъ награжденіе съ гарантіею на взаимныя обѣихъ сторонъ пріобрѣтенія.

Въ сепаратныхъ сей конвенціи артикулахъ договорено сь еще было: 1-е, приложить стараніе о удовлетвореніи королю Польскому; 2-е, о продолженіи съ Австрійской стороны денежныхъ субсидій по милліону рублевъ на годъ, 3-е; о доставленіи Россіи королевства Прускаго, завоеваннаго оружіемъ ея, въ такомъ случаѣ когда бы императрица-королева получила обратно во владѣніе свое Силезію и графство Глацкое; 4-е, о свободѣ здѣшнему двору принять впредь съ республикою Польскою такія о королевствѣ Прускомъ мѣры, которыя бы отъ обѣихъ сторонъ за полезныя и нужныя признаны были.

Таковы-то послѣднія Россіи съ Вѣнскимъ дворомъ обязательства, на которыхъ и учреждена была вся ихъ система. Но независимо отъ сихъ обязательствъ, тѣсное обоихъ императорскихъ дворовъ соединеніе почиталось всегда для того наипаче нужнымъ и натуральнымъ, что какъ по сосѣдству равно подвержены оныя опасности Турецкаго нападенія, такъ взаимно соединеніемъ силъ своихъ весьма въ состояніи не только противиться всѣмъ покушеніямъ Порты, но и самой ей, по первыхъ въ полѣ успѣхахъ, дать восчувствовать бремя войны въ собственныхъ ея земляхъ.

Кромѣ приступленія Россіи къ заключенному между Франціею и Вѣнскимъ дворомъ трактату 1-го Маія 1756 года приняла она еще съ сими королями, и имянно съ Франціею, новѣйшія обязательства; приступленіемъ своимъ къ Версальскому трактату 30-го Декабря 1758 года во всѣхъ онаго артикулахъ, исключая только тѣ, кои до Италіи касаются.

Главное сего трактата содержаніе, подтверждая прежнія обязательства, состоитъ въ томъ: 1-е, что обѣщано королю Польскому доставить за убытки награжденіе; 2-е, что Франція уступаетъ императрицѣ-королевѣ учиненныя надъ королемъ Прускимъ завоеванія, предоставляя однако себѣ доходы съ оныхъ; 3-е, что обязывается она употребить всѣ свои старанія, дабы Силезію и графство Глацкое возвратить Австрійскому дому; 4-е, что обѣ стороны взаимно одна другую обнадеживаютъ не заключать особеннаго мира, не выговоря, напримѣръ, Франція у Англіи, чтобъ королю Прускому не подавать помочи ни войсками, ни деньгами противъ императрицы-королевы, а взаимно сія принцесса у короля Прускаго чтобъ онъ равномѣрно не помогалъ Англіи противъ короля Французскаго; 5-е, что Франція обѣщаетъ способствовать избранію Римскаго короля въ персонѣ эрцгерцога Іосифа, и что, напослѣдокъ, 6-е, обѣ содоговаривающіяся стороны согласились не мѣшаться въ будущее избраніе короля Польскаго.

По всему вышеписанному явствуетъ, что обязательства Россіи съ Франціею произведены только были случаемъ соединенія королей Аглинскаго и Прускаго, и что не имѣли они другаго предмета, кромѣ взаимной обороны и дружбы.

Съ нѣкотораго времени оказывалъ еще Версальской дворъ склонность къ заключенію трактата комерціи, почему и былъ отъ онаго въ образецъ представленъ трактатъ съ Англіею

1734 года; но какъ въ оном нѣкоторыя отмѣны учинить за нужно признано, то и началась съ прошлаго года негоціація. Послѣдній отвѣтъ Франціи казался быть таковъ, что дѣло скóро бы до заключенія довести можно.

Оставляя всѣ политическія разсужденія, но уважая одну пользу комерціи, которую отъ оныхъ безъ труда отдѣлить можно, видится, что возстановленіе съ Франціею безпосредственной торговли, буде нескоро и не въ нынѣшнее время, по крайней мѣрѣ впредъ для Россіи выгодно быть можетъ.

Извѣстное дѣло, что Франціи надобны Россійскія произращенія для адмиральтействъ ея, а Россіи Французскія для жизни. Сіи товары привозятся теперь въ обѣ стороны, но чрезъ третьи руки, которыя, получая отъ того немалую прибыль, лишаютъ оной оба народа. Продажа табаку, которой въ Малороссіи развесть и умножить нетрудно, можетъ со временемъ сдѣлаться источникомъ богатства. Франція, не имѣя своего табаку, принуждена оной и въ самое военное врямя покупать у Агличанъ, кои, зная всю сего торга важность, заключили съ Французами договоръ, по которому табашнымъ кораблямъ вольно и въ военное время приходить во Французскія гавани и возвращаться безъ грузовъ.

Съ королемъ Польскимъ не имѣла Россія безпосредственныхъ обязательствъ; но вмѣсто того многократныя учинены были сему государю обнадеживанія, что съ здѣшней стороны при будущемъ мирѣ все возможное въ пользу его стараніе употреблено будетъ.

Съ Швеціею обязательства наши состояли: 1-е, въ приступленіи къ Стокгольмской конвенціи 21 Марта 1757 года между императрицею-королевою и королями Французскимъ и Шведскимъ. Сею конвенціею обѣщано доставить Швеціи отъ короля Прускаго безопасность и не заключать съ нимъ безъ

согласія ея мира; 2-ое, въ трактатѣ союза и обороны Іюня 24-го дня 1757 года, которымъ Россія и Швеція обязались на двѣнадцать лѣтъ помогать другъ другу въ случаѣ непріятельскаго нападенія, первая 16 т. человѣкъ и 12-ю кораблями, а Швеція 10 т. человѣкъ и 8-ю судами; да сверхъ того гарантировать Гольстинскія бывшаго императора земли; 3-е, въ конвенціи 9-го Марта 1759 года о сохраненіи на Балтійскомъ морѣ кораблеплаванія и торговли отъ каперовъ и о недопущеніи въ оное иностранныхъ флотовъ.

Съ королемъ Аглинскимъ не пастояло никакихъ обязательствъ, а выше показано уже, какимъ образомъ произошла между обоими дворами остуда. Но какъ не доходила оная никогда до явнаго разрыва, то и были здѣсь и въ Лондонѣ безпрерывно содержаны взаимные министры, а по состоянію генеральныхъ дѣлъ оказывано другъ къ другу больше или меньше довѣренности.

По случаю Гольстинскихъ съ королемъ Датскимъ распрей подалъ напослѣдокъ Аглинской дворъ пріятный опытъ склонности своей къ продолженію и утвержденію добраго согласія, объявя формально, что не намѣренъ мѣшаться въ здѣшнія съ Даніею распри, и что сію самую декларацію велитъ и въ Копенгагенѣ чрезъ министра своего учинить.

Какъ сей Британскаго двора поступокъ съ здѣшней стороны пристойными увѣреніями соотвѣтствованъ былъ, такъ и прежде учиненныя въ Лондонѣ князю Голицыну откровенія по мирной негоціяціи взаимствованы здѣсь, въ разсужденіи посланника Кейта, равномѣрными.

Впрочемъ, хотя срокъ комерціи трактату и миновалъ давно уже; но, въ разсужденіи происходящей отъ торговли пользы, опредѣлено исполнять оной до заключенія новаго, котораго проектъ давно уже врученъ господину Кейту и отъ

него послань къ разсмотрѣнію въ Лондонъ. Теперь остается ожидать, приметъ ли оной Англія во всей силѣ, или потребуетъ въ нѣкоторыхъ артикулахъ отмѣны.

Прибыль отъ Аглинскаго въ Россіи купечества собою очевидна, но не меньше полезно оное и Англіи; почему въ семъ случаѣ интересъ обоихъ народовъ былъ всегда равенъ.

Непріятельскія противъ короля Прускаго дѣйствія начаты подъ именемъ подаваемой союзникамъ помочи; но скоро потомъ, и въ первую еще кампанію, превращены въ прямое объявленіе войны. Сія отмѣна была воспричинствована отчасти собственною сего государя декларацією, а отчасти такимъ разсужденіемъ, чтобъ при мирѣ имѣть право требовать удовлетворенія за понесенные убытки.

Съ Датскимъ дворомъ имѣла Россія, по минованіи срока трактату и конвенціи 1746 года, два обязательства. Первое происходило отъ приступленія къ Копенгагенскому трактату, который въ 4-й день Маія мѣсяца 1758 года заключенъ между королями Французскимъ и Датскимъ, и къ которому приступила послѣ императрица-королева; а другое отъ приступленія Даніи къ морской между Россіею и Швеціею конвенціи 9-го Марта 1759 года.

Въ Копенгагенскомъ трактатѣ достойно примѣчанія: 1-е, что король Датской обѣщаетъ содержать въ Гольстиніи на все время войны 24 т. человѣкъ своего войска съ точнымъ притомъ обнадеживаніемъ, что не будутъ оныя употреблены ни въ пользу королей Аглинскаго и Прускаго и ихъ союзниковъ, ниже противъ короля Французскаго, императрицы-королевы и союзниковъ ихъ; 2-е, что принимаетъ онъ на себя почитать всякое противъ Гольстинскихъ здѣшней части владѣній или вольныхъ городовъ Любека и Гамбурга предпріятіе, за собственно надъ землями его учиненное; 3-е, что

Франція и Вѣнской дворъ обязались употребить всевозможное стараніе о исходатайствованіи сему государю съ бывшимъ императоромъ (яко тогдашнимъ великимъ княземъ) конечной сдѣлки или безпридачнаго обмѣна Гольстиніи на графство Олденбургское и Дельменгорстское, или же въ противномъ случаѣ о доставленіи Датскому двору при мирѣ справедливаго и достаточнаго эквивалента.

Въ изъясненіе объ эквивалентѣ точно выговорено актомъ здѣшняго приступленія, что не можетъ оной взятъ быть ни изъ владѣній Россійскихъ, ни изъ Гольстинскихъ, ниже на иждивеніи союзниковъ.

Потомъ начата съ Датской стороны негоціяція, въ которой много участвовали посредствомъ своимъ союзные дворы, а напослѣдокъ сколь часто перемѣнялъ Копенгагенской дворъ отзывы и поступки свои, препровождая оные отъ времяни до времяни угрозами, которыми, можетъ быть, ласкался устрашить Россію; съ какою напротивъ того твердостію была здѣсь принята декларація или такъ названное дружеское внушеніе графа Гакстгаузена, и сколь много содѣйствовали союзные дворы въ удержаніи его Датскаго величества отъ мѣръ крайности.

Обращаясь къ генеральнымъ дѣламъ, надобно еще упомянуть, какіе съ обѣихъ сторонъ и отъ союзниковъ Россійскихъ, и отъ королей Прускаго и Аглинскаго учинены были къ миру поступки.

Дворы Лондонской и Берлинской оказали первые склонность къ собранію конгреса, учиненною имянемъ ихъ къ Гагѣ отъ принца Людвига Брауншвейгскаго деклараціею 25 Ноября 1759 года, которой три равногласные экземпляры были вручены министрамъ Россійскому, Австрійскому и Французскому.

Союзные дворы, отвѣтствуя на сію декларацію, учинили два требованія: 1-е чтобъ войну Франціи съ Англіею различить отъ Германской; и 2-е чтобъ короли Пруской и Аглинской сдѣлали равномѣрное приглашеніе и королямъ Польскому и Шведскому.

Сей первой поступокъ остался безъ дѣйствія, и обѣ стороны перестали думать о возобновленіи негоціяціи до начала 1761 года. Тогда объявила Франція союзнымъ дворамъ, что желаетъ мира. Съ общаго согласія отправлена была изъ Парижа къ бывшему тогда въ Лондонѣ чрезвычайнымъ посланникомъ нынѣшнему вице-канцлеру камергеру князю Голицыну единогласная союзныхъ дворовъ декларація, для врученія министерству Аглинскому и министрамъ короля Пруского.

Скоро согласились короли Аглинской и Пруской на собраніе конгреса въ Аугсбургѣ; въ слѣдствіе чего и были отъ всѣхъ дворовъ назначены полномочные министры, изъ которыхъ Россійскіе не только къ мѣсту во время пріѣхали, но и отъ туда уже возвратились.

О Польшѣ.

Въ трактатѣ вѣчнаго мира, заключенномъ въ 1686 году, у Россіи съ Польшею между прочимъ постановлено: 1) чтобъ находящимся въ Польшѣ и Литвѣ Греческаго закона церквамъ и епископіямъ Луцкой и Галицкой, Премышльской, Львовской, Бѣлоруской, и при нихъ монастырямъ, архимандріямъ, игуменствамъ, братствамъ, и всѣмъ тамо живущимъ людямъ имѣть свободное отправленіе вѣры и никакого утѣсненія и къ вѣрѣ Римской и къ Уніи принужденія не чинить; 2) чтобъ между обоихъ государствъ разграниченіе учинить; 3)

чтобъ отъ находящагося не подалеку Кіева мѣстечка Стаекъ въ низъ по Днѣпру, до рѣки Тясмины, городамъ и мѣстамъ, которые до заключенія онаго трактата были разорены, а именно: Ржищеву, Трехтемирову, Каневу, Мошнамъ, Сокольнѣ, Черкасамъ, Боровицу, Бужину, Воронкову, Крылову и Чигирину, быть съ обѣихъ сторонъ впредъ до соглашенія безъ поселенія пустыми; 4) чтобъ какъ изъ уступленныхъ отъ Польши, такъ и изъ протчихъ Россійскихъ городовъ, мѣстъ и земель, здѣшнихъ подданныхъ людей никого въ Польскую сторону ни тайно, ни явно не перезывать, не подговаривать и не принимать.

Что надлежитъ до 1-го пункта о единовѣрныхъ въ Польшѣ, то упомянутыя первыя епархіи отъ Поляковъ въ Унію давно уже превращены, а осталось нынѣ только одна Бѣлоруская, и нѣсколько монастырей и церквей; но и оная съ тѣми монастырями, церквами и людьми отъ тамошняго Римскаго закона духовенства и шляхетства непрестанно жестокія обиды претерпѣваетъ, а люди Греческаго закона всякими утѣсненіями и гоненіями въ Унію обращаемы бываютъ. И объ освобожденіи отъ того оныхъ епархій, монастырей, церквей и людей, также и о сатифакціи въ разныхъ обидахъ, и о прочемъ, въ пользу оныхъ единовѣрныхъ, съ Россійской стороны, у двора и министерства Польскаго съ весьма давныхъ лѣтъ и по нынѣ всякое стараніе прилагается; только по тому никакого успѣха нѣтъ.

Что касается до 2-го пункта о разграниченіи съ Поляками земель, то онаго и по нынѣ не сдѣлано, и на чинимыя съ Россійской стороны о томъ сильныя представленія и домогательства отъ Поляковъ въ отвѣтъ предъявляется, что того учинить не можно затѣмъ, что-де сіе дѣло ни отъ короля, ни отъ Сената, но отъ единаго сейма зависитъ. А по-

неже по учиненному въ 1753 году освидѣтельствованію явилось за Поляками во владѣніи здѣшнихъ земель на девять сотъ восемдесятъ восемь верстъ квадратныхъ, кои какъ по силѣ помянутаго трактата, такъ по крѣпостямъ и по старинному между подданныхъ обѣихъ сторонъ владѣнію, въ здѣшнюю сторону, а именно разнымъ Малороссійскаго, Стародубскаго, Черниговскаго и Кіевскаго полковъ обывателямъ принадлежатъ: то дабы Поляки на границахъ впредъ болѣе обидъ не причиняли, и чтобъ отвратить побѣги людей и пресѣчь чинимые чрезъ выходящихъ изъ Польши бѣглецовъ разбои, разсуждено здѣсь по границѣ Польской всѣ излишнія дороги, опричь знатныхъ и къ проѣзду назначенныхъ, засѣчь лѣсомъ, или заставить рогатками, укрѣпя оныя надолбами, или же перекопать рвомъ и учредить заставы и пограничныя таможни; а бывшіе внутри здѣшней границы форпосты вывесть и учредить въ неспорныхъ съ Поляками мѣстахъ на самой границѣ; а въ спорныхъ мѣстахъ, до будущаго впредъ объ нихъ съ обѣихъ сторонъ разсмотрѣнія и соглашенія, форпосты учредить, уступя внутрь границы до двухъ сажень; равномѣрно при нихъ засѣку вести, и рвы копать, и прочія укрѣпленія чинить, уступая жъ отъ спорныхъ земель. Но съ Польской стороны отъ разныхъ обывателей въ томъ всякія препятствія и наглости дѣлаются, а имянно: собираясь къ самой границѣ многолюдствомъ, какъ крестьяне, такъ и воинскіе люди, съ огненнымъ оружіемъ да съ топорами и косами, поставленныя противъ форпостовъ рогатки рубятъ, мосты и форпосты, также иногда и ближнія деревни пожигаютъ, людей и скотъ въ свою сторону уводятъ и разныя сопротивленія, драки и насильства причиняютъ.

Что принадлежитъ по 3-му пункту о барьерныхъ съ Поляками мѣстахъ, то съ Польской стороны, не смотря на трак-

тать, всѣ оныя мѣста населены, да почти всѣ Россійскими подданными, бѣглыми людьми, которыми мѣстами и людьми Поляки и понынѣ дѣйствительно владѣютъ, а приносимыя съ здѣшней стороны двору и министерству Польскому жалобы и домогательства о исправленіи оныхъ барьерныхъ мѣстъ остаются втунѣ.

Что касается до послѣдняго 4-го пункта, то Россійскихъ подданныхъ разнаго званія людей, подговоренныхъ и собою ушедшихъ, въ Польшѣ и Литвѣ по деревнямъ и домамъ у шляхетства и особыми слободами, великое число находится, и о выдачѣ оныхъ попрежнему въ Россію всякое стараніе прилагается у двора и министерства Польскаго, чрезъ пребывавшихъ въ Польшѣ министровъ Россійскихъ, такожъ и чрезъ учрежденныхъ въ разныхъ мѣстахъ по границѣ комисаровъ здѣшнихъ; но отъ министровъ Польскихъ предъявляются на то такія отговорки, что поселившихся у нихъ простыхъ бѣглецовъ здѣшнихъ надлежитъ оставить до дальнѣйшаго Рѣчи Посполитой соглашенія, и что отъ выдачи нынѣ Россійскихъ бѣглецовъ могутъ произойтить между Польскимъ шляхетствомъ замѣшательства. По понеже такія и тому подобныя отговорки весьма неосновательны, то къ полученію изъ Польши бѣглецовъ здѣшнихъ употребляемы бываютъ другія средства, а именно: вызываются они чрезъ публикованные тамо и при границахъ манифесты съ обнадеживаніемъ въ преступленіяхъ ихъ прощенія; а иногда, за невыдачу и удержаніе оныхъ бѣглецовъ, захватываются при границахъ въ здѣшнюю сторону сами Поляки изъ мелкаго шляхетства.

Впрочемъ, хотя уже почти всѣ Европейскія державы, и Порта Отоманская, Россійскимъ государямъ императорской титулъ даютъ и признаваютъ, но республика Польская опа-

го и понынѣ не даетъ, и на чинимыя о томъ съ здѣшней стороны домогательства отъ министерства Польскаго въ отвѣтъ предъявляется, что оное признаніе не можетъ инако учинено быть, какъ во время сейма; только бывшіе предъ симъ въ Польшѣ многіе сеймы никогда въ состояніе не приходили.

О Персіи.

Между Россійскою имперіею и Персидскимъ государствомъ пастоитъ трактатъ вѣчнаго мира, заключенной въ 1732 году, которой потомъ и другимъ въ 1735 году подтвержденъ. А обоими оными трактатами уступлены въ Персидскую сторону бывшія во владѣніи Россійскомъ тамошнія провинціи; установлена и продолжаема была до 1747 года дружеская пересылка съ обѣихъ сторонъ о дѣлахъ. А какъ послѣднебывшій тамо въ Персіи Надыръ-шахъ отъ своихъ подданныхъ за его тиранство умерщвленъ въ 1747 году, съ того времяни здѣшнихъ дѣлъ съ Персіею никакихъ нѣтъ, кромѣ того что производится купечество, которое помянутыми жъ трактатами установлено въ обоихъ государствахъ свободнымъ, а въ Персіи для здѣшнихъ купцовъ и безъ пошлинъ. Но по смерти шаха Надыра во всей Персіи сдѣлались бунты, кои и до нынѣ продолжаются, такъ что тамошніе ханы, усиливаясь одинъ передъ другимъ, производятъ между собою войну, и отнимаютъ одинъ у другова городы и провинціи, желая каждой во владѣніе себѣ покорить все Персидское государство. А нѣкоторые изъ хановъ домогались предъ симъ завладѣть государствомъ подъ именемъ шаховыхъ наслѣдниковъ, которыхъ однакожъ, сколько здѣсь извѣстно, не осталось въ живыхъ, кромѣ одного Шарухъ-мирзы, Надыръ-шахова внука; да и тотъ ослѣпленъ при началѣ сихъ бунтовъ, которымъ

еще не видно конца. И отъ того сіе государство почти совсѣмъ въ раззореніе приведено; а между тѣмъ Россійскіе купцы хотя и ѣздятъ для купечества въ Персію, но по такимъ неспокойствамъ торги тамо предъ прежнимъ стали не свободны.

О Китайскомъ государствѣ.

Между Россійскимъ и Китайскимъ государствами обязательства состоятъ въ послѣднемъ трактатѣ, которой заключенъ въ 1728 году и которымъ главнѣйше постановленъ вѣчной миръ и дружеская пересылка съ обѣихъ сторонъ. При томъ же установлено и продолжается съ Китайскими людьми здѣшнее купечество на границѣ, близъ города Селенгинска, на Кяхтѣ; а сверхъ того тѣмъ же трактатомъ постановлено чрезъ три года отправлять изъ Россіи въ столичной Китайской городъ Пекинъ для торгу караваны, которые и отправляемы были туда съ казенными товарами, и послѣдній отправленъ былъ въ 1753 году; а послѣ того уже не отправляются, затѣмъ, что хотя и допущены были въ Пекинъ прежніе караваны, но въ торговлѣ оныхъ не было тамо такой свободности, какъ бы надлежало по трактату, а потому и прибыли отъ сихъ каравановъ быть не могло. И хотя поправленія въ томъ отъ Китайскаго двора требовано, но оной въ отвѣтѣ своемъ только оправдать себя старался неправильными отговорками.

По тому жъ трактату учреждена въ Пекинѣ Греческаго исповѣданія церковь, и содержатся при оной здѣшніе священники, однакожъ не съ такою свободою, какъ дружескіе подданные: ибо тотъ дворъ, въ которомъ Русскіе живутъ, не токмо ночью, но и днемъ карауломъ окруженъ, и никого во дворъ и изъ онаго безъ караула не пускаютъ. Такимъ же

образомъ поступаютъ Китайцы тамо и съ пріѣзжающими отсюду для дѣлъ куріерами.

Для лутчаго возстановленія дружбы съ симъ Китайскимъ дворомъ, недавно оному внушеніе учинено было, чтобъ прислалъ къ здѣшнему двору посольство, чему бы соотвѣтствовано было и отсюду посольствомъ же; но оной спѣсиво отвѣтствовалъ, будто здѣшнему посольству напередъ туда быть должно.

Въ прочемъ, дѣла съ Китайскимъ дворомъ состоятъ въ пограничныхъ ссорахъ, своевольныхъ наѣздахъ и воровствахъ между обывателями обѣихъ сторонъ, для разобранія которыхъ повсегодно съѣзжаются на границѣ опредѣленные къ тому люди. Но съ Китайской стороны много и въ сихъ дѣлахъ несправедливости есть, а поправленія въ томъ по здѣшнимъ домогательствамъ нѣтъ.

Сей же Китайской дворъ недавно, какъ изъ раззоренной отъ онаго Зенгорьской земли владѣльцы Амурсанань, да Шереньдоржи Лоуджанджанъ съ нѣсколькими Калмыками въ Россію прибѣжище возымѣли, требуя неосновательно выдачи тѣхъ владѣльцевъ къ себѣ, сталъ уже и въ письмахъ своихъ сюда много грубости оказывать, а при томъ и угрозы здѣшней имперіи дѣлать; чаятельно вѣдая, что на пространныхъ границахъ Сибирскихъ войска здѣшняго весьма мало находится. И хотя не надлежитъ угрозы онаго такъ уважать, чтобъ война въ той сторонѣ началась (ибо по извѣстіямъ отъ границъ въ самомъ дѣлѣ оказательства къ тому нѣтъ), однакожъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, и пока возможно будетъ границы въ той сторонѣ войсками довольно снабдить, и тѣмъ Китайской дворъ въ лутчее почтеніе къ здѣшней имперіи привесть, надобно съ онымъ миръ продолжать и отъ всякихъ раздоровъ по возможности уклоняться.

Краткое извѣстіе о пограничныхъ Всероссійской имперіи Азіятскихъ народахъ, изъ которыхъ нѣкоторые и подданные.

1) Мунгальской народъ, Китайской подданной, закона идолопоклонническаго, находится при границахъ Сибирскихъ, отъ Селенгинска Сей народъ весьма многочисленной и употребляется отъ Китайцовъ въ войскѣ, котораго изъ онаго до ста тысячъ собрано быть можетъ.

2) Зенгорской Калмыцкой народъ, закона идолопоклонническаго, былъ смежной съ Сибирью по рѣкѣ Иртышу. Оной имѣлъ своихъ хановъ и владѣльцовъ самовластныхъ, которые, завладѣвъ многими окольными народами, а на послѣдокъ и Малою Бухаріею (въ которой семь городовъ: Кашкаръ, Учъ, Аксу, Куча, Эркень, Хотонъ, Керея), чрезъ сорокъ лѣтъ войну продолжали съ Китайскимъ государствомъ, а при томъ усильныя дѣлали претензіи и на здѣшнія крайнія мѣста по Иртышу лежащія, въ томъ числѣ и на Колывано-Воскресенской заводъ; но въ 1746 году по смерти главнаго ихъ владѣльца сдѣлалось междоусобіе, которымъ случаемъ съ Китайской стороны воспользовались, и Зенгорской народъ войсками ихъ истребленъ совершенно, а мѣста ихъ заняты отъ Китайцовъ, при чемъ на рѣкѣ Или, гдѣ напредъ сего главные Зенгорскіе владѣльцы пребываніе имѣли, и городъ Китайцами построенъ.

3) Киргисъ-Кайсацкой народъ, закона Магометанскаго. Сей народъ раздѣляется на три орды, большую, среднюю и меньшую. Большая находится въ близости Малой Бухаріи и была въ подданствѣ у Зенгорскихъ владѣльцовъ, а нынѣ Китайцами покорена ли, о томъ извѣстія еще нѣтъ; а Малая Бухарія, которою владѣли Зенгорскіе владѣльцы, какъ извѣстно, въ ихъ Китайское подданство приведена; а средняя и

меньшая орды считаются въ здѣшнемъ подданствѣ и кочуютъ средняя за Сибирскими границами близъ рѣкъ Тобола и Иртыша и въ вершинѣ Ишима, а меньшая на Заяицкой степи, близъ Яицкихъ казаковъ и Оренбургской линіи до Каспійскаго моря. А въ нихъ главными находятся: въ меньшей Нурали-ханъ, а въ средней Аблай-салтанъ. Въ обѣихъ же тѣхъ ордахъ считается до сорока тысячъ кибитокъ или семей. Итакъ во время нужды легко можетъ ихъ собраться до тридцати тысячъ человѣкъ, съ огненнымъ и другимъ оружіемъ; только ханъ и владѣльцы ихъ великой силы у нихъ не имѣютъ, а въ важныхъ дѣлахъ поступаютъ по совѣту старшинъ и народа. Между тѣмъ, что̀ касается до средней орды, то оная всячески съ Китайской стороны привлекается чрезъ частыя въ оную отъ Китайцовъ посылки съ подарками, также и учрежденнымъ для нихъ въ Зенгоріи торгомъ.

4) Каракалпацкой народъ, закона Магометанскаго, кочующій за Киргисъ-кайсацкою меньшою ордою, у Аральскаго озера, на восточной сторонѣ онаго, около рѣки Сыръ-Дарьи, имѣетъ у себя двухъ хановъ, и въ семъ народѣ до десяти тысячъ кибитокъ быть имѣетъ. Впрочемъ, хотя сей народъ въ 1742 году чрезъ своихъ посланцовъ въ Орской крѣпости присягу учинилъ о бытіи въ здѣшнемъ подданствѣ и для подтвержденія того и сюда ко̀ двору императорскому нарочные посланцы присылаты, но съ того времяни по нынѣ никакой съ здѣшней стороны съ симъ народомъ, за неспособностію, пересылки не было.

5) При ономъ же Аральскомъ озерѣ находится народъ, называемой по тому озеру Аральцы. Здѣсь объ немъ столько извѣстно, что онъ управляется особливымъ ханомъ и состоитъ не въ великомъ числѣ, питаясь по большой части,

такъ какъ и Каракалпаки, скотоводствомъ и пашнею, хотя и кочевные.

6) За симъ же Аральскимъ озеромъ находится владѣніе Хивинское. Оное отъ Оренбурга въ полуденную сторону разстояніемъ по обыкновенной съ караванами на верблюдахъ ѣздѣ въ тридцати дняхъ, и путь простирается туда по безводнымъ мѣстамъ. Въ семъ владѣніи считается городовъ до десяти, а именно: Хива (сама собою), Гурьянъ, Везирь, Кентъ, Шабакъ, Казабатъ, Ханки, Ургенчь, Адарусъ, Бектанъ, Каксара. Хивинское владѣніе управляется ханомъ, къ чему часто избираются изъ Киргизъ-кайсацкихъ салтановъ. При случаѣ войны могутъ Хивинцы немалое число войска собирать, имѣя къ тому способъ отъ окольныхъ народовъ, а впрочемъ упражняются по большой части въ купечествѣ, имѣя разныя шелковыя и бумажныя фабрики, а при томъ и песошное золото въ своихъ рѣкахъ, и какъ сами сказываютъ, то есть у нихъ и одна гора, содержащая золото близъ Аральскаго озера, въ двухъ дняхъ ѣзды отъ Хивы.

7) Бухарское владѣніе, или Большая Бухарія, лежитъ, такъ какъ и Хивинское, въ разсужденіи Оренбурга въ полуденной сторонѣ, куда изъ Хивы и водяной ходъ есть по рѣкѣ Удъ-Дарьѣ, и между ими разстоянія семь дней. Тамошній Бухарской и Хивинской народы закона Магометанскаго и къ купечеству весьма склонной, при чемъ у нихъ и собственные свои червонные есть, а серебреныя деньги получаютъ изъ Персіи. Въ семъ владѣніи есть ханъ; но сколько тамошній народъ многолюденъ, о томъ и о другихъ тамошнихъ обстоятельствахъ неизвѣстно.

Бухарцы и Хивинцы каждаго года пріѣзжаютъ и въ Оренбургъ съ товарами, только имѣютъ въ томъ препятствіе отъ Киргисъ-кайсакъ, которые нерѣдко такіе ихъ караваны по

своему своевольному и варварскому состоянію грабить и въ томъ Оренбургскому съ Азіятами торгу немалое препятствіе чинятъ.

8) За Оренбургскою же губерніею къ Каспійскому морю находится народъ, называемой Трухменцы, которой оттуда простирается кочевьемъ своимъ къ Аральскому озеру и къ самой Хивѣ; народъ сей закона Магометанскаго и управляется своими старшинами, но впрочемъ самой бѣдной и упражняющійся между собою во взаимномъ воровствѣ.

9) Въ Оренбургской же губерніи находится здѣшней подданной Башкирской народъ, живущій деревнями и закона Магометанскаго. Сей народъ раздѣляется на четыре дороги: Нагайскую, Казанскую, Сибирскую и Осинскую. Оной довольно многочисленной, о чемъ подлинному извѣстію, яко о внутреннемъ народѣ, надобно быть въ Правительствующемъ Сенатѣ. А до нынѣ, по разнымъ причинамъ, происходили отъ нихъ неоднократные бунты, которые усмиряемы были Россійскими войсками.

10) Калмыцкой народъ, при рѣкѣ Волгѣ въ Астраханской губерніи кочующій и находящійся въ идолопоклонствѣ, въ которомъ по примѣрному исчисленію въ 1737-мъ году было болѣе сорока тысячъ кибитокъ или семей. А какъ послѣ бывшаго по смерти хана Дондукъ-Омбы въ семъ народѣ замѣшанія, съ 1742-го года оной въ покоѣ пребывалъ, то до нынѣ и умножиться могъ, а въ ономъ нынѣ находится главнымъ намѣстникъ ханства Убаши.

11) Кумыцкой народъ Магометанскаго закона, по близости Кизляра, за рѣкою Терекомъ при горахъ, живущій деревнями, изъ которыхъ знатнѣйшія Костиковская, Андрѣева, Аксайская и Брагунская. Сего народа считаться можетъ до двадцати тысячъ; они всѣ весьма ружейные и храбрые люди,

Къ Кумыкамъ же можетъ быть причисленъ въ тамошней же сторонѣ деревнями находящійся и въ здѣшнемъ подданствѣ почитаемой Чеченской народъ, Магометанскаго же закона, въ которомъ тысячъ до трехъ быть имѣетъ.

12) За Кумыцкимъ народомъ за рѣкою Койсою живутъ въ Кавказскихъ горахъ, въ Дагестанѣ, разные горскіе народы вообще называемые Тавлинцы и Лезгинцы, которыхъ жилища по положенію своему хотя и принадлежатъ въ Персидскую сторону, однакожъ какъ тамошнія горы неприступныя, то они и остаются никому не подвластны; но въ прочемъ въ сосѣдствѣ съ ними живетъ Персидской подданной горской владѣлецъ, называемой Шавкалъ, которой предъ нѣкоторыми другими Персидскими же поддаными, горскими владѣльцами, имѣетъ преимущество и довольно небезспльной, будучи въ состояніи во время нужды, по крайней мѣрѣ, тысячъ до десяти исправнаго горскаго войска поставить.

13) Кабардинской народъ, живущій деревнями въ тѣхъ же Кавказскихъ горахъ, вверхъ по Тереку рѣкѣ и по другимъ тамошнимъ рѣкамъ, закона Магометанскаго, и раздѣляется на двѣ части: на Большую и Малую Кабарды. Сей народъ управляется своими владѣльцами. Въ Большой Кабардѣ военныхъ людей собраться можетъ съ лишкомъ шесть тысячъ человѣкъ, а въ Малой съ небольшимъ три тысячи человѣкъ.

Ружье у Кабардинцовъ отъ большой части огненное, а у нѣкоторыхъ есть и сайдаки, а сабли и сашки припущенныя у каждаго Кабардинца, да и панцыря рѣдкой человѣкъ не имѣетъ. Пищали у нихъ Крымскія и Кубачинскія, винтовальныя. Они при дракѣ ихъ съ непріятельми изъ пищалей стрѣляетъ каждой только одинъ разъ, а потомъ все саблями и сашками рубятъ и колютъ. Владѣльцы ихъ при дракахъ поступаютъ весьма отважно, и въ томъ предъ узденями своими

первенствуютъ, чѣмъ и въ народѣ своемъ большой кредитъ получаютъ, и какъ владѣльческія, такъ и узденскія дѣти съ малолѣтства обучаются своимъ экерциціямъ, и потому что лошадей имѣютъ легкихъ и проворныхъ. Никакое нерегулярное войско съ Кабардинцами сравняться не можетъ.

По заключенному въ 1739 году между Всероссійскою имперіею и Портою Отоманскою трактату, Кабардинской народъ, на которой до того съ обѣихъ сторонъ были притязанія, оставленъ вольнымъ, съ тѣмъ, чтобъ не быть подъ владѣніемъ ни той, ни другой имперіи, но за барьеру между обоими. Однакожъ каждой державѣ позволяется ихъ наказывать, въ случаѣ отъ нихъ противностей, и при томъ содержать отъ нихъ въ обѣихъ сторонахъ аманатовъ, почему въ здѣшней такіе содержатся, а въ Турецкую онихъ отъ нихъ и не требовано.

14) За Малою Кабардою живутъ въ горахъ при другихъ разныхъ небольшихъ народахъ, которые вообще причтены быть могутъ къ Тавлинцамъ, два, особливо примѣчанія достойные, называемые Осетинской и Киштинской, которые оба были напередъ сего закона христіанскаго, что̀ доказывается находящимися у нихъ старинными каменными церковными развалинами, а нынѣ, будучи они безъ всякаго закона, объявляютъ желаніе къ принятію христіанскаго, по чему съ 1751-го года, по сношенію Сената съ Синодомъ и съ Коллегіею Иностранныхъ Дѣлъ, и проповѣдь у нихъ происходитъ, чрезъ нарочно опредѣленныхъ къ тому духовныхъ персонъ изъ Грузинцовъ, и ихъ уже нѣсколько крещено. Осетинцовъ можетъ набраться до трехъ, а Киштинцовъ до двухъ тысячъ; а управляются они старшинами.

15) Отъ жилищъ Большой Кабарды начинаются мѣста Турецкія, гдѣ живутъ Кубанскіе Татары и многіе другіе на-

роды, изъ которыхъ иные счисляются Турецкими подданными, какъ то Бесленейцы, Темиргонцы; а иные, по крѣпости своихъ жилищъ, имъ не подчиняются, какъ то Абазинцы. А всѣ оные народы весьма малочисленные.

16) При здѣшнихъ же границахъ съ стороны Кіевской губерніи, между рѣкъ Буга и Днѣстра, кочуютъ Татарскіе народы, называемые Джетысанъ и Джембуйлукъ, которые напредъ сего были здѣшніе подданные и кочевали въ Калмыцкомъ народѣ; но въ 1723-мъ году, при случаѣ происшедшаго въ Калмыцкомъ народѣ междоусобія, отошли въ Турецкую сторону и тамъ остались; а въ оныхъ по крайней мѣрѣ до тридцати тысячъ счисляться можетъ.

О Портѣ Отоманской.

Когда городъ Азовъ и устье рѣки Дона находилось въ владѣніи Порты Отоманской, то границы ея соединялись безпосредственно съ южными Россійскими провинціями, и потому почиталась она для Россіи крайне опаснымъ сосѣдомъ. Но нынѣ сія держава отъ сосѣдства съ Россіею почти совершенно отлучена, и токмо граничитъ съ нею владѣніями хана Крымскаго, васала своего отъ южной же стороны, о чемъ въ артикулѣ о Малой Татаріи будетъ упомянуто.

Порта Отоманская однако и нынѣ можетъ вредить Россіи по многимъ консидераціямъ: 1) по Польскимъ дѣламъ, въ которыхъ она пріемлетъ участіе и въ оныхъ имѣетъ знатную инфлюенцію; 2) въ разсужденіи Персидскаго государства, есть ли похощетъ искать своего распространенія на его ущербъ, а особливо близъ Каспійскаго моря и 3) чрезъ хановъ Крымскихъ можетъ дѣлать нападенія на Россійскія области

Россія равномѣрно почиталась страшною для Порты Отоманской, когда имѣла въ своемъ владѣніи городъ Азовъ и устье Донское, и тамъ содержала морскія силы; а нынѣ Туркамъ вредить не можетъ, кромѣ того что по единовѣрію съ разными въ Турецкомъ подданствѣ находящимся народами, которые составляютъ большую и знатнѣйшую часть Турецкаго владѣнія въ Европѣ и къ Россіи оказываютъ себя усердными и благонамѣренными, можетъ она въ случаѣ нужды, тайною или явною имъ помощію, Турецкой дворъ безпокоить и приводить въ заботу.

По окончаніи послѣдней войны съ Турками въ 1739 году заключенъ съ ними трактатъ вѣчнаго мира въ 15 артикулахъ, изъ которыхъ главнѣйшіе въ томъ состоятъ: 1) Россіи на Черномъ морѣ военнаго флота и никакихъ мореходныхъ судовъ не содержать и отнюдь не заводить, и 2) городъ Азовъ подорвать до основанія, а околичныя мѣста его и устье Донское учинить между обѣими имперіями барьерною землею, и на оной ни крѣпостей, ниже селеній не дѣлать кромѣ одной крѣпости, которую каждой сторонѣ въ собственныхъ своихъ границахъ за тою баріерою построить позволено.

Доколѣ Азовская земля останется въ такомъ состояніи, то обѣ имперіи между собою безпосредственно ничего дѣлить и опасаться не имѣютъ. Россійскому двору однакожъ нужно на нынѣшнее время того престерегать, чтобъ Турки по Польскимъ дѣламъ пребыли въ покоѣ, и чтобъ не похотѣли они учинить пріобрѣтенія надъ Персіею, и особливо близъ Каспійскаго моря; понеже въ такомъ случаѣ не трудно имъ будетъ не токмо заведенной на томъ морѣ Россійской торгъ испровергнуть, но и очистить себѣ путь во внутренніе предѣлы Россійскіе. А на будущее время для Россіи желать па-

добно, чтобъ пріобрѣтеніемъ полуострова Крыма или Донскаго устья, или какого нибудь мѣста удобнаго къ содержанію флота на Черномъ морѣ доставить себѣ на ономъ твердое основаніе, и тѣмъ Азіятскія и другія ближнія къ тому морю Европейскія области Порты Отоманской, такожъ городъ Константинополь, и вообще Турокъ и Татаръ, содержать въ страхѣ и подъ законами, а тамошнюю комерцію обратить въ свою пользу, и оную распространить съ полуденной стороны Европы.

Упомянутой трактатъ вѣчнаго мира во всѣхъ его артикулахъ Россія хранитъ съ точностію; но Порта Отоманская нерѣдко поступаетъ въ противность оному, по своенравію владѣющаго султана или верховнаго визиря. И понеже долговремянное искуство довольно доказало, что на добрую вѣру и совѣсть Турковъ полагаться не можно, но паче они, по застарѣлой враждѣ своей и ненависти противу христіанскихъ державъ, всегда содержатъ вредныя намѣренія, и не токмо всѣми случаями охотно пользуются, но и за законъ себѣ ставятъ искать своей пользы на ихъ погибели, и заключенные съ ними трактаты вѣроломно нарушаютъ; а притомъ Турки учиненными въ послѣднюю войну надъ Австрійскимъ домомъ пріобрѣтеніями сдѣлались для сосѣдей своихъ и для всего христіанства крайне опасными: то Россія и Австрійской домъ, почитая Порту Отоманскую общимъ себѣ непріятелемъ, какъ для собственной обороны своей, такъ и для содержанія Турковъ въ ихъ должности, вступили между собою въ тѣсной союзъ, и сепаратнымъ секретнымъ артикуломъ заключеннаго въ 1746 году трактата обязались, въ случаѣ съ Турками войны, одна другой сторонѣ помогать всѣми силами, и естьли бъ одна сторона по какому бы случаю ни было съ Турками въ войнѣ находилась, то и другой

сторонѣ имъ войну объявить, выключая изъ сего однакожъ Азіатскія владѣнія Россійскаго двора и Италіянскія земли Австрійскаго дома. Сей артикулъ въ 1753 году особливымъ актомъ сдѣланъ вѣчнымъ и отъ другихъ трактатовъ совершенно независимымъ обязательствомъ; а потомъ, при заключеніи въ 1761 году съ Австрійскимъ домомъ союзнаго трактата, оной же артикулъ возобновленъ и подтвержденъ во всей своей силѣ. Такія обязательства оба союзные дворы почли достаточными средствами къ установленію равновѣсія противъ Турецкихъ силъ и для своей прочной отъ нихъ безопасности.

О обрѣтающихся нынѣ дѣлахъ между Портою Отоманскою и Россіею.

1) Пограничное дѣло касается до крѣпости Святаго Димитрія, которую Россійской дворъ при урочищѣ называемомъ Богатой Источникъ вмѣсто крѣпости Святыя Анны на рѣкѣ Дону близъ барьерной земли, для выгоднаго мѣстоположенія, построить намѣреніе принялъ. О семъ Портѣ по обыкновенію чрезъ здѣшняго резидента Обрѣзкова сообщено, и хотя Россія по силѣ трактата одну крѣпость въ томъ краю построить право имѣетъ, но какъ Турки, не безъ причины почитая барьерную землю и устье рѣки Дона крайне для себя важными, повидимому пришли въ подозрѣніе, не имѣетъ ли Россія въ семъ строеніи тайнаго вида, дабы путь себѣ очистить къ Черному морю, то начали сперва подъ разными претекстами тому спорить и препятствовать, требуя, дабы нарочно опредѣленными съ обѣихъ сторонъ комисарами урочище Богатой Колодезь осмотрѣть и освидѣтельствовать, находится ли оной внѣ барьерныхъ земель. Россійской дворъ, для успокоенія Порты, принужденъ согласиться на сей осмотръ,

почему въ началѣ нынѣшняго года присылаиной отъ хана Крымскаго знатной Татаринъ, въ присутствіи опредѣленнаго отъ войска Донскаго старшины, означенное избранное подъ строеніе крѣпости мѣсто и осматривалъ, не объявляя при томъ никакого объ немъ сумнѣнія; но по учиненнымъ ему доказательствамъ хотя признался, что оно находится дѣйствительно въ здѣшнихъ границахъ, однакожъ потомъ какъ онъ возвратился къ хану, а отъ него отправленъ къ Портѣ Отоманской, то по ханскому ей представленію (которой сему строенію весьма противенъ) сіе дѣло Порта весьма уважила и учинила резиденту Обрѣзкову формальную и крѣпкую протестацію, требуя, чтобъ то предпріятое строеніе крѣпости оставлено было, утверждая въ томъ свою правость на договорѣ о границахъ, постановленномъ комисарами въ 1741 году, что Россія можетъ построить крѣпость на Востокъ отъ Безъимяннаго Кургана, а вышепоказанное урочище Богатой Источникъ находится на Сѣверъ. И такъ о семъ отъ коллегіи представлено Сенату на разсужденіе.

2) Дѣло о крѣпости Святыя Елисаветы. Оную Россійской дворъ, для защиты Новосербскихъ селеній, принялъ было намѣреніе построить на рѣкѣ Ингулѣ. Порта, вмѣняя себѣ сіе въ опасность, стала тому спорить и противиться, и наконецъ по многимъ спорамъ и взаимнымъ изъясненіямъ дѣло доходило до самой крайности. Россія, въ разсужденіи начинающейся тогда войны въ Германіи, принуждена была въ угодность Туркамъ то крѣпостное строеніе на время оставить недовершеннымъ. Турецкой дворъ по такомъ снисхожденіи иногда оставался въ молчаніи, а иногда покушался у Россійскаго двора во время нынѣшняго военнаго его упражненія вынудить, дабы то строеніе совершенно и навсегда

было уничтожено, а Россія старалась право свое по сему дѣлу за собою удержать. И такъ сей споръ нынѣ болѣе почитать надобно еще нерѣшеннымъ.

О претензіяхъ.

Главнѣйшая претензія на Турокъ нынѣ въ томъ состоитъ, что они въ 1742 году бывшую въ Россійскомъ подданствѣ орду Нагайскихъ Татаръ, въ противность послѣднему мирному трактату, приняли подъ свою протекцію и оныхъ не взирая на сильныя о выдачѣ ихъ здѣшнія представленія и требованія, у себя содержатъ.

Россія при Европейскихъ замѣшательствахъ отъ Порты опасаться имѣетъ: 1) чтобъ не похотѣла она воспользоваться смятеніями Персидскаго государства и на ущербъ его учинить пріобрѣтенія, особливожъ распространиться до Каспійскаго моря, въ какомъ случаѣ Россія принуждена будетъ обратить свою атенцію съ той стороны; 2) чтобъ не напала войною на Австрійской домъ, за которой Россія, по силѣ вышепомянутыхъ обязательствъ и ради собственныхъ интересовъ своихъ, вступиться принуждена; 3) чтобъ не вмѣшалась въ нынѣшнія ссоры христіанскихъ государей; въ такомъ случаѣ всѣ они вообще, и особливо Россія, приведены будутъ въ заботу; 4) чтобъ при будущемъ избраніи новаго короля Польскаго, въ случаѣ кончины нынѣшняго, не приняла она участія въ Польскихъ дѣлахъ; а сіе для Россіи равномѣрно вредительно; 5) чтобъ по заключеніи нынѣ трактата дружбы и комерціи съ королемъ Прускимъ не постановила вредныхъ обязательствъ противу сосѣднихъ державъ и особливо противу Россіи, такъ какъ она уже дѣйствительно вступила въ оборонительной союзъ противу ея съ Шведами

въ 1739 году, о чемъ Прусскіе министры при Портѣ тщательно стараться не оставятъ.

Въ прочемъ примѣчается, что Турецкая держава чрезъ вселившуюся вообще нѣжную и роскошную жизнь и отъ внутреннихъ безпорядковъ приходитъ въ изнеможеніе и упадокъ. Но когда пріемлется въ разсужденіе, что благоразумной государь, по самодержавной власти своей и по изобильнымъ ресурсамъ въ сей имперіи, всѣ въ оной безпорядки въ короткое время безъ труда исправить можетъ, то она для своихъ сосѣдей и вообще для христіанства тѣмъ не меньше должна почитаться крайне опасною.

Внутренняя система правительства ея есть воинская. Власть Турецкихъ султановъ деспотическая или безпредѣльная. Сухопутная армія ея простирается до трехъ сотъ пятидесяти тысячъ пѣхоты и конницы; а на морѣ содержитъ она достаточное число линейныхъ кораблей и вооруженныхъ галеръ. Доходы ея исчисляются до шестидесяти миліоновъ рублевъ, во всѣхъ нуждахъ своихъ изобильно находитъ скорые и надежные ресурсы.

По такому военному внутреннему устроенію сей державы цѣлость и сохраненіе ея единственно зависятъ отъ воинскихъ трудовъ и подвиговъ, которыми политическое тѣло ея крѣпитъ и питаетъ свои нервы; отъ долговременнаго жъ покоя приходитъ она не токмо въ изнеможеніе, но подвергается и конечному разрушенію. Изъ сего слѣдуетъ, что Порта Отоманская и по самой натурѣ своего правительства необходимо принуждена бываетъ съ сосѣдями своими миръ нарушать, дабы надолго не оставаться въ праздности, почитая себѣ сіе за главнѣйшій и непремѣнной законъ въ государственномъ управленіи, которой она и въ дѣйство производитъ, а особливо когда: 1) отъ долговременнаго мира военной духъ

въ народѣ истребляться начинаетъ; 2) или когда крайне умножится число народа и тѣмъ общество отягощаться станетъ излишними тунеядцами, отъ чего обыкновенно рождаются внутреннія безпокойства, разбои и другіе непорядки; 3) или же когда пріемлется намѣреніе наказать бунтовщиковъ и оныхъ истребить, а государство отъ такихъ правительству опасныхъ злодѣевъ очистить, и въ тоже время доставить оному пользу новыми пріобрѣтеніями. Но по симъ двумъ послѣднимъ пунктамъ опасаться болѣе надобно Венеціанской республикѣ, а паче Австрійскому дому, въ разсужденіи ближняго сосѣдства Турецкого съ Венгерскими и Трансильванскими областями, какъ весьма населенными и плодоносными, на которыя Портѣ Отоманской весьма способно нападеніе учинить и производить воинскія воспріятія съ надеждою успѣха, помощію рѣки Дуная и по изобилію всѣхъ продуктовъ южныхъ къ пропитанію многочисленной арміи.

А что Турки, тому уже около пятнадцати лѣтъ, по окончаніи Персидской войны, находятся со всѣми въ мирѣ, тому причиной прежніе два султана Махмудъ 1-й и Османъ III-й, которые, будучи у народа въ ненависти и въ репутаціи весьма слабыхъ правителей, опасались, чтобъ янычарской корпусъ и прочее войско, когда единожды въ собраніи найдутся, не покусились бы иногда учинить бунтъ для низверженія ихъ съ престола вооруженною рукою. Сего ради оба они старались войско содержать въ праздности и раздѣленіи по разнымъ пограничнымъ мѣстамъ имперіи, а въ воинскомъ чинѣ и вообще вселить нѣгу и роскошь, дабы воинскую свирѣпость Турецкой націи умягчить, и тѣмъ на престолѣ себя сохранить и безбоязненно государствовать. Отъ войны же имѣли они отвращеніе и потому, что султаны Турецкіе и министерство въ худыхъ и добрыхъ успѣхахъ оружія предъ на-

родомъ отвѣчаютъ, а когда государь народомъ ненавидимъ, то и счастіе въ воинскихъ воспріятіяхъ бываетъ сумнительно.

Нынѣ владѣющій султанъ Мустафа къ войнѣ склоненъ, отъ оной воздерживается верховнымъ визиремъ, которой надъ нимъ великую силу и кредитъ имѣетъ.

О Малой Татаріи.

Подъ симъ именемъ вообще разумѣются Крымская и другія орды, жительствующія у Чернаго моря, на Кубани и между рѣками Дономъ, Днѣпромъ, Бугомъ, Днѣстромъ и Дунаемъ, кои всѣ находятся подъ владѣніемъ хана Крымскаго. О числѣ ихъ съ точностію сказать не можно; сіе однакоже извѣстно, что ханъ Крымской можетъ въ поле поставить до семидесяти тысячъ человѣкъ конницы, изъ которой единственно составляется его войско.

Владѣніе ихъ соединяется съ южными Россійскими границами, такожъ съ жилищами Запорожскихъ и Донскихъ казаковъ. Сосѣдство ихъ для Россіи несравнительно вредительнѣе, нежели Порты Отоманской; они весьма склонны къ хищенію и злодѣйствамъ, искусны въ скорыхъ и внезапныхъ воинскихъ воспріятіяхъ, а до послѣдней съ Турками войны приключали Россіи чувствительной вредъ и обиды, частыми набѣгами, плѣненіемъ многихъ тысячъ жителей, отгономъ скота и грабежемъ имѣнія изъ областей Россійскихъ, изъ которыхъ многія въ конецъ раззорены и опустошены были. Въ семъ состоитъ главнѣйшій промыслъ и добыча сихъ дикихъ и степныхъ народовъ.

Россія принуждена для обороны и безопасности своей содержать противъ нихъ линіи съ знатнымъ числомъ войска, и пребывать и посреди миру, равно какъ бы во время войны,

во всякой осторожности, тѣмъ болѣе, что на добрую вѣру ихъ отнюдь полагаться не можно.

А какъ Запорожскіе казаки и другія пограничныя команды равномѣрно къ самовольствамъ склонны, то случаются между ими частые ссоры и безпорядки, которые доводятъ здѣшній дворъ до многихъ непріятныхъ дѣлъ и хлопотъ, а иногда и до крайности съ Портою Отоманскою.

Россіи потому главнѣйше стараться должна, чтобъ отъ всѣхъ вышепомянутыхъ неудобствъ избавиться и привесть себя въ томъ краю въ совершенную безопасность. Полуостровъ Крымъ мѣстоположеніемъ своимъ столько важенъ, что дѣйствительно можетъ почитаться ключемъ Россійскихъ и Турецкихъ владѣній. Доколѣ онъ останется въ Турецкомъ подданствѣ, то всегда страшенъ будетъ для Россіи; а напротиву того, когда бы находился подъ Россійскою державою, или бы ни отъ кого зависимъ не былъ, то не токмо безопасность Россіи надежно и прочно утверждена была, но тогда находилось бы Азовское и Черное моря подъ ея властію, и подъ страхомъ ближнія восточныя и южныя страны, изъ которыхъ неминуемо имѣла бы она между прочимъ привлечь къ себѣ всю комерцію.

Ханъ Крымской почитается въ своихъ владѣніяхъ хотя и самодержавнымъ государемъ, однакожъ состоитъ подъ протекціею Порты Отоманской и отъ нея много зависитъ, почему и случающіяся съ подданными его здѣшнія дѣла производятся иногда съ нимъ безпосредственно, а болѣе при Портѣ Отоманской чрезъ здѣшнихъ резидентовъ, при чемъ обрѣтающійся тамъ агентъ хана Крымскаго Турецкими министрами въ совѣтъ призывается. Между прочими обращающимися нынѣ пограничными дѣлами одно въ томъ состоитъ, что ханъ Крымской, оказывая себя во всѣхъ случаяхъ къ Россіи зло-

намѣреннымъ, поселилъ вдоль по рѣкѣ Днѣпру (подлинно въ границахъ своего владѣнія, но въ крайней близости и противу самыхъ жилищъ Запорожскихъ) десять тысячъ человѣкъ аульныхъ Татаръ и тѣмъ не только Запорожскимъ казакамъ препятствіе учинилъ въ рыбныхъ и звѣриныхъ ловляхъ по рѣкѣ Бердѣ, у Конскихъ Водъ и въ другихъ мѣстахъ (гдѣ обоимъ подданнымъ, по силѣ мирныхъ трактатовъ, промыслы производить позволено), но еще такимъ селеніемъ доставляетъ себѣ удобность учинить впаденіе на Новую Сербію и другія близъ лежащія области Россійскаго государства. Симъ еще не довольствуяся, хотѣлъ было онъ число означенныхъ Татаръ умножить до пятидесяти тысячъ человѣкъ; но какъ на сей поступокъ Россійскому двору спокойно взирать было не можно, то по многимъ сильнымъ и долговремянным представленіямъ ея и требованіямъ какъ у хана Крымскаго, такъ и при Портѣ Отоманской объ отводѣ тѣхъ Татаръ на иное мѣсто отъ рѣки Днѣпра, сіе дѣло наконецъ до того доведено, что Порта запретила хану Крымскому число упомянутыхъ поселянъ умножить; а вовсе ихъ отъ Днѣпра отлучить, по навѣтамъ и наущенію ханскому, и понынѣ уклоняется. Между тѣмъ назначила нарочныхъ комисаровъ, дабы обще съ здѣшними освидѣтельствовать, дѣйствительно ли нынѣшнее жилище тѣхъ Татаръ по ближнему сосѣдству безпокойно и предосудительно для Запорожскихъ казаковъ, а опасно для границъ здѣшнихъ; но ханъ, можетъ быть, признавъ неправость свою, уклонился совсѣмъ послать отъ себя для того осмотра границъ и жилищъ Запорожскихъ казаковъ нарочныхъ людей. Посему дѣло сіе понынѣ оставлено въ нерѣшимости.

Здѣшнему двору крайне нужно и полезно содержать при ханѣ ауторизованнаго отсюда человѣка, которой бы могъ

за поступками его и другими обращеніями примѣчать и объ оныхъ сюда вѣрно доносить, такъ и вообще торгъ здѣшній и купечество защищать и къ распространенію онаго примышлять способы, а по случающимся отъ Татаръ на границахъ здѣшнимъ подданнымъ обидамъ дѣлать могъ представленія и по онымъ требовать удовольствія. О семъ учрежденіи консула здѣшній дворъ домогался въ разныя времена какъ у хановъ Крымскихъ, такъ и у Порты Отоманской, но безъ всякаго дѣйствія. Однакожъ, не взирая на всѣ происходимыя въ томъ затрудненія, Россійской дворъ при оказующихся удобныхъ случаяхъ прилагаетъ прилежное старапіе всякими возможными способами такое учрежденіе консула отъ Порты исходатайствовать.

Кромѣ вышеписанныхъ дѣлъ имѣются еще и другія съ ханомъ Крымскимъ; но здѣсь теперь не упоминаются по маловажности своей.

Россійской дворъ имѣетъ на ханахъ Крымскихъ многія претензіи въ пріемѣ перебѣжчиковъ, Россійскихъ подданныхъ, которыхъ ханы, а особливо содержащихъ Магометанскую вѣру, выдать уклоняются, въ противность мирнымъ трактатамъ.

При нынѣшнихъ обстоятельствахъ, когда Россія индѣ дѣлами упражнена, надлежитъ опасаться отъ хана Крымскаго: 1-е, чтобъ не учинилъ впаденія въ Россійскія пограничныя области, иногда и безъ вѣдома Порты Отоманской, по наущенію недружескихъ съ Россіею державъ, будучи ко всякимъ смѣлымъ и отважнымъ воспріятіямъ готовой государь; 2-е, чтобъ по извѣстной ненависти его противу Россіи, а паче по случаю происшедшихъ нынѣ о крѣпости Святаго Димитрія споровъ, пограничными дѣлами и другими навѣтами не довелъ Россію до ссоры и разрыва съ Турецкимъ дво-

ромъ. и не доставилъ бы съ сей стороны упражненія, и 3-е, чтобъ сильною рукою не покорилъ подъ свою власть Кабардинцовъ, которые по трактату съ Портою имѣютъ пребыть вольнымъ народомъ и служить барьерою между обѣими державами и за которыхъ Россія вступиться обязана для собственныхъ интересовъ своихъ.

Потому здѣшній дворъ, желая учредить все то что̀ можетъ служить поводомъ къ ссорѣ и непріятностямъ съ Портою, хана Крымскаго во всѣхъ дѣлахъ по возможности менажировалъ и случающіеся Турецкіе и Татарскіе иски, претензіи и споры съ здѣшними подданными старался сокращать опредѣляемыми отъ времяни до времяни съ обѣихъ сторонъ комисарами на общемъ съѣздѣ, которой потому съ обѣихъ сторонъ учрежденъ повсягодно весною, для изслѣдованія и рѣшенія обостороннихъ жалобъ, чрезъ что нѣкоторымъ образомъ отъемлется хану Крымскому способъ вредить здѣшнему двору при Портѣ Отоманской. А въ лутчую отъ всякихъ опасныхъ случаевъ предосторожность поручены генералу губернатору Кіевскому Глѣбову всѣ тамошнія пограничныя дѣла въ вѣдомство съ тѣмъ, чтобъ онъ противу чинимыхъ Татарскихъ наглостей принималъ на мѣстѣ пристойныя мѣры и резолюціи, и случающіяся между здѣшними и Турецкими подданными на границахъ своевольства и безпорядки, по крайней возможности, сокращалъ бы, стараясь во всемъ тамошнемъ краю сохранить тишину и спокойствіе.

Записка о политическихъ отношеніяхъ Россіи въ первый годъ царствованія Екатерины Великой.

(Неизвѣстнаго сочинителя).

Хотя въ политикѣ и не можно положить единожды на всегда точныхъ и непремѣнныхъ правилъ къ учрежденію статской системы, потому что всѣ человѣческія предпріятія подвергнуты внезапности и случаю: есть однако у каждаго государства такіе существительные или, лучше сказать, коренные интересы, кои, по нераздѣльному своему сопряженію съ самою онаго цѣлостію, не терпя вовсе отмѣны, могутъ только по временамъ колеблемы быть. Исправное сихъ интересовъ опредѣленіе составляетъ искуство министра, а согласное съ тѣмъ расположеніе видовъ и поступковъ производитъ государственную безопасность и славу правительству.

По монаршему повелѣнію и дабы сколько можно съ большею вѣроподобностію производить заключенія, надобно во первыхъ опредѣлить, въ чемъ состоитъ, независимо отъ теченія въ Европѣ дѣлъ, внутренняя отечества нашего польза.

Естьли взять одну предѣловъ обширность въ уваженіе, то слѣдуетъ уже изъ того: 1-е) что вообще не нужны Россіи новыя завоеванія, потому что у насъ есть множество своихъ земель, кои въ пустѣ лежатъ; 2-е) что по сей самой причинѣ надобенъ больше покой, дабы новыми учрежденіями обод-

рить земледѣліе, фабрики и мануфактуры; 3-е) что всякая война, кромѣ законной обороны, которая яко меньшее зло не терпитъ никакого изъятія, предосудительна; ибо при народномъ уменьшеніи ослабѣваетъ еще торговля, источникъ всѣхъ богатствъ; 4-е) что для охраненія себя отъ непріятельскихъ нашествій, надобно имѣть вѣрныхъ и надежныхъ союзниковъ, кои бы въ состояніи нашемъ собственную находили пользу, понеже безъ того никакое соединеніе прочно быть не можетъ (напримѣръ Россія и Китай не будутъ никогда союзники для того, что нѣтъ въ сосѣдствѣ ихъ третьей державы, которая бы, упражняя общее ихъ примѣчаніе, могла когда ни есть побудить ихъ къ составленію между собою союза взаимной ли обороны или другихъ причинъ ради); 5-е) что къ пріобрѣтенію и удержанію сихъ союзниковъ не меньше и имъ въ случаѣ притѣсненія помогать, и для того 6-е) равно какъ для сохраненія пріобрѣтенной въ Европѣ знатности (которая иногда больше оружія служить можетъ) въ генеральныхъ дѣлахъ все здѣшнее участіе, смотря по обстоятельствамъ, больше или меньше принимать должно, стараясь наипаче, чтобъ оное независимо ни отъ кого не было.

Основывая такимъ образомъ на сихъ главныхъ правилахъ систему отечества, станемъ въ слѣдующихъ артикулахъ разсматривать порознь выгоды и предосужденія, кои можетъ оное имѣть особливо отъ каждой державы, дабы изъ толь различнаго соображенія составить напослѣдокъ цѣлое зданіе.

Артикулъ первый. О Швеціи.

Изъ исторіи вѣдаемъ мы, сколь часто Швеція бывала съ Россіею въ войнѣ. Самое земель ихъ положеніе служило всегда и впредь еще можетъ столько же служить камнемъ пре-

тыканія въ соблюденіи между ими доброй дружбы. До послѣдней въ Европѣ войны никто почти не воображалъ себѣ, чтобъ сіи обѣ державы когда-либо по интересамъ своимъ прямо соединиться могли. И въ самомъ дѣлѣ, должно признаться, что причина нынѣшнему ихъ союзу была чрезвычайная, то есть скорое и безмѣрное усиленіе короля Прускаго, а особливо предпріимчивой сего государя нравъ, отъ котораго всѣ сосѣдственные дворы, бывъ натурально приведены въ опасеніе, стали по неволѣ уже помышлять объ укрѣпленіи себя взаимною помощью; а отъ сего опасенія произошло напослѣдокъ соединеніе дворовъ Россійскаго, Вѣнскаго, Версальскаго и Стокгольмскаго, которое утвердили они потомъ разными между собою какъ общими, такъ и особенными отъ одного къ другому обязательствами.

Принятыя Россіею съ Шведами обязательства состояли: 1-е) въ приступленіи къ Стокгольмской конвенціи 21 Марта 1757 года между императрицею-королевою и королями Французскимъ и Шведскимъ. Сею конвенціею обѣщано было доставить Швеціи отъ короля Прускаго безопасность и не заключать съ нимъ безъ согласія ея мира; 2-е) въ трактатѣ союза и обороны Іюля 24 дня 1757 года, которымъ Россія и Швеція обязались на 12 лѣтъ помогать другъ другу въ случаѣ непріятельскаго нападенія, первая 16 т. человѣкъ и 12 кораблями, а Швеція 10 т. человѣкъ и 8 судами, да сверхъ того гарантировать наслѣдныя въ Германіи земли Его Императорскаго Высочества Государя Цесаревича и Великаго Князя; 3) въ конвенціи 9 Марта 1759 года о сохраненіи на Балтійскомъ морѣ кораблеплаванія и торговли отъ каперовъ и о недопущеніи въ оное иностранныхъ флотовъ. Первое и третіе изъ сихъ обязательствъ не могутъ теперь имѣть силы, потому что нарушены обѣ односторонними за-

мирeніями, кои учинены Россіею и Швеціею съ королемъ Прускимъ безъ предварительнаго между собою съ обѣихъ сторонъ сношенія. Напротивъ того, второе трактатомъ союза и обороны 24 Іюля 1757 года принятое обязательство остается нѣкоторымъ образомъ въ силѣ своей. Здѣсь настоитъ вопросъ, полезно ли для Россіи наблюденіе сего трактата и надобно ли содержать оный до срока?

Не вступая еще въ точное опредѣленіе существительныхъ Россіи интересовъ, можно въ семъ случаѣ, пока продолжится въ Европѣ нынѣшняя система, принять за правило, что дружба и доброе согласіе съ Швеціею не совсѣмъ не нужны: ибо 1-е) утверждается тѣмъ съ одной стороны пограничная тишина, а съ другой доставляется больше способовъ къ удержанію Турковъ и Татаръ отъ всякихъ предпріятій; 2-е) что застарѣлая въ Шведскомъ народѣ противъ Россіи ненависть по причинѣ учиненныхъ при Балтійскомъ морѣ завоеваній мало-по-малу убавляться начнетъ; 3-е) что Швеція гарантируетъ здѣшнему императорскому дому Голстинскія владѣнія, чѣмъ Датскій дворъ, при будущей полюбовной сдѣлкѣ, къ вящей податливости побужденъ быть можетъ; а особливо 4-е) по всѣмъ вѣроподобностямъ случай неисполненія трактата, кромѣ чрезвычайной внезапности, скоро настоять не можетъ.

Но какъ въ бывшее правленіе всѣ дѣла приведены въ нестроеніе, то для приданія помянутому трактату вящей силы кажется, что надобно нынѣ утвердить оной взаимными дворовъ декларациями, къ чему натурально въ Шведскомъ немалую склонность полагать должно.

Теперь, независимо отъ всѣхъ обязательствъ, надобно разсмотрѣть, въ чемъ бы существительно состояли Россійскіе интересы въ разсужденіи Швеціи. Ближнее сосѣдство не

токмо къ завоеваннымъ провинціямъ, но и къ самой резиденціи могло бы причинять нѣкоторую заботу, естьли бы опять не обнадеживала насъ установленная тамъ форма правительства, по которой ни король, ни Сенатъ (по большей части Франціи всегда преданный) ничего собою сдѣлать не могутъ: ибо въ цѣломъ народѣ не трудно, при настоянии случая, деньгами составить и армію и тѣмъ препятствовать дѣйствительному непріятельству начаться, или по крайней мѣрѣ сильному онаго произведенію. Но изъ того послѣдуетъ неоспоримая правда, что для Россіи наипаче нужно всѣми силами стараться о сохраненіи настоящей въ Швеціи формы правительства, подкрѣпляя при случаѣ благонамѣреніемъ, а иногда въ крайней необходимости употребляя и нѣкоторое число денегъ.

Если король къ Россійскимъ интересамъ доброжелателенъ, въ такомъ случаѣ надобно ему всячески помогать, но остерегаясь однако, дабы онъ не могъ чрезъ то получить самодержавной власти; ибо польза изъ такой перемѣны, завися отъ жизни одного человѣка, не можетъ быть прочная; на противъ чего, народное правленіе, будучи всегда внутренними раздорами упражняемо, по внѣшнимъ дѣламъ держится въ мѣстныхъ предѣлахъ и неудобно къ смѣлымъ предпріятіямъ.

Интересъ отечеству нашему съ Швеціею общій можетъ только состоять въ распространеніи взаимной торговли, которая однако едва ли когда достигнетъ высокой степени, потому что въ обѣихъ сторонахъ товары почти одинакіе. слѣдовательно въ генеральной комерціи соперничество неминуемое. Со всѣмъ тѣмъ давно уже представилъ Шведской дворъ о заключеніи трактата торговли, и теперь зависитъ отъ оказанія нѣкоторой готовости къ начатію негоціаціи. Поводъ остается еще у насъ въ перѣшимости дѣла о раз-

граниченіи; но какъ нынѣ по оному нѣтъ никакихъ споровъ, то и можно обождать, чтобъ Швеція съ своей стороны первые учинила отзывы, дабы въ семъ случаѣ податливостію или твердостію, смотря по обстоятельствамъ, одержать желаемое.

Интересы Швеціи разпствуютъ отъ нашихъ въ томъ, что ей усиленіе Россіи опасно быть можетъ; слѣдовательно она какъ приращенію нашему препятствовать, такъ и надеждою посторонней помощи укрѣплять себя должна. Лутчій для Швеціи союзникъ Франція, потому что она больше другихъ деньгами ее снабдѣвать можетъ. Но доколѣ продолжится у насъ доброе съ сею короною согласіе, не для чего опасаться, чтобъ похотѣла она подвигать на насъ Швецію; а сверхъ того неуповательно, чтобъ и сія послѣдняя, видя съ здѣшней стороны истинную къ дружбѣ склонность, покусилась нынѣ дѣйствовать вопреки здѣшнимъ интересамъ.

Съ другой стороны, нужна Швеціи дружба здѣшняго двора на два случая, то есть, когда бы ее король Пруской или Данія (чего теперь однако на время съ вѣроятностію полагать не можно) по какимъ либо видамъ атаковать похотѣли. Близость Россіи, которую впрочемъ Стокгольмской дворъ опасною для себя ставить обыкъ, была бы оному иногда единственнымъ спасеніемъ; потому что ни которая держава не можетъ подать ни столь сильной, ни толь скорой помощи и что сверхъ того собственный интересъ, дабы Данія или Пруссія больше еще усилиться не могли, не позволилъ бы намъ предать Швецію въ гибель, хотя бы инако и не доброжелательствовали мы ей. Посему она и будетъ всегда въ необходимости показывать намъ, по крайней мѣрѣ наружно, видъ дружбы и согласія.

Артикулъ второй. О Даніи.

Данія по мѣстоположенію своему не можетъ никогда имѣть съ Россіею безпосредственной войны, а напротивъ того при всякомъ случаѣ въ состояніи онѣ одна другой, особливо же на морѣ, съ пользою помогать.

Постороннія намъ Голстинскія распри довели было въ прошлое правленіе дѣла наши съ Даніею до самой крайности. Съ часу на часъ надлежало ожидать дѣйствительнаго разрыва. Предубѣжденіе покойнаго государя столь было велико, что онъ нимало не хотѣлъ уважить изнуренія имперіи, которая, по пятилѣтней драгоцѣнной и кровопролитной войнѣ, конечно не въ состояніи была вынесть новую въ толикомъ отъ границъ своихъ удаленіи; да и какая бъ Россіи польза изъ пріобрѣтенія герцогства Шлезвигскаго, когда бъ и удалось намъ жертвованіемъ остальныхъ способовъ, побѣдя Датчанъ, принудить ихъ къ толь чувствительной уступкѣ? Если по началу судить, умножились бы по мѣрѣ новаго завоеванія расходы на содержаніе тамошнихъ войскъ и правительствъ; а чрезъ то были бъ мы неминуемо новымъ примѣромъ Англіи въ разсужденіи курфирства Гановерскаго, съ тою только разницею, что Англія, по избытку богатства своего (отъ цвѣтующей торговли всегда умножающагося), могла устоять противъ толь тяжкаго бремени, а Россія бы въ конецъ отъ своего разорена была. Но какъ и въ семъ случаѣ рука Всесильнаго благовремянно еще, славнымъ Ея Императорскаго Величества на престолъ восшествіемъ, отвратила отъ насъ сію опасность: то надобно теперь единожды на всегда натуральную съ Датскимъ дворомъ дружбу установить на твердомъ основаніи и стараться наипаче о изъятіи изъ среды всѣхъ къ будущимъ несогласіямъ причинъ.

Сошедшіяся въ Лапландіи границы владѣній нашихъ съ Датскими не заслуживаютъ примѣчанія, потому что по бѣдности и пустотѣ тамошняго края не могутъ оныя никогда подать поводу къ остудѣ, а еще меньше къ самой враждѣ; напротивъ того, Голстинскія дѣла были всегда первымъ предметомъ попеченія Копенгагенскаго двора. Нѣтъ здѣсь нужды разыскивать, сколь несправедливо владѣетъ оной герцогствомъ Шлезвигскимъ; довольно и того, что самъ неоднократно представлялъ готовость свою къ удовлетворенію съ тѣмъ только, чтобъ для переду доставить себѣ спокойное владѣніе.

Первыя его Датскаго величества предложенія состояли въ нѣкоторой суммѣ денегъ, потомъ въ промѣнѣ герцогской Голстинской доли на графства Олденбургское и Делменгорстское, а напослѣдокъ, когда уже настала прямая съ здѣшней стороны опасность, вызывался баронъ Бернсдорфъ къ Прускому министру Борку, что король его государь готовъ поступить на все, что̀ только чести и славѣ его предосудительно не будетъ. Но намѣреніе бывшаго императора было не меньше какъ получить назадъ съ Шлезвигомъ и Датскую въ Голстиніи часть. Между тѣмъ, больше наружности ради, нежели въ надеждѣ успѣха, назначенъ былъ въ Берлинѣ подъ медіаціею его Прускаго величества, конгресъ для полюбовной сдѣлки. Теперь, когда Ея Императорское Величество для пользы отечества мудрое и великодушное намѣреніе принять изволила, оставляя всѣ дальности, вступить съ Датскимъ дворомъ въ полюбовное соглашеніе, можно бы съ достовѣрностію положить, что оной не только не отречется отъ справедливаго удовлетворенія, но и охотно еще поступитъ, по натуральнымъ обѣихъ коронъ интересамъ, на принятіе тѣсныхъ въ общую пользу обязательствъ.

Между другими кондиціями, кажется, надобно выговорить у его Датскаго величества: 1) чтобъ онъ заплатилъ остающіеся на герцогской Голстинской части долги; 2) удовольствовалъ младшую княжескую фамилію въ справедливыхъ ея искахъ. а особливо отрекся отъ епископства Любекскаго въ пользу старшаго сына принца Августа; 3) единожды навсегда за всѣ герцогскаго дома притязанія заплатилъ сходственную сумму наличными деньгами; а напослѣдокъ 4) въ разсужденіи Россійскихъ чрезъ Зундъ съ товарами проходящихъ судовъ дозволилъ тѣже вольности и преимущества, коими наибольше пользуется облегченный народъ.

Къ симъ кондиціямъ могутъ по точнѣйшемъ разсмотрѣніи прибавлены быть въ проектѣ трактата другія. касательно лутчаго учрежденія границъ и судебнаго порядка въ обѣихъ частяхъ Голстиніи, поколику оныя между собою въ сопряженіи быть могутъ.

По прекращеніи Голстинской распри не останется ни у Россіи, ни у Даніи причинъ ко взаимному ревнованію. но паче интересы ихъ будутъ почти всегда одинаковы.

Россіи и Даніи равно нужно: 1) чтобъ Швеція сохраняла въ цѣлости настоящую правительства своего форму; 2) чтобъ кораблеплаваніе на Балтійскомъ морѣ, независимо отъ всякой между прочими державами войны, оставалось всегда спокойнымъ отъ каперовъ и чужестранныхъ флотовъ: 3) чтобъ король Прускій въ сплахъ своихъ вящаго приращенія получить не могъ, потому что сосѣдство его для обѣихъ сторонъ небезопасно.

Такимъ образомъ справедливо можемъ мы о Даніи сказать, что интересы ея съ нашими почти нераздѣльны, ибо основываются не на обязательствахъ случаемъ произведенныхъ и непровергаемыхъ. но на самой натурѣ мѣстоположенія обо-

ихъ государствъ, такъ что одно другому не можетъ безпосредственно на твердой землѣ вредить, а взаимными диверсіями очень много пользовать.

Могутъ, правда, случиться такія обстоятельства, по которымъ бы оба двора, имѣя разныхъ союзниковъ, дошли до остуды или и до самыхъ непріятельствъ; но такой чрезвычайной случай не можетъ продолжаться долго, ни уничтожить признанія собственной ихъ между собою пользы.

Послѣднія наши съ Датскимъ дворомъ обязательства состояли: 1-е, въ приступленіи нашемъ къ Копенгагенскому трактату, который въ 4 день Мая мѣсяца 1758 г. заключенъ между королями Французскимъ и Датскимъ и къ которому приступила послѣ императрица-королева; 2-ое, въ приступленіи Даніи къ морской между Россіею и Швеціею конвеціи 9-го Марта 1759 года.

Въ Копенгагенскомъ трактатѣ достойно наипаче примѣчанія: 1-ое) что король Датской обѣщаетъ содержать въ Голстиніи 24 т. человѣкъ своего войска съ точнымъ притомъ обнадеживаніемъ, что не будутъ оныя употреблены въ пользу королей Аглинскаго и Прускаго; 2) что принимаетъ онъ на себя почитать всякое противъ герцогской Голстинской доли или вольныхъ городовъ Любека и Гамбурга предпріятіе за собственно надъ землями его учиненное; 3) что Франція и Вѣнской дворъ обязались употребить всевозможное стараніе о исходатайствованіи сему государю конечной по Голстинскимъ распрямъ сдѣлки или безпридачнаго герцогской части обмѣна на графства Олденбургское и Делменгорстское или даже въ противномъ случаѣ о доставленіи Датскому двору справедливаго и достаточнаго эквивалента, о которомъ именно выговорено въ актѣ здѣшняго приступленія, что не можетъ взято быть ни изъ владѣній Россійскихъ, ни изъ Голстинскихъ герцогской части, ниже на иждивеніи союзниковъ.

Съ того времени на столько отмѣнились обстоятельства, что оба вышеозначенныя обязательства дѣйствительными признаваемы быть не могутъ. Въ морской конвенціи не настоитъ больше нужды, ибо миновала уже вся опасность пришествія въ Балтику чужестраннаго флота; а трактатъ уничтоженъ сталъ тѣмъ, что дѣла съ Датскимъ дворомъ, вмѣсто полюбовной сдѣлки, доходили до войны.

Теперь не наступило еще время, чтобъ представлять его Датскому величеству о принятіи новыхъ формальныхъ обязательствъ; но можетъ быть сей государь учинитъ самъ первое къ тому предложеніе, когда Голстинскія дѣла къ окончанію приведены будутъ. Если бы какія причины не дозволяли тогда поступить на заключеніе трактата союза и обороны, можно будетъ по крайней мѣрѣ начало сдѣлать договоромъ о комерціи, которая со временемъ гораздо распространиться можетъ, потому что многіе изъ товаровъ нашихъ Даніи необходимо нужны

Артикулъ третій. О Голстиніи.

Голстинія можетъ для здѣшняго двора въ имперскихъ дѣлахъ не безъ пользы быть, потому что способомъ ея получаемъ мы въ княжеской коллегіи голосъ и соучастіе въ совѣтахъ имперскаго собранія.

Одно и другое нужно Россіи для того, чтобы привесть себя въ состояніе быть союзникамъ своимъ, въ случаѣ нужды, больше полезными и надобными, а особливо имѣть способы удерживать въ Германіи равновѣсіе силъ, отъ котораго зависитъ общая тишина.

Впрочемъ положеніе герцогства Голстинскаго удобно еще къ поспѣшествованію здѣшней комерціи, естьли бы оная когда ни есть собственно нами, а не чрезъ иностранныхъ купцовъ производима была.

Артикулъ четвертый. О Польшѣ.

Слабость и нестроеніе Польскаго правленія столь велики, что сіе королевство не можетъ никому ни полезно, ни страшно быть, почему и ровенъ всѣхъ окрестныхъ народовъ интересъ въ томъ, чтобъ не допускать оное никогда до установленія въ правительствѣ своемъ лутчаго порядка, а еще менѣе наслѣдства въ королевской фамиліи. Явной тому примѣръ былъ во время короля Августа Втораго; ибо ни одинъ дворъ, не взирая на всѣ выгоды, кои онъ представлялъ во взаимство, не согласился тогда подкрѣплять властолюбивые его виды къ утвержденію короны въ курфиршескомъ домѣ. Сколь бы скоро сіе первое покушеніе возъимѣло успѣхъ, не трудно уже было бъ сему хитрому государю предуготовить наслѣдникамъ своимъ путь къ похищенію самодержавной власти.

Дѣла наши съ Польшею состоятъ: 1) въ утѣсненіи Грекороссійскихъ исповѣдниковъ; 2) въ спорахъ о пограничныхъ земляхъ; 3) въ приниманіи Россійскихъ бѣглыхъ; 4) въ худомъ производствѣ пограничныхъ комисій.

Вмѣсто четырехъ епархій и множества монастырей и церквей остается теперь въ Польшѣ одна Бѣлорусская епархія да небольшее число монастырей и церквей, а прочія отняты всѣ на Унію. Споры о пограничныхъ земляхъ тѣмъ больше заслуживаютъ уваженія, что по учиненному въ 1753 году свидѣтельству явилось за Поляками во владѣніи здѣшнихъ земель на 988 квадратныхъ верстъ, и что опять въ против-

ность трактату вѣчнаго мира населили они своевольно тѣ земли, коимъ бы въ пустѣ оставаться надлежало. Сколь же чувствителенъ и вреденъ для Россіи пріемъ въ Польшѣ бѣглыхъ, нѣтъ о томъ нужды много здѣсь о томъ распространяться: ибо никто не можетъ оспорить, что умеьшеніе въ государствѣ народа первое есть государственное зло. Напослѣдокъ, худое производство пограничныхъ комисій было и будетъ всегда препятствіемъ, что ни по какимъ дѣламъ и нскамъ не можно отъ Поляковъ ожидать справедливаго удовлетворенія.

Весьма часто противъ такихъ неудобствъ приносимыя Польскому двору жалобы не произведи по сю пору ни малѣйшаго поправленія, ибо необузданная шляхетства вольность пренебрегаетъ всѣ королевскія повелѣнія, поелику не согласуютъ оныя съ корыстію. Но какъ слава, честь и существительный интересъ имперіи требуютъ, чтобъ въ наглыхъ отъ Поляковъ обидахъ сколько можно для переду положить предѣлъ, то и остаются только сильнѣйшія къ употребленію мѣры. Напримѣръ, для защиты единовѣрныхъ нашихъ отъ гоненія, надобно будетъ при настояніи перваго случая формально объявить, что если въ происходящемъ скораго не воспослѣдуетъ поправленія, здѣшній дворъ по неволѣ уже принужденъ будетъ отвращать силу силою, какъ то и дѣйствительно для воздержанія своевольниковъ, хотя единожды, исполнить нужно, дабы тѣмъ какъ утѣсняемыхъ пріохотить къ искапію здѣшняго покровительства, такъ взаимно и чрезъ нихъ имѣть всегда надежную въ народѣ партію.

Въ разсужденіи захваченныхъ Поляками земель не время теперь помышлять о возвращеніи. Оттоманская Порта, которая, какъ нынѣ извѣстно, далѣе заведена въ Пруссія сѣти, нежели по сю пору часто было, не допуститъ конечно, чтобъ

мы отобрали ихъ силою: а понеже не сходствовало бы съ пользою отечества предпринимать вскорѣ новую войну, то и надобно, удерживая между тѣмъ Поляковъ отъ новыхъ похищений, ожидать будущаго впредь удобнаго случая.

Напротивъ того, дѣло принимания здѣшнихъ бѣглыхъ совсѣмъ другой натуры. Не настоитъ тутъ политическихъ уважений, кои могли бы препятствовать употреблению въ случаѣ нужды сильнѣйшихъ способовъ; ибо инако чѣмъ больше будетъ Полякамъ попускаемо, тѣмъ сильнѣе и умножатся побѣги нашихъ людей.

Дабы сему злу сдѣлать скорой конецъ, видится, что лутчимъ тому средствомъ могло бы служить дозволение Россійскимъ подданнымъ репресалiи противъ укрывателя бѣглецовъ, остерегая однако притомъ, чтобъ подъ именемъ доставления справедливости не могло взаимно и съ здѣшней стороны Полякамъ напрасныхъ послѣдовать обидъ.

Не мѣсто здѣсь входить въ подробности и описывать порядокъ употребления репресалiи; ибо о томъ, естьли и въ самомъ дѣлѣ дозволить, надлежало бы прежде сдѣлать особливое учреждение, полагая за главное правило, чтобъ никто не дерзалъ собою, безъ вѣдома и помощи отъ правительства, поступать на дѣло.

Не безъ причины можно надѣяться, что когда одинъ или два шляхтича такимъ образомъ попуганы будутъ, прочіе, смотря на нихъ, сами собою перестануть подавать впредь поводы къ равномѣрной строгости. Мы имѣемъ предъ собою примѣръ короля Прускаго, который рѣпресалiями довелъ напослѣдокъ господъ Поляковъ до того, что не смѣютъ они больше изъ службы его принимать дезертировъ. Пускай станутъ на сеймахъ и сеймикахъ роптать и шумѣть противъ насъ: но что въ нихъ нужды, когда мы одержимъ желаемое и пресѣчемъ

корень такому въ государствѣ злу, отъ котораго теряемъ цѣлые милiоны?

При употребленiи репресалiи могутъ еще съ пользою и другiя употреблены быть средства, напримѣръ: 1) вызовъ бѣглыхъ манифестами съ точнымъ обѣщанiемъ упущенiя винъ ихъ; 2) учиненiе для раскольниковъ формальнаго обнадеживанiя, что въ обрядахъ ихъ не будутъ они никогда утѣсняемы; 3) содержанiе на жалованiи по разнымъ въ Польшѣ и Литвѣ мѣстамъ надежныхъ людей, кои бы о томъ только и старались, чтобъ сыскивать бѣглыхъ и отправлять ихъ далѣе въ Россiю.

Худому производству пограничныхъ комисiй нельзя почти и пособить; потому что министерство Польское не имѣетъ власти понуждать комисаровъ, оттовариваюцихся обыкновенно неполученiемъ отъ воеводковъ своихъ жалованья. Но естьли сами собою начнемъ мы когда либо управляться, то и не будетъ уже въ комисiяхъ большей нужды, хотя впрочемъ на всякой случай не безъ пользы быть можетъ, чтобъ знатнѣйшихъ комисаровъ дачею небольшихъ пенсiй стараться преклонить къ здѣшнимъ интересамъ, размѣряя награжденiя по услугамъ, которыя они показывать будутъ.

Кромѣ сихъ дѣлъ политическiе наши по Польшѣ интересы требуютъ всегдашняго примѣчанiя. Россiя гарантировала торжественнымъ образомъ вольности, законы и форму правленiя королевства Польскаго. Сiя гарантiя доставляетъ намъ право мѣшаться во внутреннiя Польскiя дѣла и руководствовать оными, по востребованiю обстоятельствъ, согласно съ нашими видами. Поляки охотно признаютъ сами нашу гарантiю, потому что находятъ въ оной твердую конституцiи своей опору какъ отъ чужестранныхъ народовъ, такъ особливо и отъ собственно своихъ государей, естьли бы которой изъ нихъ

покусился на похищеніе самодержавной власти или по крайней мѣрѣ на утѣсненіе земскихъ правъ и преимуществъ.

Полагая по сему исполненіе принятой Россіею гарантіи за первое въ поступкахъ нашихъ правило (потому что оною наипаче сохраняется въ Польшѣ нестроеніе, по ближнему и пространному сосѣдству толь для насъ полезное, не надобно еще пренебрегать и другихъ средствъ, кои интересамъ нашимъ равномѣрно споспѣшествовать могутъ.

Образъ правленія въ Польшѣ не дозволяетъ весьма, чтобъ всѣ вельможи могли жить въ единодушіи и раздѣлятъ ихъ по разнымъ интересамъ на разныя партіи, изъ которыхъ двѣ всегда главными и непремѣнными почитаемы быть могутъ, и одни слѣдуютъ во всемъ волѣ и прихотямъ королевскимъ, другіе же противятся онымъ всегда. Первые основываютъ партію свою на надеждѣ получить отъ милости государя знатные чины и староства, безъ которыхъ никакая въ Польшѣ фамилія долго въ почтеніи остаться не можетъ; а послѣдніе, напротивъ того, не предуспѣвъ въ подобныхъ желаніяхъ, больше отъ неудовольствія, нежели по другимъ какимъ причинамъ, возстаютъ противъ двора, чтобъ силою по крайней мѣрѣ вырвать что̀ ни есть у онаго въ пользу свою. Сіи двѣ главныя партіи раздробляются потомъ на меньшія части, кои въ разсужденіи партикулярныхъ своихъ видовъ называютъ себя партизанами Россіи, Франціи и короля Прусскаго, а прочіе государи не имѣютъ партіи не для того, чтобъ не находилось къ тому охотниковъ (ибо Поляки по лакомству своему готовы себя всякому продавать), но для того только, что сами они не намѣрены ихъ содержать.

Интересъ Россіи требуетъ однако, чтобъ при всей ненадежности содержать всегда партію, дабы тѣмъ гарантію нашу

не только въ силѣ сохранять, но и далѣе еще способомъ самыхъ Поляковъ распространять.

Кратчайшее къ составленію и содержанію партіи средство—деньги. Но какъ оныхъ никогда безъ надежды взаимной выгоды употреблять не должно, то и можемъ мы довольствоваться: 1) наружнымъ при всѣхъ случаяхъ подкрѣпленіемъ прежнихъ персонъ, 2) заступленіемъ въ пользу ихъ у короля, когда случаются порожніе чины и вакаціи, наблюдая весьма, дабы оное никогда въ туѣ чинимо не было; 3) генеральнымъ при всякомъ случаѣ обнадеживаніемъ о здѣшней протекціи, а особливо естьли бы въ оной когда дѣйствительно настала нужда. Кромѣ сихъ общихъ способовъ, есть еще у насъ особливые, кои по временамъ въ разсужденіи знатнѣйшихъ фамилій съ пользою употребляемы быть могутъ.

Чѣмъ больше въ отечествѣ своемъ кто терять можетъ, тотъ тѣмъ больше натурально и будетъ всегда помышлять о сохраненіи внутренней онаго тишины. Каждой Полякъ вѣдаетъ, что Россія, при первомъ у нихъ замѣшаніи, не можетъ остаться безъ участія; слѣдовательно и должны по неволѣ всѣ тѣ фамиліи, коихъ богатство состоитъ въ знатныхъ недвижимыхъ имѣніяхъ, наипаче между другими князья Радзивилы, по близости деревень своихъ отъ Россійской границы, искать и держаться здѣшняго покровительства отличностію предъ другими; напротивъ чего, намъ довольно приласкивать ихъ отъ времени до времени.

Министерство Польское, особливо канцлеры и вице-канцлеры, имѣютъ во многихъ случаяхъ великую силу. Недѣйствителенъ всякой королевской указъ, естьли не припечатанъ отъ одного изъ сихъ четырехъ министровъ; имъ принадлежитъ равномѣрно по законамъ охраненіе народныхъ правъ и вольностей, также судъ и расправа между города-

ми и по королевскимъ деревнямъ. Для удержанія власти королевской въ предѣлахъ интересъ здѣшняго двора требуетъ, чтобъ канцлеры всегда ненарушимо пользовались преимуществами чиновъ своихъ, во взаимство чего съ ихъ стороны не безъ причины ожидать можно, что они въ нашихъ съ Польшею дѣлахъ охотнѣе способствовать будутъ.

Здѣсь бы могъ настоять вопросъ: полезнѣе ли для Россіи, чтобъ въ Польшѣ былъ король чужестранной или гражданинъ. Одинъ и другой выборъ имѣетъ свои выгоды и свои неудобства; но какъ главное дѣло зависитъ наипаче отъ обстоятельствъ, то и нельзя рѣшить сего вопроса прежде нежели во-время спознаны будутъ свойства, состояніе и намѣренія каждаго претендента особливо.

Теперь остается упомянуть о замедленіи съ стороны республики въ признаніи Россійскаго императорскаго титула. Ни король, ни министерство не дѣлаютъ, правда, въ ономъ затрудненія; но сего недовольно, ибо на сеймѣ не учинено еще опредѣленія не затѣмъ, чтобъ Поляки не хотѣли согласиться на титулъ, но для того, что со многихъ лѣтъ ни одинъ почти сеймъ къ совершенству не могъ быть приведенъ.

Король Пруской находится съ нами въ равномъ случаѣ, а обоимъ дворамъ нѣтъ надежды скорѣе достигнуть желаемаго, какъ при счастливомъ совершеніи перваго сейма.

Артикулъ пятой. О Курляндіи.

Герцогства Курляндское и Семигальское служатъ Россіи преградою съ стороны опаснѣйшаго ея непріятеля, короля Прускаго.

Весьма для насъ равно, кто ни владѣетъ сими княжествами; ибо герцогъ, находясь подъ руками, по неволѣ всегда

принужденъ показывать намъ по крайней мѣрѣ видъ доброхотства; а надобно только предостерегать, чтобъ оной ни въ землѣ чрезъ мѣру не усилился, ниже съ какою постороннею державою, наименьше же съ королемъ Прускимъ, въ обязательства вступить могъ: одно и другое не сходствуетъ съ Россійскими интересами, потому что гораздо трудиѣе держать въ рукахъ герцога сильнаго и посторонпею помощью обнадеженнаго, нежели по себѣ безкредитнаго и во всемъ отъ Россіи зависящаго.

Какъ содержаніе въ Курляндіи министра для произведенія здѣшнихъ видовъ и дѣлъ весьма не безъ пользы быть можетъ, такъ не меньше должно всегда стараться, дабы герцогъ не допускалъ и не принималъ ко двору своему министровъ отъ другихъ государей.

Лутчій однако способъ сохранить въ Курляндіи большую силу и инфлюенцію давно уже извѣстенъ, да всегда же и употребляемъ былъ, то есть содержаніе въ оной на квартирахъ двухъ или трехъ полковъ войска.

Впрочемъ, по возстановленіи нынѣ Эриста Іогана во владѣніи, хотя и справедливо должно полагать, что онъ и фамилія его, изъ признанія къ Ея Императорскому Величеству, здѣшнимъ интересамъ постоянно преданы будутъ, однако къ вящему его въ толь полезныхъ мнѣніяхъ утвержденію кажется не безъ дѣйствія быть можетъ, естьли бы наслѣднаго его принца склонить можно было къ женитьбѣ на природной Россіянкѣ.

Артикулъ шестой. О Пруссіи.

Независимо отъ персоны нынѣ владѣющаго короля, интересы Берлинскаго двора не могутъ согласовать съ Россійскими, доколѣ оной, сохраняя всю свою силу, будетъ про-

должать толь знатной въ дѣлахъ роль. Самое положеніе взаимныхъ земель неспособно къ утвержденію между обоими народами добраго согласія. Слава, честь и польза наша требуютъ, чтобъ мы то для собственной своей безопасности, то для сохраненія общаго въ Европѣ равновѣсія, съ коимъ оная такъ тѣсно соединена, принимали въ дѣлахъ всегдашнее участіе; а напротивъ того, интересъ короля Прускаго, по равнымъ намѣреніямъ, то есть дабы ему самому имѣть большую инфлюенцію, заставляетъ его натурально всячески помышлять и стараться о томъ, чтобъ наше участіе, буде не вовсе уничтожить, по крайней мѣрѣ зависимымъ и меньше дѣйствительнымъ сдѣлать.

Начало послѣдней у насъ войны произошло не столько отъ неудовольствія противъ поступковъ короля Прускаго, сколько отъ намѣренія (за правило здѣшней системы принятаго) сократить его силы, дабы онъ, обрѣтаясь въ умѣренныхъ предѣлахъ, тѣмъ меньше способовъ имѣть могъ помущать своевольно Европейскую тишину. Дѣла были напослѣдокъ до того заведены, что не безъ основанія можно было скораго и совершеннаго въ намѣреніи нашемъ ожидать успѣха; по кончинѣ государыни императрицы Елисаветъ Петровны перемѣнились вовсе обстоятельства, и вмѣсто прежней вражды увидѣлъ свѣтъ съ удивленіемъ, что бывшій государь, изъ чуднаго къ королю Прускому ослѣпленія, не только купленныя кровію и милионами завоеванія тщетно въ жертву предалъ, но и больше еще, пренебрегая существительные имперіи своей интересы, корпусомъ войскъ ему вспомоществовать вздумалъ, дабы тѣмъ натуральную Россіи союзницу принудить къ безполезному миру и къ усиленію натуральнаго же Россіи непріятеля.

По что̀ тогда, въ разсужденіи возстановленнаго мира, по справедливости за вредъ и предосужденіе почитать надлежало, оное не можетъ теперь инако по перемѣвшимся обстоятельствамъ признаваемо быть, какъ за полезную и мудрую резолюцію; потому что государство по истощенію своему въ типшинѣ и покоѣ вящую ощущаетъ нужду.

Такимъ образомъ кажется, что нынѣ поведеніе наше съ королемъ Прускимъ на слѣдующихъ правилахъ учреждено быть можетъ:

1) содержать миръ и доброе согласіе, доколѣ онъ не подастъ къ разрыву причины или доколѣ собственная наша безопасность по общему въ Европѣ равновѣсію какому-либо неудобству подвержена не будетъ; 2) наблюдать недремлющимъ окомъ всѣ его при Портѣ и въ Польшѣ поступки, дабы изъ оныхъ въ одномъ или другомъ мѣстѣ не могло родиться новыхъ безпорядковъ, а особливо способомъ хана Крымскаго, которой для утвержденія себя и безъ того къ мятежу склоненъ; 3) употреблять всевозможное стараніе, дабы настоящую войну какъ можно скорѣе и полезнѣе для Австрійскаго и Французскаго дворовъ къ окончанію привесть, и для того 4) здѣшними представленіями отклонять Лондонской дворъ отъ подаянія королю Прускому помощи, ибо оная служила бы только къ продолженію войны, вопреки собственнымъ Британскаго двора интересамъ.

ВОПРОСЫ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ И ОТВѢТЫ КАНЦЛЕРА ГРАФА М. Л. ВОРОНЦОВА.

Копія съ пунктовъ писанныхъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою.

Пункты, на которые я желаю слышать разсужденіе:

1) Что̀ мнѣ надлежитъ дѣлать въ теперешнія конъюнктуры, клоняціяся во всей Европѣ къ миру, по сообщеніямъ Аглинскаго министра?

2) Послать ли въ Аугсбургъ на конгресъ министровъ, и съ какими инструкціями?

3) Надлежитъ ли сообщить другимъ державамъ пропозиціи о медіаціи, которую король Пруской мнѣ чрезъ генерала Чернышева офировалъ?

4) Надлежитъ ли нашимъ войскамъ въ Россію повернуться по теперешнимъ обстоятельствамъ?

5) Имѣемъ ли мы причины, давъ слово о содержаніи мира съ королемъ Прускимъ, оной миръ за полезной почитать, а въ противномъ случаѣ оной по своему передѣлать, къ чему намъ можетъ ли служить сепаратной артикулъ онаго мира?

6) Надлежитъ ли возобновительной трактатъ союзной съ Вѣнскимъ дворомъ содержать въ своей силѣ, или что̀ въ немъ поправить?

7) Надлежитъ ли нынѣ королю Прускому представить, чтобъ разоренную Саксонію отъ войскъ своихъ очистилъ и возвратилъ въ прежнее владѣніе?

8) Не подастся ли поводъ къ непринятію здѣшней медіаціи тѣмъ, что войска въ Россію возвращены быть имѣютъ, и не ослабѣютъ ли тѣмъ же здѣшнія негоціаціи на конгресѣ?

На собственноручные Вашего Императорскаго Величества пункты канцлеръ слабѣйшее свое мнѣніе всенижайше подвергаетъ на мудрое разсмотрѣніе Вашего Величества.

На 1-й. Разсуждая по послѣднимъ Аглинскаго посланника Кейта сообщеніямъ и полученнымъ реляціямъ отъ здѣшняго министра въ Лондонѣ, а особливо по внутреннему изнеможенію Франціи и Великобританіи, о склонности спхъ обѣихъ коронъ къ возстановленію общаго въ Европѣ мира, кажется, хотя и сумнительно только можетъ быть, что воюющія державы наконецъ согласятся на представленіе Вѣнскаго двора на взаимную посылку полномочныхъ министровъ на конгресъ въ Аугсбургъ.

Въ такомъ случаѣ, сколько для сохраненія пріобрѣтенной уже знатности здѣшней имперіи, а наипаче, дабы въ будущемъ замиреніи Ваше Императорское Величество имѣть изволили главное участіе, видится быть весьма нужно, чтобъ здѣшніе министры въ Лондонѣ, Парижѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ и Варшавѣ заблаговремянно инструированы были домогаться у оныхъ дворовъ согласія о допущеніи на конгресъ Вашего Величества министра. Правда, что заключенной съ королемъ Прускимъ односторонной миръ лишаетъ насъ права требовать такого допущенія инако, какъ отъ податливости воюющихъ державъ, потому что здѣшній дворъ не принимаетъ

въ продолженіи нынѣшней войны больше участія; токмо должно взять въ уваженіе, что собственной нѣкоторыхъ державъ интересъ требуетъ, дабы Россія не была вовсе исключена отъ генеральныхъ дѣлъ: то и можемъ мы по крайней мѣрѣ считать, что Вѣнской, Варшавской и Лондонской дворы сему намѣренію нашему препятствовать не будутъ.

На 2-й. Естьли Ваше Императорское Величество къ конгрессу всѣми или нѣкоторыми только коронами приглашены будете, тогда, примѣняясь къ существительнымъ отечества нашего интересамъ, переправя данныя прежде сего наставленія министрамъ нашимъ на конгресѣ, могутъ они на двухъ главныхъ правилахъ нынѣ основаны быть: 1) чтобъ общую въ Европѣ тишину прочно и твердо установить, и быть гарантомъ генеральнаго мира; 2) стараться доставить отъ короля Прускаго императрицѣ-королевѣ и королю Польскому, яко курфирсту Саксонскому, сколько можно выгоднѣйшія удовлетворенія.

На 3-й. Предлагать воюющимъ державамъ медіацію Вашего Императорскаго Величества, кажется, излишно. Король Прускій, упомянувъ объ оной съ начала къ генералу графу Чернышову, не отзывался потомъ ни къ князю Репнину, ни чрезъ барона Гольца; почему и должно думать, что намѣреніе его было только выпѣдать здѣшнія мнѣнія.

Дальное разстояніе мѣстъ, независимо отъ всѣхъ другихъ уваженій, можетъ одно служить отговоркою въ принятіи здѣшняго посредства; а сверхъ того естьли Франція и Англія, кои всѣмъ руководствуютъ, согласятся о собственномъ своемъ мирѣ, надобно думать, что постановятъ они между собою и о Германскомъ нѣкоторые договоры, коимъ прочіе дворы по неволѣ слѣдовать принуждены будутъ

На 4) Политически разсуждая, доколѣ въ Германіи продолжится война, интересъ и слава имперіи требуютъ, чтобъ нарочитой корпусъ Вашего Императорскаго Величества войскъ въ Польшѣ и нѣсколько въ Прускихъ земляхъ оставленъ былъ, дабы тѣмъ императрицу-королеву и ея сонзниковъ въ нѣкоторой надеждѣ, а короля Прускаго нѣсколько въ заботѣ содержа, придавать будущимъ негоціямъ больше важности и силы; такоже и Поляковъ въ уздѣ содержать. къ чему первой сепаратной артикулъ можетъ намъ въ семъ случаѣ нѣкоторымъ поводомъ служить. Но, напротивъ того, должно въ разсужденіе принять, что для благосостоянія имперіи Вашего Императорскаго Величества весьма нужно сохранить миръ, каковъ онъ ни есть; ибо искуство довольно показало, что счастливые успѣхи воинскіе изнуряютъ довольно силы государства, умалчивая о несчастливыхъ приключеніяхъ всякаго рода бываемыхъ отъ войны. Къ тому же содержаніе здѣшнихъ войскъ внѣ государства казнѣ Вашего Императорскаго Величества весьма тягостно. Со всѣмъ тѣмъ, ежели Вашему Императорскому Величеству угодно будетъ здѣшнія войска въ Польшѣ оставить, то необходимо надобно съ Вѣнскимъ дворомъ о продолженіи субсидій согласиться, и чрезъ то свободиться отъ платежа перебранныхъ графомъ Чернышовымъ субсидныхъ денегъ, а именно больше 400 тысячъ рублевъ, коихъ возвращенія цесарской посолъ требуетъ.

На 5) Заключенной съ королемъ Прускимъ миръ не можетъ полезнымъ почтенъ быть; но когда подтвержденъ уже оной разными Вашего Императорскаго Величества декларациями, то и не остается почти способа передѣлать его вовсе инако, развѣ только по сепаратному артикулу, оставляя (какъ выше упомянуто) въ Прускихъ земляхъ часть здѣшней арміи, и тѣмъ принудить короля Прускаго имѣть больше. уваженіе къ здѣш-

нимъ представленіямъ. Ежели Вашему Императорскому Величеству, какъ выше показано, угодно бы въ Польшѣ и Пруссіи корпусъ Россійскихъ войскъ оставить, то могла бы и сія польза произойти въ разсужденіи Поляковъ и хана Крымскаго, которой сумасбродными своимъ поведеніемъ доводитъ дѣла до такой крайности, что надобно вскорѣ ожидать съ его стороны дѣйствительнаго на Венгрію нападенія, почему Ваше Императорское Величество принуждены найдетесь, по силѣ вѣчнаго обязательства съ Вѣнскимъ дворомъ, принять паки въ войнѣ участіе. А для предупрежденія новой съ Турками войны, видится надлежитъ королю Прускому серіозно декларовать, чтобъ онъ престалъ Турковъ и Татаръ на Вѣнской дворъ подымать, и что въ противномъ случаѣ, ежелибъ Турки или Татары на области императрицы-королевы дѣйствительное нападеніе учинили, Ваше Императорское Величество принуждены будете, по обязательству съ Вѣнскимъ дворомъ, противу его сильную помощь подать.

На 6-е. Интересы Россіи съ интересами Вѣнскаго двора соединены самою натурою. Другъ другу не можемъ мы безпосредственно вредить, а напротивъ того весьма много помогать. И хотя оборонительному трактату не вышелъ еще срокъ, слѣдовательно и могъ бы оной нѣкоторымъ образомъ почитаться пребывающимъ въ силѣ; но какъ всѣ послѣдніе бывшаго императора поступки прямо противъ Вѣнскаго двора учреждены были, то и видится быть необходимо нужно возобновить старыя обязательства на имя Вашего Величества съ пристойными отмѣнами.

На 7-е. Учиненіе у короля Прускаго въ пользу Саксоніи Вашего Императорскаго Величества заступленіе согласуетъ весьма съ великодушіемъ и достоинствомъ Вашего Величества, но чтобъ оное не безъ дѣйствія осталось, и король

Пруской причины не имѣлъ отговориться отъ испражненія сего курфиршества подъ претекстомъ, что Австрійцы могли бы его оттуда въ собственныхъ земляхъ атаковать, нужно бы, кажется, представить вдругъ обѣимъ сторонамъ, дабы каждая свои войска на опредѣленной срокъ изъ Саксоніи вывела, оставляя оную на все время войны въ совершенномъ нейтралитетѣ.

Польза отъ сего поступка, кромѣ славы, та, что король Польской Вашему Императорскому Величеству на вѣкъ обязанъ будетъ.

На 8-е. На сей пунктъ точно сказать не можно, чтобъ, по возвращеніи здѣшнихъ войскъ въ отечество, медіація Вашего Величества лучше принята или отклонена быть могла; потому что Ваше Величество собственно для Россіи ничего требовать ниже къ какой либо державѣ предилекціи имѣть не изволите. И для того ожидать должно лутчей податливости воюющихъ державъ, уваженія и должной консидераціи къ персонѣ Вашего Величества.

1762 года Іюля 30 дня.

Мнѣніе его сіятельства графа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина о классахъ Малороссійскимъ чинамъ, съ изъясненіями на каждой пунктъ того мнѣнія отъ гетмана графа Разумовскаго *).

(1764).

Какъ при высочайшемъ Ея Императорскаго Величества соизволеніи о пожалованіи Малороссійскимъ чинамъ классовъ и монаршее повелѣніе есть разсмотрѣть поданной о томъ отъ его сіятельства гетмана докладъ: то во исполненіе онаго графъ Бестужевъ-Рюминъ за потребно находитъ по поводу помянутаго доклада примѣтить.

1) Хотя его сіятельство гетманъ представляетъ, что Малороссійская нація не оружіемъ и силою покорена, но добровольно сама въ подданство Россійское пришла, однакожъ дѣло извѣстное и доказательное, что Малороссійской народъ издревле былъ подданной Россійской, потомъ состоялъ подъ Польшею, а при его величествѣ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ опять возвратился.

На 1) что Малороссійской народъ издревле былъ подданной Всероссійскихъ монарховъ, потомъ состоялъ подъ Поль-

---

*) „Изъясненія“ или отвѣты графа Разумовскаго напечатаны тѣснѣе. П. Б.

шею и паки къ Россійской державѣ возвратился, сіе не токмо никакого въ чести его и въ преимуществахъ уменьшенія не чинитъ, но еще (въ разсужденіи, что онъ изъ единаго усердія своего къ Россіи яко къ своему отечеству отъ посторонняго владѣнія собственною своею силою чрезъ долговременную войну, съ потерянiемъ имѣнія и многіе лишеніемъ животовъ своихъ освободя себя, присоединился и въ непоколебимой вѣрности болѣе ста лѣтъ пребываетъ) тѣмъ паче заслуживаетъ ту честь, дабы того Малороссійскаго народа чиновные съ Великороссійскими уравненіе въ классахъ имѣли, какъ изъ начала принятія подъ Россійскую державу чрезъ многіе годы почитаемы были уравнительно. о чемъ многіе доказываютъ письменные виды.

2) По неимѣнію у Малороссійскихъ чиновъ ранговъ безспорно затрудненія и помѣшательства случаться могутъ, когда они по земскимъ и тому подобнымъ дѣламъ съ Великороссійскими опредѣляемы бываютъ. Но когда безъ изъятія всѣмъ Малороссійскимъ чинамъ, то есть военнымъ и гражданскимъ, классы или ранги дадутся, и по тому они старшинствомъ считаться станутъ: то отъ того можетъ и такое неудобство произойти, что иногда въ военныхъ парядахъ доведется Малороссійскимъ чинамъ командовать регулярнымъ Малороссійскимъ войскомъ.

На 2) Чрезъ положеніе въ классы Малороссійскихъ чиновъ всѣ производимыя донынѣ затрудненія, бываемыя въ сообщеніяхъ съ Великороссійскими при военныхъ командированіяхъ и въ гражданскихъ засѣданіяхъ, пресѣкутся: ибо тогда всякой, зная свое мѣсто, по тому и состоять безспорно долженъ будетъ. И дабы при случаѣ военныхъ парядовъ обще съ Великороссійскими замѣшательства не было, сіе зависѣть будетъ отъ главныхъ командировъ, въ какомъ Малороссійскомъ чинѣ кого подъ команду Великороссійскую командировать. И такъ не можетъ быть никакой обиды ни Великороссійскимъ регулярнымъ, ни Малороссійскимъ войскамъ и

ихъ командирамъ; но лутчій еще порядокъ, а потомъ и вящшее согласіе введется. И ежели бъ его сіятельство при разсужденіи въ собраніи былъ, то о семъ пунктѣ, яко довольно трактованномъ, и не упоминалъ бы.

3) Хотя нѣкоторые Лифляндскіе и войска Донскаго чины имѣютъ ранги, слѣдовательно берутъ по тому при публичныхъ церемоніяхъ принадлежащія имъ мѣста, но сіи ранги имъ только на ихъ персоны, а особливо Донскимъ чинамъ въ награжденіе за ихъ службы и отмѣнныя воинскія дѣла.

На 3) Суть нѣкоторые и изъ Малороссійскихъ старшинъ, кои персонально пожалованы чинами Великороссійскими, но чрезъ сіе съ прочими Малороссійскими старшинами въ управленіяхъ порученныхъ имъ командъ и дѣлъ также бываетъ не безъ споровъ и переписокъ: ибо другимъ Малороссійскимъ чинамъ немало сіе прискорбно, что ихъ же товарищи и по старшинству Малороссійскому младшіе по пожалованному имъ персонально чину Великороссійскому принимаютъ первенство. Лифляндцовъ же и Донцовъ въ примѣръ Малой Россіи ставить не слѣдуетъ, потому что въ Лифляндіи по ихъ правамъ главные чины суть ландраты, коимъ классъ генералъ-маіора показанъ, военныхъ же чиновъ головою *) тамъ нѣтъ. А въ Малой Россіи состоятъ учрежденные чины военные и статскіе, и всѣ тѣ, которые ихъ исправляютъ, суть изъ старшинаго шляхетства, и многіе отъ государей Россійскихъ на дворянство грамоты имѣютъ; кольми же паче Малороссіянъ равнять не слѣдуетъ и съ Донскими казаками, гдѣ только тотъ и дворянинъ (ежели его такъ назвать можно), которой чинъ регулярной получилъ, а прямаго дворянина тамъ никогда не бывало.

4) Хотя Малороссійскіе чины уже и прежде государствованія ея величества въ Бозѣ опочивающей императрицы Елисаветъ Петровны и при ней о томъ просили, но на по-

*) По нынѣшнему сказать, вообще. П. Б.

добное сравненіе съ Великороссійскими чинами снисхожденія не показано, а ранги давать обѣщано, или и рѣшено было равномѣрно, по заслугамъ, каждому на персону. О семъ лутче видѣть можно въ Малороссійскихъ дѣлахъ, взятыхъ въ Правительствующій Сенатъ изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

На 4) Еще во время государствованія блаженныя памяти государя императора Петра Втораго, Государственная Иностранныхъ Дѣлъ Коллегія представляла свое мнѣніе о уравненіи Малороссійскихъ чиновъ съ Великороссійскими; но за скорою тогда его величества кончиною рѣшенія не воспослѣдовало. Да и чтобъ въ семъ прошеніи отъ ея величества государыни императрицы Елисаветъ Петровны соизволенія не было, такого рѣшенія нѣтъ; а ежели бъ оное было, то Правительствующій Сенатъ скоро за подачею въ 756 годѣ моего о такомъ же прошеніи листа не имѣлъ бы причины готовить доклада, но не оставилъ бы безъ предложенія мнѣ, что за конечнымъ о томъ уже рѣшеніемъ и ожидать нечего. Въ прочемъ, что ея величество государыня императрица Елисаветъ Петровна намѣрена была всѣмъ Малороссійскимъ чинамъ пожаловать уравненіе классовъ противъ Великороссійскихъ рангово, то съ такимъ объявленіемъ присыланъ былъ ко мнѣ совѣтникъ Сабакинъ.

5) Подобнымъ уравненіемъ всѣхъ Малороссійскихъ чиновъ безъ изъятія неминуемо поводъ поданъ быть можетъ и всѣмъ прочимъ нерегулярнымъ войскамъ, а паче Донскому, такихъ же рангово и уравненія просить, когда они, а особливо послѣдніе, всегда, а того большія въ послѣднюю войну существительныя услуги и отмѣнныя дѣла храбрости и мужества оказали.

На 5) Между Малороссійскими и другими въ Россіи обрѣтающимися нерегулярными войсками немалое различіе есть: ибо Малороссійской народъ, какъ выше упомянуто, суть природные издревле Россіяне и, будучи чрезъ разные случаи отторгнуты отъ Россіи подъ Польшу, паки къ Россіи соб-

ственнымъ своимъ оружіемъ себя въ подданство привели, и какъ воинскую такъ и гражданскую службу во всѣхъ Россійскихъ интересахъ несутъ, не получая изъ казны государственной противъ другихъ войскъ жалованья. А что Малороссійское войско во всѣхъ прежнихъ воинскихъ дѣйствіяхъ даже до самой послѣдней Турецкой войны ревностно и мужественно противу непріятелей поступало, о томъ довольныя свидѣтельства имѣются. Въ туже Турецкую войну, когда начали у командированныхъ въ походъ казаковъ отбирать ихъ собственныхъ лошадей подъ возку артилеріи и другихъ тяжестей и употреблять самихъ ихъ въ самыя непристойныя и партикулярныя услуги (какъ и нынѣ почти за всегда съ командируемыми казаками поступается), то можно ль воину, лишенну собственной своей лошади и почти обезоруженному, бывши и употребленну не по званію его къ другому дѣлу, бодрость и мужество свое показать, оставляю на прозорливое Ея Императорскаго Величества разсмотрѣніе. Что жъ надлежитъ до похваляемаго нынѣ Донскаго войска, то оное хотя состоитъ смѣшено изъ бѣглецовъ и пришельцовъ отъ разныхъ народовъ, но при всемъ томъ не токмо спокойно многими отведенными имъ угодьями пользуясь, безпрепятственно обогащается, но и еще какъ въ мирное, такъ и въ военное время содержится на казенномъ жалованьѣ, и не токмо ни малѣйшими не обложено податьми, но и никуда кромѣ воинскихъ походовъ не командируется. Малороссійское же войско имѣетъ завсегда въ домахъ своихъ на квартирахъ драгунъ, и довольствуютъ ихъ не токмо положенное число конистентовъ, но и сверхъ того, какъ во время Турецкой войны, такъ и послѣ въ недавно кончившуюся Прускую войну, многіе понесли убытки съ собственнаго своего имѣнія, на счетъ заплаты коихъ до нѣсколько милліоновъ быть по счету можетъ; и сверхъ того нынѣ къ разнымъ казеннымъ работамъ, какъ то ко укрѣпленію по границѣ Польской и дѣланію на Дону крѣпости на всемъ собственномъ своемъ иждивеніи употребляются и такожде къ службѣ воинской высылаются. За всѣми тѣми и другими многими отъ Малорос-

сійскаго воиска происшедшими и происходимыми въ пользу государственную услугами, безъ маѣйшаго казеннаго ущербу, можно ль сравнивать Малороссійское войско съ другими нерегулярными войски, предаю на высочайшее Ея Императорскаго Величества разсужденіе.

6-е. Со всѣмъ тѣмъ Малороссійская старшина, по своимъ привилегіямъ, въ чины выбираются вольными голосами, а напротивъ того складываютъ съ себя чины по ихъ изволенію. Изъ сего слѣдуетъ, что одни, оставляя свои чины, а другіе въ оные вступая, множество дойдетъ безъ всякихъ заслугъ и съ крайнею обидою Великороссіянъ, великихъ чиновъ умалчиваю. И хотябъ они по градусамъ изъ нижнихъ чиновъ въ высшіе выбирались, то и тогда Великороссійскимъ чинамъ съ самыхъ нижнихъ степеней восходить обидно будетъ, тѣмъ паче, что долгое время чрезъ многіе нижніе чины до вышняго проходить надобно.

На 6-е. Подлинно, Малороссійская старшина выбираются по ихъ привилегіямъ въ чины вольными голосами изъ ближайшихъ къ тому нижнихъ чиновъ, что самое доказываетъ, яко безъ достоинства и заслугъ никто за таковымъ избраніемъ въ чинъ произойти не можетъ; ибо, въ случаѣ какого Малороссійскаго чина ваканціи, прочая Малороссійская старшина, собираяся вмѣстѣ, выбираютъ обществомъ по старшинству и по линіи изъ между себя, уважая къ тому заслуги и достоинство и представляютъ кандидатовъ ко мнѣ, а я изъ между выбранныхъ кандидатовъ достойнѣйшаго опредѣляю. Прочіе же вышніе чины представляются, по учиненіи выборовъ, къ высочайшему государскому утвержденію. И какъ нижніе безъ главной команды собою себя отставить не могутъ, такъ и о вышнихъ, когда они пожелаютъ въ отставку, представляется для полученія послѣдней милости къ высочайшему разсмотрѣнію, такъ точно какъ то и въ Великороссійской военной и гражданской службахъ происходитъ.

7-е. Особливо бунчуковые товарищи, которые подъ бунчукомъ яко гвардія Малороссійская рядовыми служатъ, равно какъ и всѣ прочіе бунчуковые жъ войсковые и значковые товарищи по полкамъ выбираются изъ неслужащихъ или простыхъ казаковъ, отъ чего и число ихъ весьма велико, такъ что всякой неслужащій можетъ въ крайнюю обиду Великороссіянамъ начать службу съ маіорскаго, капитанскаго, порутчичья и прапорщичья чиновъ, ежели бъ по приложенной табели чины ихъ съ Великороссійскими регулярными чинами въ сравненіе приведены были.

На 7-е. Бунчуковые товарищи не почитались никогда за Малороссійскую гвардію; но сей чинъ, также и войсковаго товарища, введенъ издревле для почтенныхъ людей, отмѣнившихъ себя довольною воинскою службою или долговременными при дѣлахъ трудами, также дѣтямъ генеральныхъ старшинъ и полковничьимъ, за довольныя же отеческія и предковъ ихъ службы дается. Но и такіе теперь весьма рѣдко прямо въ бунчуковые товарищи производятся, но дослуживаются чрезъ нѣсколько лѣтъ изъ нижнихъ чиновъ и опредѣляются къ присутствіямъ у дѣлъ, не имѣя на тѣ свои чины никакого жалованья. Значковые жъ товарищи суть при полкахъ, и ихъ въ каждомъ полку коликому числу быть, именнымъ собственноручнымъ блаженныя памяти государыни императрицы Анны Іоанновны указомъ опредѣлено, о которомъ, какъ видно, его сіятельство никогда и не слыхалъ. И въ то число значковыхъ товарищей опредѣляются по заслугамъ же изъ дѣтей старшинъ полковыхъ и сотничьихъ, а не изъ простыхъ казаковъ. Что бы же въ Малой Россіи прямо изъ простыхъ казаковъ въ большіе чины происходили, того никогда не дѣлается; да и какимъ образомъ производить изъ чина въ чинъ, о томъ въ поднесенномъ отъ конференціи Ея Императорскому Величеству докладѣ довольно изъяснено.

8-е. Сверхъ того какіе бы чины Малороссійскимъ въ сравненіе съ Великороссійскими пожалованы ни были, симъ по-

слѣдимъ, яко совершенно регулярнымъ и по степенямъ самыхъ нижнихъ чиновъ восходящимъ, надъ Малороссійскими старшинство дать принадлежитъ: ибо и ландмилицкіе регулярные полки, но не всегда въ службѣ обрѣтающіеся, старшинство полевымъ полкамъ по силѣ указовъ уступать должны.

На 8-е. О старшинствѣ регулярныхъ чиновъ предъ Малороссійскими, то есть ежели кто изъ Малороссійскихъ старшинъ положенъ будетъ въ классъ армейскаго полковника, то дѣйствительному служащему регулярному полковнику, а по примѣру тому и другіе Малороссійскіе старшины регулярнымъ равнымъ себѣ чинамъ первенство уступать должны,— сіе зависитъ отъ высочайшаго благоусмотрѣнія и повелѣнія, о чемъ и въ поднесенномъ Ея Императорскому Величеству докладѣ довольно изъяснено.

9-е. Между тѣмъ, пріемля въ разсужденіе первой по гетманѣ Малороссійской чинъ обознаго генеральнаго, видится весьма много сравнить его съ старшимъ генералъ-порутчикомъ, но паче предовольно бъ было числяться ему молодшимъ генералъ-порутчикомъ, а старшимъ генералъ-маіоромъ, тѣмъ паче, что и самые прежніе гетманы ранги имѣли только молодшаго полнаго генерала и старшаго генерала-порутчика. какъ то доказуетъ и свидѣтельствуетъ печатная книга церемоніи коронованія государя императора Петра Втораго. И хотя его сіятельство нынѣшній гетманъ имѣетъ рангъ съ старшинствомъ генерала-фельдмаршала, но оное пожаловано ему изъ отличной къ нему персональной милости и довѣренности, такъ какъ и грамата на сей чинъ предъ всѣми прежними гетманами безпримѣрно отличнѣе и превосходнѣе пожалована: ибо по древнимъ примѣрамъ, между которыми былъ и Мазепа, можно ли къ будущимъ гетманамъ такую довѣренность имѣть и излишнія привилегіи дозволять, оное въ своемъ мѣстѣ оставляется.

На 9-е. Въ разсужденіи цѣлой Малороссійской націи чтобъ одному персонѣ, состоящему въ чинѣ обознаго генеральнаго и первому по гетманѣ, быть сравнену съ генералъ-поручикомъ, сіе не токмо не чрезвычайно, но и за справедливо признано быть слѣдуетъ. Ибо уже таково сравненіе дѣйствительно имянными блаженныя и вѣчно достойныя памяти государыни императрицы Анны Іоанновны въ 734 году состоявшимся и печатными манифестами обнародованнымъ указомъ постановлено было, якоже по смерти гетмана Апостола при учрежденіи въ Малой Россіи главнаго правленія повелѣно имѣть присутствіе изъ Великороссійскихъ генералу-лейтенанту и гвардіи подполковнику князю Шаховскому, а изъ Малороссійскихъ старшинъ обознову генеральному Лизогубу и имъ быть въ засѣданіи въ равенствѣ, а сидѣть на правой сторонѣ Великороссійскимъ, а на лѣвой Малороссійскимъ. Къ тому же обозный генеральный по чину своему вѣдаетъ и управляетъ подъ дирекціею гетманскою всѣми въ Малой Россіи имѣющимися генерально полковыми и сотенными, походными и городовыми артилеріями. Что жъ касается до чести гетманской, то хотя здѣсь и упоминать не для чего, но изъ причины внесенія въ выше показанномъ мнѣніи такой посторонности не преминается изъяснить:

Гетманы прежніе, начавъ отъ Богдана Хмѣльницкаго до Апостола, ни съ какими Великороссійскими чинами сравненія требовать не имѣли причины; ибо во всѣхъ случаяхъ, такожъ и во время пріѣзду ихъ къ государевому двору, съ какою честію приниманы и почитаемы были, о томъ, ежели надобно, сыскаться можетъ довольно видовъ, доказывающихъ знаменитость и отличіе гетманскаго достоинства. Да и гетманъ Апостолъ, которой въ гетманскомъ преимуществѣ и уменьшенъ былъ, однакожъ никогда ниже полнаго генерала сравниванъ не бывалъ; ибо въ 733 годѣ бывшіе тогда въ государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ министры признали его генераломъ полнымъ, какъ о томъ за подписомъ ихъ доказываетъ учиненное тогда мнѣніе. Нынѣшнему жъ

гетману на утвержденіе гетманскаго достоинства грамата пожалована во всемъ въ сходство такой же граматы, какова была жалована гетману Скоропадскому отъ его величества государя императора Петра Великаго за собственноручнымъ его величества подписаніемъ.

10-е. Естьли таковое монаршее соизволеніе о вышепомянутомъ первомъ Малороссійскомъ чинѣ воспослѣдуетъ, по оному уже и прочіе всѣ уровнять можно; токмо видится, нужно прежде сего сравненія въ классахъ имѣть не токмо списокъ всѣмъ нынѣ наличнымъ товарищамъ, но и поставленной уже штатъ сколько ихъ впредь содержать какъ для усмотрѣнія, сколько сихъ штабъ и оберъ-офицерскихъ чиновъ прибавится, такъ и для предупрежденія, дабы ихъ иногда тысячъ до двухъ каждой годъ не умножилось, и дабы они наконецъ старшинствомъ надъ Великороссіянами преимущества не возъимѣли, тѣмъ паче, что (какъ выше упомянуто) могутъ они и чрезъ нѣсколько дней по произволу чины свои оставлять, а на мѣста ихъ новыхъ производить.

На 10-е. Учредить штатъ коликому числу бунчуковыхъ и войсковыхъ товарищей быть, я также признаю быть надобнымъ; а и теперь ихъ не болѣе двусотъ состоитъ, которые и раздѣлены на разныя статьи. Никто жъ изъ бунчуковыхъ и войсковыхъ товарищей и другихъ всѣхъ Малороссійскихъ чиновъ по своему произволу чиновъ своихъ не оставляютъ, но какъ выше изъяснено, въ 6-мъ пунктѣ изъ разсмотрѣнія моего по довольнымъ причинамъ увольняются иные вовсе, а другіе токмо отъ воинской службы, а къ внутреннимъ употребленіямъ и присутствіямъ у дѣлъ наряжаются.

Подлинное подписано тако: графъ К. Разумовскій.

Записка о Малой Россіи *).

1.

Прежде нежели разсуждается о способахъ, чрезъ которые бы привести въ лучшій порядокъ Малую Россію, нужда сего дѣла требуетъ кратко показать, что народъ Малороссійской, въ 1654 году пришедшій въ подданство подъ державу Всероссійскую, по свидѣтельству достовѣрныхъ лѣтописцовъ Россійскихъ, есть издревле прямой Россійской и по слабости только тогдашнихъ силъ великихъ князей Кіевскихъ отщетившійся. Показать также надлежитъ, каковые въ семъ народѣ происходятъ теперь непорядки, которые внутренне сей народъ разоряютъ и въ несостояніе приводятъ, а государственный интересъ отъ того ущербъ немалый пріемлетъ.

2.

О происхожденіи народа Малороссійскаго.

При самодержавіи великаго князя Владимира Кіевскаго о казакахъ ниже Малороссійскихъ, ниже Запорожскихъ никакого свѣдѣнія не было; но все то, что̀ Малою Россіею нынѣ называемъ, было великое княженіе Кіевское, которое отъ раз-

*) Эта записка приложена къ предъидущему „Мнѣнію“ графа Бестужева. П. Б.

дѣла въ наслѣдство дѣтямъ его и отъ ихъ междоусобія изчезать начало, а Батыемъ почти въ конецъ уже разорено и съ котораго времени Татары въ Кіевѣ и въ другихъ тамошнихъ городахъ Россійскихъ князей на княженія возводили и низвергали, доколѣ Гедиминъ, князь Литовскій, въ 1240 году отъ Рождества Христова надъ рѣкою Припетью городъ Кіевъ и всѣхъ потомъ Русскихъ князей себѣ покорилъ.

3.

Начало казаковъ Запорожскихъ.

По совершенномъ завладѣніи Поляками всею Червленною Россіею и городомъ Кіевомъ, яко столичнымъ, въ которомъ они намѣстниковъ своихъ содержали, можно положить начало казаковъ Запорожскихъ (ибо отъ сихъ и всѣ Малороссійскіе Запорожскими казаками даже до конца прошлаго вѣка назывались), что̀ учинилося около 1340 года отъ Рождества Христова. Въ сіи времена завоеваны Поляками бывшіе Россійскіе люди и, опасаяся чужой власти, принуждены были жилища свои оставлять и селиться выше и ниже по рѣкѣ Днѣпру. И чѣмъ больше чужое владѣніе было тягостно симъ завоеваннымъ Россійскимъ отъ Поляковъ, тѣмъ паче они принуждены были за порогами искать себѣ убѣжища и соединяться съ тамошними переселенцами. Безпрестанные поиски въ таковыхъ обстоятельствахъ сосѣдственныхъ Поляковъ, или паче владѣтелей, надъ своими по тогдашнему бѣглецами, а притомъ (когда они усилилися числомъ и силою) нападенія отъ сосѣдственныхъ Поляковъ, Литовцовъ, Татаръ и Турокъ, привели сей народъ Россійской къ воинскому учрежденію и храбрости, хотя они въ томъ прежде воспитаны и не были.

Что сей народъ прямо Россійской или Русской, то кромѣ вышепомянутаго свидѣтельства доказывается еще языкомъ ихъ и произношеніемъ, которое есть прямо-русское и нѣсколько по сосѣдству смѣшанное съ Польскимъ. Такожде законъ ихъ издревле Греческой, Владимировымъ крещеніемъ въ нихъ введенный, въ которомъ они твердо и по сіе время пребываютъ. Да и нигдѣ по исторіямъ не видно того, чтобъ они когда-либо отъ онаго отщепилися; но еще паче за оный отъ всѣхъ прочихъ иновѣрныхъ отступали, защищая себя оружіемъ: ибо когда народъ сей управляемъ былъ великими князьями Россійскими, яко природными своими, тогда не токмо возмущенія ихъ не было или отдѣленія въ иное преселеніе, но и имени казаковъ по всѣмъ лѣтописямъ не находится.

4.

Таковая перемѣна не въ одинъ годъ и не въ одинъ человѣческой вѣкъ дѣлается. Но вѣроятно, что отъ вторичнаго Татарами города Кіева и всѣхъ окрестныхъ мѣстъ разоренія въ 1415 году переселенцовъ за порогами еще больше умножилося. Такожде въ 1471 году король Казимиръ Четвертый, Ягеловъ сынъ (который Прусаковъ и Молдавцовъ въ подданство принялъ) всю Русь съ Польскаго примѣру раздѣлилъ на повѣты. А въ 1506 году Сигизмундъ Первый статутъ Княжеству Литовскому далъ, какъ то видно изъ статута нынѣшняго, раздѣла 7-го, артикула 13-го, пункта 4-й, и въ тоже время учредилъ, дабы Русь была (что нынѣ *Малая Россія*) особливое воеводство, называемое Русское, которое во всемъ привилегіями уравнилъ Литовскому, и далъ имъ особливаго гетмана изъ фамиліи сенаторской Пранскаго (Кромеръ кн. 28, 29. 30 и Гваньинъ), такъ какъ и нынѣ коронный и Ли-

товскій гетманы въ Польшѣ избираются. Но въ 1576-мъ году король Стефанъ изъ фамиліи Трансильванскихъ князей, прозываемыхъ *Батори*, сей Малороссійской статутъ (раздѣлъ 4, арт. 1, пунктъ 1) яко новый, за многою отмѣною прежняго, княжеству Литовскому постановилъ и опредѣлилъ въ Русскомъ воеводствѣ (что нынѣ Малая Россія) обознаго судью, писаря и есаула, а гетману вручилъ знами свое, бунчукъ, булаву и печать. Съ того времени чиновные и управляющіе Поляки, за сравненіе едино съ собою, презирая управляемый ими Малороссійской народъ, отъ долговременныхъ Татарскихъ разореній оставшійся, въ такое утѣсненіе приводили, что черезъ многія лѣта большая часть онаго переселилася въ тѣ дикія мѣста Запорожскія, пробавляя себя поисками надъ Татарами, Турками, а паче Поляками, отъ котораго времени та привычка и понынѣ еще въ Запорожцахъ пребываетъ. Впрочемъ Запорожскіе жители не взирали никогда на права Польскія, данныя имъ королемъ Казимиромъ, но паче никакихъ законовъ отъ Поляковъ не принимали. Но что до вѣры ихъ принадлежитъ, то по природѣ токмо хранили законъ Греческой православный, который отъ времени Владимира, чрезъ преданія, въ нихъ вкорененъ; къ прожитію же ихъ помогала рыбная ловля и звѣриная, которою и нынѣ пробавляются. И такъ оставшіеся жители отъ переселенцовъ въ Руси подъ Польскою державою всю тягость по неволѣ сносили до времени Богдана Хмельницкаго, дѣлая многія покушенія черезъ промыслы своихъ гетмановъ. Тогда уповательно отъ времени Казимира короля, а паче Стефана Батори, который наибольшіе порядки въ нихъ учредилъ, титулы и чины противъ Польскихъ наданы.

Откуда имя Малой Россіи?

Сія Русь *Малой Россіи* имя для различія отъ Великой Россіи получила; а переселенцы, яко живущіе за порогами, остались *казаками Запорожскими*; но во время освобожденія отъ ига Польскаго, пристали къ гетману Малороссійскому, не имѣя уже болѣе опасности отъ Поляковъ, которымъ и понынѣ омщенія чинить не престаютъ. И по коихъ поръ Кіевское княжество соединено было съ Великороссійскимъ, таковаго различія имени въ Россіи не было.

5.

Все вышеписанное утверждается ясно какъ Русскими и Малороссійскими лѣтописцами, такъ и многими чужестранными авторами.

Изъ сего видѣть можно, что Малая Россія не только землями своими, но и самимъ народомъ есть издревле Россійская, слѣдовательно Ея Императорскому Величеству подданствомъ прежде приступленія ея подъ державу Россійскую принадлежащая.

6.

Причины отступленія отъ Польши Малой Россіи.

Пребываніе сего народа долговременное подъ владѣніемъ королевства Польскаго, вкоренепные права и законы сея республики въ начальствующихъ Малороссійскихъ, которые затвержены были и въ простомъ ихъ народѣ, а притомъ сходное по сосѣдству домашними обрядами житіе вкоренили нѣкоторое и предпочтеніе тогда въ Малороссійскомъ народѣ къ Полякамъ передъ Великою Россіею, которое въ первую по-

ловину прошлаго вѣка отступило, понуждаемо налогами на нихъ Польскими. Оные налоги и утѣсненія никогда бы дѣйства не произвели къ столь великому возмущенію противу Поляковъ въ Малороссійскомъ народѣ, ежелибы Поляки не коснулися утѣснять и обращать въ Унію церкви Малороссійскія Греческія. Сему пособствовала Богдана Хмельницкаго храбрость, яко обиженнаго на то время отъ республики по собственной своей персонѣ отъ старосты Чаплинскаго и управы не получившаго отъ республики. Сей Хмельницкій, бѣжавши въ Запорожье и согласися съ Запорожцами, возмутилъ весь народъ Малороссійскій и оружіе поднять противу Поляковъ побудилъ; а наконецъ, хотя и по удачнымъ нѣкоторымъ сраженіямъ, со всѣмъ народомъ, не могучи болѣе стоять противу оружія Польскаго, искалъ себѣ спасенія и защищенія въ подданствѣ Россійской державы. Смотри о семъ разныя книги, а именно: 1) Histoire des diètes de Pologne. 2) Relation des Cosaques. 3) Thevenot Recuel des voyages и 4) Dictionnaire de Moreri, такожде лѣтописи Малороссійскія и статьи Хмельницкаго и прочихъ гетмановъ; а особливо Histoire de la guerre des Cosaques contre la Pologne. par Pierre Chevalier. печатана въ Парижѣ въ 1663 году.

Исторіа сего времени и продолжающагося даже до Мазепиной измѣны ясно показываетъ, что не успѣлъ только ихъ приводчикъ гетманъ Хмѣльницкій въ 1657 г. животъ свой окончать, а уже они по склонности своей къ Полякамъ помышлять стали о измѣнѣ Россійскому государству, и первый опекунъ сына Хмельницкаго Юрья (въ гетманы избраннаго въ лѣтахъ молодыхъ) Иванъ Виговскій измѣну учинилъ (тотъ же самый, который, будучи писарь генеральный, при Богданѣ Хмельницкомъ способствовалъ сей народъ привести въ подданство

Всероссійской державѣ), что́ самое слѣдующаго 1658 года при младолѣтномъ гетманѣ Юрьѣ Хмельницкомъ, отрѣша его отъ гетманства и согласяся чрезъ секретную переписку съ посломъ Польскимъ маршалкомъ Гнѣзенскимъ, и въ дѣйство произвелъ. Хотя же оная его измѣна и скоро открылася по доносу полковника Полтавскаго, прозываемаго Пушкаря, однакожъ притворствомъ и хитростію Виговскій таилъ такъ, что уже насилу измѣна его въ 1660 году явною оказалася.

По семъ возмущеніи, которое немалымъ кровопролитіемъ отъ обѣихъ сторонъ укрощено, ни единаго гетмана (до самаго Скоропадскаго) не было, который бы или не измѣнилъ дѣйствительно, или по меньшой мѣрѣ къ измѣнѣ не порывался, а именно *Юрья Хмельницкій, Виговскій, Бруховецкій, Дорошенко, Демьянъ Игнатовичъ, Самуиловичъ, Мазепа,* и между ними многіе на краткое время бывшіе самозванцы, возмущеніемъ только народнымъ выбранные, то-есть: *Безпалый, Искра, Тетеря, Васюта, Опара, Децикъ, Суховей, Ханенко, Остапъ Гоголь, Яненко, Куницкій, Могила, Драгиничъ,* и еще два сына гетманскихъ *Григорій* и *Яковъ Самуиловичевы,* которые также самозванцы и возмутители, многими казаками уже за Днѣпромъ послѣ отца своего командующіе пойманы и Мазепою казнены смертію. Всѣ до единаго или измѣнили, или къ измѣнѣ наклонялися, которая склонность всегда происходила не отъ самаго народа, яко весьма подобострастнаго и удаляющагося отъ ига Польскаго, но отъ хитрости старшинской и доселѣ не мало дѣйствующей въ семъ простомъ народѣ, доколѣ мудрый и прозорливый монархъ государь императоръ Петръ Великій не предпріялъ удобовозможныхъ мѣръ къ отвращенію шатости Малороссійскаго народа, разными явными и скрытными учрежденіями.

Явственно есть изъ сего, что Малороссійскіе старшины съ народомъ не болѣе какъ три года, то-есть при жизни только гетмана Богдана Хмельницкаго, усердно пребывали подъ Великороссійскою державою, которое усердіе окончилося съ смертію его Хмельницкаго. Прочее же все время отъ 1657 года по 1708 годъ Малая Россія, по предводительству старшинъ своихъ, измѣнами повсегодными колебалася.

1.

О непорядкахъ, которые происходятъ отъ чиновниковъ Малой Россіи.

Долговременное сего народа отъ самодержавія Всероссійскаго отдѣленіе, а потомъ привычка къ Польскому праву, которое королями Казимиромъ, Сигизмундомъ Первымъ и Стефаномъ Батори для лучшаго притязанія въ единство своей области въ нихъ вкорепено, вкоренило въ Малороссійской народъ особливыя мысли о своихъ вольностяхъ и обыкновеніяхъ. А притомъ заключеніе статей Богдану Хмельницкому въ 1654 году (по неизвѣстнымъ нынѣ тогдашнимъ военныхъ подвиговъ обстоятельствамъ) послѣдовало въ потвержденіе Польскихъ и Литовскихъ законовъ, которыми, какъ по исторіи видно, тогдашній народъ, яко по большой части безграмотный, мало управлялся, но паче по натуральному праву два третьяго судили. Справедливо и безпристрастно, по довольномъ примѣчаніи Малороссійскихъ дѣлъ, можно сказать, что право Польское осталося въ нихъ тщаніемъ только однихъ грамотныхъ старшинъ, о которомъ простой народъ никаковаго и никогда попеченія не имѣлъ. Сіе доказывается явственно и тѣмъ, что прежде 1720 года почти во всей Малой Россіи никакихъ канцелярій не было, ибо и самую гетманскую канцелярію, которая невѣдомо изъ чего нынѣ носитъ имя *генеральной канцеляріи*, случай-

тымъ образомъ гетману Скоропадскому въ 1720 году Ноября 19 дня, по причинѣ воровства нѣкоторыхъ при гетманѣ канцеляристовъ, подписывавшихся подъ руку гетманскую (а именно Григорія Михайлова и Василія Дорошенка), особливою граматою велѣно учредить; въ прочихъ же мѣстахъ, яко то въ сотняхъ и полкахъ, ни сотенныхъ, ниже полковыхъ канцелярій и суда генеральнаго съ такими прерогативами, каковыя онъ на себя теперь изъ правъ Литовскихъ наводитъ, отнюдь не было, хотя притомъ нѣкоторыя дѣла и письменно производилися. Посему и всѣ тамошніе владѣльцы, какъ духовные, такъ и мірскіе, на купленные свои земли и грунты и на разныя поселенія никакихъ урядовыхъ купчихъ старѣе тридцати лѣтъ не имѣютъ: ибо прежде тридцати лѣтъ ежели кто чѣмъ владѣетъ, то они *старымъ займомъ* называютъ, потому что ни лѣтъ, ни примѣтъ его владѣнію, почему онъ помѣщикъ, нѣтъ. А которые владѣютъ правильно, у тѣхъ должны быть не токмо гетманскіе универсалы, но и государевы изъ Посольскаго Приказа граматы. Сіе самое причиною, что множественное число деревень, принадлежащихъ въ казну Ея Императорскаго Величества, разобрано самовольно партикулярными; а въ утвержденіе своего владѣнія почти все прежде бывшее время передъ 1720-мъ годомъ, яко никакихъ урядовъ не имѣющее, служитъ имъ въ очистку, изъ котораго они поводъ берутъ называть свое самовольное владѣніе старымъ займомъ.

2.

О умаленіи козаковъ и посполитыхъ войсковыхъ.

Изъ многихъ обстоятельствъ доказать можно, что Малая Россія, во время приступленія ея подъ державу Всероссійскую, ни въ половину столько многолюдна не была, какъ въ

нынѣшнее время; но и тогда видѣть можно было по статьямъ Богдану Хмельницкому даннымъ, что крестьянскихъ дворовъ, которые нынѣ въ Малой Россіи называются посполитыми, гораздо большее число было, нежели нынѣ по ревизіямъ находится налицо. Что народа въ Малой Россіи было тогда гораздо меньше, а земли гораздо больше, то доказывается кромѣ подлинныхъ справокъ (которыми легко дойти до познанія можно) и тѣмъ, что прежде пòля тамъ на десять дней можно было купить за десять копъ или за пять рублей на двѣ версты, какъ изъ многихъ урядовыхъ недавнаго времени купчихъ видно; потому что у владѣльцовъ, за неимѣніемъ крестьянъ рабочихъ, земля яко излишная, впустѣ лежала. Нынѣ же того ни за двѣста рублей укупить невозможно, а въ Стародубовскомъ, Черниговскомъ, большой части Нѣжинскаго полку и Гадяцкаго, и того дороже; понеже жителямъ довольной уже земли къ поселенію не достаетъ. Однакожъ, ежели справиться, сколько нынѣ на лицо находится дворовъ посполитыхъ, то-есть крестьянскихъ надлежащихъ въ казну Ея Императорскаго Величества и сколько козаковъ списковыхъ, то-есть служащихъ и вооруженныхъ, то неуповательно, чтобъ и десятая доля дворовъ посполитыхъ была, а козаковъ на силу пятая часть находится. И такъ людей нынѣ на лицо гораздо больше, слѣдовательно какъ козаковъ въ службу Ея Императорскому Величеству, такъ и дворовъ посполитыхъ въ казну весьма прибыло бы; но по ревизіямъ явственно, что число обоихъ весьма противу прежняго умалилося.

3.

О ревизіяхъ.

Неоспоримо тотъ доказать можетъ, кто Малой Россіи внутреность знаетъ, что козаки старшинами и другими чинов-

ными, такожде денежными людьми къ себѣ въ подданство обращены. По вольности же перехода, ревизіи повсегодно бываютъ, которыя, ежели одну съ другою снести, то такое несходство великое всегда въ числѣ дворовъ являлося, что вѣрить невозможно ни тому, ни другому; ибо оная всегда зависитъ отъ того, что въ одинъ годъ ревизоры больше, а въ другой миньше утаятъ; а старшина, по умыслу, строгости въ томъ не дѣлаютъ, яко въ дѣлѣ собственному интересу своему непротивномъ. Хотя же, при нынѣшнемъ гетманѣ, не больше какъ два раза дѣлана ревизія (одна въ 1751-мъ году, когда еще онъ въ Малую Россію не пріѣхалъ, а другая въ 1753 году) по всей Малой Россіи какъ козачихъ, такъ бездворныхъ хатъ и ихъ подсусѣдковъ; но и тутъ въ такомъ маломъ времени разность превеликая нашлася потому только, что послѣдняя немного построже учинена; а именно въ первой явилося по всей Малой Россіи 152.157, а въ послѣдней 202.146 дворовъ. И такъ прибыло 49.989 дворовъ.

4.

Сіе разумѣется только о томъ, что ревизіямъ Малороссійскимъ, которыя ихъ Малороссійскими людьми чинятся, съ какою бы строгою инструкціею она ни отправлялася, вѣрить не надобно; ибо они интересъ въ томъ имѣютъ, чтобъ число дворовъ утаевать; а какъ утаить, на то способы весьма наглые и нетрудные употребляютъ. Въ сихъ случаяхъ они немного пекутся о томъ, чтобы дѣлать закрыто, но все то отправляютъ осязательно, потому наипаче, что дальнее разстояніе и надежда на судные порядки ихъ укрываютъ немало, да и взаимная другъ къ другу помочь чрезъ то между ими наблюдается. Когда, послѣ смерти гетмана Скоропадскаго, Кол-

легія Малороссійская учреждалася, тогда было учреждено, что офицеры Великороссійскіе во всѣ полки Малороссійскіе были отправлены для учиненія ревизіи. Хотя еще тогда народу гораздо было меньше нынѣшняго, однакожъ число по ихъ ревизіи состоитъ весьма больше, нежели когда-либо въ Малой Россіи оказалося. Сію ревизію они и по нынѣ *офицерскою* называютъ, съ удивленіемъ сказывая сами, что никогда-де въ Малой Россіи числа дворовато толико не бывало. Но сіе только то было, что въ тотъ годъ меньше утаено, нежели во всѣ другіе годы.

5.

О расхищеніи посполитыхъ дворовъ.

Что же касается до посполитыхъ дворовъ, слывущихъ тамъ войсковыми маетностями, которые принадлежатъ въ казну государеву по силѣ 13 статьи данной гетману Богдану Хмельницкому, коликое число было прежде гетмана Скоропадскаго, о томъ не по чему справиться. Но послѣ смерти Скоропадскаго, то есть по ревизіи офицерской, на лицо состояло 44961 дворъ. Изъ онаго числа по 1750-й годъ роздано немногое число, а уповательно малую самую и разность дѣлаетъ. Сверхъ того, какъ выше объявлено, число народу противу прежняго весьма прибыло. За всѣмъ тѣмъ нынѣшній гетманъ и четырехъ тысячъ дворовъ государевыхъ не засталъ, а о прочихъ ему донесено, якобы всѣ въ Польшу побѣжали разными годами. Въ самомъ же дѣлѣ нашлося, что всѣ государевы дворы и съ землями раскупили старшина у самыхъ мужиковъ, называя ихъ свободными войсковыми, которые будто по сему имени: *свободные*, могутъ сами себя и съ грунтомъ продавать. Сіе ихъ истолкованіе хотя вымыш-

лено, однакожъ они по сему вымыслу не меньше какъ по закону поступаютъ, и никто имъ въ томъ не воспрещалъ до 1739-го года, доколѣ указъ блаженныя памяти императрицы Анны Іоанновны подъ крѣпкимъ запрещеніемъ и штрафомъ послѣдовалъ того не чинить. Но они, не взирая на тотъ строгій указъ, скупали войсковыя государевы деревни даже до 1750 года, то есть до пріѣзду нынѣшняго гетмана въ Малую Россію, и писали купчія задними годами. А понеже то необходимо, чтобъ купчая всякая ствержена была на урядѣ, и сотникъ тотъ, гдѣ продаваемая земля положеніе свое имѣетъ, долженъ подписать: то многія фальшивыя купчіи и тѣмъ обличаются, что сотникъ въ сотники пожалованъ напримѣръ въ 1745-мъ году, а купчая его сотничьею рукою на урядѣ скрѣплена въ 1737-мъ году. Старшины всегда видѣли сіе воровство, но потому что стараются всѣми образы, дабы всѣ государевы земли переходили въ партикулярныя владѣльческія руки, какимъ бы то образомъ ни было, то никакого воспященія въ томъ не чинили. Свободныя же войсковыя деревни потому называются, что никакому помѣщику въ помѣстье за службу не отданы и состоятъ государевыми, такъ какъ въ 13-й статьѣ именно Хмельницкому изображено: «И кто будетъ крестьянинъ, тотъ будетъ обыклую крестьянскую повинность тебѣ государю отдавать».

6.

О умаленіи козаковъ.

Таковымъ же образомъ и козаковъ число весьма умалилося; ибо о семъ заподлинно можно удостовѣрить, что нынѣ Малая Россія прямо вооруженныхъ списковыхъ едва ли десять, а покрашен мѣръ 12 тысячъ выставить можетъ. По стать-

ямъ же должно списковыхъ имъ имѣть 60000 козаковъ, кромѣ отшедшихъ съ Задиѣпровскою стороною; а всѣхъ козаковъ около 150000 имѣть бы должно. Всѣ Малороссійскіе козаки правомъ шляхетскимъ судятся; но потому что они служатъ съ своихъ грунтовъ, то сіе кажется право натуральное, что козакъ не долженъ своего грунта продать, дабы чрезъ то служба государева не умалилася; а когда и продать нужду имѣетъ, то не инако какъ козаку, а не старшинѣ и не посполитому. Но они истолковали козакамъ право, *якобы козакъ*, по силѣ статута, разд. 3, арт. 47, *все продать можетъ кому хочетъ*; то потому и всѣ почти грунты козацкіе скупили. Къ сему пособствовалъ именной указъ блаженныя памяти государыни императрицы Анны Іоанновны на докладъ генерала лейтенанта и подполковника гвардіи князя Алексѣя Ивановича Шаховскаго, въ которомъ, въ 10 пунктѣ, изображено: *въ войсковыхъ свободныхъ селахъ и во владѣльческихъ маетностяхъ, ежели козакъ грунтъ свой кому продастъ, и самъ пики на немъ будетъ жить, тотъ всякія по пропорціи имѣній своихъ посполитыя (то есть крестьянскія) повинности отдавать и чинить долженъ; а которые подданные* (то есть крестьяне), *продавъ свои грунты, съ нихъ сойдутъ, а другіе на ихъ мѣстахъ жить станутъ, и тѣми грунтами владѣть. ть такожде отдаютъ по пропорціи своихъ имѣній повинности, какъ и другіе владѣльческіе подданные.* Сей именной указъ есть наилучшая привилегія къ искорененію всѣхъ козаковъ и поверстанію ихъ помѣщикамъ въ крестьяне: ибо козакъ, убѣгая отъ службы, лучше желаетъ быть подъ именемъ крестьянина, нежели выйти въ походъ, и сверхъ того, бывши козакомъ, по имѣнію своему долженъ, яко грунтовый, платить иногда на конестентовъ цѣлую рацію или порцію, что ему учинить рубль или больше, а взявши имя на себя му-

жика безгрунтоваго, службы не дѣлаетъ, и вмѣсто платы на государя рублевой, платитъ, яко безгрунтовой, въ годъ алтынъ или иногда двѣ копѣйки по раскладкѣ съ другими подсусѣдками или нищетными. Такое указомъ вышепомянутымъ вспоможеніе почти всѣхъ козаковъ истребило и перевело старшинамъ яко помѣщикамъ въ крестьяне. А въ военное время или во время какой-либо службы сами козаки плачивали помѣщикамъ, чтобы помѣщики купчія отъ нихъ на ихъ земли принимали, дабы тѣмъ избавиться отъ походовъ. Но понеже по тому же статуту, разд. 9, арт. 27, опредѣлено точно: *у чужаго человѣка никто земли закупать безъ воли господина его не имѣетъ, ниже нанимать на лѣто, подъ лишеніемъ данныхъ денегъ и всего того, что на ней посѣялъ;* тоже опредѣлено и о самыхъ людяхъ владѣльческихъ, *дабы ихъ не покупать и не нанимать безъ соизволенія помѣщика и его управителя:* то изъ сихъ положеній ясно видно, что всѣ Малороссійскія вотчины государевы, которыхъ около пятидесяти тысячъ дворовъ по худой ревизіи быть должно на лицо, старшинами и чиновниками не въ силѣ ихъ же права скуплены (о чемъ показано будетъ ниже сего въ своемъ мѣстѣ), и вся служба козацкая, которая бы по умноженію нынѣшнему народа должна умножиться, исчезла, такъ что Ея Императорское Величество, по изобилію и плодородію сей земли, весьма мало пользы отъ сего народа получаетъ.

7.

Хотя же были о семъ отъ многихъ временъ козачьи на чиновниковъ доносы при блаженныя и вѣчно достойныя памяти государѣ императорѣ Петрѣ Великомъ и строгія слѣдствія, но то всегда было долговременными многими ябедами

заплетено и никогда добраго конца не воспринимало. Почему, какъ по причинѣ другихъ самовольствъ, такъ и въ пресѣченіе сихъ непорядковъ и народныхъ разореній, всѣ почти главнѣйшая старшина въ 1724-мъ году въ крѣпость были забраты; но великодушіемъ монаршимъ все было оставлено, ожидая отъ нихъ исправленія Были также и въ нынѣшнія времена многіе доносы о расхищеніи у козаковъ свободныхъ деревень и многихъ въ уплату данныхъ суммъ народу старшинами; но тѣ доносы не происходили отъ таковыхъ людей, которые бы то изъ усердія къ интересу государеву доносили, а чинились по злобѣ въ отмщеніе своихъ партикулярныхъ обидъ и потому заплетали доносы свои справедливые многими клеветами на своихъ соперниковъ; а соперники ихъ чрезъ то сыскивали способы глупыхъ доносителей опровергнуть долголѣтнюю волокитою и напослѣдокъ всекопечнымъ разореніемъ.

8.

О правахъ Малороссійскихъ.

Причислить надобно къ симъ непорядкамъ яко главный непорядокъ къ нынѣшнимъ временамъ право ихъ Малороссійское, которое есть Статутъ Литовскій, данный вновь Литовскому Княжеству отъ короля Стефана, бывшаго прежде князя Трансильванскаго, изъ фамиліи Батори, въ 1576 году, какъ то видно изъ раздѣла четвертаго, артикула перваго, пункта 1-го и Сигизмундомъ Третьимъ въ 1588 году подтвержденный. Оное состоитъ въ четырнадцати раздѣлахъ.

Правы и законы въ народахъ учреждаются на двойственномъ основаніи. Первое состоитъ на натурѣ врожденной роду человѣческому вообще всякому безъ изъятія, которое на-

зывается *право натуральное;* другое на свойствѣ всякаго народа особно и его правленія, и оно есть *право гражданское.* Что̀ касается до права натуральнаго, то законы Статута Литовскаго, введенные въ Малороссійской народъ, суть тѣже самые, что̀ и Великороссійскіе, только инымъ порядкомъ и инными словами изображенные. и потому отмѣны и исправленія никаковаго почти не требуютъ. Но правы гражданскія, касающіяся до свойства народа управляемаго самодержнымъ государемъ, яко въ Статутѣ Литовскомъ для республиканскаго правленія учрежденныя, весьма несвойственны уже стали и непристичны Малороссійскому народу, въ самодержавномъ владѣніи пребывающему. Ежели сіе разнообразіе законовъ отъ самодержца происходить должно, то какимъ образомъ можно согласить многіе указы съ Литовскимъ закономъ, который приличенъ только Рѣчи Посполитой? Хотя въ грамотахъ государскихъ, а особливо въ высочайшей 1750 года на урядъ нынѣшнему гетману, велѣно поступать по правамъ Малороссійскимъ, по указамъ государевымъ присланнымъ и впредъ присылаемымъ; но тутъ же приполнено, чтобъ чинено все было по указамъ и безъ нарушенія правъ и вольностей Малороссійскихъ. Сей темноты, ежели оставить въ своей силѣ право Малороссійское, ни по какой мѣрѣ гетману согласить невозможно. Возьмемъ въ примѣръ нѣкоторые только артикулы права Литовскаго, то есть Малороссійскаго. Указы Ея Императорскаго Величества осуждаютъ преступниковъ именныхъ указовъ къ смерти; а право Малороссійское (разд. 1, арт. 11) опредѣляетъ имъ только сидѣніе въ тюрьмѣ на шесть недѣль; первое осужденіе уравнено преступленію противу самодержавной власти, а послѣднее противу короля въ республикѣ. Указы Ея Императорскаго Величества о рудныхъ и горныхъ мѣстахъ повелѣваютъ отда-

вать всякаго минерала десятину въ казну и уступать первую продажу государю, а право Малороссійское (разд. 3, арт. 2. пунктъ 3, такожде разд. 9. арт. 30, пунктъ 1) опредѣляетъ и послѣднему козаку, ежели онъ на своей землѣ орющій руду золотую найдетъ, или какое либо иное сокровище, или окна соляныя и проч., тѣмъ всѣмъ ему одному и пользоваться, а государь обѣщаетъ клятвою ему въ томъ имѣніи отнюдь не препятствовать. Напослѣдокъ, тоже право Малороссійское (разд. 1, арт. 1, пунктъ 2) опредѣляетъ всѣмъ иноземцамъ (изъ которыхъ числа Малороссіяницы и Великороссійскихъ не исключаютъ) судимымъ быть тѣмъ же Литовскимъ правомъ и на тѣхъ урядахъ, гдѣ кто преступитъ. Почему, ежели бы случилось Великороссійскому знатному и по имѣнію и по чину человѣку быть обижену въ Лубенскомъ или какомъ-либо полку въ сотнѣ Пирятинской, отъ какого-либо казака, то по силѣ сего права, яко подтвержденнаго граматами, падлежитъ по порядку у сотника Пирятинскаго быть обоимъ судимымъ, и по силѣ Статута (разд. 3, арт. 27) имѣетъ за того знатнаго безчестіе, какого бы онъ чина и достоинства ни былъ, казакъ шесть недѣль въ тюрьмѣ высидѣть или 25 рублей, а не больше безчестія заплатить; и сіе уравненіе Рѣчи Посполитой только прилично. Тѣмъ же Статутомъ (разд. 3, арт. 27, пунктъ 4) заочно бранить, кого бы кто ни захотѣлъ, дозволяется, и просить о томъ суда не велѣно, какое бы кто ни могъ показать свидѣтельство, что̀ кажется и натуральному праву уже противно. Въ раздѣлѣ 3-мъ, артикулѣ 12-мъ, государь себя обязываетъ присягою, что въ Великомъ Княженіи Литовскомъ и во всѣхъ земляхъ оному подлежащихъ, достоинствъ духовныхъ и мірскихъ, городовъ, дворовъ, грунтовъ, старостъ, владѣній, чиновъ земскихъ и придворныхъ, владѣній въ упо-

требленіе, въ содержаніе и въ вѣчность никакимъ иноземцамъ и заграничнымъ людямъ, ниже сосѣдамъ сего государства давать не будетъ; а давать самъ и наслѣдники обѣщаетъ тутошнимъ уроженцамъ. Сіе право есть совсѣмъ республиканское; но примѣчено довольно, что Малороссійскіе судьи, гдѣ случай есть, оное навести въ свою пользу противу Великороссійскихъ тамо владѣльцовъ, яко по ихъ мнѣнію иноземцовъ и заграничныхъ Малой Россіи, тутъ не оставляютъ объ ономъ представленія свои дѣлать. Такъ равномѣрно правы натурѣ не согласныя многія находятся, а именно разд. 1, арт. 33, пунктъ 1: ежели кому какую маетность государь пожаловалъ, а онъ за какою либо отлучкою тѣмъ не владѣлъ десять лѣтъ, то хотя бы и грамату государеву на то владѣніе имѣлъ, тогда онъ владѣть не можетъ, и грамата силы никакой не имѣетъ. Или, когда сильный у безсильнаго деревню отнялъ, и обиженный случая, за отсутствіемъ, болѣзнію или малолѣтствомъ своимъ, на судѣ того искать не могъ черезъ десять лѣтъ, тогда молчать (по разд. 4, арт. 91, пункту 1-му) вѣчно имѣетъ. И сіе право въ Малой Россіи сильно наблюдается, понеже изстари сильные безсильныхъ гвалтами грабятъ и обижаютъ; а дѣти малолѣтныя, пришедши въ возрастъ, не только десятилѣтнему промолчанію подвержены бываютъ, но тѣмъ имѣній отеческихъ и дѣдовскихъ лишаются. Таковыхъ опредѣленій великое множество въ судахъ Малороссійскихъ находится, но изъ права выступить невозможно. Раздѣла 1-го артикулъ 24-й опредѣляетъ, если кто посланнаго отъ лица государева, хотя съ именнымъ указомъ, побилъ, указы отнялъ и изодралъ, тому не болѣе штрафа какъ тюрьма на полгода. Такожде, ежели шляхтичъ убьетъ на смерть простолюдина, и указнаго числа (то-есть шести человѣкъ) свидѣтелей истецъ не представитъ, между

которыми два знатные шляхтича быть должны, тогда шляхтичъ отприсягнуться можетъ, и тогда (по разд. 12, арт. 1) платитъ только малыя деньги за голову. По разд. 11-му, арт. 16-му, пункту 1-му, ежели шляхтичъ шляхтича съ сердца ножемъ зарѣжетъ, четвертовать; ежели простой шляхтича тоже; а ежели шляхтичъ зарѣжетъ по злосердію простаго, или какъ либо оружіемъ съ гнѣва убьетъ, тогда шляхтичу руку только отсѣчь. Таковыхъ примѣровъ въ Статутѣ Литовскомъ великое множество можно показать; одни противны самодержавному государству, другіе по угожденію вольному республиканскому народу постановлены и натуральному праву противны. Но для показанія неудобствъ довольно и сего.

Въ заключеніе самой только важности сего дѣла надлежитъ взять еще въ разсужденіе разд. 4, арт. 1, пунктъ 1-й, гдѣ опредѣляется и установляется, что естьли бы который изъ чиновниковъ земскихъ, то-есть судья, подсудій и писарь умеръ, тогда другіе чиновники оставшіеся извѣстить имѣютъ королю, а въ отсутствіи короля вышнему правительству; и тогда указано будетъ на срокъ съѣхаться для избранія новыхъ изъ придворныхъ Литовскихъ четырехъ кандидатовъ, которыхъ на письмѣ представить за печатьми своими королю, а король того, кто угоденъ ему явится, на мѣсто умершаго поставитъ. Изъ сего права Малороссіянцы статьи таковой требовали, по которой они и въ обыкновенный ввели себѣ законъ, что не токмо гетманъ и старшина генеральная, то-есть обозный, два судьи, подскарбій, писарь, два есаула, хорунжій и бунчужный избираются вольными голосами, но и полковникъ и полковые, обозный, судья, писарь, хорунжій и атаманъ элекціями постановляются. И таковыя избранія многимъ безпорядкамъ причиною, а управляющимъ старшинамъ во всѣхъ мѣстахъ поводомъ къ успѣху ихъ иногда злоумышленій; а

именно старшина генеральная имѣють способъ полковниковъ опредѣлять, а полковники и старшины сотниковъ единомышленныхъ. Ибо выборъ въ сотники слыветъ только выборомъ, а въ самомъ дѣлѣ есть точное опредѣленіе персоны, отъ старшины происходящее.

По сіе время избраніе въ сотники такъ происходитъ. Когда только репортъ изъ сотни въ полкъ, а изъ полку въ войсковую канцелярію придетъ, что въ сотнѣ сотникъ умеръ, то старшина поспѣшаютъ, прежде нежели о томъ увѣдано будетъ, отправить изъ полковой канцеляріи извѣстную и надобную персону на управленіе до опредѣленія новаго; и сіе, яко маловажное дѣло, происходитъ безъ вѣдома ихъ шефа, но именемъ только командующаго въ полку полковника. Та извѣстная персона уже не сумнѣвается, что ему сотничество предано и для того, пріѣхавъ на правленіе, нѣсколько куфъ вина горячаго казакамъ выставитъ безграмотнымъ, священника и дьячка церковнаго подкупитъ и уговоритъ къ подписанію рукъ ихъ, и такимъ образомъ, отъ пьяныхъ отобравъ голосъ, выборъ самъ себѣ пишетъ, прежде нежели о томъ изъ войсковой канцеляріи приказано. А къ тому припишетъ, въ силѣ мнимаго права, два или три человѣка негодныхъ, которые сами о томъ сотничествѣ ни думаютъ, и такимъ образомъ по полученіи ордера изъ воинской канцеляріи о выборѣ новаго сотника, онъ уже съ готовымъ выборомъ поспѣшаетъ, почему въ силѣ правъ и конфирмуется.

Сіе есть обыкновенное по правамъ производство въ выборахъ; а въ самомъ дѣлѣ старшина опредѣляютъ во всѣ чины тѣхъ, кто имъ надобенъ. Такимъ образомъ почти во всей Малой Россіи сотники и старшина полковые ими избраны изъ ихъ единомышленныхъ. И хотя право Малороссійское гласитъ о выборахъ только на

главныя судейскія мѣста, да и то разумѣется изъ таковыхъ, которые близко подъ тѣмъ чиномъ состоятъ своимъ достоинствомъ, на которое избраніе новаго дѣлается: однакожъ старшина интересъ свой въ томъ находятъ, чтобъ отъ малаго до великаго начальства выборомъ всѣ чины происходили, вѣдая, что таковымъ порядкомъ милость къ народу изъ ихъ собственно рукъ истекаетъ. И то самое обыкновеніе утверждаютъ они правомъ, чего въ правѣ отнюдь не находится; ибо разд. 4., арт., 1. пунктъ первый гласитъ дѣйствительно только о судіи, подсудіи и писарѣ, которые чины въ воеводствѣ Литовскомъ суть главнѣйшіе и уравняются развѣ только старшинамъ генеральнымъ, которыхъ девять только персонъ въ цѣломъ народѣ, а не о всѣхъ малочиновныхъ, которыхъ около тысячи во всѣхъ полкахъ находится, ежели взять въ число всѣ полковые и сотенные чины.

9.

О различіи правъ Малороссійскихъ.

Права Малороссійскаго разд. 4. арт. 54-й, пунктъ 4-й: *А буде бы чего въ семъ статутѣ не доставало, то судъ, склоняяся до ближайшей справедливости, по совѣсти своей и по примѣру другихъ правъ христіанскихъ, отправлять и судить имѣетъ.*

Малороссійскій народъ по нынѣшнему его состоянію раздѣляется на три класса людей: на шляхту, козаковъ и посполитыхъ. Сіе раздѣленіе точно тоже, что́ и въ республикѣ Польской; но потому что въ княжествѣ Литовскомъ и Жмудскомъ отъ короля Сигизмунда дано городу Вильнѣ и

другимъ магистратамъ съ мѣщанами особливое право Магдебургское: то по примѣру тому и городамъ Кіеву, Нѣжину, Остру, Погару и другимъ, пребывавшимъ подъ владѣніемъ тогда Польскимъ, по ихъ исканіямъ, для уравненія, тѣже Магдебургскія права отъ Сигизмунда и другихъ его наслѣдниковъ опредѣлены. Слѣдовательно мѣщане исключены изъ права Литовскаго. Посему въ Малой Россіи народъ двумя бы только правами и судиться долженъ, Литовскимъ и Магдебургскимъ. Но понеже вышепомянутый статута Литовскаго раздѣла 4, артикула 54, пунктъ 4-й *въ случаѣ по какому либо дѣлу недостатка въ правѣ статутъ повелѣваетъ примѣняться къ другимъ христіанскимъ сосѣднимъ правамъ,* то Литовцы занимаютъ въ помочь къ статуту своему право Саксонское, которое называется *порядокъ.* Слѣдовательно Малая Россія управляется уже не двумя, но тремя правами, а именно *Литовскимъ, Магдебургскимъ* и *Саксонскимъ.* И по чему Малая Россія, будучи подъ державою Россійскою, дополняетъ свои законы Саксонскими, въ томъ, кажется, она никакого основанія не имѣетъ; ибо кто изъ сосѣднихъ христіанскихъ народовъ имъ ближе и въ родѣ и въ законѣ христіанскомъ, какъ Россія? Но изъ всего явственно оказывается, что то по единому только развѣ тогдашнихъ старшинъ неусердію къ Россіи въ обыкновеніе введено, а закона тому ни въ какихъ ихъ правахъ не находится. Польза же ихъ собственная есть та, что они, имѣя многоразличные законы, многоразличные способы имѣютъ пристрастіямъ своимъ угождать и чрезъ то сохранять, яко грамотные, надъ неграмотными простыми людьми власть полномочную. Ибо простой народъ только льститъ себя многими мнимыми вольностями, которыхъ онъ по хитрости старшинами введенной отъ времени Богдана Хмѣльницкаго дѣйствительно не имѣетъ; а

старшина, напротивъ того, опредѣляя имъ командировъ якобы выборомъ ихъ собственнымъ, а въ самомъ дѣлѣ единственнымъ своимъ самовластіемъ, законы многоразличные обращаютъ во вредъ и пользу ищущимъ правосудія, по прихоти, содержа ихъ въ подобострастіи тѣми чиновниками, которыхъ они опредѣляютъ и низвергаютъ. Сіе бываетъ, что и изъ права Россійскаго судіи иногда берутъ, но то въ крайности, когда вредъ кому умножить хотятъ. И такъ судіи Малороссійскіе, вмѣсто точнаго и опредѣленнаго права, имѣютъ удовольствіе обременять или уменьшать казни и штрафы многочисленными закопами, а именно: когда судія видитъ, что статутъ истцу или отвѣтчику строгое рѣшеніе и неполезное опредѣляетъ, тогда онъ ищетъ въ порядкѣ Саксонскомъ, тогда бѣгаетъ и въ Магдебургское, ежели съ мѣщаниномъ шляхтичу дѣло, и до тѣхъ поръ мечется изъ права въ право, доколѣ сыщетъ намѣренію своему полезное; и простой или паче неграмотной человѣкъ, въ томъ неискусенъ, пріемлетъ все за несумнительной законъ. Сіе есть поводомъ, что всѣ тѣ, которые слывутъ въ Малой Россіи приказными и знающими людьми, суть великіе ябедники, и про нихъ говорятъ, что они люди *съ оборотомъ*. Да и подлинно, что таковая юриспруденція требуетъ не того знанія, чтобъ право натуральное и гражданское было судьѣ извѣстно, но чтобъ была только память острая, которая, соединена съ практикою, дѣлаетъ у нихъ человѣка съ оборотомъ, то-есть судію проницательнаго. Оттого у нихъ истцы никогда недовольны первымъ судомъ; и ни единаго дѣла нѣтъ, которое бы не чрезъ всѣ аппеляціи прошло, изъ сотенной въ полковую, изъ полковой въ судъ генеральной, а изъ суда въ войсковую канцелярію къ гетману, оттуда въ Коллегію, въ Правительствующій Сенатъ, а напослѣдокъ трудятъ Высочайшую

особу Ея Императорскаго Величества. Почему и въ маловажныхъ искахъ процессы у нихъ ведутся чрезъ многіе годы. Такъ, когда козакъ у козака плеть или кнутовище отнялъ, процессъ продолжался болѣе восьми лѣтъ. Бунчуковый товарищъ одинъ у другаго восемь гусей отогналъ: съ шестьнадцать лѣтъ процессъ былъ. И много тому подобнаго въ архивахъ суда генеральнаго сыскать можно.

10.

Сія ябеда въ таковомъ у нихъ кредитѣ и почтеніи, что по большой части лучшихъ фамилій отцы слѣдующее воспитаніе дѣтямъ даютъ. Научивъ его читать и писать по-русски, посылаютъ въ Кіевъ, Переяславъ или Черниговъ для обученія Латинскаго языка, которому не успѣваютъ только нѣсколько обучить, какъ спѣшатъ возвратить и записываютъ въ канцеляристы, гдѣ, по долговременномъ обращеніи, дѣйствительные ябедники происходятъ въ сотники по старательству старшинъ, хотя козаки, которые его выберутъ, прежде и о имени его не слыхали. Но съ чиномъ канцеляриста еще другіе авантажи соединены. Надобно знать, что чины бунчуковыхъ товарищей, войсковыхъ товарищей и войсковыхъ канцеляристовъ великую салвогвардію имѣютъ. Они, гдѣ бы кому въ отдаленіи какую обиду ни сдѣлали и въ какомъ бы то полку ни было, полковая канцелярія до нихъ дѣла не имѣетъ, а искать надобно въ войсковой канцеляріи у гетмана. И такъ бѣдной козакъ всегда ими обиженъ и за отдаленіемъ рѣдко управы ищетъ. При гетманѣ Скоропадскомъ бунчуковыхъ товарищей и войсковыхъ во всей Малой Россіи шестидесяти человѣкъ не было, и то были самыхъ знатнѣйшихъ отцовъ дѣти, которыхъ гетманъ въ товарищи

подъ свой бунчукъ принималъ; но между гетманствомъ болѣе двухъ сотъ ихъ прибыло и изъ подлыхъ людей, которые только сей чинъ за деньги могли получить; ибо имъ не столько чинъ, сколько та привилегія, что они нигдѣ кромѣ гетмана несудимы, потребенъ: то и канцеляристы войсковые, которыхъ въ одной войсковой канцеляріи гораздо болѣе трехъ сотъ числится, а въ канцеляріи сидящихъ не бывало никогда на лицо болѣе сорока. Прочіе же всѣ грабятъ и иногда разбиваютъ во всѣхъ концахъ Малой Россіи, о чемъ многія и жалобы есть.

И такъ, право Малороссійское почитать надлежитъ яко главный непорядокъ въ Малой Россіи. Оно имъ вливаетъ мнимую вольность и отличество отъ другихъ вѣрныхъ подданныхъ Ея Императорскаго Величества. Оно судію дѣлаетъ лихоимцомъ безпримѣрнымъ и повелителемъ народу, а суды продажными. Оно бѣдныхъ простыхъ Малороссійскихъ въ утѣсненіе приводитъ, а иногда и въ конецъ разоряетъ. Оно, напослѣдокъ, и командующему шефу дѣлаетъ темноту и препинаніе правду снабдить полезною резолюціею.

11.

О неудобствѣ, что козаки съ посполитыми перемѣшаны въ деревняхъ.

Знатное помѣшательство и непорядокъ въ народѣ и отъ того, что козаки, которые особливыя привилегіи имѣютъ отъ мужиковъ и особливой трудъ несутъ, а именно отправляютъ государеву службу съ своихъ грунтовъ въ походахъ, а поселеніе свое имѣютъ во всей Малой Россіи въ посполитыхъ деревняхъ, какъ духовнымъ, такъ и мірскимъ помѣщикамъ принадлежащихъ, всѣ Малороссійскіе городы, мѣстечки, селы, деревни, слободы и хуторы съ пахотными и сѣнокосными землями какъ въ лѣсныхъ, такъ и въ степныхъ полкахъ, не

имѣютъ никакого обмежеванія А понеже живутъ старинными займами и фальшивыми по большей части крѣпостями, а иные ни займомъ старинымъ, ни крѣпостью. по гвалтомъ и наѣздомъ сильный у безсильнаго, къ тому же козаки во всѣхъ деревняхъ, селахъ, мѣстечкахъ и городахъ перемѣшаны съ мужиками: то изъ того послѣдовалъ различной вредъ какъ собственно самому народу, такъ и въ интересѣ Ея Императорскаго Величества превеликій ущербъ.

Первое. Помѣщики Малороссійскіе, живущіе по большей части ни у какихъ дѣлъ по своимъ хуторамъ или деревнямъ праздно, въ томъ главное упражненіе имѣютъ, что за лѣса. за гай, за степи, за мливо, за подтопы греблями, другъ на друга наѣзды дѣлаютъ вооруженною рукою, и изъ того рождаются многія смертныя убійства.

Второе. Вступивши въ процессъ, волочатся лѣтъ по десяти и двадцати въ разореніе дому своему, судьямъ въ несказанную корысть, а главному суду по апеляціямъ въ безконечное обремененіе ябедническими процессами. И сіе есть собственное ихъ разореніе.

Третье. Ущербъ Ея Императорскаго Величества интереса есть главный тотъ, что козаки живутъ въ великомъ непорядкѣ, яко разбросанные по разнымъ мѣстамъ отъ своего сотника и находящіеся въ рукахъ у разныхъ помѣщиковъ яко подданные; почему сотникъ, имѣя ихъ поселеніе на великомъ разстояніи, и въ порядкѣ содержать не можетъ. Ибо хотя всякому помѣщику въ универсалахъ при надачѣ деревни писывалося прежде, и нынѣ пишется, что помѣщикамъ до козаковъ и ихъ грунтовъ въ деревнѣ, селѣ и мѣстечкѣ томъ, которое помѣщику принадлежитъ, дѣла никаковаго нѣтъ: однакожъ какъ возможно, чтобъ козакъ бѣдный и безпомощный

воспротивился сотнику въ сотнѣ, а сильному помѣщику въ томъ селѣ или деревнѣ, гдѣ онъ козачествуетъ? Всякій сотникъ не успѣетъ только на сотню свою пріѣхать, то козаки первые ему строители дому бываютъ, первые сѣнокосцы для его скота и первые подводчики, не упоминая о прочихъ разореніяхъ.

Четвертое. Первый промыселъ козачій, которымъ они себѣ малыя деньги въ годъ промышляютъ, есть тотъ, что козаки снятый съ поля хлѣбъ пересиживаютъ на горячее вино, и то продаютъ у себя въ домѣхъ. Сего ради всякій козацкій домъ не что иное какъ шинокъ. Послѣдовательно то самое причиною и бѣдности ихъ; ибо козакъ запившійся немного уже помышляетъ о хозяйствѣ, и сѣетъ и жнетъ хлѣба не болѣе, какъ лишь бы стало ему на зиму съ дѣтьми. А хотя бы земля плодородная и принесла свыше трудовъ его что̀ излишнее, но онъ, пріобыкши къ мѣстности, плодородія земли не чувствуетъ, и хлѣба съ поля не больше снимаетъ, какъ сколько ему про всю его хату надобно до новаго, а временемъ залѣностію и того не умѣряетъ. И гетманъ временемъ принужденна себя находитъ особливые ордеры о снятіи хлѣба, безъ успѣха въ томъ, посылать; чего ради хотя малый недородъ или саранча, то мужики остаются безъ пропитанія и мрутъ съ голоду или отдаются въ работу и подданство тѣмъ, которые на таковые случаи, перѣдко бывающіе, съ запасомъ живутъ. Сіе наибольше дѣлаютъ старшина и ихъ свойственники.

Пятое. Живущіе козаки въ деревняхъ, мѣстечкахъ и селахъ помѣщичьихъ и земли свои имѣющіе въ одной границѣ, исчезаютъ и перерождаются въ мужиковъ слѣдующимъ образомъ. Помѣщикъ у себя столько высиживаетъ вина, что всего вы-

шинковать въ своихъ мѣстностяхъ не можетъ, чего ради большую часть раздаетъ изъ извѣстной части вышинковать козаку. А ищетъ къ таковому дѣлу изъ такихъ козаковъ, которые удобнѣе бы у него забраться и пьянствомъ заниматься могли. Напослѣдокъ, когда столько козаку задастъ, что ужъ козакъ не въ состояніи все вино прошинкованное выплатить помѣщику того же села, то помѣщикъ бьетъ челомъ на козака о уплатѣ долгу. Козакъ, будучи не въ состояніи уплатить по облику, то-есть по обязательству, судимъ бываетъ разд. 4, артикуломъ 98, пунктомъ 1-мъ, въ которомъ опредѣлено награждать имѣніемъ недвижимымъ по оцѣнкѣ, и обыкновенно дворъ съ пашенною землею, которая въ статутѣ *волокою осажденною* названа, предписано отдавать за десять рублей, и по пропорціи ежели меньше, то оную дѣлить, а *моргъ* земли, то-есть 20 сажень въ ширину и 60 въ длину, ежели унавоженъ, оцѣненъ въ полтину, а безъ навозу въ 50 шляговъ. Въ томъ же мѣстѣ цѣна предписывается сѣножатямъ, землямъ лѣснымъ, удобнымъ къ сѣву, озерамъ, рѣкамъ и проч. И такимъ образомъ козакъ, грунты свои потерявъ процессомъ за горячее помѣщичье вино, которое шинковалъ, коли земли не достаетъ въ уплату, отдается и самъ тому же помѣщику въ отслугу.

Сіе есть слѣдствіе того неудобства, что козаки съ помѣщичьми мужиками въ одних селахъ, деревняхъ и мѣстечкахъ живутъ, отъ котораго большая часть козаковъ претворилася уже въ мужики помѣщикамъ, черезъ многіе годы; и государственной интересъ терпитъ чувствительный отъ того уронъ, къ пресѣченію котораго хотя мѣры и приняты были, а особливо по челобитью козаковъ еще въ 1721 году, но указами, которые тогда послѣдовали, довольно не предусмотрѣно.

12.

О вольномъ переходѣ.

Къ внутреннему и собственному раззоренію есть вредъ ближайшій вольный переходъ съ мѣста на мѣсто, который причиною, что бѣдные помѣщики часъ отъ часу въ большую бѣдность приходятъ, богатые паче усиливаются, а мужики, не чувствуя своей погибели, дѣлаются пьяницами, лѣнивцами и нищими, умирая съ голоду въ благословенной плодородіемъ землѣ. Ничто столько не вредительно крестьянину, какъ праздноділіе. Не только оное его нищимъ, но и впредъ къ работѣ по отвычкѣ дѣлаетъ неспособнымъ. Мужикъ, имѣя власть перемѣнять свое селеніе, всеконечно ищетъ перво всего, какъ бы ему найти удобное мѣсто хлѣбъ жевать безъ труда. Сего ради не допускаетъ онъ обременять себя помѣщику никакою излишнею работою. Между тѣмъ изобилующіе помѣщики землями или грабленными, или государевыми, или за долгъ шинковый себѣ приговоренными, или по сходѣ лѣнивцовъ впустѣ лежащими, обыкновеніе имѣютъ населять слѣдующимъ образомъ. Сперва опредѣлитъ слугу надежнаго у бѣдныхъ помѣщиковъ подговаривать, прельщая многими льготами, что̀ весьма легко имъ и удается, потому что бѣдный помѣщикъ больше заставляетъ мужика своего работать нежели богатой, ежели кредиту инаго къ тому въ націи не имѣетъ. Потомъ выставитъ на пустой своей землѣ большой деревянной крестъ, на которомъ для грамотныхъ подпишетъ, а для неграмотныхъ скважинами проверченными означитъ, на сколько онъ лѣтъ новопоселившимся обѣщаетъ льготы отъ всѣхъ чиншовъ, то-есть оброковъ и господскихъ работъ. Между тѣмъ мужики празднодільные и лѣнтяи о томъ не оставляютъ павѣдываться, гдѣ и съ коликовременными свободами крестъ

выставленъ на слòоду; и провѣдавъ выбираютъ мѣсто, которое имъ льготнѣе покажется. Такимъ образомъ вылеживаетъ онъ урочные годы въ крайнемъ лѣнивствѣ, а къ концу срока провѣдываетъ о новомъ кличѣ на слòоду и новаго креста ищетъ. И симъ образомъ весь свой вѣкъ нигдѣ не заводитъ никакой осѣдлости, то-есть хозяйства, а таскается отъ одного къ другому кресту, переводя свою семью. Для сихъ причинъ они по большой части и никакого у себя не заводятъ домоводства, дабы удобнѣе было съ мѣста на мѣсто подняться, тѣмъ больше, что онъ тотъ переходъ тайкомъ отъ помѣщика учинить долженъ. Ибо помѣщикъ, подъ претекстомъ тѣмъ якобы мужикъ все, что̀ ни имѣетъ, нажилъ на его помѣщичьихъ грунтахъ, какъ скоро провѣдаетъ о его предпріятіи, грабитъ все его имѣніе, на которое онъ по силѣ статута право имѣетъ. Такъ поступаютъ помѣщики безкредитные въ націи; а сильные кредитомъ, заманивши единожды на свою землю мужика, много иныхъ способовъ имѣютъ не выпустить отъ себя переселиться къ другому. Такимъ образомъ, въ изобиліи и плодородіи земли, Малороссійской земледѣлецъ претерпѣваетъ гладъ, убогій помѣщикъ въ большую бѣдность впадаетъ, а богатый усиливается числомъ подданныхъ. Между тѣмъ государственная польза изъ Малороссійскаго народа не только изобиліемъ земли не возрастаетъ, но еще часъ отъ часу въ упадокъ приходитъ.

Сія суть только генерально показанные непорядки въ Малороссійскомъ народѣ; но ежели бы нужда востребовала все сіе яснѣе показать, то надлежитъ только заглянуть въ теченіе ихъ судовыхъ дѣлъ, тогда многайшіе еще показаться могутъ. Много о томъ какъ видно, помышлялъ блаженныя и вѣчныя памяти государь императоръ Петръ Великій; но по-

неже край Малороссійской до познанія его въ самое жесточайшее военное время пришелъ, а поправленіе его требовало немало времени, то хотя изъ многихъ учрежденій и видны были ко всему начатки премудраго государя, да времени не доставало то привести въ порядокъ что̀ исподволь дѣлать надлежало, а между тѣмъ смерть сего великаго монарха застигла.

СВОЕВОЛІЕ ГВАРДЕЙЦЕВЪ.

(1767).

I.

Письмо Екатерины II-й къ фельдмаршалу графу Бутурлину *).

Графъ Александръ Борисовичъ.

Дошло до насъ, что по дорогѣ Санктпетербургской отъ нѣкоторыхъ гвардейскихъ офицеровъ, съ командами стоящихъ при нынѣшнемъ нашемъ шествіи, на станціяхъ, учинены сими командами разные непорядки, и для того повелѣваемъ учредить военный судъ, къ которому президомъ опредѣляется гвардіи нашей маіоръ коннаго полка князь Петръ Голицынъ, а въ ассесоры отъ всѣхъ четырехъ полковъ шесть человѣкъ оберъ-офицеровъ и одного аудитора нарядить. Оному суду повелѣвается, по приложенному отъ тайнаго совѣтника Олсуфьева къ намъ рапорту и ему поданнымъ прошеніямъ отъ обиженныхъ, надо всѣми тѣми, которые въ ономъ непорядкѣ нашлись, произвесть фергеръ и кригсрехть и отъ кого потребно требовать извѣстій и доказа-

---

*) Печатается съ подлинника. П. Б.

тельства и, заключа надъ винными сентенціи для конфирмаціи, представить намъ отъ того суда: понеже подобные непорядки ни въ какой командѣ не должны быть терпимы, еще менѣе отъ такого корпуса, какъ нашей лейбъ-гвардіи, отъ которой ожидаемъ мы во всѣхъ случаяхъ военнымъ людямъ примѣровъ добраго порядка.

Екатерина.

9 Марта 1767. Москва.

II.

Рапортъ А. В. Олсуфьева.

Всемилостивѣйшая Государыня.

Исполняя Высочайшее Вашего Императорскаго Величества повелѣніе, доношу всеподданнѣйше, какія гдѣ въ проѣздъ мой отъ Санктъ-Петербурга принесены мнѣ были жалобы на разставленныя по станціямъ гвардейскія команды, и что по онымъ мною учинено.

1.

Въ Любанѣ, гдѣ стоялъ Измайловскаго полку порутчикъ Михаилъ Челѣевъ, объявлено мнѣ отъ сотскихъ, какъ ямскихъ такъ и градскихъ подводчиковъ, что во все время никогда не доходили до нихъ прогоны сполна, а только въ тотъ день въ первый разъ выданы имъ они были безъ вычету, но на харчи канцелярскія удержпвано сержантомъ, подпрапорщикомъ и капраломъ съ каждой пары по семи копѣекъ. У кого лошадь захромала и въ гоньбу была неспособна, съ таковыхъ брали по двадцати по пяти копѣекъ; съ ямщиковъ, у коихъ лошади были кобылы, а не мерины, взя-

то за каждую кобылу двадцать пять копѣекъ, а съ Мшанскаго ямщика Мартына Никитина доправлена полтина.

Офицеръ, при которомъ тѣ жалобы мнѣ принесены, старался оправдать себя только тѣмъ, что онъ про то не вѣдалъ, и отъ ямщиковъ жалобъ никакихъ до него не доходило, хотя имъ и приказано отъ него было, чтобъ о всякихъ отъ команды обидахъ и притѣсненіяхъ ему объявляли; а сіи признавались, что за побоями и угрозами отъ сержанта, унтеръ-офицера и капрала, доступить до него съ жалобою не посмѣли.

Сержантъ Алексѣй Степановъ сынъ Гриневъ, подпрапорщикъ Николай Аѳанасьевъ сынъ Есиповъ, капралъ Константинъ Ивановъ сынъ Депинъ, на очной ставкѣ сперва во всемъ запирались, а напослѣдокъ, по увѣщеванію моему и уликамъ, признались: сержантъ, бывшій тогда нарочито пьянъ, что иногда, да и то по малому дѣлу, въ честь ямщики ему подносили; подпрапорщикъ же и капралъ, якобы за труды свои, первый по деньгѣ, а другой по полушкѣ съ лошади себѣ собирали; напротивъ чего, доказывая, уличали ихъ, что всего собрано съ нихъ сто пятьдесятъ девять рублевъ.

Офицеру сдѣлать за слабую команду выговоръ; сержанта, подпрапорщика и капрала приказано отвести къ командѣ подъ карауломъ и ожидать отсюда вышняго объ нихъ повелѣнія. Оные же сто пятьдесятъ девять рублевъ выданы ямщикамъ изъ суммы кабинетной на счетъ тѣхъ виноватыхъ.

2.

Въ Спасской Полести, гдѣ находился конной гвардіи подпоручикомъ Николай Оленинъ, собрано какъ съ лошадей такъ и рейтаромъ кормовыхъ всего сто пятьдесятъ шесть

рублевъ: оныя деньги отдаваны квартермистру Гавриłѣ Осипову сыну Теренину, гефрейть-капралу Савелью Емельянову сыну Толстому, да капраламъ: Василью Григорьеву сыну Волховскому и Филипу Семенову сыну Арбузову.

Помянутые квартермистръ, гефрейть-капралъ и капралы въ тѣхъ денежныхъ взяткахъ съ ямщиковъ признались того жъ часу добровольно и безъ всякихъ отговорокъ, объявляя, что дѣлали то по своей бѣдности и будучи въ заѣзжемъ мѣстѣ; равномѣрно жъ и рейтары во взятыхъ кормовыхъ деньгахъ повинились.

Офицеру, который во оправданіе свое объявлялъ тоже что̀ и первый, а именно, что о томъ не вѣдалъ и жалобъ не слыхалъ, сдѣланъ за слабость команды выговоръ; деньги сто пятьдесятъ шесть рублевъ отданы просителямъ изъ суммы кабинетной на счетъ виноватыхъ; а рейтарамъ приказано учинить наказаніе.

3.

Въ Новѣгородѣ, по объявленію сотскихъ, отъ ямщиковъ собрали команды Семеновскаго полку подпорутчика Андрея Симонова солдаты, называвшіе себя при канцеляріи писарями, Алексѣй Антоновъ сынъ Масловъ, да Ѳедоръ Дмитріевъ сынъ Барановъ, съ каждаго поѣзда съ лошади по одной деньгѣ, и того десять рублевъ на каждаго солдата брали, кормовыхъ въ недѣлю по пятидесяти копѣекъ, изъ коихъ получалъ солдать Кирила Балашевъ по одному рублю, а Максимъ Яковлевъ по восьмидесяти копѣекъ на недѣлю; да на катанье офицера на масляницѣ собрано на четыре пары четыре рубли.

Сотскіе градскихъ подводчиковъ, на неоднократный мой вопросъ, объявили, утуня глаза въ землю, что имъ обидъ никакихъ и взятокъ съ нихъ собирано не было.

Офицеру за помянутые непорядки и слабую команду сдѣланъ крѣпкой выговоръ. Извинялся онъ невѣдѣніемъ и что на лошадяхъ ямщичьихъ пріѣзжалъ только на поклонъ къ проѣзжимъ знатнымъ особамъ. Всѣ тѣ деньги приказано ямщикамъ возвратить, къ чему онъ и обязался; а оныхъ двухъ солдатъ наказать при всѣхъ подводчикахъ батожьемъ.

4.

Не доѣзжая нѣсколько верстъ Крестецъ, выѣхали ко мнѣ на встрѣчу того яму выборные: Прокофій Васильевъ и Михей Андреевъ и вручили приложенную при семъ письменную жалобу, которую приносили они управителю своему на прапорщика Преображенскаго полку Петра Кутузова, отъ котораго-де они убѣгомъ скрылись, потому что подъ батожьями присуждаетъ дать ему подписку въ томъ, что его командою довольны и жалобъ на оную никакихъ не имѣютъ. Состоятъ же жалобы ихъ въ слѣдующемъ. Кормовыхъ солдатамъ собрано за пять недѣль каждому по пятидесяти копѣекъ на недѣлю. У Боровскихъ купцовъ: Василья Каширина и Ѳедота Некишева сняты оными прапорщикомъ Кутузовымъ три лошади, коихъ во всю бытность въ ѣзду употреблено не было; а вмѣсто оныхъ ямщики гоняли своихъ лошадей; равномѣрно жъ и послѣ шествія Вашего Императорскаго Величества тринадцать линейныхъ лошадей въ ѣзду не наряжалъ, но обганивали ихъ другіе ямщики и вмѣсто хромыхъ и присталыхъ наймовали съ подводъ, на которыя билеты даваны за двойные прогоны, оныхъ имъ ни копѣйки не отдано. Въ проѣздъ Вашего Величества отъ Крестецкаго Яму до села Яжелбицъ на 38-й верстѣ изъ прогоновъ роздано ямщикамъ на пару только по осмнадцати копѣекъ, а по двадцати ко-

пѣкъ удержано на расплату за забранные къ нему Кутузову разные съѣстные припасы, коихъ съ 25-го Генваря по 1-е Марта причитается пятьдесять восемь рублевъ тридцать пять копѣекъ. Такожъ въ канцелярію на сальныя свѣчи и бумагу помянутый Кутузовъ (по увольненіи лошадей отъ гоньбы и въ насильномъ къ подпискѣ принужденіи, не смотря на непремѣнное тѣхъ выборныхъ и сотскаго въ томъ подъ смертною казнію утвержденіе, такъ какъ и унтеръ-офицеры не признались о забранныхъ на кухню свою разныхъ припасахъ) объявилъ, что намѣреніе его всегда было за то заплатить деньги, но не знаетъ заподлинно, на столько ли, какъ челобитчики показываютъ, оныхъ имъ употреблено.

По учиненіи ему крѣпкаго выговора, приказано всѣ тѣ собранныя деньги имъ немедленно возвратить, къ чему онъ и обязался; а удержанные двойные прогоны, о которыхъ объявилъ, что хотѣлъ ихъ раздать не по частямъ, но, накопя, все вдругъ отдалъ онъ при мнѣ все сполна солдатамъ за взятыя кормовыя деньги къ сотскимъ. За тѣ поборы приказано учинить наказаніе, такожъ и одному выборному по жалобѣ офицера, что по многократнымъ позывамъ оказалъ себя ослушнымъ и къ нему не являлся.

5.

Въ Зимнегорскомъ Яму, гдѣ стоялъ съ командою Преображенскаго полку капитанъ-порутчикъ Петръ Лутовиновъ. хотя на вопросы мои при самомъ управителѣ единогласно отвѣтствовано мнѣ, что неудовольствія и жалобъ на команду никакихъ не имѣютъ, однакожъ по пріѣздѣ моемъ въ село Едрово какъ отъ онаго управителя, который меня туда об-

скакалъ, такъ и отъ находившагося тутъ Измайловскаго полку капитана Алексѣя Голохвастова принесены мнѣ, сверхъ словесныхъ, приложенныя при семъ и письменныя на Зимнегорскую команду жалобы: въ пьянствѣ солдатъ съ капраломъ и явномъ на улицѣ озорничествѣ, въ смертномъ солдатами нарядившимися въ сѣрые кафтаны бою ямщика Якова Андреева, въ отбитіи у него шапки и 20 р. денегъ; что по жалобѣ и требованію капитана Голохвастова помянутый Лутовиновъ не только командѣ своей уйму и наказанія, но ниже и отвѣта порядочнаго не учинилъ, и въ насильномъ забраніи у разныхъ ямщиковъ женъ и содержаніи оныхъ подъ карауломъ.

Управителю со угроженіемъ, что о той утайкѣ его въ команду отъ меня сообщено и надлежащаго наказанія требовано будетъ, выговаривалъ я, для чего въ бытность мою въ Зимнегорскомъ Яму и когда отъ меня всѣ спрашиваны были, не было ли кому обидъ какихъ и нападковъ, о всемъ томъ не объявилъ. На сіе отвѣтствовалъ онъ, что, будучи въ опасности живота своего отъ капитана-порутчика Лутовинова и его команды, при немъ объявить мнѣ не отважился, а нарочно, обогнавъ меня, пріѣхалъ съ жалобою своею въ село Едрово. И хотя, за отсутствіемъ Лутовинова, къ разбирательству достаточнаго средства не было, однакожъ подтвердилъ мнѣ тоже прилучившійся тутъ по случаю болѣзни брата своего генеральсъ-адъютантъ его сіятельства графа Григорья Григорьевича Орлова Алексѣй Нарышкинъ. Битый ямщикъ мною самимъ осматриванъ: все тѣло его отъ безчеловѣчныхъ побоевъ найдено испещреннымъ превеликими багровыми пятнами, лицо разбитое, и голова проломана.

Капитану Голохвастову поручилъ я объявить оному Лутовинову, на возвратномъ его станціи проѣздѣ, приказаніе мое,

чтобъ того капрала содержалъ подъ арестомъ, ямщику же изъ суммы кабинетной возвращены отбитые у него 20 р., да за увѣчье выдано столько же на счетъ виноватыхъ.

Когда потомъ капитанъ-порутчикъ Лутовиновъ наѣхалъ на меня въ Городнѣ и, по представленіи арестованнаго по моему приказанію капрала, обо всемъ мною спрашиванъ, то ничаго въ отвѣтъ сказать мнѣ не могъ, какъ что капралъ, какъ человѣкъ весьма молодой, выпивъ три чарки, по слабости своей былъ пьянъ за что̀ онъ его и штрафовалъ; что справедливость принесенной жалобы точно не доказана, и именно тотъ или тѣ солдаты не означены, кѣмъ оный ямщикъ битъ и ограбленъ; что сія драка происходила въ гуляньи и пьянствѣ, да что и самъ капитанъ Голохвастовъ отлучался нерѣдко отъ своего поста и разъѣзжалъ гулять верстъ за 30. Капрала приказано отдать подъ арестомъ въ команду и въ прочемъ ожидать выпяго повелѣнія.

6.

Въ Вышнемъ Волочкѣ приносили разныхъ городовъ посадскіе жалобы на стоявшаго тамъ Измайловскаго полку прапорщика Андрея Сабурова въ томъ, что для наряду подводъ сотскій, города Одоева посадскій, Гаврила Прокофьевъ удержалъ у нихъ невѣдомо для чего за одиннадцать поѣздокъ прогонныхъ денегъ каждой пары по три копѣйки, въ томъ числѣ за первыя двѣ по пяти копѣекъ, а всего 37 р.; да пожалованныхъ на калачи 7 р. 50 коп. Оный же сотскій неоднократно наряжалъ нѣкоторыхъ подъ того Сабурова лошадей для напрасныхъ разъѣздовъ и гуляньи.

По крѣпкомъ ему за то выговорѣ, приказано удовольствовать немедленно возвращеніемъ всѣхъ денегъ и надлежащею

платою; сотскаго за тѣ поборы наказать, а въ прочемъ ожидать повелѣнія при командѣ.

При семъ долженъ я упомянуть, что отъ разныхъ посторонних людей слышалъ я вообще жалобу на многихъ изъ офицеровъ, что часто для гуляпья и по гостямъ отлучались отъ мѣстъ своихъ верстъ за 20, за 30 и далѣе, почему въ небытность главныхъ командировъ проѣзжимъ остановки, а въ командахъ разные непорядки и своевольства происходили.

7.

Въ деревнѣ Подсолнечной Горѣ приносилъ мнѣ жалобу Семеновскаго полку поручикъ Николай Булгаковъ, что какъ, оставя къ утру потребное число подводъ мнѣ и командѣ его, всѣ прочія по приказанію моему распустилъ, бывшіе же на станціяхъ въ селѣ Яжелбицахъ и въ Зимнегорскомъ Яму Преображенскаго полку прапорщикъ Алексѣй, да капитанъ-поручикъ Петръ Лутовиновы, ночью съ командами своими, наѣхали, промѣшкавъ назади такъ долго невѣдомо зачѣмъ и требовали подводы: а отъ него отвѣтствовано было, что, будучи подводы уже распущены и не имѣя никакой болѣе власти надъ оными, дать имъ не можетъ; то они, досадуя на него, объявили ему: мы имѣемъ при себѣ 10 человѣкъ солдатъ и слѣдовательно сами подводы взять умѣемъ, почему дѣйствительно приказалъ солдатамъ ходить по дворамъ; забрали насильно найденныхъ лошадей тѣхъ хозяевъ, кои уѣхать или скрыться не успѣли и на оныхъ безъ хозяевъ одни въ Москву поскакали, такъ что теперь едва и знать можно, куда оныя лошади дѣвались и какимъ способомъ хозяевамъ возвращены быть могли.

На онаго порутчика Булгакова жалобъ никакихъ я не слыхалъ; но, не скрывая ничего отъ Вашего Величества, принужденнымъ себя нахожу донесть дошедшее стороною до свѣдѣнія моего, а именно, что и его командою денежныя ямщикамъ выможенія были; но что отецъ его, свѣдавъ о ихъ роптаніи, помирилъ его съ ними на 80 р. и тѣ деньги за него заплатилъ.

На прочихъ станціяхъ всѣ подводчики увѣряли меня, что офицерами и командами ихъ довольны; отличная же благодарность и похвала единогласная приписаны бывшимъ въ Тосненскомъ Яму Преображенскаго полку отъ бомбардиръ-порутчику Алексѣю Раздеришину, въ селѣ Чудовѣ Измайловскаго полку прапорщику Семену Миклашевскому, въ селѣ Подберезьѣ Семеновскаго полку подпорутчику Николаю Шетневу, въ Бронницахъ Преображенскаго полку капитану-порутчику князь Петру Козловскому, въ Хотиловскомъ Яму Измайловскаго полку порутчику Андрею Рахманову, въ селѣ Мѣдномъ того же полку капитану-порутчику князь Василью Гагарину, въ селѣ Завидовѣ Семеновскаго полку подпорутчику Нилу Панову.

На подлинномъ подписано тако:

Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій рабъ
Адамъ Олсуфьевъ.

Въ 8 день Марта 1767 года.

Отвѣты графа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина на вопросные пункты Екатерины Великой.

Всепресвѣтлѣйшая и державнѣйшая Государыня Императрица, всемилостивѣйшая Государыня.

По даннымъ отъ Вашего Императорскаго Величества собственноручно писанным осми пунктамъ, приложенным при семъ точною копіею, сколько я могъ (не будучи у дѣлъ, чрезъ полпята года, такожъ при настоящей старости и отъ понесенных печалей слабости и короткой памяти) въ разсужденіе взять и примыслить, о томъ всеподданнѣйше приношу при семъ же мое слабѣйшее мнѣніе. И потому оное не столь обширно сдѣлано, какъ я за 17 лѣтъ тому назадъ, а именно въ 1745 г., будучи тогда непрестанно при дѣлахъ и въ лучшей памяти, обстоятельное свое мнѣніе имѣлъ честь поднести ея величеству, блаженныя памяти любезной теткѣ вашей государынѣ императрицѣ Елисаветъ Петровнѣ, которое взялъ я нынѣ изъ архива Коллегіи Иностранных Дѣлъ.

Ваше Императорское Величество изволили ко мнѣ отзываться, что той-ли я былъ системы, дабы короля Прускаго ослабить въ его силахъ, и Ваше Величество изъ онаго усмотрѣть изволите, что я подлинно такимъ былъ, да и нынѣ при той же системѣ пребываю, неотмѣнно предоставляя впрочемъ

высочайшему и просвѣщенному Вашего Величества разсужденію и повинуяся всегда къ раболѣпному исполненію монарших Вашихъ повелѣній, якоже и есмь со всеглубочайшею венераціею, Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ графъ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ.

Іюля дня 1762 года.
С.-Петербургъ.

Всеподданнѣйшее мнѣніе графа Алексѣя Бестужева-Рюмина на данные отъ Вашего Императорскаго Величества собственноручные пункты.

На 1-й.

При настоящихъ конъюктурахъ, которые не токмо по учиненнымъ отъ Англинскаго министра Кейта сообщеніямъ, но и по другимъ извѣстіямъ склоняются къ общему во всей Европѣ миру, весьма сходственно быть кажется съ интересами Россійской имперіи, чтобъ Ваше Императорское Величество такому общему въ Европѣ примиренію содѣйствовали побужденіемъ къ тому всѣхъ въ настоящей войнѣ участіе имѣющихъ державъ. Сіе содѣйствованіе тѣмъ удобнѣе быть можетъ нынѣ, что настоящая война въ Европѣ довольно наскучила тѣмъ державамъ, которыя участіе въ оной по сіе время имѣть принуждены, и какъ Ваше Императорское Величество по благополучномъ восшествіи на Всероссійской императорскій престолъ соизволили уже объявить онымъ согласное тому намѣреніе и повелѣли своимъ министрамъ внушать имъ, чтобъ помышляли о примиреніи, то и надобно при случаяхъ такія Вашего Величества присовѣтованія подтверждать.

На 2-й.

Что надлежитъ за посылки министровъ Россійскихъ на конгрессъ въ Аугсбургъ, то весьма надобно стараніе приложить, чтобъ оные приглашены были, но сіе не безъ великаго затрудненія учиниться можетъ; потому что, когда Ваше Императорское Величество соизволили торжественно объявить, что заключенный бывшимъ императоромъ съ королемъ Прускимъ миръ безъ нарушенія содержать изволите, то пребывающія въ настоящей войнѣ державы, какъ союзныя такъ и противныя, поставляя сей миръ односторонимъ, чаятельно нелегко могутъ согласиться на допущеніе министровъ Россійскихъ на конгрессъ. Да и сей конгрессъ, по видимому изъ обстоятельствъ, не можетъ состояться прежде нежели Франція и Англія въ особенной своей войнѣ сдѣлаютъ миръ, отъ котораго много зависитъ и общее въ Европѣ примиреніе. Между тѣмъ однакожъ надобно чрезъ министровъ Вашего Императорскаго Величества у воюющихъ державъ о приглашеніи на конгрессъ прилагать стараніе, внушая онымъ, что какъ Россійской императорской дворъ съ начала нынѣшней войны прямое участіе въ оной имѣлъ и великія иждивенія для оной понести принужденъ былъ, отъ онаго-жъ Россійскаго императорскаго двора купно со всѣми воюющими державами предъ симъ для общаго примиренія соглашенъ и опредѣленъ былъ въ Аугсбургѣ конгрессъ, которой безъ согласія всѣхъ интересентовъ (какъ бы то надлежало) разрушенъ: то и весьма справедливо, чтобъ въ настоящемъ новомъ конгрессѣ для общаго примиренія въ Европѣ Россійской императорской дворъ также участіе имѣлъ и чтобъ для того на оной конгрессъ Россійскіе министры приглашены были. По усмотрѣнію же, когда согласны будутъ воюющія державы къ допущенію министровъ

Вашего Императорскаго Величества на конгрессъ, могутъ оные и отправлены быть съ инструкціями, по обстоятельствамъ нужными, а главнѣйше въ томъ состоящими, чтобъ сколько возможно усиленное получили удовольствіе прежніе Россійскому императорскому союзные дворы за ихъ въ нынѣшней войнѣ претерпѣнные убытки и раззоренія и чтобъ тѣмъ отчасти сокращены были многіе силы короля Пруска-го, какъ весьма опаснаго для сосѣдственныхъ державъ на будущія времена, а особливо, дабы не въ состояніи онъ былъ за нынѣшнюю войну вашей имперіи отмщеніе свое учинить и чтобъ присутствіемъ на конгрессѣ министровъ Россійскихъ Ваше Императорское Величество не токмо славу имѣть, но и ручателемъ быть могли заключаемаго на ономъ трактата, не допуская ничего въ противность интересовъ имперіи Вашей.

На 3-й.

Пропозицію короля Прускаго о медіаціи Вашего Императорскаго Величества формально сообщить другимъ державамъ, кажется, неприлично; потому что король Прускій только въ разговорѣ упоминалъ объ ономъ генералу графу Чернышову, да и то желая вѣдать напередъ о сентиментахъ Вашего Величества, и сіе только служитъ ему къ развѣдываніямъ. А ежели бъ онъ хотѣлъ прямую пропозицію сдѣлать, то бы могъ оную чрезъ своего министра здѣсь пребывающаго учинить, да и не безъ согласія съ Англинскимъ дворомъ, какъ съ союзникомъ своимъ; но какъ ни отъ одного, ни другаго здѣсь о томъ ничего не слышно, то и не можно полагаться на разговоръ королевской съ графомъ Чернышовымъ, хотя оной повторенъ отъ короля также разговоромъ и министру Вашего Величества князю Репнину. Ибо такія пропозиціи

обыкновенно дѣлаются на письмѣ, а инако для ненадежности не могутъ быть и приниманы, а тѣмъ наименьше могутъ оныя предъявлены быть другимъ державамъ въ опасеніи непріятнаго отказа или несоглашенія. Правда, что медіація Вашего Императорскаго Величества въ примиреніи приносила бы Вамъ славу и честь великую; но для сего необходимо надобно, чтобъ сами желающія того державы напередъ сдѣлали Вашему Величеству предложеніе, а не отваживать здѣшнее о медіаціи сообщеніе непріятному отказу или по меньшей мѣрѣ молчанію и пренебреженію. Но для поспѣшествованія къ общему миру чаятельно и сами тѣ державы будутъ искать медіаціи Вашего Императорскаго Величества; потому что Вѣнской дворъ собственной свой интересъ въ томъ имѣетъ не меньше какъ и Англинской дворъ для установленія древней системы Сѣвера въ союзѣ и особливо для комерціи своей съ Россіею; а Пруской король тоже интересъ имѣетъ медіацію Вашего Величества желать для того, чтобъ утвердить обѣщанное съ Вашей стороны содержаніе заключеннаго съ нимъ мира.

На 4-е.

При нынѣшнихъ обстоятельствахъ для умноженія инфлюенціи Вашего Императорскаго Величества въ Европейскихъ дѣлахъ полезнѣе бы было всей арміи вашей остаться еще въ завоеванныхъ у короля Прускаго земляхъ. Но когда же повелѣно арміи возвратиться въ Россію, то однакожъ надобнъ нынѣ изъ оной до 30,000 оставить и до заключенія общаго мира или по меньшей мѣрѣ на будущую зиму расположить въ Польшѣ по рѣкѣ Вислѣ, и сверхъ того при границахъ во Лифляндіи и въ ближнихъ мѣстахъ содержать войска до 50,000

и тѣмъ подать лучшій поводъ къ желанію медіаціи Вашего Императорскаго Величества, которая бы тѣмъ же болѣе почтительною быть могла для защищенія Вашихъ союзниковъ и для возстановленія общаго и надежнаго мира.

На 5-е.

Обѣщавъ содержать миръ къ королемъ Прускимъ, почитать оной полезнымъ разнѣ для того только, чтобъ въ мирѣ, а не въ войнѣ пребывать; наипаче же когда государственная казна уже истощена, то и худой миръ надобенъ. А напротивъ того, понеже сей миръ въ разсужденіи собственной славы и чести Россійскаго двора и что безъ вѣдома союзниковъ его сдѣланъ, не можетъ за полезной почитаться: то бы лучше инако оной передѣлать, ежели бъ токмо возможно было, не прекословя деклараціямъ Вашего Императорскаго Величества, въ пользу того короля учиненнымъ. И когда бъ войска Вашего Величества изъ областей короля Прускаго не выведены были, то бы сепаратный артикулъ сего мира служить къ тому могъ. И такъ надлежитъ сей съ королемъ Прускимъ постановленной миръ по нуждѣ до того времени содержать, пока къ перемѣнѣ или уничтоженію онаго справедливая причина будетъ.

На 6-й.

Понеже постановленной съ Вѣнскимъ дворомъ союзной и оборонительной трактатъ въ ослабленіи приведенъ быть видится тѣмъ, что въ заключенномъ недавно съ Прускимъ колемъ и отъ Вашего Императорскаго Величества подтвержденномъ миромъ трактатѣ уничтожаются нѣкоторымъ образомъ всѣ прежнія здѣшняго двора обязательства; то небез-

нужно помянутой съ Вѣнскимъ дворомъ союзной и оборонительной трактать, распоряжая по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, возобновить какъ съ натуральнымъ союзникомъ, имѣя одинаковые интересы въ разсужденіи Турковъ и прочихъ здѣшней имперіи сосѣдей, толь наипаче, что имѣющіяся нынѣ новыя короля Прускаго обязательства съ Портою и Швеціею того требуютъ.

На 7-й.

Въ разсужденіи, что Саксонскія земли съ начала войны столь многое раззореніе и опустошеніе претерпѣли, весьма сходно будетъ съ великодушіемъ Вашего Императорскаго Величества, когда, по союзнической дружбѣ и обязательствамъ блаженныя памяти государыни императрицы Елисаветъ Петровны, соизволите за короля Польскаго, курфирста Саксонскаго, вступиться и повелѣть чрезъ министра Вашего королю Прускому представить, чтобъ онъ тѣ Саксонскія земли, какъ безвинно претерпѣвающія, отъ войскъ своихъ очистилъ и возвратилъ во владѣніе собственному ихъ государю и впредъ бы ихъ не обезпокоивалъ, оставляя нейтральными, хотябъ и не примирился онъ съ Вѣнскимъ дворомъ. Но въ тоже время представить надобно Вѣнскому двору, чтобъ оной свои войска изъ Саксоніи также вывесть приказалъ, въ чемъ сей Вѣнской дворъ по справедливости и отказать не можетъ, для того чтобъ между двумя дворами продолжаемая иногда война третьему безвинное раззореніе больше не приносила.

На 8-й.

Когда такимъ образомъ, какъ выше сего въ 4 пунктѣ писано, знатная часть арміи Россійской оставлена будетъ въ

Польшѣ по рѣкѣ Вислѣ, а прочія войска будутъ при границахъ, то чаятельно побуждать будутъ воюющія державы требовать медіаціи Вашего Императорскаго Величества къ примиренію, да и въ негоціаціяхъ лучшій успѣхъ быть можетъ на конгрессѣ; а напротивъ того безъ сумнѣнія ожидать надобно, что не токмо повода не будетъ къ требованію и принятію медіаціи, но и ослабѣвать станутъ здѣшнія негоціаціи на конгрессѣ, когда всѣ войски Вашего Императорскаго величества внутрь Россіи возвратятся.

Подписано: г. Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ.

27 Іюля 1762 г.
Санктпетербургъ.

Копія съ письма къ канцлеру графу М. Л. Воронцову отъ секретаря Бакунина, отъ 26-го Ноября 1760 года

Имѣя высокое вашего сіятельства повелѣніе описать въ бытность мою при Мангеймскомъ дворѣ персональныя качества владѣющаго курфирста, фамилію его и состояніе всей тамошней земли, не уважаю я на трудности сего дѣла, ниже недостатковъ силъ моихъ, но паче стремлюсь исполнить намѣреніе вашего сіятельства, поколику краткое мое пребываніе дозволило мнѣ навѣдываться о всѣхъ обстоятельствахъ, въ ласкательной надеждѣ, что вы, милостивѣйшій государь, слѣдующее слабое начертаніе за опыть совершеннаго моего повиновенія принять изволите.

Курфирстъ имѣетъ отъ роду тридцать шесть лѣтъ, сложенія крѣпкаго и никогда не бывалъ еще въ тяжкихъ болѣзняхъ. Въ пріемѣ холодноватъ и малорѣчивъ, но ознакомясь разговариваетъ охотно; любитъ весьма науки и художества: въ первыхъ самъ искусенъ, равно какъ и въ художествахъ великой знатокъ; время раздѣляетъ между чтеніемъ книгъ, театромъ, музыкою и картами; осенью и весною часто ѣздитъ на охоту, которая великолѣпіемъ изъ первыхъ въ Европѣ; съ придворными обходится ласково, вѣритъ много министрамъ своимъ и отъ нѣкоторыхъ, какъ слышно, бываетъ часто об-

манываемъ; склонностью, а особливою по интересамъ, преданъ Франціи, слѣдовательно, при настоящей системѣ и Австріи; но, не смотря на то, имѣетъ въ дѣлахъ и такихъ людей, кои Англіи и Пруссіи доброжелательствуютъ; любитъ весьма курфиретиню, въ пользу которой сочинилъ весьма выгодную духовную; но какъ оная почти во всемъ содержаніи противна имперскимъ уставамъ, то и не думаютъ, чтобы когда-либо могла въ дѣйствіе произведена быть. Сочиненіе сей духовной воспричинствовало паденіе прежняго перваго министра барона Вредена, ибо онъ, изъ доброхотства къ Цвейбрикскому дому, которому по смерти курфирста права наслѣдства надлежатъ, отъ онаго отрекся и тѣмъ въ совершенную пришелъ немилость, хотя еще и нынѣ, въ разсужденіи хорошихъ его качествъ, немало преданныхъ ему при дворѣ людей есть. Впрочемъ курфиретъ, если только можетъ правда до него дойтить, правосуденъ и старается усердно о благополучіи подданныхъ своихъ. Дважды въ недѣлю присутствуетъ въ Совѣтѣ, въ которомъ разсматриваются рѣшительно всѣ дѣла. Отъ подданныхъ любимъ, почитаемъ, и конечно, того достоинъ. Отъ Франціи получаетъ по двадцати тысячъ гульденовъ субсидіи на мѣсяцъ, напротивъ сего долженъ по требованіямъ ея давать шесть тысячъ человѣкъ войска, которое во время службы бываетъ на содержаніи сей державы. Я слышалъ отъ надежнаго человѣка, что оная здѣшнимъ министерствомъ не гораздо довольна, и во время кардинала Берни имянно требовала отрѣшенія барона Бекерса.

Курфиретина старѣе курфирста тремя годами, по лѣтамъ своимъ довольно свѣжа, любитъ равномѣрно (но какъ сказываютъ изъ одного къ супругу своему угожденія) науки, чѣмъ будто и пріобрѣла у онаго великую власть, коею воспользовалась доставить себѣ богатое вдовье содержаніе, будучи не-

извѣстно по какой причинѣ издавна предупреждена, что переживетъ его. Сія слабость не могла быть довольно скрыта; каждый ищетъ ей льстить, и подлинно сія дорога надежна министрамъ къ умноженію ихъ знатности. Забавы сея принцессы состоятъ въ спектакляхъ, музыкѣ и игрѣ; ласкова, обходительна, но не безъ гордости, льстительна, великолѣпна и тщеславна, больше отъ подданныхъ нежели отъ придворныхъ любима, которые проникнули ея виды, клонящіеся къ раздробленію по смерти курфирста земель его владѣнія.

Владѣтельной пфальцграфъ Цвейбрикской, Христіанъ Четвертый, которому единогласно приписываютъ великія дарованія, имѣлъ бы послѣ курфирста наслѣдствовать; но какъ онъ съ одной стороны самъ его старѣе двумя годами, а съ другой, въ разсужденіи неравнаго брака съ одною комедіанткою, отъ которой имѣетъ дѣйствительно двухъ сыновей, названныхъ Франціею графами де-Форбахъ, безнадеженъ получить къ преемничеству дѣтей: то и почитается будущимъ наслѣдникомъ племянникъ его родной, сынъ командующаго имперскою арміею генерала-фельдмаршала герцога Фридриха, принцъ Карлъ, которому теперь тринадцать лѣтъ. Онъ содержится съ четырехлѣтнимъ братомъ своимъ и двумя сестрами при Мангеймскомъ дворѣ. Воспитаніе его поручено камергеру барону Эберштейну, который курфирстинѣ совершенно преданъ. О качествахъ и склонностяхъ сего принца не можно еще по молодымъ его лѣтамъ ничего съ точностію сказать; но благонравіе, живость и великіе его въ ученіи успѣхи подаютъ однако изрядную о будущемъ надежду. Принято уже намѣреніе отправить его на нѣсколько лѣтъ въ Парижъ, гдѣ, конечно, Французской дворъ стараться будетъ внушить ему заблаговременно сходныя своимъ видамъ правила,

которыя со временемъ Австрійскому небезопасными сдѣлаться могутъ.

Главныхъ министровъ, которые называются ministres d'état et de conférence и засѣдаютъ въ тайномъ совѣтѣ, есть трое.

1. Оберъ-камергеръ баронъ Вахтендонкъ управляетъ департаментомъ иностранныхъ дѣлъ. человѣкъ немолодой, знатнаго въ имперіи рода, ученый и, по общему признанію, честный; былъ посломъ при избраніи императора Карла VII, держится всегда по удостовѣренію происходящей изъ того пользы Французскаго союза; но самъ имѣя собственный достатокъ, ни отъ кого не зависитъ и хотя въ извѣстной духовной неохотно принялъ участіе, однакожъ повидимому сохраняетъ еще немалый кредитъ.

2. Баронъ Цетвицъ, родомъ изъ Богеміи, былъ при покойномъ курфюрстѣ пажемъ; почитается человѣкомъ честнымъ, но при томъ весьма упрямымъ и своенравнымъ; преданъ склонностію королю Прускому, но съ нѣкотораго времени найденъ у Вѣнскаго двора способъ преклонить его къ другимъ мыслямъ; напротивъ чего, говорятъ, столько ненавидитъ Францію, что нѣкоторыя къ предосужденію ея сочиненія сдѣлалъ.

3. Баронъ Бекеръ вышелъ службою и интригами изъ простыхъ людей. Онъ былъ прежде амтманомъ въ Гейдельбергѣ, потомъ управителемъ курфюрстскихъ въ Литвѣ деревень, кои проданы умершему князю Радзивилу; а послѣ того, получа дворянство, министромъ въ Берлинѣ и Вѣнѣ, до паденія барона Вредена, вмѣсто котораго онъ казною управляетъ, да и во всѣхъ другихъ вѣдомствахъ великое участіе имѣетъ. Онъ первой съ барономъ Цетвицомъ инструменгъ часто упоминаемой духовной. Оба крайніе непріятели барону Вахтендонку и всячески ищутъ его удалить отъ двора, хотя и безъ

того соединеніемъ своимъ почти всѣми дѣлами, по собственному благоизобрѣтенію, распоряжаютъ. Онъ ослѣпленъ, буде вѣрить рѣчамъ, преданностію къ Англіи и Пруссіи; но ласкательствуя курфирстинѣ и фаворитамъ ея, умѣетъ сохранять кредитъ свой. Вообще увѣряли меня, что пожалованіе отъ Ея Императорскаго Величества курфирстинѣ ордена святыя Екатерины новую ему услугу сдѣлало; ибо по его внушеніямъ и совѣту требованіе о томъ учинено было. Нельзя однакожъ сказать, чтобъ онъ не старался, буде не отъ искренняго сердца, наружностію показывать доброжелательство свое къ общему дѣлу. Между прочимъ я долженъ особливо засвидѣтельствовать, что онъ именемъ двора своего многократныя мнѣ чинилъ увѣренія о усердіи онаго къ Россійскимъ интересамъ и о готовости способствовать по крайней силѣ справедливымъ Ея Императорскаго Величества видамъ о благосостояніи всего человѣчества; да и въ другихъ всегда случаяхъ отзывался о нашемъ дворѣ баронъ Бекерсъ со всякою пристойностію и съ надлежащимъ уваженіемъ.

Но весьма противному служитъ доказательствомъ случившееся въ Вѣнѣ, при началѣ войны, съ Курфальцскимъ министромъ Ритеромъ. Сей Ритеръ, человѣкъ рода подлаго, былъ всегда при баронѣ Бекерсѣ секретаремъ, а на его мѣсто и резидентомъ опредѣленъ въ Вѣну. Прежде выѣзда оттуда министровъ Аглинскаго и Гановерскаго, завелъ онъ съ ними тайную переписку, о которой графъ Кауницъ скоро увѣдомился, да и явныя доказательства худыхъ намѣреній нашелъ. Австрійской дворъ требовалъ удовольствія; но баронъ Бекерсъ, протекторъ Ритера, предуспѣлъ кредитомъ своимъ загладить прошедшее и привесть оной къ молчанію.

Сіи три министра управляютъ всѣми дѣлами; присутствуютъ они въ курфирстскомъ совѣтѣ, въ военной и камеръ-колле-

гіяхъ; все идетъ чрезъ ихъ руки, чѣмъ однакожъ не всѣ равно довольны, а особливо, что два послѣдніе, всегда держась одного мнѣнія, оберкамергера превозмогаютъ. Политика ихъ, въ разсужденіи воюющихъ державъ, весьма непостоянна; ищутъ всегда угождать сильной сторонѣ и сохранять со всѣми доброе согласіе, чѣмъ будто Берлинской дворъ многажды и пользовался къ уничтоженію видовъ Вѣнскаго и Версальскаго, имѣя почти въ рукахъ своихъ Курпфальцской голосъ на имперскомъ и окружныхъ собраніяхъ, по крайней мѣрѣ отъемля у онаго всю дѣйствительность додаваемыми пустыми предлогами и отговорками, по самое то время какъ уже состояніе короля Прускаго сумнительнымъ становиться начало. Сказываютъ, баронамъ Цетвицу и Бекерсу весьма пріятно было, что Франція, подъ видомъ экономіи, отпустила изъ арміи своей Курпфальцское войско, хотя въ томъ и другія могли быть причины. Съ сего времяни требовала неоднократно Англія оное въ свое жалованье, но кромѣ другихъ уваженій и одна близость Французской арміи довольно уже тому препятствуетъ.

О всѣхъ сихъ обстоятельствахъ увѣдомленъ я отъ достовѣрнаго человѣка, которой притомъ, въ доказательство продолжаемой между Курпфальцскимъ и Лондонскимъ дворомъ откровенности, съ испрошеніемъ крайняго секрета, открылъ мнѣ, что статской секретарь Питъ министру перваго графу Гослангу, предъ нѣкоторымъ времянемъ, говорилъ: «что Россія весьма высоко натягиваетъ струны, требуя въ удовлетвореніе себѣ Прусію, и что напротивъ того сосѣдственные дворы никогда ей толикаго съ стороны Германіи приращенія съ безопасностію своей дозволить не могутъ». А послѣ того въ другорядь: «будто бы ваше сіятельство точно объявили, что конечно не будетъ подписанъ миръ безъ уступки

«Прусіи, что Вѣнской дворъ требуетъ Силезіи, король Поль-«ской достаточнаго удовлетворенія за прошедшее и безопа-«сности для переду, а Французской дворъ знатной части Ни-«дерландовъ, что̀ будто отъ Вѣнскаго двора и обѣщано; и что, напослѣдокъ, ни Голандія, ни Англія сего послѣдняго «отнюдь не допустятъ; но что по всѣмъ обстоятельствамъ «скораго возстановленія мира больше желать, нежели падѣять-«ся должно».

Я знаю, милостивѣйшій государь, сколько въ сихъ разго-ворахъ господина Пита несправедливаго, но для того только всенижайше объ оныхъ доношу, чтобъ ваше сіятельство вѣ-дать могли, какимъ образомъ иногда Лондонской дворъ ста-рается уловлять Нѣмецкіе.

Сколько собственно до Мангеймскаго принадлежитъ, кажет-ся оной такого мнѣнія быть, что Франція и Англія, по ин-тересамъ своимъ, не должны допустить короля Прускаго до совершеннаго изнеможенія; но притомъ и опасаются, что не успѣютъ уже они спасти сего государя, если только оба императорскіе двора одну кампанію согласно и съ надле-жащею силою дѣйствовать будутъ.

Прочія придворныя персоны невеликой важности, хотя нѣ-которыя, а именно обергофмейстерина графиня Туртакѣйская, курфирстининъ обергофмейстеръ графъ Гацфельдъ съ же-ною, оберъ-шталмейстеръ графъ Фирекъ, и оберъ-егермей-стеръ баронъ Гакъ весьма вольно съ ихъ свѣтлостьми обхо-дится. И такъ остается только упомянуть о оберштальмей-стерѣ ея свѣтлости, баронѣ Роденгаузенѣ, которой фавори-томъ ея почитается. То подлинно, что она ему при всякомъ случаѣ особливыя отличности оказываетъ; но не слышно одна-кожъ, чтобъ кто на него жаловался, да и онъ не вступаетъ ни въ какія дѣла.

Земли курфирстскаго владѣнія состоять *въ Нижнемъ Пфальцѣ* (ибо Верхній достался Баварскому дому, по объявленіи въ 1621 году курфирста Фридриха V, избраннаго короля Богемскаго, императоромъ Фердинандомъ въ имперскую ссылку), *въ четырехъ герцогствахъ: Нейбургскомъ, Сульцбахскомъ, Юлихскомъ и Бергскомъ, въ гершавствѣ Равенстейнскомъ и маркизатствѣ Бергопцомскомъ.* Но какъ оныя между собою не смежны, то и не могутъ быть столь велики доходы, тѣмъ больше, что въ нѣкоторыхъ правленіе гораздо ограничено вольностію и преимуществами чиновъ.

Нижній Пфальцъ раздѣляется по себѣ на пять частей, а имянно: 1) герцогетство Симмерепское, 2) герцогство Цвейбрикское, которымъ владѣетъ герцогъ сего имяни; 3) графство Спангеймское; 4) графства Вальденцское и Лаутрекское, и курфирство Пфальцское, въ пятнадцати амтахъ состоящее.

Курфирстъ имѣетъ отъ сихъ амтовъ великую въ томъ выгоду, что раздачею ихъ можетъ награждать заслуженныхъ людей безъ всякаго казнѣ своей убытка; ибо въ каждомъ окладные есть для амтмана доходы.

Герцогства Нейбургское и Сульцбахское назначены курфирстинѣ по духовной, съ разными Пфальцскими амтами, на вдовье содержаніе: въ чемъ однакожъ предвидятъ быть крайнему супротивленію, не только отъ будущаго курфирста, но и отъ всей имперіи.

Императрица-королева и король Пруской имѣютъ еще нѣкоторыя притязанія на Юлихъ и Бергъ. Франція гарантировала, правда, сіи княжества Курфальцскому дому, но тѣмъ самымъ и имѣетъ способъ содержать оной въ своей зависимости, хотя и безъ того близкое ея сосѣдство принуждаетъ курфирста быть непремѣнно въ ея интерасахъ. Вѣнской дворъ пользуется также своею претензіею, возобновляя или

оставляя оную, смотря по обстоятельствамъ времени. Но больше всего опасается Курфальцской дворъ короля Прускаго, есть-ли бы оной сверхъ чаянія нынѣшнею войною не былъ приведенъ въ настоящіе предѣлы.

Главной городъ Мангеймъ построенъ предъ тритцатью годами при стокѣ рѣкъ Некера и Рейна на болотистомъ мѣстѣ. Улицы всѣ прямыя, но домы весьма низки. Курфирстской замокъ, езуитская церковь и оперной домъ, а особливо галлерея картинъ, достойны зрѣнія. Крѣпостныя укрѣпленія сдѣланы Кугорновымъ манеромъ и содержутся въ исправности. Съ достаточнымъ гарнизономъ можетъ сей городъ, по обпадеживанію искусныхъ офицеровъ, весьма долгую выдержать осаду.

Доходы со всѣхъ провинцій, кромѣ герцогствъ Юлихскаго и Бергскаго, простираются до четырехъ миліоновъ гульденовъ. Чины сихъ обоихъ платятъ особливо, подъ имянемъ штейера, девять сотъ тысячъ талеровъ, да отъ камеры приходитъ столько же; но, за вычетомъ необходимо-нужнаго иждивенія на содержаніе въ сихъ самыхъ княжествахъ крѣпостей, Дилендорфа и Юлиха, мостовъ и многихъ плотинъ, не весьма великія суммы входятъ въ казну курфирстскую.

Содержаніе войска отъ двѣнадцати до четырнатцати тысячъ человѣкъ, раздѣленнаго на десять полковъ пѣхоты, два конницы, роту гусаръ, конную и Швейцарскую гвардію, изъ которыхъ въ каждой сто человѣкъ, обходится обыкновенно въ шесть сотъ восемдесятъ тысячъ гульденовъ.

Столъ стоитъ въ годъ сто шестьдесятъ тысячъ, погребъ сто пятьдесятъ тысячъ, ливрея тритцать тысячъ, опера и музыка Италіянская сорокъ тысячъ, комедія Французская двадцать четыре тысячи, охота называемая *par force* четырнадцать тысячъ, обыкновенная двадцать тысячъ, конюшня и

конскіе заводы сто пятьдесятъ тысячъ гульденовъ, не считая жалованія статскимъ чинамъ, о которомъ я развѣдать не могъ до какой суммы простирается. Нѣкоторые кладутъ оную въ миліонъ, а другіе въ полтора и больше.

Сверхъ того, какъ послѣдній, такъ и нынѣшній курфирсты употребили много денегъ на разныя зданія и на покупку драгоцѣнныхъ камней, коихъ весьма немало есть.

Войско Пфальцское почитается хорошимъ, обучено Пруской эксерциціи; но самъ курфирстъ не охотникъ къ солдатству. Считаютъ, что при обыкновенномъ наборѣ рекрутъ со ста берется шесть человѣкъ.

Офицеры и солдаты одѣты изъ собственныхъ фабрикъ, которыя въ цвѣтущемъ состояніи, а особливо въ герцогствахъ Юлихскомъ и Бергскомъ, гдѣ дѣлаютъ сукна добротою не хуже лутчихъ Голандскихъ. Въ Солингенѣ есть довольно мастеровъ, чтобъ въ короткое время снабдить ружьемъ цѣлую армію. Развозятъ оное множествомъ въ Италію, Францію, Гишпанію, Англію, Голандію и Данію, не упоминая всей Германіи. Славны также Юлихскія и Бергскія полотна, которыя Голандцы продаютъ по всей Европѣ за свои. Въ самой Пфальціи, которая плодородіемъ изъ лучшихъ Нѣмецкихъ земель, растетъ множество вина при рѣкахъ Рейнѣ и Некерѣ, отъ чего ей извѣстнымъ образомъ великая прибыль. Тамошній табакъ почитается во Франціи и Голандіи необходимо-нужнымъ для утучнѣнія Виргинскаго и вывозится, сколько-бы его ни было, весьма скоро по жатвѣ купцами обоихъ народовъ.

Сіе произращеніе обогащаетъ сугубо земледѣльца и всю землю; во первыхъ не требуетъ большаго смотрѣнія, а наипаче сѣется въ такихъ поляхъ, которымъ-бы инако послѣ хлѣба чрезъ лѣто въ пустѣ лежать надлежало. Торгъ хлѣб-

ной, которой гораздо знатенъ былъ, пресѣкся совсѣмъ предъ тридцатью годами, по той только причинѣ, что надбавлена тогда вывозная пошлина четвертью крейцера на мѣшокъ. Голандцы нашли, что Польской хлѣбъ имъ дешевлѣ становится, и для того и перестали за симъ товаромъ ѣздить. Сіе обстоятельство слышалъ я отъ самаго курфирста, которой нынѣ старается весьма о разводѣ шелковичныхъ деревьевъ. Успѣхъ соотвѣтствуетъ его намѣренію, ибо въ одномъ городѣ Гейдельбергѣ посажено чрезъ шесть лѣтъ болѣе двухъ сотъ тысячъ деревьевъ; да и крестьяне, увидя себѣ безтрудную прибыль, начали о томъ же помышлять. Я видѣлъ множество тамошняго шелку, которой по признанію знатоковъ ни въ чистотѣ, ни въ тонкости не уступаетъ Италіянскому. Въ Гейдельбергѣ заведена уже и фабрика однимъ Ліонцомъ, которой изрядные дѣлаетъ штофы, но не довольно имѣетъ работниковъ. Не можно описать подробно всѣхъ рукодѣлій, отъ коихъ немалая однакожъ происходитъ прибыль. Напримѣръ, бездѣлушки изъ кости, иглы, булавки, наперстки и тому подобныя мелочи, служатъ къ пропитанію многихъ городовъ. Есть-ли бы еще въ самой Пфальціи жители столько прилежны и трудолюбивы были, сколько въ прочихъ земляхъ курфирстскаго владѣнія, то конечно торговля, слѣдовательно и богатство ихъ, распространились-бы гораздо больше. Торгъ происходитъ отъ большей части чрезъ Голандію, даже до Америки, куда множество Пфальцскихъ подданныхъ реформатскаго исповѣданія и Анабаптистовъ въ Аглинскія колоніи переселилось и еще отходитъ. Хотя нынѣ не какъ прежде никакого въ вѣрѣ нѣтъ принужденія: но причину тому поставляютъ быть въ общемъ предубѣжденіи, будто-бы новой свѣтъ наполненъ естественными богатствами, которыя не требуютъ никакого труда. Дворъ употребляетъ всевозможное стараніе,

чтобъ искоренить сіе ложное мнѣніе; но по сю пору не предуспѣваетъ оной въ томъ по желанію своему.

Есть ли бы время моей въ Швецингенѣ бытности нѣсколько продолжиться могло, былъ бы я въ состояніи описать подробнѣе и точнѣе политическое состояніе Курпфальцскаго двора и земель, въ разсужденіи тамошней системы и каждой части купечества. Столько однакожъ смѣю увѣрить, милостивѣйшій государь, что все вышеозначенное, буде чего самъ не видалъ, слышалъ отъ людей знающихъ и, сколько кажется, безпристрастныхъ.

Теперь остается только всенижайше прибавить объ одномъ главномъ обстоятельствѣ, которое въ будущемъ Германскихъ дѣлъ теченіи можетъ произвесть великую отмѣну. Оба курфирстскіе дома, Пфальцской и Баварской, имѣютъ между собою издавна трактатъ братства, по которому одинъ, въ случаѣ пресѣченія другаго, землями его наслѣдствовать имѣетъ. Сей порядокъ наслѣдства утвержденъ еще торжественно, сколько до Верхняго Пфальца касается, постановленіями Вестфальскаго мира да и близостію родства обѣихъ фамилій. Курфирстъ Пфальцской не имѣетъ, правда, дѣтей, но есть у него наслѣдники; напротивъ чего Баварской, будучи равномѣрно по толь долговремянномъ бракѣ бездѣтенъ, не имѣетъ больше родственниковъ, какъ одного двоюроднаго брата Климента Франциска, которой называется герцогомъ Баварскимъ и женатъ на сестрѣ курфирстины Пфальцской. Сей принцъ имѣетъ отъ роду тридцать восемь лѣтъ, и не только что бездѣтенъ, но и въ здоровьѣ слабъ; почему и должно думать, естьли между тѣмъ не воспослѣдуетъ какой непредвидимой и нечаянной перемѣны, что принцъ Карлъ Цвейбрикской обѣими курфирствами, Баварскимъ и Пфальцскимъ, купно и герцогствомъ Цвейбрикскимъ, по смерти дяди своего владѣтель-

наго герцога, владѣть будетъ. Сіе соединеніе двухъ первѣйшихъ въ Германіи княжествъ не можетъ Вѣнскому двору пріятно быть; ибо такимъ образомъ находился бы оной между двумя сильными сосѣдами, королемъ Прускимъ съ одной стороны, а Баваріею и Пфальцомъ съ другой. Само собою явно, сколь предосудительныя неудобства изъ сего положенія съ вѣроятностію ожидать должно, а особливо отъ послѣднихъ, кои, при случающейся впредъ съ Франціею войнѣ, держась ея стороны и будучи ею подкрѣпляемы, могли бы сколь сильную, столь и опасную произвесть диверсію къ самой срединѣ наслѣдныхъ Австрійскихъ земель, гдѣ нѣтъ ни одной знатной крѣпости къ остановкѣ непріятельскаго наступленія. На семъ основаніи не безъ причины предполагается, что Вѣнской дворъ за благовремянно употребитъ всѣ мѣры, дабы будущему обоихъ курфирствъ соединенію воспрепятствовать. Не можетъ оной, правда, имѣть достаточнаго къ тому оправданія; но не меньше думаютъ однако, что дѣйствительно уже изыскиваются способы къ уничтоженію толь опаснаго для переду случая. Но какъ съ другой стороны и Пфальцской дворъ, сколько я съ вѣроятностію разсмотрѣть могъ, предосторожности свои принимаетъ, и особливо отъ Франціи, разсуждая по существительнымъ сея короны интересамъ, сильною помочью и подкрѣпленіемъ можетъ быть, справедливо, ласкается: то и предстоитъ по видимому всякая опасность, что по кончинѣ курфирста и герцога Баварскихъ возгорится въ Европѣ, а по крайней мѣрѣ въ Римской имперіи, новая война, которая, по великой разности интересовъ воюющихъ дворовъ, едва ли скоро окончена быть можетъ, но всегда особливаго будетъ требовать примѣчанія отъ нейтральныхъ державъ, по колику оныя въ Европейской системѣ и дѣлахъ участіе принимаютъ. Не излишне еще упомя-

путь, что въ Баварскомъ наслѣдствѣ немалыя трудности произойдутъ и отъ наслѣдниковъ женскаго колѣна, то-есть отъ Саксонскаго дома, которой буде не имперскихъ помѣстьевъ, по крайней мѣрѣ многихъ дворянскихъ деревень на свою долю требовать можетъ.

Я знаю, что сей случай весьма удаленъ быть можетъ; но по важности онаго и когда человѣческія жизни вседневнымъ почти подвержены припадкамъ, не меньше почелъ всенижайшей моей должности описать въ кратцѣ, какія уже нынѣ происходятъ разсужденія. Ваше сіятельство изволите, по совершенной вашей прозорливости, усмотрѣть, сколь нужно и полезно о намѣреніяхъ и подвигахъ интересованныхъ дворовъ, Вѣнскаго, Французскаго, Пфальцскаго и Баварскаго точное по обстоятельствамъ свѣдѣніе имѣть, дабы по тому, есть ли бы иногда востребовала нужда, мѣры свои съ надежностію располагать.

Сколько я понималъ изъ рѣчей самого курфирста и барона Бекерса, Пфальцской дворъ желалъ бы весьма имѣть съ Россійскимъ Императорскимъ откровенное сношеніе, зная, сколько содѣйствованіе онаго существительно быть можетъ. Присылка министра была бы ему весьма пріятна и, сколько мнѣ чрезъ третью руку внушено, отъ Ея Императорскаго Величества изволенія зависитъ, чтобъ курфирстъ начало въ томъ сдѣлалъ.

DEUX LETTRES DE L'IMPÉRATRICE CATERINE II A STANISLAS PONIATOWSKI.

I.

2 août (vieux style) 1762 *).

J'envoie incessamment le comte Kayserling ambassadeur en Pologne, pour vous faire roy, après le décès de celui-ci, et en cas qu'il ne puisse réussir pour vous, je veux que ce soit le prince Adam.

Tous les esprits sont encore en fermentation. Je vous prie de vous retenir de venir ici, de peur de l'augmenter.

Il y avait six mois que mon avénement au throne se tramait. Pierre III avait perdu le peu d'esprit qu'il avait. Il heurtait tout de front; il voulait casser les gardes, il les menait en campagne pour cela; il les aurait remplacé par ses trouppes d'Holstein qui devaient rester en ville. Il voulait changer la religion, se marier avec Elizabeth Woronzow, m'enfermer.

Le jour de la célébration de la paix, après m'avoir dit des injures publiquement à table, il avait ordonné, le soir, de m'arrêter. Mon oncle le prince George fit retracter cet ordre: depuis ce jour, je prêtais l'oreille

*) Писано съ небольшимъ черезъ мѣсяцъ послѣ событія. П. Б.

aux propositions qu'on me fesait depuis la mort de l'impératrice.

Le dessein était de le prendre dans sa chambre et et de l'enfermer, comme la princesse Anne et ses enfants. Il s'en alla à Oranienbaum. Nous étions surs d'un grand nombre de capitaines aux régiments des gardes. Le sort du secret était entre les mains de trois frères Orlow, dont Osten se souvient d'avoir vu l'aîné me suivre partout et faire mille folies; sa passion pour moi était publique, et tout, par lui, a été fait dans cette vue. Ce sont des gens extrêmement déterminés et fort aimés du commun des soldats, ayant servi dans les gardes. J'ai les plus grandes obligations à ces gens-là; tout Pétersbourg en est témoin.

Les esprits des gardes étaient préparés, et il y avait, à la fin, dans le secret, de 30 à 40 officiers et près de 10.000 hommes du commun. Il ne se trouva point de traître, pendant trois semaines; parce qu'il y avait quatre factions séparées dont on réunissait les chefs pour l'exécution, et le vrai secret était entre les mains de ces trois frères. Panine voulait que ce fût en faveur de mon fils, mais ils n'y voulurent jamais consentir.

J'étais à Peterhof; Pierre III vivait et buvait à Oranienbaum. On était convenu qu'en cas de trahison on n'attendrait pas son retour, mais assemblerait les gardes et me proclamerait. Le zèle pour moi fit ce que la trahison aurait effectuée. Il se répandit un bruit dans les trouppes, le 27, que j'étais arrêtée; les soldats se mettent en mouvement, un de nos officiers les calme; vint un soldat chez un capitaine nommé Passik, chef d'une faction, et lui dit qu'assurément j'étais perdue; il l'assure qu'il avait de mes nouvelles. Ce soldat, toujours allarmé pour moi, s'en va chez un autre

officier et lui dit la même chose; celui-ci n'était point du secret. Effrayé d'entendre qu'un officier avait renvoyé ce soldat sans l'arrêter, il s'en va au major. Celui-ci envoya arrêter Passik. Voilà tout le régiment en mouvement. On envoya le rapport, pendant cette nuit, à Oranienbaum. Voilà l'allarme parmi nos conjurés. Ils se résolurent d'abord d'envoyer le second frère Orlow chez moi, pour m'amener en ville, et les deux autres vont partout pour dire que je vais arriver.

Le Hetman, Wolkonsky, Panine, étaient du secret. Je dormais tranquillement à Peterhof, à six heures du matin, le 28. La journée était très-inquiète pour moi, parce que je savais tout ce qui se tramait. Entre dans ma chambre Alexis Orlow et me dit avec une grande tranquillité: „Il est temps de vous lever, tout est prêt pour vous proclamer". Je lui demandais des détails, il me dit: „Passik est arrêté". Je n'hésitai plus, je m'habillai vite, sans faire de toilette, et me mis dans le carrosse qu'il avait amené. Un autre ofiicier était en guise de valet à la portière, un troisième vint au devant de nous à quelques verstes de Peterhof.

A cinq verstes de la ville, je rencontrais l'aîné Orlow avec le prince Bariatinsky le cadet; celui-ci me céda la place dans la chaise, car mes chevaux étaient rendus, et nous allâmes débarquer dans le régiment d'Izmaïlowsky. Il n'y avait que douze hommes et un tambour qui se mit à battre l'allarme. Voilà les soldats qui arrivent, me baisant, m'embrassant les pieds, les mains, l'habit, me nommant leur sauveur. Deux amènerent un prêtre sous les bras, avec la croix. Les voilà qui se mettent à me prêter serment. Cela fait, on me priait de monter dans un carrosse; le prêtre avec la croix marchait devant. Nous allâmes au régi-

giment de Séménowsky; celui-ci vint au devant de nous en criant vivat. Nous allâmes à l'église de Cazan, où je descendis. Arrive le régiment de Préobrajensky, en criant vivat, me disant: „Nous vous demandons pardon d'être venus les derniers, nos officiers nous ont arrêtés: mais en voilà quatre, que nous vous amenons arrêtés pour vous montrer notre zèle: nous voulions aussi ce que nos frères voulaient". Arrive la garde à cheval: celle-ci était dans une fureur de joie, comme je n'ai rien vu de pareil, pleurant, criant à la délivrance de la patrie.

Cette scène se passait entre le jardin du Hetman et la Cazansky; la garde à cheval était en corps, les officiers à la tête. Comme je savais que mon oncle, à qui Pierre III avait donné ce régiment, en était horriblement haï, j'envoyai des gardes à pied chez mon oncle pour le prier de rester à la maison, de peur d'accident pour sa personne: point du tout, son régiment avait détaché pour l'arrêter: on pilla sa maison et on le maltraita.

J'allai au nouveau palais d'hiver, où le Synode et le Sénat étaient assemblés. On dressa à la hâte un manifeste et le serment. Delà, je descendis et fis à pied le tour des troupes. Il y avait plus de 14 mille hommes, gardes et régiments de campagne. Dès qu'on me voyait, c'était des cris de joye, qu'un peuple innombrable répétait. J'allai au vieux palais d'hyver, pour prendre les mesures et achever. Là, nous conseillâmes, et il fut résolu d'aller, moi à la tête, à Peterhof, où Pierre III devait dîner. Il y avait des postes posés sur tous les grands chemins, et de moment en moment on nous amenait des langues.

J'envoyai l'amiral Talizine à Cronstadt. Arriva le chancelier Woronzow, envoyé pour me faire des reproches sur mon départ: on le mena à l'église pour prêter serment. Arrive le prince Troubetzkoy et le comte Schouwalow, aussi de Peterhof, pour s'assurer des régiments et pour me tuer; on les mena prêter serment, sans aucune résistance.

Après avoir expédié tous nos courriers et pris toutes nos précautions, vers les 10 heures du soir, je me mis en uniforme des gardes. M'étant fait proclamer colonel, avec des acclamations inexprimables, je montai à cheval, et nous ne laissâmes que peu de monde de chaque régiment pour la garde de mon fils, qui était resté en ville. Je sortis aussi, à la tête des troupes, et nous marchâmes toute la nuit à Peterhof. Arrivés au petit monastère sur ce chemin, arrive le vice-chancelier Galitzine avec une lettre très-flatteuse de Pierre III. J'avais oublié de dire qu'en sortant de la ville, vinrent à moi trois soldats aux gardes, envoyés de Peterhof pour répandre un manifeste dans le peuple, et me dirent: „Tiens, voilà ce dont Pierre III nous a chargé; nous le donnons à toi. Nous sommes bien aise que nous ayons eu cette occasion de nous rejoindre à nos frères".

Après la première lettre, arrive une seconde portée par le général Michel Izmaïlow, qui se jette à mes pieds et me dit: „Me comptez-vous pour honnête homme?" Je lui dis que oui. „Hé bien, dit-il, il y a plaisir d'être avec les gens d'esprit. L'empereur s'offre à renoncer. Je vous l'amènerai, après la renonciation très-libre; j'éviterai une guerre civile à ma patrie, sans difficultés".

Je le chargeai de la commission. Il alla la faire. Pierre III renonça, à Oranienbaum, en toute liberté, entouré de cinq mille Holsteinois, et vint avec Élizabeth Woronzow, Goudowitz et Izmaïlow à Peterhof, où, pour la garde de sa personne, je lui donnais cinq officiers et quelques soldats. Comme c'était le 29, jour de la Saint-Pierre, à midi, il fallut bien dîner. Tandis qu'on le préparait pour tant de monde, les soldats s'imaginèrent que Pierre III était amené par le prince Troubetzkoy, le feld-maréchal, et que celui-ci tâchait de faire la paix entre nous deux; les voilà qui chargent tous les passants, et entre autres le Hetman, les Orlow et plusieurs autres, qu'il y a trois heures qu'ils ne m'ont vu, qu'ils meurent de peur que ce vieux fripon de Troubetzkoy ne me trompe, „en faisant une paix simulée entre ton mari et toi, et qu'on ne te perde et nous aussi; mais nous le mettrons en pièces". Voilà leurs expressions. Je m'en allais chez Troubetzkoy et lui dis: „Je vous prie, mettez-vous en carrosse, tandis que je ferai à pied le tour de ces troupes". Je lui contai ce qui se passait. Il s'en alla en ville, tout effrayé, et moi je fus reçue avec des acclamations inouïes.

Après quoi, j'envoyai sous le commandement d'Alexis Orlow, suivi de quatre officiers et d'un détachement d'hommes doux et choisis, l'empereur déposé, à 25 verstes de Peterhof, dans un endroit nommé Ropcha, très-écarté et fort agréable, tandis qu'on préparait des chambres honnêtes et convenables à Schlusselbourg et qu'on eut le temps de mettre des chevaux pour lui en relais.

Mais le bon Dieu en disposa autrement. La peur lui avait donné un cours de ventre qui dura trois jours et qui passa le quatrième; il but ce jour-là excessive-

ment; car il avait tout ce qu'il voulait, excepté la liberté. Il ne m'a cependant demandé que sa maîtresse, son chien, son nègre et son violon; mais, crainte de scandale et d'augmenter la fermentation des gens qui le gardaient, je ne lui envoyai que les trois dernières choses. La colique hémorroïdale lui prit avec des transports au cerveau; il fut deux jours dans cet état, d'où s'ensuivit une très-grande faiblesse, et malgré tous les secours des médecins, il rendit l'âme, en demandant un prêtre luthérien. Je craignais que les officiers ne l'eussent empoisonné. Je le fis ouvrir, mais il est bien avéré qu'on n'en trouva pas la moindre trace. Il avait l'estomac très-sain, mais l'inflammation dans les boyaux, et un coup d'apoplexie il'avaient emporté. Son coeur était d'une petitesse extraordinaire et tout flétri.

Après son départ de Peterhof, on me conseillait d'aller tout droit à la ville. Je prévis que les troupes s'en alarmeraient. J'en fis semer le bruit, sous prétexte de savoir à quelle heure, à peu près, après trois jours de fatigue, ils seraient en état de se mettre en route. Ils dirent: „Vers les dix heures du soir, mais qu'elle vienne avec nous“. Je partis donc avec eux, et à moitié chemin je me retirai à la maison de campagne de Kourakine, où je me jetai tout habillée sur un lit. Un officier m'ôta les bottes; je dormis deux heures et demie, et puis nous nous remîmes en chemin

De Catherinhof, je me remis à cheval, à la tête du régiment de Préobrajensky; un régiment d'houzards marchait devant, puis mon escorte qui était la garde à cheval; puis venait immédiatement devant moi toute ma cour; après moi marchaient trois régiments de gardes, selon leur ancienneté, et trois régiments de campagne.

J'entrai en ville, avec des acclamations innombrables et j'allais ainsi au palais d'été, où m'attendait la cour, le Synode, mon fils et tout ce qui vient à la cour. J'allais à la messe, puis on chanta le Te Deum, puis on vint me féliciter.

Moi, qui n'avais ni presque bu, ni mangé, ni dormi depuis le vendredi six heures du matin jusqu'à dimanche après dîner, le soir je me couchais et je m'endormis. A minuit, à peine le fus-je, que le capitaine Passik entre dans ma chambre et m'éveille, me disant: „Nos gens sont horriblement ivres; un houzard dans le même état a passé devant eux et leur a crié: Aux armes! 30 mille Prussiens arrivent, veulent nous enlever notre mère. Là-dessus, ils ont pris les armes, et viennent ici pour savoir l'état de votre santé, disant qu'il y a trois heures qu'ils ne vous ont vue et qu'ils iront tranquillement à la maison, pourvu qu'ils voient que vous êtes bien. Ils n'écoutent ni leurs chefs, ni même les Orlow".

Me voilà de nouveau sur pied, et pour ne pas alarmer ma garde de la cour, qui était d'un bataillon, j'allai à eux et leur dis la raison pourquoi je sortais à une pareille heure. Je me mis en carrosse avec deux officiers et j'allai à eux. Je leur dis que je me portais bien, qu'ils allassent dormir et me donnâssent aussi du repos; que je ne fesais que de me coucher, n'ayant dormi de trois nuits, que je souhaitais qu'ils écoutâssent à l'avenir leurs officiers. Ils me répondirent qu'on leur avait donné l'alarme avec ces maudits Prussiens, qu'ils voulaient tous mourir pour moi. Je leur dis: „Hé bien, je vous remercie; mais allez vous coucher." Là-dessus, ils me souhaitèrent le bonsoir et beaucoup de santé, et s'en allèrent comme des agneaux à la maison.

tournant toujours les yeux sur mon carrosse en se retirant.

Le lendemain, ils me firent faire des excuses, et regrettèrent beaucoup de m'avoir éveillée, disant: „Si chacun de nous la voudra toujours voir, nous nuisons à sa santé et à ses affaires".

Il faudrait un livre entier pour écrire la conduite de chacun des chefs. Les Orlow brillent par leur art de régir les esprits, par une hardiesse prudente, par les grands et petits détails, par leur présence d'esprit; ils ont beaucoup de bon sens, un courage généreux. Patriotes jusqu'à l'enthousiasme et fort honnêtes gens, attachés par passion à ma personne et unis, comme jamais frères ne l'ont été. Ils sont cinq, mais trois seulement étaient ici. Le capitaine Passik s'est distingué par la contenance qu'il a eue de rester douze heures dans son arrêt (les soldats lui ouvrant fenêtres et portes) pour ne point jeter l'alarme avant mon arrivée dans son régiment, et s'attendant à tout moment qu'on l'amenât, pour lui donner la question, à Oranienbaum; l'ordre n'arriva qu'après moi.

La princesse Dachkow, soeur cadette d'Élizabeth Woronzow, quoique elle veuille s'en attribuer tout l'honneur, ayant connaissance de quelques-uns des principaux, était en mauvaise odeur, et à cause de sa parenté et de son âge de 19 ans n'imposait à personne; et quoique elle prétendait que tout passait par elle à moi, cependant tous les gens avaient communication avec moi, depuis six mois, et avant qu'elle connût jusqu'à leurs noms. Mais à beaucoup d'ostentation elle joint l'humeur brouillon et est fort haïe de nos chefs. Il n'y avait que des étourdis qui la mettaient au fait de ce qu'ils savaient, qui était de menu détail. Iwan Iwano-

witch Schouwalow, le plus bas et le plus lâche des hommes, cependant a écrit, dit-on, à Voltaire, qu'une femme de 19 ans avait changé le gouvernement de cet empire. Détrompez, je vous prie, ce grand écrivain: il fallait cacher à la princesse Dachkow les canaux des autres à moi, cinq mois avant qu'elle sût la moindre chose, et les quatre dernières semaines on ne lui disait que le moins qu'on pouvait.

La force d'esprit du prince Bariatinsky, qui cachait à son frère chéri, adjudant du ci-devant empereur, ce secret, parce qu'il aurait été un confident non à craindre, mais inutile, mérite louange.

Dans la garde à cheval, un officier nommé Khitrow, agé de 22 ans, et un bas officier de 17, nommé Potiomkine, ont dirigé toute chose avec discernement, courage et activité.

Voilà à peu près notre histoire, le tout se faisant, je vous l'avoue, sous ma direction très-particulière; et à la fin j'y jetais de l'eau, parce que le départ pour la campagne empêchait l'exécution et que tout était mûr depuis quinze jours.

Le ci-devant empereur, quand il apprit le tumulte de la ville, fut empêché par les jeunes femmes dont il avait composé sa suite, de suivre l'avis du vieux feldmaréchal Munick, qui lui conseillait de se jeter dans Cronstadt, ou de s'en aller avec peu de monde à l'armée: et quand il alla sur une galère à Cronstadt, la ville était déjà à nous, par la bonne conduite de l'amiral Talizine, qui fit désarmer le général De Vier, qui y était déjà de la part de l'empereur, quand le premier y arriva. Un officier du port, de son propre mouvement, menaça ce prince malheureux de faire tirer à balles sur sa galère.

Enfin, le bon Dieu a tout mené à la fin qu'Il s'était proposée, et tout cela est plus un miracle, qu'un fait prévu et arrangé: car tant de combinaisons heureuses ne peuvent être ensemble sans la main de Dieu.

J'ai reçu votre lettre. Une correspondance réglée serait sujette à mille inconvéniens, et j'ai vingt mille circonspections à garder et n'ai pas le temps de faire des billets doux nuisibles.

Je suis très-gênée... Je ne puis pas vous conter tout cela, mais cela est vrai.

Je ferai tout pour vous et votre famille: soyez en fortement persuadé.

J'ai mille bienséances et mille ménagements à garder, et avec cela je sens tout le poids du gouvernement.

Sachez que tout s'est fait par le principe de la haine contre les étrangers; que Pierre III passe lui-même pour tel.

Adieu, il y a dans le monde des situations bien étranges.

II.

Le 9 août (vieux style) 1762.

Je ne puis que vous dire la vérité: je cours mille risques par cette correspondance. Votre dernière lettre, à laquelle je réponds, a pensé être interceptée. Je suis gardée à vue. Je ne dois pas être suspecte, il faut marcher droit.

Je ne puis vous écrire; tenez-vous en repos. Dire tous les secrets intérieurs serait une indiscrétion; enfin, je ne puis.

Ne vous vous tourmentez point, j'appuyerai votre famille. Je ne puis vous lâcher Wolkonsky, vous aurez

Kaiserling qui vous servira au mieux. J'aurai égard à toutes vos recommandations.

Je ne veux point d'ailleurs vous leurrer. L'on m'obligera à faire bien des choses étranges encore, et cela le plus naturellement du monde. Si je m'y prête, je serai adorée; sinon, ma foi, je ne sais ce qui se fera. Si l'on vous dit qu'il y a de nouveaux remue-ménages dans les troupes, sachez que tout cela n'est qu'un excès d'amour chez eux pour moi, qui commence à m'être à charge. Ils meurent de peur qu'il ne m'arrive la moindre chose; je ne puis sortir sans acclamations de ma chambre. Enfin, c'est un enthousiasme ressemblant à celui des temps de Cromwell.

La Bruce et la maréchale sont d'indignes femmes, la seconde surtout. Elles étaient de cœur, de corps et d'âme à Pierre III, et très dépendantes de sa maîtresse et de ses projets, disant à qui voulait entendre qu'elle n'était point encore ce que ces femmes souhaitaient qu'elle fût. Le prince Adam est chevalier de plus d'une façon; je n'ai point rendu sa lettre ni la vôtre, parce que je ne puis les rendre: les amis sont là, vous en avez peu, et moi trop. Teplow m'a servi beaucoup. Adadourow radote, Élaguine est près de moi.

Je n'ai point de vos chiffres, car je n'ai plus les clefs, que les temps critiques ont fait écarter. Saluez votre famille, et ne m'écrivez que le moins que vous pourrez, ou plutôt, point du tout, sans nécessité; sans hiéroglyphes surtout.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ КОРОЛЯ СТАНИСЛАВА ПОНЯТОВСКАГО.

I.

Proposition importante de Kayserling à moi.

Vers le milieu de l'hiver 1764, dans le tems que les difficultés paraissaient s'accumuler contre mon élévation au trône, l'ambassadeur Kayserling, qui me montrait constamment la confiance la plus affectueuse, me dit un jour: „Que penseriez-vous d'une idée sur la„quelle je voudrais avoir votre propre avis? Ce serait „de porter au trône le prince Czartoryski, palatin de „Russie, votre propre oncle au lieu de vous. Dites-moi „franchement ce que vous croyez: qui serait plus avan„tageux pour la Pologne? Vous me répondrez là-des„sus dans trois jours".

Dans cet intervalle, mille pensées différentes me montrèrent tous les côtés de la question. Celle qui m'occupa le plus ce fut, que tôt ou tard, l'Impératrice pourrait penser à m'épouser si je devenais roi; et si je ne le devenais pas, cela ne serait jamais. D'un autre côté, les trois personnes que j'affectionnais alors le plus tendrement étaient: mon frère aîné, Rjéouski, (alors pisarz et depuis maréchal) et Branicki, celui

avec qui j'avais fait amitié en Russie. Or, mon oncle le palatin de Russie leur avait donné à tous trois des marques sensibles de sa mauvaise volonté. Enfin, je connaissais en général l'esprit despotique et implacable de mon oncle. Ce furent là les motifs qui, au bout de trois jours, me firent dire que „telle amitié que je „crois voir dans mon oncle pour moi personnellement, „j'avais lieu de croire, qu'en totalité le règne de mon „oncle serait dur, et que pour cette raison je croyais „que pour le bien de la nation, il valait mieux que ce „fût moi que lui qui parvînt à la couronne".

Du moment que Kayserling entendit ma réponse, il me répartit avec vivacité: „Dieu nous préserve d'un règne dur!" Et il ajouta qu'il ne voulait pas qu'il fût seulement question de ce qu'il m'avait proposé.

Cette circonstance si importante de ma vie est celle qui m'a le plus confirmé dans le sentiment que de toutes les erreurs humaines, la moins excusable est l'orgueil. Celui qui s'applaudit d'avoir bien fait ou bien dit dans telle ou telle occasion ne considère pas que l'on n'est pas maître de se donner une pensée; que toutes et nommément celles dont le succès nous flatte le plus nous viennent de celui à qui il plaît de nous les envoyer. Ce ne fut que huit ans après cette réponse que se présenta à mon esprit celle que j'aurais dû lui faire, et la voici. „Je ne veux devenir roi, que si j'ai „la certitude d'épouser l'Impératrice; si cela m'est re„fusé, je ne demande que l'assurance des grâces du „roi futur pour mes trois amis, et je resterai particu„lier: car sans l'Impératrice la couronne n'a point d'ap„pât pour moi". De cette manière j'aurais tout concilié! Dans le premier cas, quel n'eût pas été le degré de splendeur auquel la Pologne serait montée. Dans le

second je me serais acquis un nouveau droit sinon à l'amour, du moins à la reconnaissance de l'Impératrice. J'aurais assuré la fortune de mes amis, et j'aurais été sûr de la plus grande faveur et de tous les agrémens possibles dont un particulier puisse jouir de la part du roi mon oncle; et je me serais épargné tous les chagrins et à ma patrie, tous ces malheurs dont nous verrons dans la suite de ce mémoire la cause primitive en ce que mon oncle ne m'a jamais pardonné de ce que ce n'est pas lui qui est devenu roi. Je suis persuadé qu'il était au fait (si même il n'en était pas l'auteur) de la proposition de Kayserling à moi. J'en juge sur ce qu'environ six mois après, dans un moment où l'on parlait des oppositions probablement sanglantes que mon élection pourrait rencontrer, comme j'ai dit sur cela que j'aimerais mieux ne pas devenir roi, s'il devait en coûter une goutte de sang polonais, la princesse Straznik, depuis grande-maréchale, prononça avec feu ce peu de paroles: „Mais il n'a dépendu que..." Puis elle s'arrêta en se troublant et détourna la conversation sur d'autres objets.

II.

Anecdote relative à mon élection.

Quelques semaines avant le jour fixé déjà pour mon élection, l'Impératrice conçut tant de crainte que mon élection ne lui causât de trop grands embarras et même une guerre de la part des Turcs, que contre l'avis de Panine, elle écrivit à Kayserling que, comme elle craignait trop d'inconvéniens pour son empire et pour elle, en soutenant trop opiniâtrement ma promotion au trône, elle lui ordonnait de ne pas risquer une recommandation formelle de ma personne, mais d'agir

seulement de la manière dont il pouvait se promettre les conséquences les moins fâcheuses. Panine osa écrire à Kayserling: „Je ne sais ce que l'Impératrice vous „écrit; mais d'après tout ce que nous avons fait jus„qu'ici, l'honneur de notre Souveraine et de notre em„pire est trop engagé: si nous réculons, nous nous „ferons trop de tort. Ainsi faites ce qu'il faut pour „achever la besogne. C'est moi qui vous le dis hardi„ment".

Kayserling eut le courage de désobéir à sa Souveraine et de suivre l'avis de son premier ministre. Il dressa un acte formel de recommandation pour ma personne au nom de l'Impératrice, et comme il était malade, au lieu de le remettre en personne au primat (comme cela s'était pratiqué dans les élections précédentes), il le lui fit remettre par le baron Asch, son sécrétaire d'ambassade, et l'élection fut parfaitement unanime et si tranquille, que nombre de dames se trouvèrent présentes sur le champ électoral au milieu des escadrons de noblesse sans qu'il arrivât le moindre accident à personne excepté une seule jambe cassée par un coup de pied de cheval au sieur Troianowski. Beaucoup de dames même mêlerent leurs voix à celles des acclamations que faisaient successivement les palatinats lorsque le primat dans un char ouvert en faisait la tournée pour recevoir, de la main de chaque maréchal des confédérations palatinales respectives, les suffrages signés par ceux qui étaient présents. Plusieurs personnes ayant compté le nombre total des personnes qui entouraient le champ électoral se sont accordées à le porter à environ 25.000 personnes, dont aucune n'éleva la voix contre moi.

Dans l'hiver de 1763 à 1764 j'écrivis à l'Impératrice: „Ne me faites pas roi, mais rappelez-moi auprès de vous“. Le sentiment que je portais encore dans mon coeur ne me dicta pas seulement cette demande, mais j'avais encore la conviction que je ferais plus de bien à ma patrie comme particulier présent auprès d'elle que comme roi ici. Mais mes prières ne furent point écoutées.

III.

Mission de Nostitz à Varsovie. Proposition faite à moi.

Peu après le décès d'Auguste III, l'électeur, son fils aîné fit des tentatives en Pologne pour lui succéder. L'électrice sa femme en fit sous main de particulières.

Le chambellan Nostitz fut envoyé à cet effet à Varsovie. La cour de Saxe imagina entre autres de me proposer une somme d'argent et beaucoup d'autres promesses pour me détourner de cette compétition. Le conseiller Schmidt qui en fut chargé, riait lui-même de l'objet de sa commission en prévoyant ma réponse. Mais tous ces projets saxons furent renversés par la petite vérole qui emporta l'électeur de Saxe, et personne ne voulut se prêter à lui substituer un de ses frères.

VERS DE M-R DE VOLTAIRE SUR L'ÉLECTION DU COMTE PONIATOWSKI AU TRÔNE DE POLOGNE.

Dans le fond de mon hermitage,
Loin d'illusion des cours,
Réduit, hélas! à vivre en sage,
Ne l'ayant pas été toujours,
Et ne l'étant qu'en mon vieux âge,
La rétraite est mon seul recours:
Je ne ferai plus de voyage.

*

Que la gloire avec les amours
Couronnent devers Cracovie
Un prince aimé de la patrie,
Qui lui promet de si beaux jours!
Trop éloigné de sa personne,
Je me borne à former des voeux:
On lui décerne une couronne,
Et je voudrais qu'il en eût *deux*.

О ПУГАЧОВСКОМЪ БУНТѢ.

1774.

1.

Сіятельнѣйшему графу государю Александру Романовичу.

Всенижайшій рапортъ.

Извѣстнаго вора бунтовщика Пугачова распущенные по Саранскому, Пензенскому и прочимъ уѣздамъ воровскія многолюдныя толпы, кои достигали близъ вотчинъ вашего сіятельства и винокуреннаго Чембирлеевскаго завода, рыская своимъ безчеловѣчнымъ свирѣпствомъ и всѣхъ попадшихъ въ ихъ руки господъ помѣщиковъ, прикащиковъ и всякаго званія начальниковъ умерщвляли и умерщвляютъ смертно. Домы господскіе и всякую пожить разоряютъ и грабятъ до основанія и безъ остатка. и при сдѣланномъ (не оставливая ни одного жила) смертномъ убійствѣ, присвояютъ. къ себѣ невѣждовъ въ свою толпу, тѣмъ умножая свое звѣрство надъ человѣки.

Я, нижайшій, удостовѣренъ многими смертно погибшими невинно отъ рукъ толпы Пугачовой и устрашась тогожъ отъ пагубныхъ рукъ заколенія, отъ завода. оставя

оной еще злодѣями неповѣщенный въ цѣлости, верхомъ уѣхалъ въ городъ Симбирскъ сего Августа 5-го числа, куда 10-го числа пріѣхалъ живъ; а 11-го числа отправилъ отъ себя изъ Симбирска двухъ человѣкъ въ заводъ для развѣдыванія о воровскихъ нашествіяхъ и о всѣхъ предпріятіяхъ злодѣйскихъ, и дабы что̀ учинено будетъ въ отчинахъ вашего сіятельства, меня увѣдомить, и по той извѣстности, вашего сіятельства и Московскую домовую контору репортовать буду.

Ежели въ которой вашего сіятельства вотчинѣ отъ крестьянъ вашего сіятельства самыхъ какія неустройства, непослушанія, а кольми паче озорничество и присвоеніе учинятъ бунтовщиковы толпы, что̀ съ таковыми приказано будетъ дѣлать, ожидать буду указа; ибо то многіе помѣщиковы люди и крестьяне чинили и то чинить по близости вотчинъ вашего сіятельства еще не перестаютъ, а паче отваживаются господъ своихъ и прикащиковъ сами колоть и вѣшать, и имѣніе ихъ грабятъ и по себѣ дѣлятъ.

Иванъ Козыревъ.

Августа 13 дня 1774 года
Симбирскъ.

Получено въ Москвѣ Сентября 16 дня 1774.

2.

Милостивый государь Сидоръ Логиновичъ и милостивая государыня сестрица Авдотья Антоновна! Желаю вамъ много лѣтъ здравія купно и съ любезнымъ вашимъ сыномъ Иваномъ Сидоровичемъ.

Письмо я отъ васъ получилъ чрезъ Степана Андреева, за которое много благодарствую, а наипаче тому радуюсь, что вы доѣхали до Москвы благополучно, а отсюда Богъ отнесъ

васъ отъ смерти. Я думаю, батюшка, въ такой злой часъ конечно бы вы живы не были; что здѣсь такое смятеніе было, описать невозможно. Я думаю, съ начала вѣка тако не бывало: столько много перевѣшано и переколото, описать невозможно. Какъ я вамъ прежде писалъ, Тарасъ Ларіоновичъ, Яковъ Ивановичъ привезены оба скованные, такъ обоихъ вмѣстѣ повѣсили; также и женъ ихъ и маленькаго сына Тараса Ларіоновича. Только у онаго мальчика веревка порвалась, онъ ожилъ. Обо всемъ, батюшка, невозможно описать. Пичуга повѣшенъ, Ѳедотъ плѣшивый, и много ихъ.

Объ вотчинѣ или объ нашемъ жильѣ вамъ доношу. Пріѣзжали къ намъ многія партіи. Первая пріѣхала прямо на барскій дворъ; въ хоромахъ и въ твоихъ покояхъ нѣсколько окончинъ выбили, и что̀ было на погребу пива, то все выпили. Не столько онѣ, сколько наши крестьяне пили. Также масло и прочее, что̀ было на погребу, то все наши крестьяне растащили и столько ихъ собралось, что я думаю на святую недѣлю къ обѣдни столько не собралось; такъ смѣлы и у этихъ варваровъ изъ рукъ рвали. Въ хоромахъ и въ твоихъ покояхъ обои со стѣнъ, съ канапе и стульевъ, что̀ ни было, и съ полу все растащили, изодрали, и наши крестьяне по себѣ раздѣлили; также столы, стулья, панели, двери, ставни все крестьяне растащили и по себѣ раздѣлили. Пріѣзжали дѣлить Михайловскіе, Егорьевскіе; однимъ словомъ сказать, только остались одни стѣны. Только и стѣны тѣмъ счастливы, что скоро они выѣхали. А велѣдь команда пришла, и сказано всѣмъ, чтобъ были послушны по прежнему господамъ своимъ; а то бы и стѣны разломали и раздѣлили.

А что вы изволите писать, чтобъ старики молодыхъ слушали: въ то время, какъ старые, такъ и молодые равной голосъ имѣли и кричали кто какъ умѣетъ. Есть нѣсколько и

правыхъ, только немного; а то всѣ одинъ духъ имѣли на дѣльбу; что̀ у кого было въ семьѣ, то всѣ приходили, и бабы. Обо всемъ вамъ донесетъ Петръ Петровичъ; онъ отъ насъ поѣхалъ отъ этого страха; да и я, батюшка, коли доживу до зимы, то намѣренъ уѣхать отъ страха и ужасти. Мнѣ мужики иные въ глаза сказали и въ брюхо палкой тыкали, и бранили поматерну: надо-де тебя и съ Козыревымъ повѣсить; моли-де онъ Бога Козыревъ, что уѣхалъ. Я и до сихъ поръ боюсь и отъ страха не могу ходить; только того и жду, какъ придутъ и вдавятъ кругомъ насъ. И нынеча великіе мятежи и звѣрища собираются, ста по четыре и болѣе, вѣшаютъ и рубятъ. Иса *) съ прочими селами согласилась, въ которую посылана была посылка: многихъ порубили, а село выжегли. 29 го числа Августа и за Сурой тоже дѣлается. Однако наши мужики до сего числа въ таковыхъ дѣлахъ не явятся.

Покорно прошу, милостивый государь, постараться обо мнѣ попросить барина, чтобъ онъ мнѣ приказалъ отсюда выѣхать; а я подушныя деньги готовъ платить въ Петербургѣ въ домъ его высокородія, а мнѣ здѣсь жить никакъ невозможно, что я въ великой опасности.

Озимой хлѣбъ посѣяли, сказываютъ, 62 десятины; еще нѣсколько посѣютъ, а подъ ничего не пахана. Сѣнокосъ послѣ тебя ничего не кошенъ, и трава такъ пропала; только то и сѣно, которое при себѣ сметалъ на Черкаскомъ; которое при тебѣ скошено, то сметали, а подъ вышками и у Черкаской мельницы пропало.

А ваше, что̀ осталось въ церкви, то уже какъ оному вору подыматься отъ Саранска, то пріѣхали съ старыми козаками и съ ворами къ намъ въ село, сыскали попа, чтобъ онъ цер-

---

* Большое Воронцовское (нынѣ Шуваловское) село Пенз. г. Инсарскаго у.

ковъ, которому грозили повѣсить, отперъ. Также и бабу Наталью велѣли сыскать; сказали ей, ежели она не скажетъ гдѣ прикащиковы пожитки лежать, тожъ грозили повѣсить. А присланъ былъ отъ Антона Терентьевича Яшка суконщикъ, который сыскалъ въ подполѣ, надѣлъ на себя вашъ ванчей сюртукъ, камзолъ и шапку, а въ лаптяхъ, то поймавъ меня говоритъ въ церкви: ежели ты мнѣ сапоговъ не дашь, то сейчасъ тебя повѣсимъ и всего разоримъ; то я ему тотчасъ сапоги далъ. Онъ сталъ ихъ обувать, а я ему въ ноги кланяюсь, чтобъ меня помиловалъ. А посуду и протчее, которое они взяли, а больше свои растащили.

Изволите писать о тулупахъ. Оные воры взяли, а шубу вашу мужики въ лоскутья изрѣзали, по себѣ раздѣлили, что кому досталось. Одѣяла иныя цѣлы, только мужики по себѣ раздѣлили. А мы спрашивать у нихъ не смѣемъ, для того что изъ нихъ еще эта ярость изъ головы не вышла; самъ изволь пріѣхать и собрать. У Борисовны постель цѣла, а что дали для Петрушки къ Терентьевичѣ, то отъ нея все взяли миромъ и все раздѣлили; онъ у нея живетъ, а въ Мочкасы и въ Апраксино никто не беретъ.

А о себѣ вамъ, милостивой государь, доношу, что въ тѣ злые часы все былъ дома и хозяйка, и столько страсти видѣлъ, что описать не могу, и много у меня растащили; а ежели бы ушелъ, то бы ничего не покинули. Матушка и хозяйка всѣмъ вамъ нижайше кланяются. Болѣе до васъ писать не имѣю.

Анисій Родіоновъ.

Сентября 1-го дня 1774 г.

Овса, гречихи и проса не родилось: морозъ побилъ.

ДВА ПИСЬМА О РОССІИ И ОБЪ ЕКАТЕРИНѢ ВЕЛИКОЙ *).

Изъ бумагъ г-на Рюльера.

Письмо первое.

С.-Петербургъ. Ноября 15 1776 г.

Говорятъ, о дальней сторонѣ и лгать весело; ибо напряженное воображеніе путешественниковъ легко увеличиваетъ все, хотя бы дѣйствительно и не имѣли они намѣренія обманывать. Однако я скажу вамъ сущую правду о сей землѣ и ея обладательницѣ. Можетъ быть, и мнѣ вы столько мало повѣрите, а въ особенности потому, что я говорить буду именно напротивъ тѣхъ мыслей, которыя вамъ уже внушены. Всѣ согласны только въ томъ, что Россія есть гнусная земля, въ которой всегда унылая, единообразная природа со всѣмъ почти лишена той разнообразности, какую въ другихъ мѣстахъ она представляетъ взору и среди самыхъ ужасовъ своихъ. Я проѣлъ всю ея длину, и вездѣ видѣлъ изнеможеніе природы. Сто Французскихъ миль проѣдешь не уткнувшись на городъ; 25 и 30 миль проѣдешь не встрѣчая порядочнаго мѣстечка. По мѣстамъ выстроены дворики для перемѣны почтовыхъ лошадей. Въ С.-Петербургѣ сей столь зна-

*) Печатаются въ переводахъ прошлаго вѣка. П. Б.

менитой, столь хорошо выстроенной столицѣ, жителей не-болѣе 150,000. И при всемъ стараніи Царица не можетъ имѣть ихъ болѣе; ибо неблагодарная земля, отличающаяся ивами, елями и подобными произведеніями, едва можетъ прокормить своихъ обитателей. При всемъ томъ сія Государыня, по какой-то дѣтской и невмѣстной суетности, повелѣла обвести ее валомъ, занимающимъ плоскость гораздо болѣе Парижской или Лондонской, такъ что со всѣхъ сторонъ отъ города до воротъ или заставы должно ѣхать немеиьше половины Французской мили. Столько прославляемая Кронштатская гавань заложена очень дурно и прежде истеченія 50 лѣтъ будетъ конечно затоплена, потому что вода отъ береговъ стремится къ тому мѣсту. Тамъ съ полмили и шелъ въ водѣ по колѣна.

Царица войнами своими истощила Россію въ людяхъ и деньгахъ. Послѣднія еще рѣже: вездѣ ходитъ бумага, умноженная на двѣ трети. Наличныя деньги безпрестанно убавляются; потому вывозимыхъ товаровъ гораздо меньше, нежели привозимыхъ. А притомъ наклонность въ суетности и роскоши, внушенная великою, пышною Императрицею, есть новая причина оскудѣнія сей земли; и въ сіи минуты тщеславный, упоенный славолюбіемъ народъ не видитъ еще истиннаго вреда, причиненнаго націи Монархинею. Но рано или поздно онъ принужденъ будетъ увидѣть и познаетъ, что Екатерина II-я, нынѣ превозносимая выше всѣхъ повелителей сего государства, равняемая съ царемъ Петромъ, а лестью и выше его поставляемая, была въ самой вещи для сей страны самая вредная государыня. Она хотѣла блистать и надѣлать чрезвычайныхъ дѣлъ подобно Людовику XIV; но не достигнувъ той степени славы, она обременитъ неблагословеніемъ память свою, какъ скоро философы и истинные политики откроютъ ошибки сего тщеславнаго и раззорительнаго правленія.

Москва лежитъ почти совѣмъ на равнинѣ. Самая большая длина ея съ Юго-запада къ Сѣверу простирается на 10 верстъ, а ширина отъ 6 до 7 верстъ. Это болѣе пространнаго Парижа и Лондона. Но все сіе пространство состоитъ изъ какого-то безобразнаго множества деревянныхъ домовъ и палатъ деревянныхъ и каменныхъ, большою частію выстроенныхъ дурно, изъ развалинъ, садовъ, нивъ, прудовъ, пустырей, съ безчисленнымъ множествомъ церквей, изъ коихъ каждая о 4 или 5 башняхъ, но построены въ жалостномъ вкусѣ, и по большой мѣрѣ составляютъ слабое подражаніе Турецкой архитектурѣ. Утверждаютъ, что ихъ числомъ будетъ до 1200; но я не могъ заняться повѣркою сей истины. Москва рѣка извивается почти въ серединѣ города и весьма не важна собою, хотя и ходятъ по ней суда.

Главнѣйшія достопамятности въ сей Москвѣ суть: 1 е) большая пушка, въ 20 футовъ длиною, и въ 2½ фута въ діаметрѣ; она вылита, какъ говорятъ, по повелѣнію Петра Великаго, которой будто бы не могъ сохранить своей памяти въ потомствѣ дѣлами другаго рода. Подлѣ сей пушки на томъ же помостѣ находится другая въ четырнадцать футовъ длиною и восемь или девять дюймовъ содержитъ въ отверстіи; 2-е) колоколъ, въ сравненіи съ которомъ папа Георгъ д'Амбоазъ былъ бы колокольчикомъ для комнатнаго употребленія; ибо сія ужасная махина имѣетъ вышины 18 футовъ, въ поперешникѣ около 19 футовъ, и 2 фута толщины въ бокахъ. Онъ вѣсомъ до 120,000 Русскихъ фунтовъ (3.000 пудовъ); прежде висѣлъ на особливой колоколенкѣ и служилъ не къ чему другому, какъ только къ тому, чтобъ ускорять женщинамъ роды и оглушалъ гражданъ. Къ счастію тѣхъ и другихъ, онъ во время пожара наконецъ упалъ съ превеликимъ стукомъ. При семъ-то случаѣ можно особенно сказать: несчастіе имѣетъ

свою пользу. Отъ паденія и тяжести своей онъ вошелъ въ землю на нѣсколько футовъ, при чемъ однакоже вышибъ себѣ край. Послѣ того обрыли его, и яму вокругъ выклали кирпичемъ, дабы любопытствующимъ можно было смотрѣть. До того мѣста, гдѣ выломился край, идетъ лѣстница о 140 ступеняхъ

Императорскій дворецъ Московской лежитъ на сѣверной сторонѣ города; онъ былъ деревянной, подлѣ большаго сада, въ которомъ и теперь еще бываютъ публичныя гулянья. Для послѣдняго пріѣзда Императрицы въ Москву выстроенъ почти въ серединѣ города другой дворецъ, пополамъ каменный и пополамъ деревянный, гдѣ все показываетъ чрезмѣрную поспѣшность къ постройкѣ

Многіе домы Рускихъ вельможей также деревянные. Они были бы сносны въ простотѣ своей; на Рускіе, любя все пышное и казистое, обременяютъ такія зданія украшеніями, рѣзною работою, четыресторонними колонами, и тѣмъ еще болѣе безобразятъ свои жилища.

Въ Москвѣ есть нѣсколько тріумфальныхъ воротъ, выпачканныхъ дурною живописью и надписями исполненными суетности. Тамъ видна Императрица покорящая Турковъ; у ногъ ея богиня славы, морскія побѣды, аллегорическія изображенія, и все намалевано въ низкомъ вкусѣ на еловомъ деревѣ, съ Коринѳскими колоннами, которыя столько ругательства потерпѣли отъ времени, что при первомъ взорѣ обнаруживаютъ бѣдную свою внутренность: многія изъ сихъ тріумфальныхъ воротъ отъ дряхлости своей наклонились и готовятся къ паденію.

Россійской дворъ, столь много и столь несправедливо превозносимый по всей Европѣ, представляетъ одно тщеславное хвастовство: а кто видѣлъ парижскій дворецъ, для того рос-

сійскій покажется очень малозначущимъ. Нѣтъ въ немъ ни великолѣпнаго зданія, ни великолѣпныхъ покоевъ,, и принужденный блескъ не есть дѣло тамошнихъ художниковъ: ибо ими и мастеровыми людьми другихъ родовъ земля сія очень бѣдна; а какіе есть, тѣ всѣ иностранцы. Всѣ вещи, служащія для роскоши, привозятся изъ другихъ земель: даже Русскаго сѣдельника порядочнаго нѣтъ: кареты выписываются изъ Лондона или Парижа. Щедролюбіе же Россійскихъ государей большою частію дѣлается для того, чтобы подарки были вычислены въ вѣдомостяхъ и закрывали сколько нибудь поступки служащіе не къ чести ихъ. Я сравниваю сію землю съ грубонаписаннымъ проспектомъ, который издали плѣняетъ взоръ, а вблизи теряетъ все дѣйствіе, всю цѣну.

Письмо второе.

Я видѣлъ императрицу въ ея дворцѣ, называемомъ Коломенской, который выстроенъ въ скаредной деревушкѣ, на 2½ Французскія мили отъ города къ Востоку, на берегу Москвы-рѣки. Замокъ четыреугольный, деревянный. два этажа съ окнами, украшенными по новѣйшему вкусу. Онъ лучше всѣхъ другихъ дворцовъ, потому что простъ и безъ пустыхъ украшеній. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ замка огородъ обнесенный деревяннымъ палисадомъ. а съ другой стороны родъ парка или рощи, такъ же обведенный палисадомъ. Конюшни, сараи и караульни состоятъ изъ дурныхъ лачужекъ, и все вмѣстѣ едвали заслуживаетъ имя императорскаго дворца.

Императрица имѣетъ пріятную, кроткую, величавую наружность. Можетъ быть, одно изъ большихъ ея дарованій то, что она умѣетъ казать всегда пріятный видъ. Она отмѣнно

умѣетъ сохранить красоту свою до сихъ поръ, не смотря на сорокавосьмилѣтній возрастъ свой. Она не слишкомъ велика, но полна, имѣетъ прекрасную фигуру, часто показываетъ самой живой темпераментъ и отмѣнное здоровье, сбереженное движеніемъ и правильнымъ родомъ жизни. Врачамъ повѣряетъ себя мало и небольшія припадки излѣчаетъ діэтою и умѣренностію. Лѣтними утрами по нѣскольку часовъ ходитъ въ великолѣпныхъ садахъ своихъ, а зимними въ галереяхъ. Два раза имѣлъ я честь видѣть ее въ паркѣ. Первой разъ былъ я представленъ ей, а другой разъ я видѣлъ ее одну съ какою-то дамою. Я вручилъ ей свои записки; она приняла, читала и потомъ, какъ бы опомнившись, сказала: «Государь мой, такими средствами нельзя ко мнѣ приблизиться».

Безспорно, что сія Государыня имѣетъ отмѣнныя свойства: кротка, ласкова, обходительна и любитъ домостроительство. Чрезмѣрная лесть избаловала ее, и окружающіе внушили ей ложное понятіе объ истинной великости и о средствахъ сдѣлать народъ счастливымъ. Философы нынѣшняго времени, коихъ мнѣнія требовала она себѣ какъ добраго совѣта, внушили ей такой эгоизмъ, вредный для всякаго человѣка, не только для государя: они заставили ее стараться единственно о томъ, чтобъ говорили о ней, научили ее радоваться при слышимыхъ похвалахъ, которыми ее осыпали со всѣхъ сторонъ, только своею особою занимать свѣтъ, не заботясь о томъ, что будетъ съ государствомъ по смерти ея.

. . . . . *).

*) Тутъ издатель пропускаетъ нѣчто показавшееся ему слишкомъ смѣло сказаннымъ.

Каждая верста содержитъ около 540 туазовъ, и составляетъ пятую долю Французской мили. Отъ С.-Петербурга до Москвы считаютъ 728 такихъ верстъ.

Кромѣ государя, въ Россіи считается только два состоянія: дворяне или бояре и рабы, безбородые и бородачи. Изъ послѣдняго состоянія бородачей солдаты, нѣкоторые купцы и лакеи брѣются: но ихъ должно уже отличать по платью. Купцы носятъ длинное платье съ поясами, но не всѣ. Крестьянинъ платитъ владѣльцу своему столько, что владѣющіе 5.000 душъ крестьянъ получаютъ ежегоднаго доходу до 20.000 рублей. Французы легко научаются Русскому языку.

Полевые плоды поспѣваютъ, такъ что черезъ шесть недѣль можно ихъ жать. Дубовое дерево растетъ рѣдко.

Въ заключеніе своего письма приведу я слова г Дидерота о Россійской націи, которыя вырвались у него при всей его энтузіастической приверженности къ Императрицѣ, приверженности, которая очень простительна благодарности сего великаго мужа. Онъ сказалъ: «Сія нація сгнила прежде нежели созрѣла», а я прибавляю: «Сія нація обнищала прежде нежели могла сдѣлаться богатою».

Письмо отъ г. Сенака де-Мейлана изъ С.-Петербурга къ г-жѣ NN въ Парижъ.

Вы желаете Сибирскихъ растеній, милостивая государыня, также и того, чтобъ я много говорилъ о Россійской Императрицѣ, а мало о ея дворѣ: ибо дворы, говорите вы, всѣ похожи одинъ на другой, и не стоятъ того труда, чтобы обращать на нихъ вниманіе. Таковое ваше препорученіе обнаруживаетъ вашъ вкусъ и умъ. Вы любите природу и ея разнообразности; и ваше удивленіе, оказываемое великимъ ду-

шевнымъ качествамъ и блистательнымъ талантамъ, рождаетъ въ васъ желаніе узнать короче отмѣнную Государыню, которая до сихъ поръ была извѣстна вамъ только по имени, также проникнуть въ ея домашнюю жизнь и изъ того извлечь ясныя черты, доставляющія намъ ясное понятія о людяхъ и открывающія глазамъ нашимъ причину ихъ дѣяній. Ботаническое ваше препорученіе исполню въ точности; а второе требованіе, какъ замѣчатель и моралистъ, постараюсь исполнить столько, сколько слабые глаза мои различить могли лучи блестящаго созвѣздія, для разсмотрѣнія котораго я сюда прибылъ. Я постараюсь, подобно Свѣтонію, представить вамъ Екатерину безо всѣхъ ея императорскихъ украшеній. Вы, конечно, не ожидаете отъ меня ни слова о войнѣ, побѣдахъ и трактатахъ, на вѣки прославившихъ царствованіе оной. Не буду вамъ говорить даже о послѣдней войнѣ ея съ Турками и о славномъ мирѣ, который она готова заключить, или лучше, даровать безъ посредства другой какой-либо державы.

По такому же побужденію, отъ какого и ваше любопытство рождается, обыкновенно желаютъ имѣть портретъ великаго человѣка. Не видавъ его никогда, воображеніе часто начертываетъ образъ его по своему произволу. Все намъ любопытно въ такомъ человѣкѣ, который обратилъ на себя вниманіе всего свѣта и заслужилъ всеобщее удивленіе, все, говорю, даже самыя маловажныя его обстоятельства. Когда вспомню, какъ усильно старались вы достать чернилицу и перьевъ Ричардсоновыхъ, и что оныя храните какъ нѣчто священное, то чувствую, сколь драгоцѣнно должно быть для васъ требуемое вами отъ меня точнѣйшее описаніе императрицы Екатерины, и я желалъ бы доставить вамъ нѣсколько ея перьевъ. Ричардсоново перо способствовало удовольствію

чувствительныхъ сердецъ; перо же Императрицы начертало законы, споспѣшествующіе счастію двадцати пяти милліоновъ людей. Въ одномъ изъ тѣхъ писемъ, коими Екатерина почтила меня, написано: «Точное, строгое правосудіе не есть правосудіе; а снисходительность всегда гармонируетъ съ человѣческою слабостію». Такое изреченіе должно изобразить бриліантовыми буквами въ кабинетахъ всѣхъ государей. Я скажу вамъ теперь, какъ подѣйствовало на меня присутствіе Императрицы, и потомъ приступлю къ нѣкоторымъ подробностямъ, сколько можно было мнѣ узнать самому и чрезъ другихъ.

Въ большой великолѣпной залѣ, какая только можетъ быть въ государскихъ покояхъ, въ толпѣ придворныхъ (ибо ихъ вездѣ еще много) ожидалъ я минуты, въ которую мнѣ должно было предстать Императрицѣ. Въ числѣ генералитета находятся козаки, Турки, Грузины, Татары, Черкесы, въ длинныхъ одѣяніяхъ съ бородами и безъ бородъ; взглядъ на сіе разнообразіе нарядовъ приводитъ въ изумленіе и рождаетъ въ душѣ почтеніе къ Повелительницѣ столь многихъ народовъ. Императрица явилась. Я находился подалѣ отъ дверей, въ которыя надлежало ей войти, и потому имѣлъ время разсмотрѣть ея походку и фигуру. Походка важна и непринужденна. Другіе государи проходятъ по покоямъ, наполненнымъ придворными, не обращая на нихъ своего вниманія, какъ бы проходили они мимо статуй; привыкши не дѣлать себѣ никакого принужденія въ ихъ присутствіи, они остаются въ такомъ положеніи и съ такою миною, какія придутъ имъ въ то мгновеніе. Но Екатерина обращаетъ внимательный взоръ на все ее окружающее: можно видѣть, какъ она старается примѣтить тѣхъ, которыхъ желаетъ почтить взглядомъ или словомъ; можно видѣть, что она чувствуетъ, сколько вниманія она об-

ращаетъ на себя, что такое множество людей всякаго состоянія, государственныхъ вельможей, генераловъ, тѣснятся не для того, чтобъ увидѣть частную особу, сообразующуюся съ ихъ прихотями, но чтобы увидѣть Повелительницу, отъ которой зависитъ ихъ участь, и что они имѣютъ право на ея вниманіе.

Во всѣхъ поступкахъ Императрицы видна важность высочайшей степени, соединенная съ видомъ добродушія и такимъ непзъяснимымъ спокойствіемъ, такою веселостію, что мнѣ вдругъ представилися слова Священнаго Писанія: «И увидѣлъ Богъ, что все имъ созданное добро есть». Взоръ ея проницателенъ, подобно взору орлиному, а улыбка очаровательна; ея движенія, походка и вся наружность, ея голосъ— все составляетъ совершенную гармонію. Она говоритъ съ величественною медлительностію, не ищетъ словъ, а кажется спокойно выбираетъ приличнѣйшія. И таковою видѣлъ я Императрицу всякой разъ, когда она являлась публично. Новый для меня взоръ на жену-обладательницу столь великаго государства родилъ во мнѣ размышленіе о тѣхъ дѣйствіяхъ, которыя производитъ власть, находящаяся въ рукахъ жены, и я вспомнилъ слова Сенть-Эвремоновы, что женщины гораздо ближе къ совершенству: ибо онѣ скорѣе и легче принимаютъ основательность, свойственную мущинамъ, нежели сіи принимаютъ пріятности, свойственныя женщинамъ. Можетъ быть, сіе выраженіе написалъ онъ, смотря на свою прекрасную Гортензію; однако должно признаться, что сія мысль не совсѣмъ неосновательна. Когда искусный ваятель хотѣлъ изобразить красоту въ видѣ мущины, то никогда не представлялъ Геркулеса, а всегда соединялъ сухія, выразительныя черты мущинъ съ нѣжными чертами женщины. Знаменитый

Аполлонъ Ватиканскій, образцовое произведеніе ваятельнаго искусства, болѣе подобится женщинѣ, нежели мущинѣ.

Замѣтилъ я и то, что въ царствѣ женщины нѣтъ надобности мущинамъ унижаться передъ нею. Чрезмѣрное ласкательство сихъ господъ зависитъ частію отъ привычки льстить женщинамъ и удивляться красотѣ. Сія мысль привела меня въ изумленіе, когда случилось мнѣ быть при великолѣпномъ праздникѣ, которой князь Потемкинъ сдѣлалъ для Государыни. До 2,000 человѣкъ находилось тамъ и, мѣшаясь одни съ другими, ходили по огромнымъ палатамъ. Во время шествія Императрицы начался Русской хоръ, и въ ту минуту князь Потемкинъ, владѣтель сихъ гордыхъ палатъ, первый и богатѣйшій человѣкъ въ государствѣ, столько прославившійся своими побѣдами, одѣтъ въ фельдмаршальской мундиръ, украшенный бриліантами, среди огромныхъ хоровъ, среди звуку отъ 300 музыкальныхъ инструментовъ,—повергся къ ногамъ Императрицы.

Пусть было бы это передъ императоромъ, и сія глубокая униженность будетъ показывать только высочайшую власть и безпредѣльное уваженіе; но изъявленіе такой покорности Императрицѣ необходимо раждаетъ мысль о власти красоты, обыкновенныя слышимыя пѣсни превращаются въ гимны, и я самъ готовъ боготворить царствующую жену. Въ прочемъ въ Россіи хранится еще восточное обыкновеніе повергаться къ ногамъ государя, когда онъ изволитъ посѣтить чье-либо жилище. По сей причинѣ и всѣ просьбы Россіяне начинали выраженіемъ: бью челомъ; однако сію формулу Императрица уничтожила.

Теперь скажу вамъ нѣчто объ Императрицѣ лично и о жизни ея обыкновенной. Бывъ предопредѣлена къ высочайшей степени, великою княгинею жила она очень уединенно; ей надлежало

переносить много горести и сильныхъ противурѣчій, и тогда-то, удаляясь въ уединеніе, она размышленіемъ образовала свой умъ и духъ. Взошедъ на престолъ она сохранила свою любовь къ дѣятельности и привычку всегда занимать чѣмъ нибудь свой умъ. Она не оставляетъ дѣлъ правленія и находитъ еще досугъ читать на разныхъ языкахъ наставительныя и пріятныя книги, вести переписку съ учеными людьми, бесѣдовать съ ними, сочинять комедіи съ нравственною и политическою цѣлью, и сверхъ того заниматься иногда пріятностями общества.

Всѣмъ ея подданнымъ дано право писать къ ней, а особливо тѣмъ, кои прежде искали и не получили своего права у нижнихъ начальниковъ, и всѣ просьбы вѣрно доходятъ въ ея руки. Люди не могутъ имѣть недостатка во времени; но весьма часто они имѣютъ недостатокъ въ искусствѣ имъ пользоваться. Императрица встаетъ обыкновенно въ 6 часовъ, трудится, пишетъ и читаетъ до 9 часовъ; потомъ приходятъ ея министры, съ коими она говоритъ о дѣлахъ государственныхъ, разбираетъ, рѣшитъ дѣла и отдаетъ повелѣнія. Послѣ того начинается ея туалетъ, въ продолженіе котораго приводятъ къ ней внуковъ ея, и съ ними она говоритъ объ ихъ ученьѣ. Ея обѣденный столъ очень непродолжителенъ; въ три часа она возвращается въ свои покои, спитъ, какъ говорятъ, около четверти часа, можетъ быть по необходимости климата, или для укрѣпленія силъ природныхъ. Далѣе, она читаетъ или пишетъ; собственноручная переписка ея очень велика. Въ 6 часовъ собирается приглашенная компанія, а иногда идетъ она въ придворный театръ, возвращается въ свои покои и ложится спать довольно рано.

Ничто уже не можетъ нарушить сего заведеннаго порядка, посредствомъ котораго Императрица всякой день проводитъ

въ трудѣ и чтеніи около восьми часовъ. Съ какою удобностію постигаетъ она всѣ предметы политическія, или касающіеся до внутренняго государственнаго правленія, можно судить изъ того, что она съ проницательнымъ умомъ своимъ соединяетъ знаніе дѣлъ всякаго рода. Она основательно училась исторіи и въ особенности Россійской; ей дорого все касающееся до Россійской націи, а Россійской языкъ безъ сумнѣнія былъ бы всеобщимъ, естьли бы только это состояло въ ея власти. Такимъ образомъ проводитъ Императрица свое время, которое для многихъ безмѣрными удовольствіями и забавами испорченныхъ государей кажется тяжкимъ бременемъ.

Теперь вы безъ сумнѣнія ожидаете, чтобъ я сказалъ вамъ что-нибудь о характерѣ и духѣ Императрицы. Ея тонъ въ бесѣдѣ и вообще ея понятія основательны и соединены съ живостію свойственною духу великому, надъ которымъ обстоятельства не могутъ имѣть власти. Въ ея мнѣніяхъ видна опредѣленность, которая показываетъ, что опытность и размышленіе впечатлѣли въ душу ея правильное понятіе почти обо всѣхъ предметахъ. Хорошій успѣхъ въ своихъ предпріятіяхъ она приписываетъ иногда случайности какъ по своей скромности, такъ и по тому, что исторія показала ей, сколь много случайность имѣетъ вліянія на происшествія. Высокость ея души весьма соотвѣтствуетъ высокости ея званія, и всѣ ея предпріятія отличаются непоколебимою твердостію.

Ея великолѣпіе и щедрость, кажется, предѣловъ не знаютъ. Во время войны ограничивается первое, не стѣсняя послѣдней. Она ведетъ войну безъ новыхъ налоговъ, безъ скупости въ предпріятіяхъ; цѣна щедрости ея еще болѣе возвышается отъ сопровождающихъ ее остроумныхъ оборотовъ, которые, кажется, сдѣланы какъ бы по совѣту тѣхъ самихъ, кого она подарить желаетъ. Правило ея: про себя похулить, а вслухъ

похвалить. Симъ средствомъ она щадитъ чувствительность самолюбія и не отнимаетъ всеобщаго уваженія у тѣхъ, кои учинили ошибку. Она никогда не торопится, но умѣетъ выждать и выбрать благопріятную минуту, а отъ сего она имѣетъ успѣхъ въ такихъ предпріятіяхъ, въ которыхъ другіе онаго не имѣютъ. Такимъ точно образомъ, безо всякаго потрясенія, безо всякаго сопротивленія, она присоединила къ коронѣ безмѣрныя и излишнія владѣнія духовенства; между тѣмъ, какъ Іосифъ II, желая исполнить такое же намѣреніе, привелъ въ возмущеніе весь Брабантской округъ.

Для избѣжанія какого-либо подозрѣнія противъ меня въ пристрастіи, положимъ, что иностранецъ пріѣхалъ бы въ С.-Петербургъ осмотрѣть интереснѣйшія вещи въ сей столицѣ. Онъ идетъ въ Академію, гдѣ показываютъ ему восковое изображеніе императора Петра, его пистолеты, кортикъ, шляпу во многихъ мѣстахъ прострѣленную подъ Полтавою, драгоцѣнные остатки великаго мужа, съ благоговѣніемъ донынѣ хранимые. Потомъ отворяютъ ящикъ и показываютъ ему фоліантъ, содержащій наказъ для составленія гражданскаго и уголовнаго уложенія, гдѣ изъясняется основаніе правленія и должнаго заслугамъ воздаянія; и этотъ фоліантъ есть произведеніе Екатерины, ея собственною рукою писанный и во многихъ мѣстахъ переправленный. Пускай сей чужеземецъ ввечеру идетъ въ театръ, видитъ и слышитъ на Россійскомъ языкѣ піесу замысловатую, интересную для всей націи; онъ спроситъ, кто авторъ ея, и ему отвѣчаютъ: Екатерина II. На другой день чужеземецъ пойдетъ въ церковь, тамъ увидитъ прекрасныя, богатошитыя покрывала, и показывающій говоритъ ему съ энтузіазмомъ: это работала сама Государыня! Наконецъ въ библіотекѣ найдетъ онъ сочиненіе, въ двухъ большихъ томахъ, о Славянскомъ и Россійскомъ

языкъ, и опять ему скажутъ, что Императрица сочинила сіе толкованіе языка, которое сдѣлало бы честь Дюканжу и Курьде-Жебелену.

Публичныя зданія, полезныя заведенія, мудрыя учрежденія дѣлаютъ конечно честь государю; но часто все сіе только лишь подъ его именемъ выдумываютъ и учреждаютъ его министры. Но о Россійской Императрицѣ никто сего не скажетъ; зависть ничего не отниметъ, ласкательство ничего не прибавитъ. Изумленіе сего чужеземца удвоится, когда я скажу ему, что Повелительница сего обширнаго государства позволила мнѣ у нея самой испрашивать объясненія на многіе важнѣйшіе пункты Россійской исторіи, и что та самая рука, которая начертаваетъ трактаты касающіеся до всѣхъ четырехъ частей свѣта, очень охотно отвѣчала мнѣ на мои вопросы о состояніи древнихъ народовъ ея государства, о ихъ правахъ и языкѣ. Ея любовь къ націи, столь славно ею управляемой, побудила ее искать для себя свѣту во тьмѣ, покрывающей происхожденіе сѣверныхъ народовъ, которые всѣми учеными были пренебрежены болѣе, нежели того стоили. Иной, читая всеобщую исторію, подумаетъ, что въ свѣтѣ жили только Греки и Римляне, и не будетъ знать генеалогіи многочисленныхъ народовъ, завоевавшихъ Италію и основавшихъ большую часть изъ новыхъ областей; даже земля ими нѣкогда населяемая остается ему неизвѣстною.

Я составилъ бы немалую книгу, есть ли бы вздумалъ вычислять всѣ подробности касающіяся до особы Императрицы. Какъ мои замѣчанія о Россіи идутъ къ вамъ, то и впредь я не упущу случая познакомить васъ, сколько возможно лучше, съ особою рѣдкою во всѣхъ классахъ, а на тронѣ единственною.

Историческія черты и извѣстія, касающіяся до жизни и правленія императрицы Екатерины II-й.

Введеніе сочинителя.

Здѣсь представляются нѣкоторыя историческія бѣздѣлки, имѣющія единственно отношеніе до правленія Екатерины II, Императрицы Всероссійской. Оныя могутъ быть помѣщены частію въ біографіи сей знаменитой и счастливой Монархини, или же въ Россійской исторіи послѣднихъ тридцати или сорока лѣтъ. По моему мнѣнію не всѣ изъ сихъ бездѣлицъ заслуживаютъ точнаго названія историческихъ анекдотовъ: но заглавіе анекдотъ было бы приличнѣйшимъ хотя нѣкоторымъ изъ оныхъ. Будущій писатель, ежели захочетъ, особо разобравъ каждой изъ нихъ, можетъ помѣстить оныя въ Біографіи, Исторіи, Статистикѣ, въ дѣлахъ, касающихся до благоустройства, въ комерческихъ извѣстіяхъ, или гдѣ ему покажется нужнымъ. Историческая точность сихъ маловажныхъ извѣстій не подвержена никакому сумнѣнію. Впрочемъ читатели найдутъ, что сіи извѣстія даютъ познаніе о бывшемъ при дворѣ Екатерины тонѣ и о просвѣщеніи въ Россіи тогдашняго вѣка, къ которому онѣ принадлежатъ. Ежели сіи бездѣлицы понравятся, то оныя могутъ быть продолжаемы.

1.

Графъ Владиміръ Орловъ, младшій братъ любимца, бывшій въ 1765-мъ году директоромъ Академіи Наукъ въ Санктпетербургѣ, хотѣлъ построить новое зданіе для оной Академіи и просилъ у Императрицы, чтобы она дала ему то мѣсто, на которомъ построенъ теперь Мраморный дворецъ. Екатерина въ семъ ему отказала, ибо она имѣла намѣреніе воздвигнуть на семъ же мѣстѣ храмъ натуры. Въ семъ храмѣ предполагаемо было помѣстить изъ всѣхъ твореній Божіихъ по одному образцу. Мысль сія была отважная, высокая и достойная Обладательницы седьмой части земли; но произведеніе сіе было сопряжено съ толикими затрудненіями, что даже Императрица Всероссійская со всею своею властью находила невозможнымъ превозмочь оныя. Предпріятіе сіе осталось безъ дѣйствія.

2.

Великолѣпіе Россійскаго двора во время царствованія прежней Императрицы доходило до такой степени, что даже Государыня сія употребляла иногда въ игрѣ, на мѣсто марокъ, брилліанты. Сіи марки находились въ маленькихъ золотыхъ ящичкахъ и были выдаваемы золотыми ложечками. По окончаніи игры, всякій игравшій получалъ свой выигрышъ и оставлялъ у себя свои призы. Такая вечерняя партія стоила Императрицѣ не болѣе какъ сорокъ тысячъ рублей. Сожалѣнія достойно, что къ симъ партіямъ приглашаемы были всегда люди, состоявшіе въ милости, и которымъ подарокъ въ десять или двадцать тысячъ рублей ничего не значилъ.

3.

Весьма трудно сдѣлать точное описаніе о расточительности, бывшей при прежнемъ правленіи въ придворномъ хозяй-

ствѣ въ Санктпетербургѣ. Легко можно сдѣлать заключеніе о прочихъ расходахъ: ибо извѣстно, что въ ежегодно подаваемыхъ счетахъ находилось между прочимъ: двадцать восемь тысячъ рублей употреблено на зелень, восемнадцать тысячъ рублей на деревянныя угли, и сто сорокъ четыре тысячи рублей на масло, сливки и молоко. Въ хозяйствѣ великаго князя Александра Павловича между прочимъ ежегодно считали: триста пятьдесятъ пудъ сахару считая пудъ въ тридцать шесть фунтовъ Нѣмецкихъ, сто девяносто пять пудъ обыкновеннаго и девяносто пять пудъ лучшаго кофію.

1.

Парадная карета великаго князя Александра Павловича стоила пятьдесятъ восемь тысячъ рублей.

5.

Когда во время царствованія послѣдней, скончавшейся Императрицы, супруга наслѣдника престола была беременна, то Монархиня всякой разъ велѣла заготовить бѣлье и платье для ожидаемаго дитяти. Все было сдѣлано à l'anglaise, т.-е. покрой платьевъ и рубахъ, хотя бы дитя было мужескаго или женскаго пола, всегда былъ одинакой. Сіе преждевременное приготовленіе для великаго князя Александра Павловича, нынѣшняго наслѣдника престола, стоило двадцать пять тысячъ рублей. Издержки на всякое таковое заготовленіе при каждыхъ родинахъ великой княгини простирались обыкновенно до тринадцати тысячъ рублей, а иногда и менѣе. На ризки, которыя дѣлались изъ серебряной парчи, употреблялось обыкновенно на три тысячи рублей кружева: а при всей сей

нынѣшности сіи ризки не имѣли хорошаго виду. Сверхъ того находились еще восемнадцать паръ шелковыхъ платьевъ различнаго одноцвѣтнаго атласа или тафты, покрытыхъ кисеею и обшитыхъ кружевами; двѣнадцать дюжинъ рубахъ, изъ коихъ шесть дюжинъ были сдѣланы изъ батиста, а остальныя шесть изъ холста; четыре дюжины ночныхъ платьевъ, изъ коихъ двѣ дюжины были канифасныя; и въ такомъ соразмѣріи находились всѣ прочія вещи. На холстинныя надобности употребляли Голландское полотно; а скатерти, салфетки и пр. выписывались изъ Саксоніи. Какъ нынѣ вдовствующая королева Шведская, супруга Густава III-го, была беременна нынѣшнимъ королемъ, то Императрица послала такое заготовленіе въ Стокгольмъ, и присовокупила къ тому одѣтую куклу въ ростъ ребенка, дабы показать, какъ надлежитъ одѣвать дѣтей à l'angloise.

6.

Любимцы императрицы Екатерины II-й стоили ей отъ 1784-го года, по весьма умѣренному и не точно сдѣланному исчисленію, до восьмидесяти двухъ или трехъ милліоновъ рублей. Должно однакожъ считать, что князь Потемкинъ до 1791-го года требовалъ невѣроятно большія суммы и получалъ оныя, и что Императрица обогатила еще трехъ другихъ любимцовъ съ ихъ фамиліями, изъ которыхъ послѣдній, нынѣшній князь Зубовъ, стоилъ всѣхъ больше.

7.

Извѣстные любимцы прежней Императрицы, считая съ того времени, когда она вступила на престолъ, были: Орловъ, Васильчиковъ, Потемкинъ, Завадовскій, Зоричъ, Корсаковъ, Ланской, Ермоловъ, Мамоновъ и Зубовъ.

8.

Ежели кому-нибудь извѣстна расточительность Россійскомъ придворномъ хозяйствѣ при послѣднемъ правленіи, то удивленія достойно, что въ бывшемъ Петергофскомъ маскарадѣ въ 1791-мъ году парадная лѣстница не была освѣщена.

9.

Въ день Екатерины, 1792-го года, Россійскіе императорскіе пажи получили новыя парадныя ливреи. Весьма несообразно съ расточительностію при бывшемъ правленіи то, что прежнія ливреи существовали сорокъ три года. Такъ сказать, не было на кафтанѣ на ладонь порожняго мѣста, чтобы не было заплаты. При всѣхъ частыхъ празднованіяхъ Россійскаго двора, особливо въ правленіе императрицы Екатерины Второй, всегда являлись при оныхъ пажи въ старой ливреѣ. Издержки, нужныя для сдѣланія новыхъ ливрей, конечно требовали большихъ суммъ; но въ 1792-мъ году столь же мало оставалось лишнихъ денегъ, какъ и въ прочихъ годахъ; но напослѣдокъ необходимо нужно было подумать о сдѣланіи сихъ платьевъ. Въ то время находилось 60 пажей и 11 камермпажей, и всякая ливрея стоила Императрицѣ семьсотъ рублей. Сіи пажи бываютъ обыкновенно дѣти или подростки. Сняли съ нихъ мѣрку въ 1791-мъ году, и когда они въ 1792-мъ получили оныя платья, то уже вышли изъ мѣры и въ первый день дѣлали дурную фигуру.

10.

Заслуживаетъ примѣчанія то, что славный наказъ императрицы Екатерины II-й для сдѣланія законной книги былъ

запрещенъ въ прежде бывшей Франціи; ибо утверждали, что содержаніе онаго наказа было противъ правилъ монархическаго правленія. Не взирая на сіе сочиненіе и на запрещеніе онаго, Россія осталась деспотическое государство, а Франція сдѣлалась республикою.

11.

Въ восмидесятыхъ годахъ объявленъ былъ въ Россіи указъ, чтобъ ни одинъ подданный не вывозилъ большаго количества хлѣба, безъ коего само государство обойтиться не можетъ. Ни одинъ указъ не былъ еще недостаточнѣе сего.

12.

Ввозъ сахару въ Россію составляетъ болѣе, нежели вывозъ желѣза, главнѣйшаго произведенія сей обширной имперіи.

13.

Разведеніе ревеню въ Сибири теперь вовсе запущено. Оное было въ прежнія времена важная отрасль Россійской торговли. Фунтъ такого ревеню стоилъ прежде два, три и четыре рубли. Напослѣдокъ, нельзя было имѣть даже за восемнадцать рублей хорошаго ревеню; а въ концѣ 1790-го года принуждены были выписывать оный изъ чужихъ краевъ, которые получаютъ его изъ Китая.

14.

Примѣромъ худой полиціи въ С.-Петербургѣ при прежнемъ правленіи служитъ то, что почти вездѣ можно было достать

яду, напаче же въ желѣзныхъ или такихъ лавкахъ, гдѣ продаютъ прашныя коренья.

15.

При учрежденіи намѣстничествъ было повелѣно, чтобъ опредѣляемые имѣли отправляли и должность актеровъ: ибо всякому генералъ-губернатору надлежало имѣть небольшой свой придворной штатъ, къ которому нужно было присовокупить и общество комедіантовъ.

16.

Пій VI писалъ однажды къ императрицѣ Екатеринѣ II-й. При составленіи сего письма онъ сообразовался въ точности съ формою, принятою неосторожнымъ образомъ однимъ изъ его предшественниковъ, когда сей послѣдній писалъ къ Петру Первому. Въ заключеніи письма онъ сказалъ: «Я прошу Бога, дабы онъ просвѣтилъ Императрицу и привелъ бы ее къ принятію святѣйшей католической вѣры!» Со времени Петра Перваго, который уничтожилъ патріаршество, обладатели Россіи суть духовные начальники Греческой церкви; слѣдовательно Екатерина II-я почиталась въ своей религіи тѣмъ же самымъ, что и Пій VI въ своей. Сія Государыня писала къ папѣ въ отвѣтъ, что она проситъ Бога о его просвѣщеніи и о возвращеніи его въ нѣдра правовѣрной Греческой церкви. Пій VI-й легко бы могъ избѣгнуть сего сильнаго униженія; но, можетъ, статься онъ имѣлъ себѣ за правило придерживаться старыхъ обычаевъ, правило, вредное всякому человѣку, какого бы званія онъ ни былъ (ибо благоразуміе требуетъ приспособляться ко времени и обстоятельствамъ), но послѣдствіе коего могло бы нанести величайшій вредъ, особливо при семъ

случаѣ, въ представленіи выгодъ отъ католической религіи въ Россіи при не такъ снисходительной Государынѣ, какова была Екатерина II-я.

17.

Утверждаютъ, что будто бы въ продолженіи царствованія императрицы Екатерины II-й сослано было въ Сибирь до пятнадцати тысячъ Поляковъ; но сіе число кажется увеличеннымъ. Много изъ нихъ возвратились въ сіе же правленіе; но большая часть осталась тамъ до восшествія Павла I-го на Всероссійской престолъ. Сей монархъ возвратилъ ихъ изъ сей ссылки, которая въ иныхъ мѣстахъ ужаснѣе нежели самая смерть.

18.

Екатерина II-я имѣла однажды сильной припадокъ къ печали. Дабы разогнать сію мрачную невеселость, то приглашаемъ былъ знаменитый Дидеротъ, долженствующій развеселить Императрицу, посредствомъ своей философіи, и притупить печальныя ея чувствованія. Въ первый разъ, когда онъ явился ко двору, то его повели въ переднюю комнату Императрицы. Сія Государыня явилась, и теперь казалось, какъ будто бы Дидеротъ позабылъ все, что̀ вокругъ его находится, и даже самаго себя. Онъ смотрѣлъ на нее пристально и имѣлъ видъ человѣка, находящагося въ удивленіи и восхищеніи. Напослѣдокъ онъ вскричалъ: Femme étonnante! Даже сіи два слова имѣли желаемое дѣйствіе. Императрица получила опять свою обыкновенную веселость.

19.

Во время революціи въ 1762-мъ году, господинъ Рюльеръ находился въ С.-Петербургѣ въ качествѣ секретаря посоль-

ства. Онъ писалъ исторію о революціи, и можно предполагать, что многимъ читателямъ оная уже извѣстна. Императрица узнала о существованіи сей рукописи, и въ послѣдствіи многоразличныхъ переговоровъ съ господиномъ Рюльеромъ достигли до того, дабы сія книга не прежде была напечатана, какъ послѣ кончины Императрицы. Хотя господинъ Рюльеръ въ семъ сдержалъ свое слово, но онъ читалъ свой манускриптъ въ Парижской Академіи Наукъ и даже въ своемъ домѣ всякому любопытному пріятелю. Когда Дидеротъ находился въ С.-Петербургѣ, то Государыня его спрашивала, извѣстна ли ему сія книга? Онъ отвѣтствовалъ, что онъ слышалъ, когда ее читали въ Академіи. Какое лицо я въ оной представляю, спрашивала его Императрица? Si vous faites cas de grandes actions héroïques, сказалъ Дидеротъ, votre rôle est très-glorieux; mais si vous faites cas de vertus futiles, votre rôle n'est pas également beau.

20.

Въ 1785-мъ году Екатерина II-я путешествовала въ Новгородъ. Французскій посолъ графъ Сегюръ находился въ свитѣ Императрицы. Сія Государыня, знающая талантъ сего графа въ сочиненіи стиховъ, задала ему четыре слова: Amour, tambour, frotte, garde-note. Графъ составилъ тотчасъ слѣдующіе стихи:

D'un peuple très-nombreux Catherine est l'amour.
Malheur à l'ennemi qui près d'elle se frotte.
La renommée pour elle usera son tambour.
L'histoire avec plaisir sera son garde-note.

Письма Екатерины Великой къ графинѣ А. В. Браницкой.

1.

Графиня Александра Васильевна! Письмо ваше я получила здѣсь въ Царскомъ Селѣ и съ удовольствіемъ изъ онаго усмотрѣла, что изъ памяти вашей не изчезло прежнее ваше бытье при миѣ и въ здѣшнемъ мѣстѣ. Желаю, чтобъ и теперешній вашъ жребій къ удовольствію вашему служилъ. Сожителю вашему скажите поклонъ. Пребываю къ вамъ доброжелательна

Екатерина.

Царское Село
Іюня 20 ч. 1782 г.

2.

Письмо А. Д. Ланскаго.

Милостивая государыня графиня Александра Васильевна! Благодарю искренно за воспоминовеніе ваше обо миѣ въ письмѣ Павла Сергѣевича *) и радуюсь, слыша, что вы умножите скоро фамилію вашу. Сердечно бы желали, чтобы вы имѣли ко утѣшенію вашему сына Александру и по семъ

*) *Рукою Екатерины:* Поверни листъ.

счастливомъ окончаніи видѣть васъ сей зимы здѣсь въ Санктъ-Петербургѣ. Впрочемъ, пожелавъ вамъ всѣхъ благополучій и удовольствій, съ совершеннѣйшимъ почтеніемъ есмь навсегда. милостивая государыня, вашего сіятельства

покорнѣйшимъ слугою А. Ланской

На оборотѣ листа рукою Ланскаго: Вашему сожителю прошу отъ меня кланяться. Пожалуйте, берегите ваши бока.

Тамъ же рукою Екатерины:

Здравствуй, Сашинька; здорово ли живешь? А мы принимали у Лизаветы Дмитревны *) дочь Катерину. Желаю тебѣ благополучно разрѣшиться отъ бремени. Прощай, Богъ съ тобой! Супругу скажи поклонъ. У насъ лѣто дождливое; каково-то у васъ? А у насъ сырость необыкновенная, и холодно по большой части. Завтра у насъ празднество: впервой откроваться будетъ народному зрѣнію штатуя Петра Перваго.

Тамъ же рукою Ланскаго: Санктпетербургъ, въ опочивальнѣ Ея Величества, въ лѣтнемъ дворцѣ, 1782 Августа 6 числа, день обошелся безъ дождя.

3.

Письмо А. Д. Ланскаго.

Милостивая государыня графиня Александра Васильевна!

Я столь долгое время лишенъ пріятнаго удовольствія знать о состояніи вашего здоровья, что не знаю. чему оное приcть. Съ симъ вѣрнымъ случаемъ, съ любезнѣйшею сестрицею вашею, посылаю вамъ маленькую посылку, которую

*) Супруги Ивана Ивановича Кушелева. П. Б.

прошу принять въ знакъ памяти обо мнѣ. Обрадованъ бы я былъ, услыша о освобожденіи вашемъ отъ тяжкаго бремени и чтобъ увидѣть васъ здѣсь въ Санктпетербургѣ. Поручая себя благосклонной дружбѣ вашей, съ совершеннымъ почтеніемъ пребываю, милостивая государыня, вашего сіятельства покорнымъ слугою

А. Ланской.

Прошу оборотить листъ.

Февраля 10
1783 году.

На боку приписка Ланскаю: Мой поклонъ супругу вашему прошу сказать.

На оборотѣ листа приписка Екатерины:

Долго ли это будетъ, что ты, мой свѣтъ, не родишь? Кто слыхалъ, что годъ цѣлый брюхата! Знатно, это мода Польская; а у насъ въ Руси болѣе девяти мѣсяцевъ на то не нужно. Опомнись, душа. Вѣдь ты не вовсе Полька; вѣдь ты Смолянка. Но какъ бы то ни было, буди здорова и, буде можно, разстанься съ беременностью.

4.

Графиня Александра Васильевна!

Я съ удовольствіемъ получила извѣстіе о благополучномъ вашемъ разрѣшеніи отъ бремени. Желаю, чтобы новорожденный сынъ вашъ, преуспѣвая въ возрастѣ его, служилъ къ радости вашей и всего дому вашего. Охотно я приняла приглашеніе супруга вашего быть воспріемницею сына вашего отъ святаго крещенія, препоруча графу Петру Александро-

вичу *) вмѣсто меня то исполнить. Пребываю впрочемъ навсегда вамъ благосклонная

Екатерина **).

Въ С.-Петербургѣ
Февраля 16-го 1783.

5.

Александра Васильевна! Пошли приложенное къ Авдотьѣ Дмитревнѣ Ланской ***) и вели ей сказать, что я ее беру во фрейлины.

6.

Графиня Александра Васильевна!

Съ удовольствіемъ получила я ваше письмо о благополучномъ вашемъ разрѣшеніи отъ бремени. Увѣрена я совершенно въ искренности всего того, что̀ вы тутъ изъясняете, и въ доказательство моего добраго къ вамъ расположенія, желая быть воспріемницею новорожденнаго сына вашего, поручила я генералу порутчику Гудовичу исполнить сей обрядъ отъ лица моего. Князь Григорій Александровичъ увѣдомитъ васъ, что я, пожаловавъ сына вашего въ прапорщики гвардіи, приказала его причислить въ Преображенской полкъ. Пребываю всегда вамъ доброжелательная

Екатерина.

Въ С.-Петербургъ
Февраля 14-го 1785 года.

---

*) Румянцову. П. Б.

**) Въ этомъ и шестомъ письмѣ только подпись Екатерины: письма эти писаны рукою графа Безбородки. Всѣ же остальныя письма собственноручны. П. Б.

***) Бабкѣ князя А. И. Чернышова. П. Б.

7.

Графиня Александра Васильевна! Письмо ваше и поздравленіе со днемъ моего рожденія мнѣ весьма пріятно было. Я помню, что ваши имянины въ тотъ же день и желаю, чтобъ вы оные проводили въ добромъ здоровьѣ и благополучно. Продолжайте меня любить какъ любили; вы знаете мое къ вамъ и роду вашему расположеніе. Графу прошу кланяться, а любезнаго Владислава, буде меня еще помнитъ, поцалуйте отъ меня. При семъ посылаю къ нему гусара и рейтара здѣшней фарфоровой фабрики, которые прошу ему отдать въ полную диспозицію, а имъ до нихъ дѣла нѣтъ. Пребываю къ вамъ доброжелательна

Екатерина.

Царское Село.
Маія 1 числа 1788 г.

За peupliers d'Italie благодарствую. Желательно, чтобъ онѣ принялись. Онѣ здѣсь посажены.

8.

Графиня Александра Васильевна! Быв увѣрена, что письмо ваше и поздравленіе со днемъ моего рожденія отъ чистосердечной вашей любови и привязанности ко мнѣ лично и къ вашему отечеству, гдѣ вы рождены и воспитаны, происходитъ, мнѣ оное не могло быть инако какъ весьма пріятно, видя, что вы, графиня, нынѣ, посреди *Польши*, еще не перемѣняете вашъ всегдашній образъ мыслей и стараетесь оной сообщить и ближнимъ вашимъ По сему судя, не удивляюсь,

что сынъ вашъ старшій донынѣ помнитъ, какъ онъ былъ со мною въ Кіевѣ и по дорогѣ. Скажите ему, что я радуюсь его успѣхамъ и что учится хорошо погречески, пофранцузски и поруски. Его отечеству нужны люди здравомыслящіе; а пагубны тѣ, кои похожи на того соловья, который, сказываютъ, громогласно поетъ закрывъ глаза, приближаясь отверстымъ всегда челюстямъ жабы, сидящей подъ деревомъ посреди цвѣтовъ, дондеже проглощенъ будетъ.

Пребываю вамъ доброжелательна

Екатерина.

Апрѣля 22 ч.
1790 г.

9.

Графиня Александра Васильевна! Правда, Богъ, даровавъ Россіи 22 Іюля въ Выборгской бухтѣ совершенную побѣду надъ Шведскимъ флотомъ, тѣмъ самымъ благоволилъ во дняхъ нашихъ явить свѣту примѣръ, како гордость, неправда и неблагодарность Имъ укротимы бываютъ. Упоминаете о завидующихъ намъ; на сіе скажу: съ ними жить и умереть. Но я не зла. Участіе, которое вы въ благополучномъ для отечества происшествіи берете, доказываетъ вашу ненарушимую привязанность къ оному. Письмо ваше ко мнѣ, писанное съ поздравленіемъ, сіе засвидѣтельствуетъ. Мнѣ оно весьма пріятно. Въ каждой строкѣ вижу непремѣнную вашу любовь ко мнѣ. Вы присвоиваете ваши чувства и мужу, и дѣтямъ вашимъ. Пусть будутъ съ вами одинаго мнѣнія, а я къ вамъ навсегда доброжелательна

Екатерина.

Изъ Царскаго Села.
29 Іюля 1790 г.

10.

Графиня Александра Васильевна! За поздравленіе ваше съ предварительными мирными статьями благодарствую. О расположеніи вашемъ ко мнѣ никакъ не сумнѣваюсь. Теперь всѣ наши безпокойствія кончились. Тревожитъ меня одно: болѣзнь дядюшки вашего князя Григорья Александровича. Пожалуй, графиня, напишите ко мнѣ, каковъ онъ и постарайтесь, чтобъ онъ берегся какъ возможно отъ рецидивы, коя хуже всего, когда кто отъ болѣзни уже слабъ. Я знаю, какъ онъ безпеченъ о своемъ здоровьѣ. Прощайте. Богъ съ вами. Пребываю къ вамъ доброжелательна

Екатерина.

Сентября 16 ч.
1791 г.

11.

Графиня Александра Васильевна! Изъ письма вашего отъ 27 Сент. вижу я, что князю есть полегче; но совсѣмъ тѣмъ я весьма безпокойна о его состояніи. Пожалуй, останься съ нимъ; а пуще всего, чтобъ во время продолжительнаго выздоровленія поберегся. Прощай, душа, Богъ съ тобою.

Октября 3 ч.
1791 г.

12.

Графиня Александра Васильевна! Раздѣляя съ вами общую нашу горесть, прошу васъ несумнѣнную надежду положить сначала на Бога, потомъ увѣриться, что я непремѣнно, пока жива, пребуду къ вамъ отлично доброжелательна.

Екатерина.

Октября 19 ч.
1791 г.

13.

Графиня Александра Васильевна! Письмо ваше отъ 19 Октября до моихъ рукъ доставлено. Я надѣюсь, что вы никакъ не сумнѣваетесь о моемъ благомъ и искреннемъ расположеніи къ вамъ. И всегда и когда вздумаешь ко мнѣ пріѣхать, вы найдете во мнѣ тотъ же пріемъ, котораго всегда имѣли. Графу Браницкому прошу поклониться и сказать ему, что я получила его письмо, писанное изъ Варшавы, и отвѣтъ на оное посланъ къ Булгакову, но съ графомъ разъѣхался, знатно. Прощайте. Пребываю къ вамъ обѣимъ доброжелательна

Екатерина.

Дошло до меня разговоръ вашего гр. съ кор. при отъѣздѣ.

Ноября 11 ч.
1791 г.

Донесеніе графа Ю. Ю. Броуна о крестьянскихъ волненіяхъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ.

Allergnädigste Kaiserin und grosse Frau.

Ew. Kaiserl. Majesté habe ich unterm 11 und 13-ten dieses Monats rapportiret, wie es hier um den Bauer-aufruhr stehet. Gegenwärtig kann ich berichten, dass der Aufruhr im ganzen Gouvernement so allgemein ist, dass ich fast kein Gut kenne, welches davon befreiet wäre, und wann auch einige wenige noch nicht öffentliche Bewegungen gemacht haben, so warten sie nur darauf, dass der allgemeine Ausbruch seinen Anfang nehme. Die Richterstühle werden angegriffen, die Befehlshaber auf eine schimpfliche Art begegnet und der mehreste Theil der Bauern verlangt von allem Gehorche frei zu sein. Einige wollen ihre Kopfgelder selbst in den Rentereien abliefern und jeder für seine Person vom Rentmeister Quittung haben. Dies kann aber auf keine Weise statt finden, weil von jedem Gute und nicht von jedem Bauer eine Quittung an den Cammeral-Hof geliefert werden muss. Andere wollen mehr Kopfgelder bezahlen als verlangt wird. Viele wollen ihre Gelder in Riga und nicht in den Kreisstädten abliefern; kurz, sie haben hundertfache Praetensionen die hier zu weit-

läufig zu beschreiben wären. Alles gehet nun zu einem allgemeinen Aufruhr. Im vorigen Türkenkriege haben Ew. Kaiserl. Majesté Türkensteuer aufgelegt. Der Edelmann hat sie mit der grössesten Bereitwilligkeit bezahlet und dem Bauer dafür keine Arbeiten aufgelegt. Hätten Ew. Kaiserl. Majesté statt Kopfgeld soviel Abgaben auf publique und adliche Güter gelegt, so wäre alles ohne Aufstand entrichtet und kein Anlass zu einem Aufruhr entstanden als der gegenwärtige ist.

Vier und siebenzig Jahre hat diese Provinz einer allgemeinen Ruhe genossen und sich nie gegen obrichkeitliche Befehle aufgelehnt. Wann Ew. Kaiserl. Majesté auf meine unterm 25 Mai untertänigste eingesandte Vorstellung eine Imaennoy Ukase allergnädigst ergehen zu lassen geruhet hätten, „dass die Bauern, sowohl publique als private, ihre Kopfgelder selbst bezahlen, aber nach wie vor erbunterthänig verbleiben sollten“: so hätte dieses damals vielleicht helfen können. Ich habe zwar die beiden lettischen Kreise mit zwei Escadrons des Pleskauschen Carabinier Regiments drei Wochen von Mord und Brand abgehalten, ohngeachtet sie alle in grösster Bewegung sind: gegenwärtig sehe ich, dass keine Imaennoy Ukase mehr helfen kann, sondern ich muss mit Strenge und schwerer Strafe gegen sie verfahren, sobald; die Regimenter einrücken werden. Da ich aber bis dato noch keine Trouppen einrücken sehe, so will ich mich, bis den 24-sten dieses Monats hier aufzuhalten suchen; alsdann aber bleibt mir kein Mittel mehr übrig als mich nach Riga zu retiriren und für die Sicherheit meines Lebens zu sorgen, das Land aber mit Edelleuten und Beamten dem Mord und der Discretion des rebellischen Pöbels überlassen. Die kleinen Kreisstädte drohen sie zu

überfallen und zu verbrennen, auch ihre Einwohner zu ermorden, weil sie mit ihnen nicht gemeinschaftliche Sache machen. In jeder Kreisstadt hat der Gorodnitschi nur 6 elende Menschen, welche hier Garnison-Soldaten genannt werden, da sie nach Ew. Kaiserl. Majesté Verfügung 28 haben sollten. Ich habe jetzt die auf den Vorposten stehende Mannschaft, welche nur irgend tauglich ist, zurükziehen lassen müssen, um nur den Kreisstädten etwas Schuz zu schaffen. Dem Pleskauschen Carabinier Regimente, welches hier im Lande stehet, habe ich, ob solches gleich Ordre hat nach Petersbourg zu gehen, verboten abzumarschiren, ehe und bevor die drei Regimenter einrücken. Dieses Carabinier Regiment aber ist gewiss nicht zureichend, allen Unglüksfällen vorzübeugen, welche man hier zu befürchten hat.

Unsern Nachbarn können alle diese Umstände nicht verborgen bleiben, und solche werden den Gazettiers vortreffliche Gelegenheit geben von Liefland eine gute Beschreibung zu machen.

Ich ersterbe in tiefster Erfurcht Ew. Kaiserl. Majesté unterthänigster Knecht

G. Browne.

Smilten, den 15 Juni 1784.

Письма о кончинѣ Шведскаго короля Густава Третьяго *).

1.

Ce 17 mars 1792.

Monsieur le comte.

Je me hâte de vous annoncer le trop triste événement de la nuit passée. Le roi de Suède a été assassiné au bal masqué de l'opéra d'un coup de pistolet qu'une main traîtresse lui a lâché par derrière à bout-portant dans les reins, un peu au-dessus de la hanche gauche. Le comte de Ludolf revient dans ce moment de la cour. L'on venoit d'ôter le premier appareil et de faire une incision à la playe profonde d'environ d'un doigt. Elle n'a servi jusqu'ici qu'à en tirer la tête d'un petit clou. Le pistolet a été chargé de mitraille de trois balles, de huit dragées et de quelques clous. Les chirurgiens n'ont osé jusqu'ici prononcer, mais il y a des circonstances qui font trembler pour la vie de ce prince. Le roi avoit été prévenu de cet attentat contre sa vie par une lettre anonyme quelques heures auparavant, et l'on ne sait par quelle inconcevable sécurité il avoit méprisé cet avis. Le roi blessé s'appuya sur m-r d'Essen et fut transporté dans les chambres au haut de la salle de l'opéra, et vers le matin au châ-

*) Писаны нѣкіимъ Свитецкимъ (судя по 6-му письму, Австрійскимъ подданнымъ), кажется къ графу Марькову. Сохранились въ современномъ спискѣ. П. Б.

teau. L'assassin est connu aujourdhui et arrêté. C'est un gentilhomme nommé Ankarström. Il étoit armé de deux pistolets et d'un poignard, et laissa tomber toutes ces armes en se retirant dans la foule; mais c'est le poignard qui l'a fait reconnoître, l'armurier ayant désigné Ankarström comme celui qui le lui avoit commandé il y a peu de tems. Ce scélérat avoue tout, déclare qu'il avoit couvé ce détestable projet depuis deux mois qu'il avoit conçu dans l'intention de rendre un service signalé à sa patrie et qu'il n'avoit pas de complice.

2.

Ce 18, à 9 heures du matin.

Les médecins n'ont pas encore osé prononcer sur le sort du roi. Il avoit dormi hier à plusieurs reprises. Comme il ne se plaint pas de fortes douleurs, on n'a pas jugé à propos d'ôter le second appareil. En ôtant hier le premier, on a fait une incision à la playe, mais elle n'a servi qu'à en tirer une tête de clou; car le malheureux avoit chargé son pistolet à mitraille, c'est à dire à deux balles, huit dragées et quelques clous. Le roi perd du sang par les voies urinaires; mais sa majesté conserve une tranquillité d'esprit, qui étonne tous ceux qui l'approchent. La lettre anonyme qu'il reçut avant que d'aller au bal, est à peu près de la teneur suivante: „De grâce, sire, daignez écouter les avis d'un homme qui n'étant pas attaché à votre service, ne recherchant point vos faveurs et ne flattant poins vos défauts, désire conjurer le péril qui menace vos jours. Il existe, et n'en doutez pas, un projet de vous assassiner. On a été au désespoir de le voir manquer

la semaine dernière lors que le bal fut dédit; l'on est résolu de le tenter aujourd'hui. Demeurez chez vous, et évitez meme tous les bals masqués suivants, du moins cette année. Laissez évaporer le fanatisme du crime, évitez aussi les rez-de-chaussée de Haga; en un mot, prenez vos précautions au moins un seul mois. Ne vous donnez pas la peine de découvrir l'auteur de cette lettre. Le projet funeste qui menace vos jours lui est parvenu par hazard; croyez qu'il n'a aucun intérêt d'écarter le coup qu'on vous prépare. Si vos troupes mercénaires à Gelfe eussent tenté des violences envers les citoyens, l'auteur de cette lettre auroit combattu contre vous l'épée à la main; mais il déteste l'assassinat."

On vient d'arrêter, je ne sais sur quel indice, le lieutenant-colonel aux gardes nommé Pontus Lilienhorn qu'on soupçonne être l'auteur de cette lettre. On remarque déjà une espèce d'effervescence parmi le peuple qui soupçonne un complot des nobles. Le gouvernement d'ailleurs a pris toutes les précautions propres à empêcher tout mouvement quelconque. Les patroulles sont redoublées, les portes de la ville fermées, la police en mouvement. Une régence a été établie à la tête de laquelle est le duc de Sudermanie, et qui est composée de messieurs d'Armfeld, Wachtmeister, Ruth, Oxenstierna. Nous ne savons pas encore, quand il nous sera permis de faire partir nos courriers.

3.

Ce 18, à 9 heures du soir.

Le roi est plus mal que jamais. L'estomac commence à s'enfler. On craint l'inflammation: je suis ob-

ligé de finir, le courrier qui portera cette lettre à Copenhague étant sur le point de partir. J'ai l'honneur d'être, monsieur le comte, votre très-humble et très-obéissant serviteur

Swietezky.

4.

Ce 21 mars.

Comme enfin on permet aux postes de partir pour l'étranger, je m'empresse, monsieur le comte, de vous communiquer les détails et les suites de l'horrible catastrophe du 16. Sa majesté le roi de Suède étoit à peine entré dans la salle de l'opéra que la main traîtresse d'un scélérat lui lâcha à bout portant un coup de pistolet dans les reins un peu au-dessus de la hanche gauche. Comme dans le même moment on entendit à l'autre bout du parterre crier au feu, une grande foule des masques se sauva par la porte, et l'assassin étoit du nombre; il laissa choir en se retirant le malheureux instrument de son crime—un pistolet chargé et un poignard. Le roi blessé et appuyé sur m-r d'Essen se retira dans ses appartemens au haut de la salle. On visita les masques ils mesure qu'ils en sortoient, et ce fut après, qu'on trouva les armes meurtrières. On mit à la hâte à sa majesté le premier appareil, et l'on vit à cette occasion déployer à ce prince infortuné un courage et une tranquillité sans exemple. Il s'entretenoit après, avec le même calme, avec plusieurs membres du corps diplomatique et donnoit les ordres nécessaires dans ces sortes d'occasions à m-rs de Wachtmeister et d'Armfeld. A quatre heures du matin il se fit porter au château; à 9 heures on

ôta le premier appareil, et l'on fit une incision à la playe, qui cependant ne servit qu'à en tirer la tête d'un clou. L'assassin fut saisi peu de tems après; il fut trahi par le poignard laissé, que l'armurier reconnut; déposa que le pistolet dont il s'étoit servi, avoit été chargé de deux balles, de douze dragées et de sept têtes de clous. Il avoua son crime d'abord en disant de l'avoir commis, pour rendre un service signalé à sa patrie, excuse commune de tous les régicides. Le malheureux est un gentilhomme, nommé Ankarström, autrefois lieutenant aux gardes, marié, ayant cinq enfants et une fortune aisée. Peu de tems après on arrêta le jeune comte de Horn, le comte de Ribbing et le baron Kurk, tous de jeunes gens, et hier on mit en prison le négociant Biorkmann, un conseiller de ville nommé Ahlgren, et le sindic Hornstadt.

On ne sait pas sur quels indices le gouvernement a fait effectuer ces arrestations, les dépositions d'Ankarström étant tenues très-cachées; et l'on ne sait pas non plus au juste, par la même raison, si l'attentat commis tient à quelque conspiration ou plan de révolution dont les récits courent la ville, et qu'on prétend s'étendre jusque dans les provinces. Ce qu'il y a de bien sûr, c'est que la régence nommée tout de suite et composée du duc de Sudermanie et de mes-rs de Wachtmeister, Armfeld, Taube et Oxenstierna, a pris incessamment des mesures qui annoncent une pareille appréhension. On a arrêté les postes, on a fermé les portes de la ville, on s'est assuré de la fidélité d'une partie de la garnison qu'on suspectoit un peu. On a armé de nouveau la bourgeoisie, on a fait entrer du militaire des environs, redoublé les patrouilles, fortifié avec des canons les avenues du château, distribué des pompes à

feu, promis de grandes récompenses aux dénonciateurs véridiques, et l'on a enfin envoyé des ordres nécessaires pour maintenir la tranquillité dans le plat pays. Là aussi on a ordonné, à ce qu'on dit, des arrestations, ayant trouvé dans des lettres, qui devoient partir par la poste quelques heures avant la catastrophe, des avis de ce qu'on alloit faire, adressés à des personnes de marque. Bref, le gouvernement ne néglige rien pour arrêter les progrès possibles de cet abominable projet.

Peu d'heures avant que de se rendre au bal, sa majesté reçut une lettre anonyme qui l'avertissait du danger que couroient ses jours; mais ce prince par une inconcevable sécurité méprisa cet avis. On en decouvert l'auteur. C'est m-r Lilichorn, lieutenant-colonel aux gardes, mais on ne sait rien encore de positif de ses dépositions.

Déjà le lendemain de ce triste événement on remarquoit une effervescence parmi le peuple, qui se permettoit de dire des horreurs de la noblesse, collectivement, et bientôt elle éclata. La canaille assiégea l'hôtel de Horn, où le père infortuné du jeune homme se tenoit enfermé; on cassa les vitres, et l'on menaça de raser la maison. Le roi, pour sauver ce vieillard, se vit obligé de lui envoyer sa voiture et de le faire loger au château. La police, pour arrêter ce torrent, qu'on ne peut pas toujours faire rentrer dans son lit, quand une fois il est débordé, publia, bientôt après, une ordonnance portant défense au peuple de s'attrouper, de maltraiter ceux qu'on pourroit arrêter encore, et d'attendre avec patience la punition des coupables, prononcée par les loix. A l'heure qu'il est tout est assez tranquille, et l'on n'entend pas de nouvelles arrestations. S. m. le roi continue à déployer du fond de son lit

cette activité et ce courage, qui ont toujours caractérisé ce prince, malgré les douleurs aigües dont il est tourmenté, et l'incertitude de son sort. Il a fait appeler m-r de Fersen, le maréchal, et le comte de Brahe, les embrassa tendrement, et leur dit en pleurant que cet accident étoit heureux pour lui, parce qu'il lui fait connoître ses vrais amis. Les médecins et les chirurgiens assurent qu'aucune partie noble n'a été atteinte. Ils sont très-contents de l'espèce du pus, qui sort de la blessure; mais ils n'osent pas encore prononcer definitivement, toute la charge étant encore dans le bas-ventre, et les muscles empêchant de l'approcher. En attendant la playe coule. S. m. peut prendre un peu de nourriture, et jouit de tems en tems d'un sommeil tranquille. On n'a pas jugé à propos de l'informer de la mort subite de l'empereur *), dont l'avis fatal nous est parvenu hier. Toutes les églises sont remplies de monde, qui redemandent à Dieu la vie et la conservation de ce prince. On attend avec inquiétude des nouvelles des provinces.

5.

Ce 22 mars.

Le roi a beaucoup souffert cette nuit, mais au reste, dit on, les apparences sont bonnes. On est enfin parvenu, et par un simple hasard, au dernier chaînon de la trop vaste conspiration. C'est un baron de Bielke. Hier matin, en arrêtant Ahlgren, on le trouva tête à tête avec ce gentilhomme, ce qui fit naître des soupçons, et l'on cru devoir s'assurer de sa personne. En entendant, ce matin, le bruit des gens qui venoient le saisir, Bielke avala une forte dose de poison, et se fit conduire dans cet état devant la cour suprême de

*) Германскій императоръ Леопольдъ II и умеръ внезапно 1-го Марта (в. ст.) этого года. Н. Б.

justice. „Il est inutile" dit-il, d'abord en entrant, „de dissimuler davantage. C'est moi qui suis l'auteur, le moteur, et le chef de cette conspiration. J'ai voulu vous éviter la peine de me juger, et je viens de m'empoisonner. Ma mort doit vous tranquilliser. Il n'y aura plus de révolution, mais ne m'en demandez pas davantage; car je suis resolu à ne rien dire." Les juges ont été étonnés du calme et du sang-froid avec lequel il prononça ces mots. On a voulu lui donner des contrepoisons, qu'il refuse. Le prêtre le menaçoit de lui refuser l'absolution; il a mieux aimé de s'en passer, que de revéler son secret; il expira quelques heures après. Bielke est un homme de plus de 50 ans, connu par sa tête, sa vaste capacité, son énergie, et son patriotisme. Depuis 25 ans, il menoit, en refusant tout emploi, une vie retirée à la campagne. Il parcissoit seulement aux diètes, et se rendit fameux par son éloquence, ses vues, son désintéressement; il a joué un rôle à la dernière, et c'étoit de lui, qu'on s'est servi pour porter aux membres de son ordre des propositions conciliatoires: tel étoit son ascendant dans la maison des nobles. Bielke laisse quelques filles, et est le dernier de cette famille célèbre dans les annales de la Suède, et qui a donné des rois à ce royaume. Vous ne sauriez croire, monsieur le comte, avec quel degré de persuasion on se permet ici de soupçonner un certain club de deux grands événements en Europe, qui viennent de se suivre de près, et il est difficile de décider à quel point on puisse avoir raison; sûr est-il, que la détestable doctrine, que les membres de ce club n'ont pas rougi en différentes occasion de prêcher, autorisent presque les âmes sensibles et aimant l'ordre, à se livrer à de pareils soupçons. Cependant on ne voit jusqu'ici aucun indice positif d'une telle influence, et

la justice exige qu'on attende avant que de prononcer des éclaircissemens ultérieurs, que peut-être, le tems amènera. Je dois vous avertir, mons. le comte, que le Bielke en question n'est pas le sénateur comte de Bielke, que vous avez vu ici, qui n'est pas descendant des anciens Bielke, et qui n'a jamais été en relation avec celui qui vient de finir sa carrière.

6.

23 mars.

. On a sondé ce matin la playe du roi aussi profondément que possible, mais sans pouvoir parvenir à toucher les corps étrangers qui y sont. Le roi souffre beaucoup depuis, la fièvre diminue, de même que la tumeur, qu'hier on disoit de bon augure. On vient d'arrêter le vieux Pechlin, et de mettre la sentinelle aux portes de deux autres gentilhommes, nommés Palpizky et Wallenstierna.

Je ne vous dirai rien, mons. le comte, de la consternation et l'inquiétude qu'on remarque sur toutes les physionomies. Rien de plus tragique que l'antichambre du roi: on y voit à toute heure nombre de monde de toute classe, de tout âge, de tout sexe, et de tout parti, empressé d'écrire leur nomes; force de visages, qu'on n'y voyoit jamais auparavant, même ceux, auxquels la cour a été défendue, s'y trouvent regulièrement. Plusieurs personnes établies à la campagne accourent à Stockholm pour se mettre à l'abri de tout événement. Toutes vos connoissances ici m'ont chargé de vous marquer leur satisfaction, Mons. et madame de St.-Priest sont très-forts du nombre. Jugez, de grâce, de leur affliction; la mort subite de notre maître et l'accident terrible du 16 semblent avoir atterré toutes

leurs espérances. Enfin, nous sommes tous plongés dans la tristesse, et méritons d'être plaints de vous, monsieur le comte. Je finis ici, en me reservant de remplir l'autre page de cette feuille en cas, qu'avant le départ de la poste, il y aura quelque nouvelle scène.

Swietezky.

7.

Ce 29 mars 1792.

Je profite d'un courrier qu'envoye le ministre de Dannemarc à sa cour, pour vous faire part, monsieur le comte, du trop triste événement de ce matin. Le roi de Suède Gustave III n'est plus. C'etoit à onze heures que ce prince infortuné a fini sa carrière. Il étoit à peine mort, que le duc de Sudermanie, sorti de la chambre à coucher du roi défunt, publia dans la chambre à manger la succession au trône de son fils Gustave Adolphe, et lui fit prêter le serment de fidélité par tous les Suédois qui s'y trouvèrent. Quoique l'acte de sûreté faisoit pour ainsi dire la base de ce serment, et qu'elle y fut expressement nommée et lue dans toute sa teneur, personne de l'ordre equestre n'a osé s'y refuser. Messieurs de Brahe et de Geer étoient du nombre. Tous les officiers de la garnison furent mandés sur-le-champ, et prêtèrent ce serment ainsi que tous les employés dans les différents dicastères. Les mêmes ordres ont été envoyés dans les provinces, et nous savons déjà que dans les villes les proches de la capitale ils ont été exécutés de la meilleure grâce du monde.

C'est donc ainsi, que cette fameuse acte de sûreté tant de fois rejetée par la noblesse qui, à Gelfe encore, vouloit se laisser plutôt hacher en pièces que d'en souffrir l'insertion dans le recès de la diète, est enfin parvenue à être adoptée par les quatre ordres comme une loi fondamentale de ce royaume. C'est ainsi que Gustave III a sçu jusqu'au dernier moment de sa vie travailler à l'affermissement de sa constitution et à l'augmentation de son pouvoir, et profiter même de son assassinat, de sa mort, pour régner du fond de sa tombe sur une classe de ses sujets, qui paroissoient ne pas aimer sa domination, et qui tâchoient de diminuer son autorité. Il y a cependant lieu à croire, que cette adhésion inattendue des nobles à l'acte de sûreté étoit le seul parti qui leur restoit à prendre dans les circonstances présentes; car cela seul peut soustraire cet ordre à la persécution de trois autres, aigris on ne peut pas plus par l'accident du 16. On a ouvert le testament de Gustave III. Il met son jeune successeur sous la tutelle du prince Charles seul, fixe sa majorité à l'âge de 18 ans et défend de convoquer les états avant cette époque. On raconte les particularités suivantes des derniers momens de ce prince. A 9 heures, il avait encore signé différentes ordonnances, nommé le baron d'Armfeld grand gouverneur de la ville de Stockholm, et dit à ce favori chéri en lui serrant la main: „Soyez fidèle à mon fils comme vous l'avez toujours été à moi". Son confesseur l'evèque Wallquist s'approchant de son chevet, ce prince lui dit: „Je ne crois pas avoir de grandes mérites devant Dieu, mais je sais que je n'ai jamais de mal de propos délibéré", et ses dernières paroles étoit: „Paix, paix, messieurs, je vais m'endormir". Il se tourna, et en s'ad-

dressant à monsieur de Borgenstierna qui soutenoit l'oreiller, il lui dit: „Adieu“, ferma les yeux, et expira.

Ainsi mourut Gustave III, prince, qui assurément avait de grandes qualités, et dont la fin tragique efface certainement dans le souvenir de ses sujets les foiblesses dont on l'accusoit, et qu'il pouvoit avoir eues, étant homme fragile comme tout autre.

J'ai l'honneur d'être etc.

J'ai oublié de dire que monsieur de Taube a été nommé par le feu roi ministre des affaires étrangères.

8.

Stockholm, 13 avril 1792.

Au reste, nous sommes ici plus heureux que nous n'osions espérer il y a trois semaines. Tout est tranquille, et dans la capitale et dans les provinces, grâce à l'humeur pacifique de cette nation, et à la sagesse du gouvernement. Après avoir pris toutes les précautions pour faire avorter les plans possibles des conjurés, nous le voyons occupé à retablir la confiance, en dirigeant par des édits modérés l'opinion publique sur le régicide, sur des auteurs, sur leur nombre et sur leurs projets. Moyennant ce langage tenu à propos, la justice du nouveau régent a su distinguer les innocents des coupables, et soustraire pour ainsi dire à la rage du peuple et à la persécution des trois ordres inférieurs, le premier ordre du royaume, innocemment compromis par le crime de quelques jeunes fous. En sauvant ainsi la noblesse, le gouvernement a en même tems pourvu à sa propre tranquillité, qui auroit pu courir quelque risque, si l'on avait continué à ameuter la canaille, cette bête n'aimant pas à rentrer dans

les chaines, quand une fois elle a goûté la douceur de la licence et du débordement. Le debut du nouveau règne se distingue aussi par des réformes utiles faites et à faire, et par une conduite ferme, noble et juste. Aussi voit-on dès à present disparoître ce qu'on apelloit parti d'opposition, et tout le monde se promet un avenir assez heureux. S'il est vrai, que la guerre n'est pas faite pour le procurer, la Suède en jouira; car le gouvernement vient d'ordonner à ses ministres en cours étrangères de déclarer discoursivement, que la Suède est bien résolue de vivre en paix avec tout le monde. Le jeune Bouillé est parti pour Berlin, et d'Escart se prépare pour son voyage de Pétersbourg. M-r et mad-e de St.-Priest nous restent. Ils sont bien à plaindre voyant leurs biens confisqués et ne pouvant rien faire pour les revendiquer. J'admire beaucoup le courage avec lequel ils savent supporter leur infortune.

Je vous ai déjà mandé, mons-r le comte, qu'Ankarström, Ribbing, Horn et Liliehorn ont tout avoué; plusieurs personnes se trouvant chargées par leurs dépositions, on les a arrêtées, et mons-r d'Engeström, conseiller de la chancellerie, et son frère le sécretaire du roi, sont du nombre. Le premier doit avoir projeté la nouvelle forme du gouvernement, qu'on auroit introduit, si la révolution n'avait pas manqué. Ç'auroit été à peu près la constitution de 1720. Liliehorn, auteur de la fameuse lettre anonyme, dont je vous ci-joins la copie, s'est laissé séduire par la perspective de jouer ici le rôle de Lafayette. On dit que le plan étoit de le mettre à la tête du régiment des gardes, dont il étoit lieutenant-colonel et généralement aimé, et de le faire agir, sous prétexte de venger la mort du roi. Horn, entousiaste patriotique, s'est jeté dans le comp-

lot sans aucun intérêt particulier de même que Ribbing, quoiqu'on soupçonne celui-ci d'avoir voulu se venger personnellement, et l'on raconte ses projets de mariage avec mad-lle de Geer, dérangés par le feu roi. Il n'a donné jusqu'ici aucune marque de repentir, et s'amusant dans sa prison à dessiner, il a fait le tableau de son dernier supplice qu'il ne perd jamais de vue. Le général Pechlin persiste à tout nier; le vieux Horn et le négociant Biorkman viennent d'être relachés, ainsi que les deux Stael, et plusieurs autres personnes. Mons. de Hael, ambassadeur à Paris, est ici depuis quelques jours. Nous allons enterrer ce soir Gustave III à l'église de Kidderholm.

Lettre anonyme de Lilichorn.

Il est étonnant que cette lettre n'ait pas pu détourner le roi de son dessein d'aller au bal masqué. En y entrant ce prince dit à m-r d'Essen, qui a lu la lettre, et qui l'avoit conjuré de ne pas s'y rendre: „Ceci n'a pas l'air d'une conspiration". Mais il avoit à peine gagné la seconde coulisse à gauche qu'il a vu et senti son erreur, car c'est là que le comte Ribbing masqué en domino s'approcha de lui, et tandis qu'Ankarström par derrière arrangeoit ses armes meurtrieures et appuyoit même le bout de son pistolet sur les reins de sa victime, il le frappa sur l'épaule avec un: „comment vous va, beau masque?" Et dans le même moment le coup partit. Le roi porta la main sur le front. „Je suis blessé", dit-il, „faites-moi sortir d'ici et arrêtez le". Ce qu'il y a de plus singulier, c'est que ce prince avait toujours une aversion pour un habit rouge; effectivement Ribbing en portoit ici et à Gelfe, et on dit, que Gustave a bien souvent fait sentir que Ribbing le tueroit. Il craignoit depuis longtems le mois de mars. Il en a

parlé souvent comme d'une prophétie qu'il avoit tirée d'une vieille sibylle suédoise nommée Arvedson. C'est en partie par cette raison, à ce qu'on dit, qu'il a fini sitôt la dernière diète, et lorsque peu de tems après la scène les ministres étrangers vinrent lui parler, „vous voyez“ dit-il au c-te de Stackelberg, „le mois de mars“. Il est sûr qu'il est difficile de citer un plus grand concours de hazards capables d'accréditer ces sortes de superstition.

Le corps du roi ne sera pas inhumé aujourd'hui comme j'ai dit dans ma lettre; il sera déposé seulement en attendant l'enterrement en règle. On est parvenu à en tirer toute la charge telle qu'Ankarström l'avoit indiquée. Les boyaux quoiqu'intactes étoient gangrenés de la contusion; l'os qui tient au vertèbre étoit brisé, et l'on ne conçoit pas, comment ce prince a pu vivre si longtems.

9.

Je profite d'un courrier, que réexpédie monsieur de Reventlaw pour vous faire parvenir plusieurs informations relatives à l'état des choses d'ici, que je n'avois pas osé confier à notre poste, d'autant moins, que dans la bagarre où nous nous trouvons, elle croit pouvoir se tout permettre vis à vis du public, qui, comme vous savez, est très peu respecté dans ce pays. Elle paroît avoir déjà exercé ce despotisme pendant la dernière diète, car je vois par les lettres de Bozenhard, et par votre dernière, monsieur le comte, que plusieurs des feuilles par lesquelles j'ai voulu, quoique superficiellement, vous informer de ses opérations, ont été égarées. Sans cette licence politique, vous connoitriez, à l'heure qu'il est, assez bien l'histoire de cette fameuse assemblée nationale si pompeusement écrite par quelques

gazettiers soudoyés ou mal instruits, mais qui dans le fond se reduit à fort peu de choses. Je vais vous causer l'ennui d'en récapituler ici avec brièveté les principaux événemens, et vous verrez que les complimens dictés et extorqués à part, Gustave III, malgré son art de mener les assemblées, et nonobstant la complaisance des personnes dont il a su composer la sienne, a eu plus de refus qu'il n'avoit supposés. D'abord il vouloit, que les états se chargeassent de la garantie de 12 millions et demi de viksdalers, dépensés pendant la dernière campagne, en billets de commissariat. Il a fallu qu'il se chargeat lui-même du tiers de cette somme avant que le commité secret voulut plaider sa cause pour le reste près de ses commettans. La seconde proposition, et qui paroît avoir été la principale, a été encore plus mal reçue. Le roi souhaitoit que moyennant une somme de 10 millions à lever tout de suite sur le pays, ou bien à emprunter dans l'étranger, on le mit en état de retablir la grande flotte pour être à même de défendre le royaume, et de satisfaire, en tout cas, aux engagemens contractés avec sa nouvelle alliée. Il eut un refus parfait, et l'on se contenta de lui donner une lettre de crédit d'un million, pour s'en servir dans le cas d'un besoin pressant, ce qui a été d'usage depuis plusieurs diètes. La continution des contributions extraordinaires, *bewilning*, qu'on peut évaluer à 70 tonneaux d'or par an, lui a été, à la vérité, accordée sans difficulté, et même avec l'avantage, que le 5-me en seroit acquitté en billets de banque (complaisance à laquelle les états ayant garanti la dette ne pouvoient pas se refuser sans injustice); mais par contre, ils ont décliné deux autres propositions: celle d'ordonner à la banque de verser

dans le *riksgald's comptoir*, six cent mille riksdalers par an, à 2% d'intérêt; et celle de lever incessamment sur le pays une contribution de 21 tonnes d'or, qui seroient destinées à fournir aux frais du mariage du prince royale, si le roi jugeoit à propos de le conclure avant la convocation d'une nouvelle diète. On a accordé ce dernier point d'assez bonne grâce, mais on s'est reservé de ne l'exécuter que dès le lendemain de la nôce. Ce en quoi Gustave a réussi du moins auprès des trois ordres inférieurs consiste en ce que ceux-ci ont approuvé une nouvelle loi, imaginée par ce prince, et qui porte: Qu'un particulier, qui a prêté, il y a trois ou quatre ans, à un autre particulier un capital en billets de banque, s'il s'avise de le redemander, doit se contenter, que son debiteur le paie en billets de riksgald, avec 6% d'intérêt. Vous ne sauriez croire, monsieur le comte, combien on se plaint ici de cette ordonnance, et combien on la trouve injuste et propre à miner les fortunes, et à nourrir la haine et la division. On avoit espéré que le roi, vu la sensation qu'elle faisoit à Gelfe, ne la publieroit pas; mais elle parût trois jours après l'assassinat, quoiqu'on avoit dit, que ce prince avoit hésité encore dans la matinée même de ce funeste jour. Je reviens à la diète. Vous savez que la trop fameuse acte de sûreté n'avoit pas été insérée dans le recès de la diète de 1789, qui l'avoit enfantée. Elle devoit donc recevoir cette sanction à celle de Gelfe; toutes les mesures étoient prises pour cela. Le roi se fit prier par une députation des trois ordres de ne pas oublier de mentionner cette loi bienfaisante dans le testament des états qu'il alloit écrire, et ce prince étoit sur le point d'exaucer cette prière, lorqu'il apprit par monsieur de Ruth, que dans

ce cas-là il ne pouvoit plus répondre des jours de s. m., l'ordre équestre ne respirant à cet egard que la rage et le désespoir. Une telle disposition à la maison des nobles, un certain esprit, qui avoit gagné les clubbs des paysans depuis l'arrivée de monsieur de Bouillé, et enfin la peur du mois de mars, avoit accéléré la clôture de la diète et le retour du roi dans sa capitale, où cependant il n'a pas échappé à sa destinée malheureuse.

Vous connoissez, monsieurs le comte, avec assez d'exactitude les détails de l'affreuse catastrophe qui a arrêté ce prince infortuné dans sa carrière bruyante. Il paroît qu'il a été sur le point de la rendre plus bruyante encore; car le régent son frère vient de contremander tous les ordres, qui étoient dejà donnés au militaire et à la marine et de faire déclarer à monsieur de Stachelberg, que la Suède, vu sa situation présente, se voyoit absolument hors du cas de prendre une part active aux affaires de la France, quels que puissent être les plans concertés sous le règne passé entre les deux cours. Cet aveu d'impuissance, sans humilier le nouveau règne, est certainement une preuve de sa sagesse, et salutaire, on ne peut pas plus, à ce pauvre pays qui a assez de malheurs domestiques à réparer, pour n'avoir pas besoin de s'occuper de ceux des autres royaumes, quelque louable et quelqu'utile au genre humain qu'auroit été, au reste, le dessein du feu roi de contribuer à faire cesser le scandale français. Un autre signe de bon augure est ce qu'on dit ici de 100 tonnes d'or appartenantes au roi défunt, qu'on a trouvées entre les mains de monsieur D'Uglas, et que le duc se propose, à ce qu'on dit, de verser dans la caisse d'amortissement des états, ainsi que d'autres sommes

placées, par ci par là, dans l'étranger. L'abolition du thâatre français et d'autres réformes sont aussi très, goûtées par le public raisonnable. Mais ce même public ne paroît pas approuver la rigueur, avec laquelle on a repris, depuis quelques jours, les interrogatoires des gens impliqués dans le régicide, et des personnes simplement suspectes. Il l'est encore moins de la manière illégale, dont se font toutes ces perquisitions par un tribunal incompétent, et qui ne paroît pas trop consulter le côde. On arrête tous les jours des innocents sur des simples dénonciations des délateurs attirés par la recompense d'une forte somme, et après les avoir maltraités, diffamés, après avoir plongé leurs familles et leurs connoisçances dans la frayeur et dans la tristesse, et après avoir motivé de fausses couches, des apoplexies, des maladies et des saignées, on les relâche, sans la moindre excuse, et sans punir les faux délateurs et les faux témoins. Les gens, amis de la tranquillité s'étoient flattés de voir finir toutes ces horreurs, comme il y avoit un moment d'apparence. Onn croyoit que le gouvernement se contenteroit de punir les plus coupables, et qu'il jetteroit plutôt un voile sur le reste, que de chercher des vérités redoutables, qu'il vaut mieux ignorer que de savoir; mais on s'est trompé là-dessus. La police est plus en mouvement que jamais; tout le monde craint de tomber entre ses griffs. On ne voit que la consternation sur les visages, et Dieu sait où cela va finir. Pechlin, que les criminels nomment leur chef, à ce qu'on nous dit. mais qui jusqu'ici a tout nié, a été mis ces jours-ci à la torture abolie par Gustave III même. Ankarström aura la main et la tête coupée, mais auparavant il sera fouetté publiquement à plusieurs reprises-prélude, dont la loi

ne dit pas le mot. Les autres attendent encore leurs sentences. On prévoit aisément qu'elle ne sera pas douce. La noblesse qui apparémment croyoit de mériter la protection du gouvernement en prêtant serment sur l'acte de sûreté, se voit méprisée, persecutée, insultée. La canaille triomphe, et il me paroît de voir de loin la tête hideuse de la democratie la plus effrénée, qui se lève pour établir sa domination d'abord sur cet ordre infortuné, et puis sur le gouvernement. Il est inconcevable que l'exemple de la France ne frappe pas ceux, qui, par des raisons momentanées, s'avisent de remuer et d'armer une classe d'êtres, qui ne peuvent jamais trop ignorer leur pouvoir. Pour comble des malheurs, voilà le comte de Munk disgracié, arrêté chez lui, et dépouillé de tous ses ordres et de tous ses emplois, furieux, faisant le méchant, et disant des choses qui ne peuvent pas être redites impunément.

Je vous raconterai l'histoire de ce gentilhomme, telle comme la compte ici. Il a acheté une grande terre en Finlande nommée Jockis; pour la payer il avoit envoyé un Juif à Abo, chargé de la somme en billets de commissariat, connus sous le nom de *Jahnhjelmar*. On les trouva tous faux: ils étoient si neufs, que par l'encre ils tenoient encore les uns aux autres. On arreta le jiuf, et l'on denonça la chose au gouverneur de la Finlande, m-r de Klingspore, qui alors se trouvoit ici, commandant de la ville, pendant que le roi étoit à Gelfe. Klingspore en parla à Munk, que le Juif avoit nommé comme celui à qui appartenoient les billets faux. Munk ne nia pas de les avoir donnés au Juif; mais il ajouta, qu'il les a reçus en payement d'une dette de la part d'un homme, qu'il ne pourroit jamais nommer, dût-il être haché en pièces. On parla

beaucoup de cette affaire pendant quelques jours; mais la diète de Gefle, et puis l'assassinat du roi, sa mort, son enterrement, enfin des affaires d'un intérêt majeur, nous l'avoient fait perdre de vue et oublier. Elle vient de reparoître et avec des détailes, qui ne peuvent absolument pas être confiés au papier. Le comte de Munk, accusé d'avoir enfin nommé son homme, a été obligé de se retracter en présence du régent et de m-rs d'Armfeld et Taube, et condamné à payer les 60 milles riksdalers, nécessaires pour anéantir les billets, qu'il étoit sur le point de mettre en circulation. On dit qu'il va sortir du pays, et d'autres prétendent qu'il n'en aura pas la permission.

Il me reste encore à vous parler, mons. le comte, du fameux testament du feu roi, et de son codicille. Je vais vous le communiquer en extrait, et d'abord je vous dirai que l'un est du 19 mais 1780 et l'autre du 1 juin 1789. Par les deux instrumens le duc Charles a été constitué tuteur du jeune roi, et seul régent pendant sa minorité. Le § 2 du testament porte que toutes les expéditions se feroient au nom du roi, mais qu'elles seroient signées par le régent. Le § 3 enferme la formule du serment du régent; il s'y engage de maintenir la constitution de 1772. et l'acte de sûreté de 1789. Par le § 4 du codicille la majorité du roi est fixée à l'âge de 18 ans, tandis que le testament la remettoit à celui de 21 ans. S. a. r. le duc est prié par l'article 5 du codicille, de marier le nouveau roi à l'âge de 17 ans avec une princesse d'extraction royale. Les 4 et 5 § du testament enjouinent au jeune roi d'assister à tems aux délibérations et aux séances des conseils et des collèges, sans cependant avoir une voix decisive. Le 14 § du même testament exhorte le

régent de ne convoquer les états que dans les cas de la plus grande nécessité, et lui recommande de ne pas permettre qu'on empiète sur les jura majestatis, et de ne jamais consentir à ce qui pourroit mener à une diminution ou à un partage du pouvoir royal. „Et nous nous reservons“ continue sa m., „de la manière „la plus forte, et en notre qualité d'avocat naturel de „notre fils, que tout ce qui pourra déranger, diminuer „et partager ses droits légitimement hérités doit être „regardé comme non-avenu, et le roi mineur pourra „et devra le reprendre de toute manière, aussitôt qu'il „sera parvenu au trône. Il doit en attendant ne pas „cesser de réclamer cette notre protestation, comme „nous la réclamons dès à présent aux yeux du Tout-„Puissant et de tous les habitans de la Suède“. Mais le codicille porte défense expresse au régent de convoquer les états pendant la minorité du roi, „parce que“, écrit „sa majesté, „dans les circonstances présentes du ro-„yaume, ou par l'ambition de quelques grands, et par „les intrigues secrètes de nos ennemis, l'esprit de dés-„union a été reproduit, la convocation des états pour-„roit ammener les suites les plus dangereuses pour „l'indépendance du royaume, pour l'autorité royale et „pour cette balance que nous avons établi entre les „quatre ordres, et pourroit donner une occasion favo-„rable à l'ambition aristocratique de reparoître aux „dépenses du citoyen“. Le douaire de la reine est fixée dans le testament à la somme annuelle de 66666 riksdalers et 32 schelins.

Je suis persuadé, qu'étant si bien instruit de la situation de ce pays et n'ayant pas de peine de prevoir son sort à venir, vous ne pourrez pas vous empêcher de plaindre ceux de vos amis, qui ont eu pour leur

partage la nécessité d'y vivre. Vous plaindrez surtout ceux, à qui un long sejour a fait former des liaisons, et qui ne peuvent pas voir avec l'indifférence d'un simple spectateur les événemens funestes et lugubres qui se passent et qui vont se passer ici. Nous savez ce que c'est que de vivre à Stockholm. Cependant nous sommes parvenus à regretter les tems que vous avez vus, et qui certainement n'étoient pas agréables à aucun égard. Je ne veux pas anticiper sur votre imagination; elle vous peindra, aidée de votre coeur sensible, la misère, la tristesse, le désespoir qui nous entourent, et auxquels avec un peu d'humanité on ne peut pas s'empêcher de prendre part, surtout si l'on a été assez à portée, pour voir les vraies causes des calamités, qui affligent ce pauvre pays et la saine partie de ses habitans.

ОПРАВДАТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА БАРОНА ИГЕЛЬТРОМА.

(1794).

Объясненіе положенія генералъ-аншефа барона Игельштрома въ Варшавѣ и случившихся при бывшей тамъ революціи несчастныхъ приключеній и погрѣшностей со стороны подчиненнаго ему войска.

Положеніе генералъ-аншефа барона Игельштрома въ Варшавѣ было столь критично, что чего бы онъ ни предпринялъ ежели неудачливо кончилъ бы оное, всегдабы подвергнуться могъ осужденію и нареканію. Что онъ совершенно предувѣренъ былъ въ томъ, что въ Варшавѣ воспослѣдуетъ революція, то свѣдомо кабинету Ея Императорскаго Величества изъ многихъ сво донесеній; но поелику самъ король Польской, и съ нимъ почти всѣ изъ первѣйшихъ въ государствѣ особъ имѣли участіе въ семъ злонамѣреніи, онъ не былъ и никогда не могъ быть въ состояніи знать день открытія революціи, и кто въ оной будетъ первыми дѣйствующими лицами. Къ сохраненію же сего въ тайнѣ наиболѣе способствовало, что полиція Варшавская и находившіяся тамъ воинскія команды состояли въ заговорѣ. Вѣдавъ однако неминуемое событіе возмущенія, онъ не оставилъ благовременно обмыслить и опредѣлить предположенія, способомъ

коихъ бы удержать спокойствіе. Судилъ онъ тогда, да и теперь по миновании же всего несчастнаго приключенія, утверждается въ мнѣніи, что предлежали ему три предохранительныя средства, изъ коихъ слѣдовало одно избрать. Были они:

Первое. Чтобъ овладѣть арсеналомъ, обезоружить Польскія войска, въ Варшавѣ бывшія, и раззорить ретраншементъ, состоящій округъ пороховаго погреба, долженствующаго быть при томъ на воздухъ взорваннымъ. Дабы все сіе удачливо совершить, нужно было съ одно время предпринять пять атакъ, а сверхъ того занять войсками всѣ главныя улицы въ Варшавѣ, для возбраненія черни стекаться и составлять многочисленныя толпы. Также слѣдовало бы увѣриться въ королевской особѣ, подъ предлогомъ охраненія ея; ибо достовѣрно извѣстно было, что его величество есть скрытный устроитель всего зла. Не было возможности собрать столько войска, дабы на все то покушаться. Ко взятью арсенала нужно было бы употребить не менѣе двухъ баталіоновъ; для пороховаго погреба одинъ; противу коронной гвардіи имѣвшей, по показаніямъ гетмана Ожаровскаго, подъ ружьемъ двѣ тысячи человѣкъ—три баталіона; къ атакѣ артилерійскихъ казармъ, вмѣщавшихъ въ себѣ до шести сотъ человѣкъ—два баталіона; противу полка. Джалинскаго состоявшаго въ тысячѣ пяти стахъ человѣкахъ—три баталіона; по разнымъ мѣстамъ города—шесть предъ королевскимъ замкомъ—два. Всего для предпріятія сего потребно было бы девятнадцать баталіоновъ. Ихъ скопить не было средства. Конницы и артилеріи имѣлось достаточное число. Положимъ, что обстоятельства позволили бы приступить къ сему мѣропріятію и совершить оное счастливо: тогда король, всѣ чужестранные министры и всѣ вообще Варшавскіе обыватели обвиняли бы барона Игельштрома предъ высочайшимъ престоломъ Ея Импера-

торскаго Величества въ томъ, что онъ употребилъ насиліе безъ малѣйшей надобности, удостовѣряя при томъ, что всѣ Варшавскіе жители были совершенно спокойны и одни лишь пустыя разглашенія дѣлали ихъ подозрительными. Сіи отзывы и безъ того уже ежедневно были преподаваемы отъ короля, министровъ Польскихъ и полиціи Варшавской. И такъ бы и при счастливомъ дѣла окончаніи остался бы баронъ Игельштромъ виновнымъ.

Второе. Вывести изъ Варшавы всѣ наши войска и расположить ихъ лагеремъ близъ города. Намѣреніе было сіе сдѣлать, однако не прежде какъ въ то время, когда изъ подначальства Костюшки приближится къ Варшавѣ часть па мятежъ уклонившагося Польскаго войска; ибо полагали и предвидѣли мы себя довольно сильными сохранить внутри Варшавы порядокъ и тишину тогда, когда подступятъ къ оной мятежники. А чтобъ прежде того вывести наши войски, суждено было не только неумѣстнымъ, но и опаснымъ и вреднымъ, бывъ несомнѣнно предувѣренъ, что лишь только выступятъ наши войска въ тотъ же часъ революція въ Варшавѣ воспріиметъ начало; поелику всѣ непремѣннаго совѣта и другихъ разныхъ судебныхъ мѣстъ члены, къ намъ приверженные, разъѣхались бы, правленіе всякое разрушилось бы, и злонамѣренные, одержавъ поверхность и учинясь властителями, начали бъ безвозбранно основывать и утверждать пагубную систему свою, чему изъ лагеря нельзя бы было воспротивиться, и тогда баронъ Игельштромъ былъ бы укоряемъ, что чрезъ выводъ нашихъ войскъ далъ Варшавскимъ жителямъ свободу возмутиться.

Третье. Оставить наши войска внутри Варшавы и ими, доколѣ возможность позволитъ и не подойдутъ мятежныя

Польскія войска, возбранить жителямъ имѣть удачу въ начинаніи революціи.

Придержался баронъ Игельштромъ послѣдняго сего способа преимущественнѣе прочихъ, имѣвъ во вышеизъясненному въ предметѣ, дабы непремѣнный совѣтъ и прочія коммиссіи разъѣздомъ ихъ членовъ не разстроились, и чтобъ теченіе установленнаго правленія до самой крайности продолжалось. При томъ ожидалъ онъ ежечасно извѣщенія, чтобъ Прускій генералъ-порутчикъ Шверинъ, согласно съ даннымъ обѣщаніемъ и многими сильными увѣреніями, при содѣйствіи нашихъ войскъ, предпринялъ на Костюшку наступленіе и нанесъ ему пораженіе. Могъ бы генералъ-маіоръ Денисовъ и безъ помощи Прускихъ войскъ въ томъ успѣть, имѣя въ командѣ своей достаточно воинскихъ силъ; но не хотѣлъ баронъ Игельштромъ совершеніе сего важнаго предпріятія подвергнуть хотя малому сомнѣнію, и потому предложено отъ него было генералъ-маіору Денисову не вступать въ бой безъ дѣйствія Прускихъ войскъ. А когдабъ случилось, какъ уповали, что Костюшка былъ бы разбитъ, тогда въ Варшавѣ не осмѣлились бы ничего предпринять. При сихъ видахъ генералъ баронъ Игельштромъ, имѣя въ Варшавѣ девять баталіоновъ пѣхотнаго войска, шесть ескадроновъ конницы и тридцать восемь орудій полевой и полковой артиллеріи, а близъ Варшавы въ двухъ баталіонахъ Пруской пѣхоты и осми ескадронахъ конницы полагая до двухъ тысячъ войска (хотя послѣ и обнаружилось, что не болѣе семи сотъ человѣкъ ихъ было), онъ считалъ себя довольно могущественнымъ удержать въ Варшавѣ тишину и порядокъ. Да успѣлъ бы въ томъ безъ сомнѣнія, есть ли бы въ день открытія революціи не случились разныя ошибки и несчастливыя приключенія, разстроившія движенія и дѣйствія подчиненнаго

ему войска. Признать должно несчастливыми приключеніями:

Первымъ, что баталіонъ гренадеръ, при коемъ находился артиллеріи генералъ-маіоръ Тищевъ, вскорѣ по смерти его (при самомъ почти началѣ мятежа отъ пушечнаго ядра ему причинившейся) сдался весь безъ остатка военноплѣннымъ. Вторымъ, что господа генералъ-маіоры Милашевичъ и Фанъ-Сухтеленъ были ранены, а полковникъ князь Гагаринъ убитъ, по случаю чего командуемые ими баталіоны, оставшись о продолженіи боя въ нерѣшимости, отступили за городъ.

Погрѣшности послѣдовали слѣдующія:

Первая. Господа командиры баталіоновъ, при коихъ не находился никто изъ генераловъ, хотя и стали въ свое время по сборнымъ мѣстамъ, а имѣли генеральныя приказанія при случаѣ тревоги атаковать мятежныя толпы на насъ стремящіяся и стараться очищать улицы и проходить къ срединѣ города, гдѣ была квартира главнокомандующаго (а онъ предоставилъ себѣ начальство) не рѣшились безъ подтвердительнаго повелѣнія вступить въ дѣйствіе, а послали лишь нарочныхъ съ рапортами, что они по сборнымъ мѣстамъ стоятъ въ готовности и ожидаютъ повелѣнія что̀ имъ дѣлать. Изъ сихъ посланныхъ ни одинъ не доѣхалъ до кого-либо изъ генераловъ. Не получа отвѣта, неотложный они имѣли долгъ сами собою поступить къ дѣйствіямъ, открыть себѣ дорогу и домогаться соединенія съ главнымъ начальникомъ, что̀ и сдѣлали маіоры Титовъ и Вимпфенъ, безъ всякаго позыва до главнокомандующаго пробившіеся, но протчіе не разсудили выполнить сію обязанность.

Вторая. Въ самое то время, когда полковникъ князь Гагаринъ съ баталіономъ наступалъ на Польскій полкъ Джалинскаго, порывающійся пройти въ средину города, въ тылу сего полка на-

ходился баталіонъ егерей подъ начальствомъ подполковника Клюгена. Сей, слышавъ и видѣвъ ведомую на Польское войско атаку, оставилъ напасть на оное съ тылу, ожидая все повелѣнія о томъ отъ начальства, съ коимъ не былъ въ связи; а наконецъ, когда Поляки на него уже начали наступать, вышелъ за-городъ, имѣвъ не болѣе двухъ егерей раненыхъ. Сей образъ мыслей, чтобъ ничего не предпринимать безъ наставленія начальства, довелъ наконецъ, какъ помянутый егерскій баталіонъ, такъ и еще три баталіона Сибирскаго и одинъ Кіевскаго гренадерскихъ полковъ, четыре эскадрона легкой конницы и двадцать шесть орудій полевой и полковой артиллеріи до того поступка, что они въ самый первый день революціи, по простояніи нѣсколькихъ часовъ неподвижно, вышли за городъ.

Третіе. Двѣ тысячи семь сотъ человѣкъ войска, и при нихъ двадцать шесть пушекъ, по отступленіи въ поле, слышавъ, что послѣ ихъ выхода изъ города еще двадцать четыре часа безпрерывно продолжалась тамъ стрѣльба и зная, что главной ихъ начальникъ съ четырьмя баталіонами находится въ бою (ибо не могло имъ быть закрыто сіе, поелику въ противномъ случаѣ сраженіе въ городѣ прекратилось бы и изъ недосталощихъ четырехъ баталіоновъ кто ни есть присоединился бы къ нимъ же) не только не возвратились всѣ вообще въ городъ, но напослѣдокъ совсѣмъ удалились изъ оного. Прусскія войска, бывъ равномѣрно подъ самымъ городомъ и слышавъ и видѣвъ происходящее тамъ сраженіе, по несчастію также ни разу не покушались занять хотя бы единую внутри Варшавы улицу. А наконецъ, въ постыдное нашихъ войскъ упреканіе, должно признаться, что изъ тѣхъ баталіоновъ, кои при главнокомандующемъ находились, знатное чи-

сло людей бросились на грабежъ ослабили тѣмъ фронтъ и своевольно, наконецъ, сами погибли.

Смѣло увѣрять можно, когда бы не случилось все здѣсь изображенное, спокойствіе и порядокъ въ Варшавѣ безсомнѣнно были бы возстановлены, и мы бы устояли тамъ. Хотя же войскъ нашихъ было бы тамъ и болѣе, но случились бы подобныя же погрѣшности, и дѣло кончилось бы столько же несчастливо.

Когда бы предметъ барона Игельштрома въ Варшавѣ былъ только тотъ, чтобъ сохранить цѣлость войскъ нашихъ, всѣ же прочія заботы и наиболѣе ту, дабы вредная всему свѣту Якобинская система не укоренилась тамъ, могъ бы отложить и не вступать для сего въ сраженіе, онъ бы безпрекословно поступилъ лутче, естлибы съ подчиненными ему войсками выступилъ благовременно. Но его желаніе и стремленіе клонилось къ тому, чтобъ до самой крайности удержаться въ Варшавѣ, и устоять, доколѣ возможность позволитъ въ томъ, дабы порядокъ и тишина не были бы совсѣмъ тамъ опровергнуты.

Показанія сіи основаны на истинѣ; предметъ ихъ отнюдь не тотъ, дабы оправдывать во всякомъ случаѣ предосторожности придерживающагося и многими знаменитыми услугами отечеству отличившагося мужа, но чтобъ публикѣ, его осуждающей, преподать только нѣкоторое познаніе, что онъ болѣе несчастливъ нежели виновенъ, и достоинъ сожалѣнія, вмѣсто поношенія.

Свободныя мысли гражданина пожилаго и отечество свое любящаго.

Вообще жалуются у насъ на форму суда; но сіи жалобы, кажется, несправедливы, и форма суда сама по себѣ хороша и написана съ великимъ размышленіемъ, а дурное употребленіе ея въ частяхъ, по безконечнымъ справкамъ; дурнѣе же и того безразборное вездѣ и на всякіе случаи присвоеніе.

Что, напримѣръ, можетъ быть святѣе порядка, установленнаго въ судѣ для обезпеченія тѣхъ, кои чѣмъ ни есть владѣютъ по наслѣдству или другому какому праву, дошедшему до нихъ извѣстною дорогою? Что же предосудительнѣе и несноснѣе для обиженнаго, какъ присвоивать форму суда тамъ, гдѣ соперникъ похитилъ у меня наглостію и насильствомъ все мое владѣніе или часть онаго?

Весьма часто отнимаютъ у насъ по сосѣдству другъ у друга земли. Къ возвращенію ихъ тому, кто ими владѣлъ, не надобна форма суда, а надобны тутъ: 1) немедленное правительству на срокъ объявленіе о захватѣ; 2) немедленное же отъ правительства освидѣтельствованіе чрезъ понятыхъ, подлинно ли такой захватъ учиненъ; 3) безпосредственно за

тѣмъ отдача прежнему владѣтелю всего у него отнятаго; а напослѣдокъ 4) дѣйствительное и въ законахъ опредѣленное наказаніе обидчику за его самовластный и дерзкій поступокъ, съ предоставленіемъ ему однакожъ свободы искать въ судѣ обыкновенною формою того, на что онъ право имѣть можетъ или думаетъ.

Собственность должна быть неприкосновенна вездѣ и во всякое время. А какъ дѣйствительное владѣніе изъявляетъ право собственности, то и требуетъ уже общее блаженство, чтобы оное не инако могло быть отмѣняемо или уничтожаемо, какъ по точномъ и ясномъ въ судѣ доказательствѣ установленною формою, что владѣтель пользовался чужимъ, а не своимъ добромъ, слѣдовательно же что и право его собственности было не законное, а похищенное.

Впрочемъ не то общество прямо благоденствуетъ, которое имѣетъ мудрые и хорошіе законы, но то, въ которомъ единожды установленные, хотя бы въ сравненіи и гораздо посредственнѣе были, вѣрно, скоро и точно исполняются.

Свидѣтельствуетъ о сей истинѣ неоспоримымъ образомъ республика Польская. Законы ея были сами по себѣ и по словесному своему гласу очень хороши; но какъ не было при нихъ точнаго и строгаго исполненія по причинѣ неустройства въ законодательной власти, то-есть въ самомъ источникѣ государственнаго зданія, то и видѣли мы донынѣ сію, отъ естества всѣми благами щедро одаренную, обширную и отчасти многолюдную землю во всегдашней бѣдности, во всегдашнихъ внутреннихъ волненіяхъ и во всегдашнемъ порабощеніи отъ окрестныхъ державъ, кои напослѣдокъ лучшія ея провинціи между собою раздѣлили, безъ всякаго отъ республики сопротивленія. не потому чтобъ въ духѣ Поля-

ковъ не было мужества и истинной храбрости, но потому что множество рукъ безъ головы ничего не значатъ.

Многіе у насъ называютъ Польшу богатою, потому что нѣкоторые изъ тамошнихъ вельможъ имѣютъ чрезвычайно великіе доходы и что сверхъ того видали они еще въ Варшавѣ знатное денежное обращеніе; но сія мечта скоро изчезнетъ, если посмотрѣть разсудительнымъ окомъ.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ДВАДЦАТЬ ПЯТОЙ КНИГИ

АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

Абазадце 182.
Аблай-салтанъ 295.
Августинъ король Польскій 78.
Августъ принцъ 321.
АвгустъIII-й 430.
Аврамовъ Мих. 149—159.
Ададуровъ 423.
Аксаковъ 139, 142, 143.
Александръ I-й 454.
Алексѣй Михайловичъ царь 7, 340.
Алексѣй Петровичъ царевичъ 11, 12.
Алексѣй Ѳедоровичъ царь 181.
Альгренъ 476, 478.
Альценгеймъ 72.
Амилахоровъ князь 178, 179.
Амурсанань 293.
Андреевъ Михей 386.
Андреевъ Як. 388.
Аннкарстремъ 473—490.
Анна Іоанновна императрица 25, 26, 28, 33, 35, 48, 59, 63, 81—120, 346, 348, 362, 363.
Анна Іоанновна царевна 11, 20, 21, 23, 24.
Анна Леопольдовна 23, 26—29, 31, 33—37, 40, 44—47, 49, 71, 72, 79—120, 415.
Анна Петровна герцогиня Голштинская 49.
Анна Петровна царевна 12, 16, 17, 19.
Антонъ-Ульрихъ принцъ Брауншвейгъ-Вольфенбютельскій-Бевернскій 26, 29, 33—35, 46, 47, 60, 81—120, 123—136.
Апостолъ гетманъ 348.
Апраксина Марѳа Матвѣевна 8.
Апраксинъ графъ Ѳедоръ Матвѣевичъ 8, 78, 126 128, 129, 132.
Арбузовъ Филип. Семен. 385.
Арведеонъ 486.
Арнхельдъ бар. 474—492.
Аргамаковъ 86.
Ашъ баронъ 429.
Аѳанасій митропол. Грузинскій 178—182.

Багаровичъ Грузинскій принцъ Ал—дръ 175.
Бакунинъ 215—[illegible]
[illegible]
[illegible] князья 416, 423.
Бассевичъ графъ 17, 61.
Батый 351.
Безбордко графъ 464.
Безобразовъ Мих. Вас. 140, 141, 147
Безпалый 356.
Бейсъ 72.
Бекерсъ баронъ 401, 403—405, 413.
Бель-Иль (де) маршалъ 68, 73.
Бергельмъ ягань 62.
Бергема 264.
Берни кардиналъ 401.
Бернсдорфъ баронъ 320.
Бестужева графиня Анна 49.
Бестужева графиня 163, 168.
Бестужевъ-Рюминъ графъ Алек. Петр. 33, 50, 89, 90, 93, 98, 104, 111, 114, 118, 119, 134, 182, 192, 200, 262, 340 — 350, 392—399.
Бестужевъ Мих. Петр. 65, 68, 71, 77, 78, 160—169.
Бибиковъ 268.
Бѣлке 66, 77, 478—480.
Біоркманъ 476, 485.
Бисмаркъ 90, 109.
Биронъ герцогъ Курляндскій 23, 26—34, 60, 61, 79—120, 266.
Биронъ Густавъ 61.
Биронъ Карлъ 90, 93.
Бишингъ 3.
Бокумъ 66.
Боргенштирна 483.
Боркъ 320.
Ботта (де) маркизъ 36, 61, 71, 72, 104, 111, 133, 163, 170—172.
Бранель баронъ 69, 70.
Браге бар. 478, 481.
Браницкая графиня А. В. (письма Екатерины II к) 461—468
[illegible]
[illegible] 465.
[illegible] гр. кн. 461—468.
Брауншвейгская принцесса 27.
Брауншвейгскій герцогъ 75, 76.
Брауншвейгъ-Люнебургскій герцогъ 71.
Бревернъ (фонъ) 75.
Бриль графъ 71.
Брокдорфъ 226.
Бруховецкій 356.
Брунъ гр. Ю. Ю. 469—471
Брюммеръ 113, 114.
Брюсъ графъ 75.
Брюсъ графиня П. А. 425.
Буденеръ 264.
Булгаковъ Я. И. 463.
Булгаковъ Никол. 390, 391.
Булье 484, 489.
Бутлеръ 70.
Бутурлинъ Ал—дръ Борис. 200. 382.
Бутурлинъ Ив. Ив. 15.
Бюренъ Густавъ 98, 102 109.

Валлекштирна 480.
Вальнзистъ епископъ [illegible].
Васильевъ Прокоф. 386.
Васильчиковъ 455.
Васюта 356.
Вахтенданкъ баронъ 403.
Вахтмейстеръ 474—476.
Вешняковъ 77.
Виговскій Ив. 355, 356.
Виллебернъ 137, 138.
Вилленевъ (де) маркизъ 72, 74,
Вильбуа 257, 260.
Вильямсъ 274.
Вумифенъ 499.
Владиміръ великій князь 350, 353.
Владиславъ королевичъ 4.

Волковъ Д. В. 200, 201, 265, 271.
Волконская княгиня Аграфена Петровна (рожд. Бестужева) 59.
Волконскій князь Никита 59.
Волконскій князь 260.
Волконскій князь 416.
Волконскій кн. М. Н. 424.
Волховскій Вас. Григ. 385.
Вольтеръ 423, 431.
Волынскій 73, 74.
Воронцова графиня Елис. Ром. 260, 268, 271, 414, 419, 422.
Воронцовъ гр. А. Р. 432—436.
Воронцовъ графъ Ив. Лар. 213.
Воронцовъ графъ Мих. Лар. 43, 44, 101, 104, 114, 115, 166, 170, 181, 214, 216, 231, 251, 272—312, 334, 400, 418 (28 Іюня 1762 г.).
Воронцовъ графъ Ром. Лар. 212, 215.
Вратиславъ графъ. 77.
Вреденъ баронъ 401, 403.

*

Гагаринъ князь Вас. 391.
Гагаринъ кн. Ѳ. С. 499.
Гакстгаузенъ графъ 286.
Гакъ баронъ 406.
Галданъ-Черень 142.
Гальба 264.
Гатлей 71.
Гацфельдъ графъ 406.
Гедеминъ 351.
Гейкинъ баронъ 65.
Гейнсонъ 69.
Гейнцельманъ 69, 72.
Гелованов князь 182.
Гель 485.
Геренштурнъ 236.
Горъ 481, 485.
Гессенъ-Гомбургская принцесса 103.
Гессенъ-Гомбургскій принцъ 46.
Гильденштернъ Кондратій 62.
Глѣбовъ 268, 312.
Гнѣзенскій 356.
Гобиль 72.
Гоголь Останъ 356.
Годуновъ-Борисъ царь 5.
Голембовскій 71.
Голицынъ кн. А. М. 418.
Голицынъ князь Василій Васильевичъ 6.
Голицынъ Мих. Мих. 21, 66, 77.
Голицынъ князь Петръ 233, 284, 382.
Головинъ Григор. 201.
Головкинъ графъ Мих. 33, 35, 36, 43, 48, 49.
Головкинъ графъ Ал-дръ Гавриловичъ 64, 69, 70, 102, 104, 107, 109.
Голохвастовъ Ал-ѣй 388, 389.
Голштинскій герцогъ епископъ Любекскій 18, 34, 36.
Гольцъ баронъ 128, 135, 268, 336.
Гольштейнъ-Бекъ принцъ 259.
Гонзети 69.
Гордтъ 266.
Горнштадтъ 476.
Гарнъ графъ 476—485.
Гослангъ графъ 405.
Гохгольцеръ 27.
Гошпье 264.
Гриневъ Ал-ѣй Стап. 384.
Гринштейнъ 42.
Грушецкая Агафья Семеновна 7.
Гудовичъ Андр. Вас. 419.
Гудовичъ 271, 464.
Густавъ III-й 455. 472—494.
Густавъ Адольфъ 481.

*

Дараганъ 222.
Даревскій 66.

Дашкова княгиня Ек. Р. 260, 268. 422, 423.
Девьеръ графъ 17, 262, 423.
Делатуръ 220.
Де-ла-Сонче 236.
Денисовъ ген. М. 498.
Депинъ Конст. Ив. 384.
Децикъ 356.
Джалинскій 496, 499.
Диреронъ капитанъ 103.
Дидеротъ 443, 459, 460
Дильботъ 72.
Дискау 72.
Долгорукая княжна Екатерина Алексѣевна 19.
Долгорукая княжна Марія Владиміровна 7.
Долгорукіе 108.
Долгорукій князь Василій Лукичъ 19, 21.
Дондукъ-Омбы 297.
Дорошенко Вас. 356, 358.
Драгиничъ 356.
Дубровинъ Маркъ 63.
Дугласъ 489.

*

Евдокія Александровна княжна Суздальская 5.
Екатерина I-я 12—17, 33, 85, 150.
Екатерина II-я 48—50, 112, 113, 229—238, 255—271, 313—349, 382—399, 414—437—464, 471.
Екатерина Антоновна принцесса 45, 99.
Екатерина Ивановна царевна 11, 23.
Елагинъ Ив. Перф. 425.
Елисавета Антоновна принцесса 47.
Елисавета принцесса Ангалтъ-Цербская (мать Екатерины II-й) 112, 229—238.
Елисавета Петровна императрица 12, 17, 18, 34, 36—58, 40—46, 48—50, 79—120, 123—136, 139, 170, 172, 177, 178, 181, 183—200, 203, 206—211, 215—247, 259, 272—312, 332, 342, 343, 392, 398, 415, 454.
Ермоловъ 455.
Есиповъ Никол. Афанас. 384.

*

Жоржъ принцъ Голштинскій 255, 259, 414.

*

Завадовскій графъ П. В. 455.
Завишъ графъ 77.
Захаринъ Романъ Юрьевичъ 5.
Зоринъ 455.
Зубовъ 455.
Зюдерманднскій герц. 474, 476.

*

Ивановъ Семенъ 69.
Игельштромъ баронъ 495—501.
Игнатовичъ Демьянъ 356.
Измаиловъ Мих. 418, 419.
Ираклій 178.
Искра 356.

*

Іоанна Елисавета принцесса Ангалтъ-Цербская 229—238.
Іоаннъ Алексѣевичъ царь 9, 11, 20.
Іоаннъ Васильевичъ царь 5.
Іоаннъ III-й императоръ 29—30, 32, 34, 44, 45, 47—49, 70—120. 141.
Іоакимъ 491.
Іосифъ II-й 450.

*

Казимиръ IV-й 352, 353, 357.
Каніоній 70, 71, 76.
Кантемиръ князь Антіохъ 70, 71, 78.
Карлъ принцъ 482, 492.
Карлъ герцогъ Вальфенбютельскій 60, 72.
Карлъ Петръ Ульрихъ герцогъ Голштинскій (Петръ Ѳедоровичъ) 40, 49.
Карлъ Фридрихъ герцогъ Голштинскій 16, 19.
Карлъ VII-й 39, 403.
Карлъ XII-й 62.
Карлъ принцъ Цвейбригскій 402, 411.
Карлъ Филиппъ принцъ Шведскій 5.
Каунинъ графъ 404.
Каширинъ Вас. 386.
Кейзерлингъ баронъ 66, 70—72, 76.
Кейзерлингъ графъ 414, 425—428.
Кейтъ 68—70, 78, 103, 284, 335, 393.
Кетлеръ баронъ 167.
Климентъ-Франциснъ 411.
Клопманъ 66.
Клингспоръ 491.
Кнюгенъ, подп. 500.
Козловскій князь Петръ 391.
Козыревъ Ив. 433, 435.
Кокенъ графъ 75.
Коливанъ 120.
Колчакъ 72.
Кондыревъ Ив. 62.
Контешъ 120.
Корсаковъ 455.
Корфъ 66—68, 259.
Костюшко 497, 498.
Крамъ 60.
Кристина Луиза 60.
Крыжановскій 217.
Куницкій 356.
Куракинъ кн. 84, 111, 420.
Куркъ, бар. 476.
Кутузовъ Петръ 386, 387.
Кушелева Екат. Ив. 462.
Кушелева Елисав. Дмитр. 462.
Кушелевъ Ив. Ив. 462.

*

Лагерфлиртъ 75.
Лангъ 78.
Ланская Авд. Дм. 464.
Ланской 455, 461—464.
Ланчинскій 68, 71.
Лафайстъ 484.
Лафонъ 206, 207.
Левандаль 70.
Левашовъ 69, 78.
Левенвольде графъ 23, 24, 26, 29, 36—38, 49, 77, 84, 91, 96, 102, 107, 109.
Левенгауптъ графъ 100, 103.
Леонтьевъ 70.
Леопольдъ II-й 478.
Лессій графъ 46, 67, 68, 70.
Лестокъ графъ Германъ 18, 38—46, 101, 104—106, 110, 111, 114, (арестъ) 121—136.
Лефортъ 69, 76.
Лещинскій Станиславъ 67.
Лжедмитрій первый 4, 6.
Ливенъ 66.
Лизогубъ 348.
Лиліенгорнъ, Понтусъ, 474, 484, 485.
Линаръ графъ 36, 65, 71, 102, 226.
Лопухина Евдокія Ѳеодоровна 10, 11.
Лопухина Наталья 49.
Лопухинъ Степанъ 49, 88, 102.
Лоуджанджанъ 283.
Лунинъ Мих. Куприян. 215.
Лутовиновъ Ал—ѣй 390.
Лутовиновъ Петръ 387, 388, 389, 390.
Любомирскій 68.

Любрасъ 71, 72, 78.
Людовикъ XIV-й 438.
Людовикъ герцогъ Брауншвейгскій 72.
Людовикъ король Французскій 62.
Людольфъ гр. 472.
Людвигъ принцъ Брауншвейгскій 286.
Людвигъ принцъ 98—100, 102, 103, 105, 107, 109.

*

Мадонисъ 105.
Мазепа 347, 355, 356.
Макаровъ 63.
Манеевъ князь Семенъ 178, 179, 182.
Мамоновъ 455.
Манзей 265.
Манштейнъ 34, 88, 92, 93.
Мардефельдъ баронъ 65, 72, 75, 76, 173.
Марія Алексѣвна царевна 7.
Масловъ Ал—ѣй Ант. 385.
Матюшкинъ Дмитр. 146.
Махмудъ I-й 307.
Мацневъ Семенъ 76.
Мезецкій князь 6.
Мекленбургскій герцогъ 71.
Мелессино 257.
Мельгуновъ 271.
Менгденъ баронесса Анна Аврора 38.
Менгденъ баронесса Юліана 45, 46, 84.
Менгденъ баронъ 31, 99, 102, 107, 109.
Меншикова княжна Марья Александровна 18.
Меншиковъ князь Ал—дръ Данил. 11, 14—19, 108.
Мехмедъ-ефенди 187.
Миклашевскій Семенъ 391.
Милашевичъ ген. М. 499.
Милославская Марія Ильинишна 7.
Милославскій Ал—дръ Мих. 8.
Милославскій Ив. Мих. 8.
Минихъ графъ 15, 19, 22, 29—31, 33—36, 43, 60, 61, 65, 76—78, 81, 89, 90, 96, 102, 107, 108, 111, 261, 266, 423.
Миралемъ 68.
Михайловъ Григ. 358.
Михаилъ Ѳеодоровичъ царь 5, 6, 62.
Могила 356.
Мокруа 110.
Монсъ Анна 11.
Мункъ графъ 491, 492.
Мустафа султанъ 308.

*

Надыръ-шахъ 291.
Нарышкина Наталья Кирилловна 7, 10.
Нарышкинъ Ал—ѣй 388.
Наталья Алексѣевна царевна 7, 10, 12, 17, 18.
Негельдорфъ 64.
Нейгаузъ баронъ 114.
Некишевъ Ѳедотъ 386.
Неплюевъ 64, 70, 73, 77, 78, 143, 214, 216.
Никитинъ Мартынъ 384.
Нолькенъ 40, 75, 78.
Ностицъ 430.
Нурали-ханъ 214, 295.

*

Обрѣзковъ 183, 303.
Огинскій графъ 66, 72.
Одаръ 268.
Ожаровскій гетманъ 496.
Озеровъ 8.
Оксенштирна 474, 476.
Оленинъ Никол. 384.

Олсуфьевъ А. В. 217—225, 382—391.
Опара 356.
Орловы графы 419, 421, 422.
Орловъ графъ Ал—ѣй Гр. 415, 416.
Орловъ князь Гр. Гр. 388, 415, 416, 455.
Орловъ графъ Ѳедоръ Гр. 415.
Орловы графы 260, 268, 269.
Османъ III-й 307.
Остейнъ графъ 27, 73, 74, 77.
Остенъ-Сакенъ графъ 415.
Остерманъ баронъ 19, 22, 23, 24.
Остерманъ графъ А. И. 25, 26, 28—31, 33, 35, 36, 43, 48, 60—78, 81, 94, 97, 102, 107, 108.
Острогрздскій 218, 222.

*

Павелъ I-й 257, 258, 260, 268, 315, 415, 459.
Пальмерини аббатъ 77.
Пальпицкій 480.
Паникъ графъ Н. Ив. 257, 260, 268, 428, 429.
Панинъ графъ Н. П. 415, 416.
Пановъ Илья 391.
Паскаль 207.
Пассекъ Петръ Богд. 268, 269, 415, 416, 421, 422.
Пассековъ 261.
Пенклеръ баронъ 187, 191.
Петровъ Семенъ 58.
Петръ Алексѣевичъ вел. князь 12, 15, 16, 17.
Петръ Петровичъ царевичъ 12.
Петръ I-й 7—16, 25, 29, 33, 43, 48, 63, 64, 101, 103, 119, 150, 157, 166—168, 206, 226, 243, 349, 356, 364, 380, 438, 439, 450, 458.
Петръ II-й 11, 18, 20, 40, 85, 343, 347.
Петръ III-й 50, 106, 109, 110, 112, 226—228, 248—271, 414, 415, 417—425.
Петръ принцъ Курляндскій 26.
Пехлинъ баронъ Іоганнъ 40, 480, 485, 490.
Пій VI-й 458.
Пиній 184, 186, 191, 192, 194, 195, 196, 197.
Питъ 402, 406.
Подвильсъ графъ 173.
Понятовскій Станиславъ (два письма Екатерины II-й) 414, 417—431 (Записки).
Попъ Францъ 64.
Портеръ 187, 189.
Потемкинъ князь Гр. Ал. 447, 455, 464, 423, 467.
Потемкинъ графъ Павелъ Серг. 461.
Прасковья Ивановна царевна 11.
Прокоповичъ архіепископъ Ѳеофанъ 13, 25.
Прокофьевъ Гавр. 389.
Пугачевъ 432—436.
Пуговишниковъ Ив. Осип. 217.
Путятинъ 86.
Пушкарь 356.

*

Рагузинскій Сава 63.
Радзивилъ князь 403.
Радзивилы князья 329.
Разумовскій графъ Ал—ѣй Григ. 217, 391.
Разумовскій графъ Кирил. Григ. 114, 166, 217—225, 257, 260, 268, 340—349, 416.
Рахмановъ Андр. 391.
Рейсъ-ефенди 184, 186, 187, 194, 196, 197.
Ревентловъ гр. 486.
Репнина княгиня, Клеопатра 52.

Репнина княгиня Марѳа 52.
Репнина княгиня Праск. Дм. 55, 56.
Репнина княгиня Татьяна Алексѣевна 55.
Репнинъ князь Ал—дръ Юрьев. 53.
Репнинъ князь Андр. Ив. 55.
Репнинъ князь Борисъ Александровичъ 57.
Репнинъ князь Вас. Никит. 51, 56, 58.
Репнинъ князь Ив. Никит. 51, 54—58.
Репнинъ князь Никит. Ив. (духовное завѣщаніе) 51—58.
Репнинъ князь Петръ Ив. 52, 72, 212, 336, 395.
Репнинъ князь Серг. Ив. 52.
Репнинъ князь Юр. Никит. 51, 54, 56—58.
Ржеускій 426.
Риббингъ гр. 476, 484, 485.
Риальди 220 221.
Риттеръ 404.
Роденгаузенъ баронъ 406.
Родіоновъ Анисій 436.
Розенгардъ 486.
Романовъ Ѳедоръ Никитичъ 5, 6.
Ромоншаковъ Ив. Данилов. 86.
Рондо 67.
Рудомино 66.
Румянцовъ графъ Петръ Александр. 68, 70, 72, 75, 78, 463.
Рутъ 474, 488.
Рычковъ 163.
Рюльеръ 437—443, 459, 460.

*

Сабуровъ Андр. 389.
Сакенъ 66.
Салтыкова Прасковья Ѳедоровна 11.
Самуйловичъ Григ. 356.
Самуйловичъ Як. 356.
Свитецкій 472—494.
Сегюръ графъ 460.
Сенека де-Меланъ 443.
Сенъ-При гр. 480, 484.
Сигизмундъ король Польскій 4. 6.
Сигизмундъ I-й 352, 357.
Сигизмундъ III-й 335, 371.
Симоновъ Андр. 385.
Синцендорфъ графъ 65.
Синявичъ 69.
Сицкая княжна Ксенія Ивановна 6.
Сицкій князь Ив. Петровичъ 6.
Скавронская 104.
Скоропадскій 349, 356, 358, 360, 361, 374.
Собакинъ 69, 343.
Соймоновъ 139—140.
Соловковъ 191.
Сольмсъ графъ 68.
Софія Алексѣевна царевна 11.
Сталь 485.
Стефанъ Баторій 353, 357, 365.
Станиславъ 67.
Стражникъ княгиня 428.
Стакельбергъ гр. 486, 489.
Строгановъ графъ 268.
Стрѣшнева Евдокія Лукьяновна 7.
Стрѣшневы 102.
Сухтеленъ 499.
Сулбудовъ Алла Верди 143.
Суховей 356.

*

Талызинъ 262, 418.
Тамасъ-Кули-ханъ 120.
Таубе баронъ 67, 476—492.
Тей-Мурза 178.
Теккели 215, 216.
Тепловъ 220, 257, 425.
Теренинъ Гавр. Осип. 385.
Тетеря 356.

Титовъ каіоръ 499.
Тищевъ ген. м. 499.
Толстой Ив 8, 17, 63.
Толстой Савел. Емельян. 385.
Тотлебенъ 266.
Третьяковъ 66.
Трояновскій 429.
Трубецкой князь Иванъ Юрьевичъ 21, 32.
Трубецкой кн. Н. Ю. генер.-прокуроръ 83, 95, 418, 419.
Туртаксійская графиня 406.

*

Убаши 297.
Ульфельдъ графъ 167.
Урановъ Кель-Магомедъ 139—148.
Ушаковъ Андр. Ив. 139—143, 145—147, 173.

*

Фалькенгагенъ 66.
Фарафоновъ 139, 147.
Фердинандъ императоръ 407.
Фердинандъ V-й 273.
Ферзенъ 478.
Фермуръ 201.
Филаретъ митрополитъ Ростовскій 6.
Филларъ 75.
Филовей архіеписк. Халкидонскій 176.
Финкенштейнъ графъ 135.
Финкъ 37.
Финшъ 75.
Фиренъ графъ 406.
Флери (де) кардиналъ 74.
Форбахъ (де) графъ 402.
Форбесъ 67.
Фридрихъ Великій 134, 276, 277, 280, 282, 283, 287, 392, 394—398.
Фридрихъ герцогъ 402.
Фридрихъ V-й 407.

*

Ханенко 356.
Хитровъ 423.
Хитровъ Ал—ѣй Андр. 212, 213.
Хмѣльницкій Богданъ 348, 353, 355, 357, 359, 361, 362, 372.
Хмѣльницкій Юрій 355, 356.
Хованская княгиня Анна Никит. 53.
Хованская княжна Дарья Ѳедор. 53.
Хованская княжна Праск. Ѳедор. 53.
Хованскій князь Ив. Ѳедор. 53.
Хованскій князь Серг. Ѳедор. 53.
Хованскій князь Ѳедоръ Петр. 53.
Хорватъ 193.
Хризоскулей 70—72.
Христіанъ IV-й 402.

*

Центровія 66.
Цетвицъ баронъ 403, 405.
Циклеръ 8.

*

Чаплинскій 355.
Чарторыжскій князь Адамъ 414. 425, 426.
Чекалевскій 70.
Челѣевъ Мих. 383.
Черкаскій князь Ал-ѣй Мих. 21, 22, 31, 33, 35.
Чернышовъ графъ П. Г. 170, 251, 336, 395.
Чернышовъ князь А. И. 464.

*

Шавкалъ 298.
Шанъ баронъ 62.
Шапизо 125, 129, 131.
Шарлота-Христина-Софія принцесса Брауншвейгъ - Вольфенбютельская 12.
Шарухъ-мирза 291.
Шафировъ 73.
Шаховской князь Ал-ѣй Ив. 348, 363.
Шахъ-Надиръ 120.
Шварцъ 42, 101, 104, 105.
Шверинъ Прусскій ген. 498.
Шендель 72, 75.
Шеренъ 293.
Шетарди (де) маркизъ 38, 41, 42, 45, 74—76, 103, 119.
Шетневъ Никол. 391.
Шеферъ баронъ 234.
Шмидтъ 89. 430.
Шовелинъ 77.
Шуваловъ графъ Ал-дръ Ив. 201, 212.
Шуваловъ Ив. Ив. 212, 226, 260. 418, 422.
Шуваловъ 129, 140, 146.
Шуйскій князь Василій Ивановичъ 4.

*

Щегловитый 10.
Щербатовъ князь 66.

*

Эберштейнъ баронъ 402.
Эммануилъ донъ инфантъ португальскій 23.
Энгестремъ 484.
Эрдманъ 77.
Эскаръ 484.
Эрнстъ-Іоганъ 331.
Эссенъ 472—485.
Этамадъ-ханъ 70.

*

Юрьева Анастасія Романовна 5.
Юрьевъ Никита Романовичъ 5.
Юрьевъ 217, 218.
Юковъ 30.

*

Яга-паша 69.
Ягужинскій 15, 64, 65, 75, 102.
Яковлевъ 85.
Яковлевъ Макс. 385.
Яненко 356.
Яжельманъ 491.
Ясолъ-паша 72.

*

Ѳеодоръ Алексѣевъ царевичъ 7.
Ѳеодоръ Іоанновичъ царь 5.

*

КНИГА ВОСЬМАЯ. Автобіографія графа С. Р. Воронцова и письма къ нему, къ его брату и къ его сыну графа Ѳ. В. Ростопчина.

КНИГА ДЕВЯТАЯ. Письма гр. С. Р. Воронцова къ брату его и къ разнымъ лицамъ 1783—1796. *Съ портретомъ графа С. Р. Воронцова.*

КНИГА ДЕСЯТАЯ. Письма гр. С. Р. Воронцова къ брату его и къ разнымъ лицамъ, при Павлѣ и Александрѣ I-мъ. *Со снимкомъ.*

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ. Переписка графа С. Р. Воронцова съ графомъ Н. П. Панинымъ и съ Н. Н. Новосильцовымъ. *Со снимкомъ.*

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ. Письма графа П. В. Завадовскаго къ братьямъ графамъ Воронцовымъ. *Со снимкомъ.*

КНИГА ТРИНАДЦАТАЯ. Письма князя А. А. Безбородки.

КНИГА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. Письма князя Кочубея, графа Моркова, князя А. И. Вяземскаго, П. А. Левашова и И. В. Страхова.

КНИГА ПЯТНАДЦАТАЯ. Письма А. Я. Протасова и князя Чарторыжскаго.

КНИГА ШЕСТНАДЦАТАЯ. Письма графа С. Р. Воронцова къ его отцу и къ другимъ лицамъ.

КНИГА СЕМНАДЦАТАЯ. Письма графа С. Р. Воронцова къ его сыну.

КНИГА ОСМНАДЦАТАЯ. Письма князя Кочубея, Татищева и Новосильцова.

КНИГА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ. Переписка съ Чичаговымъ и Грейгами.

КНИГА ДВАДЦАТАЯ. Переписка съ графомъ Морковымъ, Тамарою, Италинскимъ, барономъ Гриммомъ, Лизакевичемъ и Смирновымъ.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ. Записки кн. Е. Р. Дашковой. *Со снимками.*

КНИГА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ. Переписка графовъ Воронцовыхъ съ баронами Николаи.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ. Письма Н. М. Лонгинова къ графу С. Р. Воронцову.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. Бумаги разнаго содержанія.

ЦѢНА ДВАДЦАТЬ ПЯТОЙ КНИГѢ

ТРИ РУБЛЯ.

Предъидущія книги имѣются въ продажѣ. Содержаніе ихъ см. на внутренней сторонѣ обертки.

Цѣна первой книгѣ 2 р. 50 к.; книгамъ 2, 3, 4, 5, 6 и 7 по два р.; остальнымъ книгамъ каждой по три рубля, съ пересылкою.

Каждая книга продается отдѣльно.

Складъ изданія въ С.-Петербургѣ, на Мойкѣ № 104.
въ Главной Конторѣ Князя Воронцова.

2007089563